

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
17 (80)

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
В ДРЕВНОСТИ
И
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
17 (80)

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
В ДРЕВНОСТИ
и
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1967

Ответственный редактор
член-корреспондент Академии наук СССР
Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ТĒВІВТУМ В ТЕКСТАХ ИЗ МАРИ

Согласно данным архива Мари, в северной Месопотамии в конце XIX—первой половине XVIII в. до н. э., так же как в ряде других стран Древнего Востока, проводились переписи населения. Первым на это обстоятельство обратил внимание Куппер.¹ Он доказал, что часто встречающийся в текстах Мари глагол eḫēbum „быть чистым“ в породе II₁ (ubḫubum) выступает в значении „производить перепись“, а существительное от eḫēbum — tēbibtum означает „перепись“.² Перевод tēbibtum и ubḫubum конкретизируется глаголами šaṭārum „писать, переписывать“ и raqādum.³ Е. А. Шпейзер определил, что raqādum имеет такое же значение, что и ubḫubum, и может быть переведен как „производить перепись, проверять, учитывать, контролировать, инспектировать“.⁴

В разбираемых текстах мы не находим указаний, была ли перепись регулярной и поголовной; обычно отмечается или сам факт проведения переписи, или в качестве ее объекта выступают šābum. Термин šābum в зависимости от контекста имеет значение „человек, люди, народ, воин, войско“.⁵ Исходя из этого, а также из нескольких конкретных примеров, Куппер пришел к выводу, что учету подлежали исключительно лица, годные к отбыванию воинской повинности, и воины.⁶

Наиболее яркий пример переписи населения в связи с призывом на военную службу — документ ARMT.I.42.⁷ Предстоит крупный поход. Ассирийский царь Шамши-Адду I пишет своему сыну Ясмах-Адду, царю Мари: „(4—9) Ярим-Адду написал мне: «Ханаанеи степи я учел (arqīdma) и 2000 человек, которые с Ясмах-Адду в поход пойдут, я зафиксировал. И весь народ этот поименно на таблетке записан (šaṭer)», — это он мне написал. (15—18) Народ округа твоего в течение многих дней не переписывался (ul ubḫub), и день переписи (ūm tēbibtim) тобой откладывался. И до сих пор для переписи людей ты не поднялся. (22—25)

¹ J.-R. Kupper. 1) Le recensement dans les textes de Mari. *Studia Mariana*, Leiden, 1950, pp. 99—110; 2) Les nomades en Mésopotamie au temps des rois de Mari. Paris, 1957, pp. 23f.

² J.-R. Kupper. Le recensement. . . , p. 100 f; A. Finet. L'accadien des Lettres de Mari. Bruxelles, 1956, §§ 57 o, 95 e.

³ J.-R. Kupper. Le recensement. . . , p. 102.

⁴ BASOR, 149, 1958, pp. 18—25; A. Finet. Une affaire de disette dans un district du royaume de Mari. RA, 53, 1959, p. 61.

⁵ G. Dossin. Les archives épistolaires du palais de Mari. Syria, 19, 1938, p. 108; C.-F. Jean. L'armée du royaume de Mari. RA, 42, 1948, p. 135.

⁶ J.-R. Kupper. Le recensement. . . , p. 110.

⁷ Здесь в одном тексте встречаются все интересующие нас термины: tēbibtum, ubḫubum, raqādum и šaṭārum.

Народ, сколько с тобой пойдет, поименно на таблетке пусть будет записан (lu šaṭer). Рассудительно пусть будет сделан отбор“.

О переписи ханаанеев в связи с предстоящим походом сообщает ARMT.II.1. 24—32. В этом же тексте Шамши-Адду отдает приказ об отправке к нему для охраны ворот дворца 400 человек из числа ханаанеев, которых переписывает Ясмах-Адду.

В ряде документов речь идет об учете воинов. В ARMT.I.36.25—29, например, переписываются воины, прибывшие из Аккада в Мари.

Однако переписи подлежали не только военнообязанные и воины. Есть примеры учета связанных с царским хозяйством пекарей и переселенцев (nashum);⁸⁻⁹ М. Биро опубликовал текст с именами 183 рабынь (amtum), 23 вдов (almattum) и 18 жриц — qaššātum, переписанных в городах округа Терки.¹⁰ Наконец, на специальных таблетках записывались рабы или слуги дворца (warad ekallim). Так, в ARMT.VI.40.5—12 Бахдилем, правитель Терки, пишет Зимрилиму: „Ясарти-Эла, жителя города Хишамта, его шейх в баирум назначил его (букв. „заполнил“), а Ясим-Суму схватил его, говоря: «(Этo) раб дворца. На таблетках дворца он записан““.

Таким образом, на основании имеющегося незначительного материала можно сделать вывод, что объектами переписи являлись различные по социальному положению слои населения.

Переписи могли проводиться в рамках всей страны (mātum), а также округов (hašum), городов и поселений (ālum).

Примерами переписи населения всей страны служат датировочные формулы. Так, от времени ассирийского преобладания в северной Месопотамии сохранилась дата: „Год, когда перепись в стране была назначена. Эпонимат Адду-Бани“,¹¹ а от времени Зимрилима, царя Мари, — „Год, когда Зимрилим страну (вариант: „страну свою“) переписал“.¹² О переписи всей страны сообщается и в письмах. В ARMT. IV.7.4—9 Шамши-Адду пишет Ясмах-Адду: „Здесь перепись проводится. Там брат твой переписывает, а здесь я переписываю. И ты в переписи не будь небрежен“. В ARMT.I.129 Ишме-Даган, царь страны Экаллатум, доносит своему брату Ясмах-Адду: „(20—23) И я всю страну переписываю. И перепись эта проверяется. (28—29) И ты также страну свою переписи“. В других письмах имеются сообщения о переписи стран Мари (ARMT.I.82. 9—10), Экаллатум (ARMT.II.18; IV.57.8—12), Яхрур (ARMT.II.18), страны Рацама в Ямутбале (ARMT.II.18).

В нескольких письмах сообщается о переписи населения отдельных округов (hašum). В ARMT.I.82 речь идет о переписи округа с центром в городе Каттуан, в ARMT.III.19 — округа с центром в городе Терка, в ARMT.V.45.9—10 — округа с центром в Халита, в ARMT.V.51 — округов Верхнего Ядамараца.

Наконец, мы имеем примеры переписи по городам или поселениям (ālum): в ARMT.III.19 переписывается население городов Хишамта, Химаран, Ханна и Зуруббан, в ARMT.III.21 — поселения Бене-Ямина и т. д.

Результаты переписи фиксировались на специальных таблетках — „таблетках людей“ (tuppat šābim или tuppat ša šābim),¹³ „таблетках людей по городам“ (tuppat ša šābim ālišam),¹⁴ „поименных таблетках людей“

⁸⁻⁹ ARMT.I.14.5; II.18.10; V.35.5.

¹⁰ M. B i r o t. Un recensement de femmes au royaume de Mari. Syria, 35, 1958, pp. 9—26.

¹¹ G. D o s s i n. Noms d'années et d'éponymes. Studia Mariana, p. 54.

¹² Там же, стр. 58; ARMT.XI.150—196.

¹³ ARMT.I.82.22; III.19.8.

¹⁴ ARMT.III.21.12—13.

(tuppi awilim u šumšu),¹⁵ „таблетках рабов дворца“ (tuppat warad ekalim)¹⁶ — и отправлялись в столицы.¹⁷

Операция *tēbibtum* могла сопровождаться не только учетом населения, но и регистрацией земельного фонда. В ARMT.I.6.39—41 в связи с распределением земель берега Евфрата среди ханаанеев Шамши-Адду приказывает Ясмах-Адду: „При переписи (зѣмли) дели, проверяй и людей заставляй подниматься. Перепись твоя пусть содержится в порядке“, а в ARMT.I.7.32—34 он же заявляет: „Перепись назначена. Народ переписывается и поля измеряются“. Кроме того, Куппер приводит примеры, когда перепись населения происходила одновременно с учетом скота и сбором налогов.¹⁸

Проведение *tēbibtum* было одной из главных функций центральной и местной государственной власти. В переписи принимали участие цари Шамши-Адду I, Ясмах-Адду,¹⁹ Ишме-Даган,²⁰ Зимрилим,²¹ видные чиновники, такие, как Кибри-Даган²² и Бахдилим,²³ правители округа Терки, Машум, ближайший советник Шамши-Адду и Ясмах-Адду,²⁴ Хасиданум, правитель округа Карана,²⁵ военачальники Ярим-Адду²⁶ и Ишарлим,²⁷ жрец Аскудум,²⁸ шейхи (*sugāgum*),²⁹ а также писцы или архивариусы.³⁰ Кроме того, существовал специальный институт переписчиков, или учетчиков, — *ebbitum*, *ebbum*, или *mubbibum*.³¹ В ARMT.III.21.5—11, например, мы находим следующее сообщение Кибри-Дагана: „В связи с переписью людей поселений Бене-Ямина шейхи их пришли ко мне Переписчиков их я назначил, и людей они переписали“. Круг обязанностей чиновников *ebbitum* был довольно широк. Кроме участия в переписи населения, они распределяли земли, учитывали скот и зерно, определяли размеры различного рода работ и следили за их исполнением, ведали наймом и оплатой рабочей силы.³²

R. A. Gribov

TĒBIBTUM IN THE TEXTS OF MARI

The general census of population were made in the Northern Mesopotamia in XIX—XVIII cent. B. C. It is generally supposed that only reser-
vists and warriors were the object of the census. In reality the state was interested in the different social strata of the population.

¹⁵ ARMT.V.35.8—9; 51.10.

¹⁶ ARMT.VI.40.11—12.

¹⁷ ARMT.I.82.22—25; III.19.19—22, 32; 21.12—17; V.35.8—10; 51.9—19.

¹⁸ J.-R. Kupper. *Les nomades...*, pp. 24, 28—29.

¹⁹ ARMT.I.6, 7, 14, 20, 36, 37, 42, 62, 82, 87; II.1.24—25; IV.7, 83.

²⁰ ARMT.I.62.9—10, 129; II.18; IV.7.6, 57, 83.

²¹ ARMT.II.130.33—40.

²² ARMT.III.19—21.

²³ ARMT.VI.28, 32.

²⁴ ARMT.I.62.6, 7, 14; IV.7.3.

²⁵ ARMT.V.35, 45.

²⁶ ARMT.I.42.4—9.

²⁷ ARMT.V.51.

²⁸ ARMT.V.65.

²⁹ ARMT.II.18.9; III.21.7.

³⁰ ARMT.I.7.37.

³¹ Варианты написания см.: ARMT.XV.183; J.-R. Kupper. 1) *Le recensement...*, p. 102, n. 7; 2) *Les nomades...*, p. 27, n. 1; A. Finet. *L'accadien des Lettres de Mari*, § 38b.

³² J.-R. Kupper. *Les nomades...*, p. 27, n. 1; RA, 53, 1959, pp. 58, 59.

ЕГИПЕТСКИЙ ВОЕННЫЙ ФЛОТ В ЭПОХУ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

Изучение среднеегипетской организации войска в сравнении с ново-египетской может привести к небезынтересным историческим выводам.

Войско во времена Нового царства, как известно, состояло из двух частей, неодинаковых ни по составу, ни по значению в армии, а именно колесничьих и пехотных соединений. Колесничье войско составляло ядро египетских вооруженных сил, его наиболее результативную часть, усиливаемую и поддерживаемую многочисленной пехотой. Не удивительно, что в дни, когда армия утверждала египетское господство в Палестине и Сирии, упрочивая неоспоримую гегемонию фараонов во всей Передней Азии, в колесничье войско устремилась знать.

Такая структура войска, на наш взгляд, объективно отражает не только определенный уровень военных возможностей египтян, но и общее направление египетской внешней политики, орудием которой была армия. В самом деле, войско, построенное в основном на колесничьих соединениях, с максимальным результатом могло быть использовано из всех районов юго-восточного Средиземноморья только в Азии, где имелись просторы для развертывания колесниц и, напротив, отсутствовали внутренние водные пути, в этих условиях колесница не имела соперников не только в атаке, но и в маневре. В то же время в Африке, в узкой и сильно пересеченной долине Нила, судоходного на многие тысячи километров в глубь материка, эти качества колесниц сводились к минимуму.

До развертывания военных действий в Азии при Тхутмосе I колесничье войско поэтому не имело особого значения,¹ хотя колесницы были на вооружении египтян уже задолго до того. Первые упоминания о них, правда, дошли до нас только от прадеда Тхутмосе I царя Камосе, однако археологи в догиксосских слоях в далекой Нубии обнаружили останки лошади.² Лошадь в фараоновские времена не имела хозяйственного значения и использовалась только для военных целей, сначала исключительно для колесничьих упряжек и лишь в позднюю эпоху в кавалерии.

Естественно встает вопрос о предшественнике колесничьего войска в египетской армии накануне создания империи. Сравнительно немногочисленные тексты времен Среднего царства, казалось бы, способные

¹ Или, что для нас равносильно, предшественники Тхутмосе I не решались на серьезные вторжения в Азию именно потому, что не располагали сильным колесничьим войском.

² W. Emery. A Preliminary Report on the Excavations at Buhen, 1960—1961. Kush VIII, 1960, pp. 8—9.

дать ответ на этот вопрос, весьма скупы на информацию. Поэтому приходится делать попытку в ином направлении, прибегнув к замечательному и необыкновенно содержательному при должном обращении с ним историческому источнику, самому значительному из всего того, что сохранилось у нас от Среднего царства, — совокупности тысяч чинов, званий и титулов, увековеченных на бесчисленных стелах, наскальных граффити, статуях, в документах, литературных, научных и религиозных сочинениях и пр. Сводимый нами таким образом огромный каталог титулов (так условно мы будем называть всякие профессии, чины и звания) с достаточной полнотой отражает не только общество времен Среднего царства, но и государство, в частности армию. Там и следует искать предшественника колесничьих соединений, выясняя, какие именно рода войск сосуществуют с пехотой и каково их значение по отношению к последней.

Но здесь приходится сталкиваться с трудностями. Дело в том, что среднеегипетская воинская терминология, в противоположность новоегипетской, до сих пор не выяснена³ и мы не знаем даже, как называлась среднеегипетская пехота, командиры пехотных подразделений и рядовые воины. Приходится предпринимать специальное исследование, которое будет опубликовано особо, поэтому мы ограничимся лишь изложением основных его выводов.⁴ В значительной степени их справедливость будет показана в ходе изложения.

Термин $\mathfrak{d}3m$ „молодежь“ прежде всего не противопоставляется $m\check{s}'$ „войску“ как обозначение пополнения, новобранцев. Напротив, оба термина тождественны. Египетское войско, что постоянно подчеркивается, состоит именно из „молодежи“, „молодцов“ ($nfrw$), „юношей“ ($ndsw$) и даже „юнцов“ ($hrdw$). Принцип молодости армии становится официальной доктриной в пору Среднего царства, отражающей факт создания в ту эпоху значительного постоянного войска, набравшегося на широкой основе. Служба в войске считалась настоящей профессией для молодежи.

Далее, „молодежь“ не противопоставляется соединениям $mnf\check{t}$ (новоегипетское $mnfjt$ „пехота“), которые зачастую называются просто $m\check{s}'$. И то и другое слово нередко обозначает отряды, посылаемые в пустыню, следовательно, сухопутные. Таким образом, имеются основания считать, что и в Среднем царстве термины $mnf\check{t}$ и в узком смысле $m\check{s}'$ относились к пехоте, как и во времена империи.

В-третьих, пехотные соединения составлялись из многих „городских полков“ ($njwt$), в которых под командой офицеров ($\check{z}tww$ ($'\check{z}w$)) служили рядовые воины ($'nhww$) (см. таблицу, стр. 9).

Среднеегипетской пехоте на памятниках того времени постоянно противопоставляются люди „ \check{t} властителя“, которые оказываются таким образом на месте новоегипетских колесничьих. Но кем были эти люди, до сих пор неизвестно, ибо они „häufig genannt werden, ohne dass über ihrer Tätigkeit etwas ausgesagt wurde“.⁵ К счастью, эта характеристика не совсем верна, и выяснить, чем они занимались, вполне возможно. Как и пехоту, „ \check{t} властителя“ составляют $'nhww$ и $\check{z}tww$. Перечислим известные нам памятники людей „ \check{t} “.

³ Превосходный для времени империи каталог Фокнера (R. O. Faulkner. Egyptian Military Organisation. JEA, 39, 1953, p. 36 ff.) для Среднего царства не полон.

⁴ См. также: О. Д. Берлев. „Рабы царя“ в Египте эпохи Среднего царства. Автореф. канд. дисс., ЛГУ, 1965, стр. 13—14.

⁵ W. Helck. Zur Verwaltung des mittleren und neuen Reichs. Leiden—Köln, 1958, S. 260.

⁶ *nhw*: ДН⁶ 239, 12; ASAE 33, 74; 36, 178, N 171; 52, 26B; АТЕ⁷ XIX, 2; Berlin 7312; Brit. mus. 234; CM 20054, 20282, 20319, 20330, 20333, 20395, 20433, 20436, 20441, 20490, 20565, 20582, 20757; Californ.⁸ 76; Claid.⁹ 6(??); Debod I, 120b, f; El Hudi 63; Fr.¹⁰ 104; Hamm. G.¹¹ 61; Leid. 24; Louvre C 17, 45; Morg. I,¹² 10, 22; 12, 49; 16, 72; 43, 17; N. Sc.¹³ XIII, 28; Recueil 3, 119—120; RIK¹⁴ 54, 55, 83, 136, 143, 155; RIS¹⁴ 22, 23; S. D.¹⁵ 3, 12; Strassb. 15; Stuttg. 9.

³ *tw*: ГМИИ Ia 5608 (неопубл.); 6 32 + Koptos XII, 2; ¹⁶ ОГАМ 52970; 17 TPM¹⁸ 38 (=Helsingf. 642); Aberdeen (=Wb. Bel. I, 288, 13); Abydos I, 59; 60, 4; II, 30, 5; Alnwick 1943; ASAE 22, 116, 119, 121; 23, 184; АТЕ XVII, 4; Athen 3; Berlin 4196, 4727—4731, 7287, 7312; Brit. mus. 1348; Buhen 180—181, 184; CM 20254, 20294, 20322, 20394, 20417, 20530, 20668, 20709, J. 52453; ¹⁹ C. Ab.²⁰ II 24, 2—4; Claid. 6; El-Amrah 38, 43; El-Arabah XIII, E 172, 347; Helsingf. 642 (=TPM 38); JEA 3, 100; LD II, 139b (=RIS 1); III, 62; Text IV, 52—54; N. Sc. XI, 20 (=P. Sc.²¹ XVII AX, AW); XIII, 8, 14; Ny Carlsb. 964; P. Boulaq 18, XVI, 7—10; XXXII, 11; XXXVII, 1, 12—15; XLV, 6—9; PSBA 25, 136; P. Sc. XV AG, AH; XVII AX, AW (=N. Sc. XI, 20); RIS 1 (=LD II, 139b), 15; rh-mj-r' 121, 22—23, Tylor²² 8.

Памятники действительно многочисленны. Только в нашем списке, который, разумеется, не претендует на абсолютную полноту, их больше сотни, а на некоторых памятниках — имена нескольких людей „tt“. Правда, весь приведенный материал почти исчерпывается сочетанием титулов *nhw/3tw n tt hk* с именами их носителей и сам по себе на редкость не красноречив. Несмотря на это, поставленный в надлежащий контекст, он резко меняет свои свойства; однако до сих пор в контексте его как раз и не рассматривали. Содержание термина поэтому попытались определить непосредственно из его значения. Слово *tt*, ядро титула, которое пишется знаком стола, давно уже переводят „стол“, в сочетании с *hk* — „стол властителя“. Это значение попытались примирить со смыслом слов *3tw/nhw*, и наиболее логичное построение предложил Гардинер.²³ Он увязывал службу „стола властителя“ с практикой пищевых раздач из царского дворца, с которой нас так полно знакомит P. Boulaq 18. Слово *nhw*, причастие от глагола *nh* „жить“, иногда

⁶ Древняя Нубия. Под ред. Б. Б. Пиотровского. М.—Л., 1964.

⁷ M. Alliot. Tell Edfou. Le Caire, 1935.

⁸ H. F. Lutz. Egyptian Tomb Steles and Offering Stones. Leipzig, 1927.

⁹ I. E. S. Edwards. Lord Dufferin's Excavations at Deir el Bahri. JEA, 51, 1965, pp. 16—28.

¹⁰ G. Fraser. A Catalogue of the Scarabs. London, 1900.

¹¹ G. Goyon. Nouvelles inscriptions rupestres du Wadi Hammamat. Paris, 1956.

¹² A. de Morgan et al. Catalogue des monuments et d'inscriptions inédites de l'Égypte antique, t. I. Vienne, 1894.

¹³ P. E. Newberry. Scarab-Shaped Seals. London, 1906.

¹⁴ Dows Dunham and J. J. A. Janssen. Semna Kumba. Chicago, 1960.

¹⁵ P. C. Smither. The Semnah Despatches. JEA, 31, 1945, p. 3 ff.

¹⁶ О. Д. Берлев. Новая царская семья эпохи позднего Среднего царства. Палест. сборник, вып. 13 (76), 1965, стр. 15 сл.

¹⁷ О. Д. Берлев. Памятники начальника пашен dd.tw. Сб. „Ассириология и египтология“, ЛГУ, 1964 стр. 81 сл.

¹⁸ Б. А. Тураев. Описание египетских памятников в русских музеях и собраниях. ЗВОРАО, XI, 1899, табл. VI.

¹⁹ P. L. а са u. Une stèle juridique de Karnak. Le Caire, 1949.

²⁰ T. E. Peet. The Cemeteries of Abydos, vol. II. London, 1913.

²¹ W. M. Fl. Petrie. Scarabs and Cylinders with Names. London, 1917.

²² J. J. Tylor. The Tomb of Sebeknekt. London, 1896 (я не имел возможности ознакомиться с этим изданием).

²³ A. H. Gardiner. The Mansion of Life and the Master of King's Largess. JEA, 24, 1938, p. 88, n. 5.

с оттенком „жить на что-то“, „питаться чем-то“, обозначало, таким образом, дворцового пенсионера, а $\{t\}w$, которое прежде читали $w'rtw$ и связывали с управлением, — дворцового интенданта, осуществляющего выдачи. Это мнение сейчас общепринято.

Между тем оно не подтверждается ни одним документом.²⁴ Напротив, P. Boulaq 18, именно тот документ, который должен был бы доказать причастность людей „ $\{t\}$ “ к царскому столу, решительно ее опровергает. Среди множества людей, получавших по той или иной причине продукты из дворца, в том числе из ежедневного „довольствия владыки“, нет ни одного $\{n\}hw$ n $\{t\}t$ $\{h\}k\}$, хотя там встречаются и мелкие чиновники, и даже ремесленники, тогда как мы бы ожидали, что все получавшие пищу будут названы $\{n\}hw$ „живущими“ от стола царя. Правда, $\{t\}ww$ упоминаются в документе, но не как распорядители, а, напротив, как пожалованные пищевыми выдачами наряду с чиновниками, воинами и ремесленниками. Более того, документ называет тех, кто заботился о „довольствии владыки“, и среди них нет людей „ $\{t\}$ “. Приходится констатировать, что смысл интересующего нас термина до сих пор не выяснен, а дальнейшее исследование покажет, что и значение всех компонентов сочетания $\{n\}hw/\{t\}w$ n $\{t\}t$ $\{h\}k\}$, за исключением $\{h\}k\}$ „властитель“, так и осталось не отгаданным.

Ключом к пониманию терминов является не $\{t\}$, а $\{n\}hw/\{t\}w$. Ведь эти слова встречаются во многих сочетаниях:

А	Б
1. $\{n\}hw$ n njw t	$\{t\}w$ (' $\}$) n njw t
2. $\{n\}hw$ n $sp\}t$ (Hamm. G. 61)	
3. $\{n\}hw$ $sh\}tj$ (Leid. 33)	$\{t\}w$ n $w\}t$ (N. Sc. XVII 22)
4. $\{n\}hw$ n $\{t\}t$ $\{h\}k\}$	$\{t\}w$ n $\{t\}t$ $\{h\}k\}$
5. $\{n\}hw$ n $m\}s'$ (El Arabah 5)	$\{t\}w$ n $m\}s'^{25}$
6. $\{n\}hw$ n $d\}m$ n $nfrw$ (MDAIK 16, 300)	
7. $\{n\}hw$ n $\{h\}$ $\}tpj$	
8. $\{n\}hw$ n $\}msww$ (Leid. 22)	$\{t\}w$ n $\}msww$ (CM 20019)
9. $\{n\}hw$ n $hn\}jt$ $\{h\}k\}$ (Berlin 1203)	$\{t\}w$ n $izwt$ (Louvre C 40)
	$\{t\}w$ n nfw (Lyon 87 = Wb. Bel. I, 288, 11)
10.	$\{t\}w$ n $stjw$ (Berlin 19500)
11.	$\{t\}w$ n $zmjt$ (Siut I 314)
12.	$\{t\}w$ n $mnjw$ $\}tmw$
13.	$\{t\}w$ n $w\}w$ (CM 20617)
14.	$\{t\}w$ n $wr\}jw$ (Stockh. 18)

Отсюда следует, что слова $\{n\}hw$ и $\{t\}w$, как правило, образуют совершенно параллельные сочетания, тем самым доказываемая однозначность $\{n\}hw$, повсюду соотнесенного с $\{t\}w$. В таком случае перевод „живущий от стола властителя“, на котором основывается традиционное представление о людях „ $\{t\}$ “, невозможен. Ведь если еще можно понимать сочетание А, 1 как „живущий (на средства) города“, как бы в противоположность царским пенсионерам, то этого уже нельзя сделать с другими, и переводы „живущий (на средства) войска (А, 5), молодежи из молодых (А, 6), первой тысячи (войска) (А, 7), гвардии (А, 8), гробной команды властителя“ (А, 9) явно вздорны.

²⁴ Приписку к изображению человека в гробнице в Мо'алле, несущего хлеб ремесленникам, следует понимать не $\{n\}hw$ n $\{t\}t$ $\{h\}k\}$ (J. Vandier. Le tombeau d'Ankhtifi le brave á Mo'alla. Paris, 1950, p. 258), а $\{n\}h$ n ($\}j$) $\{h\}k\}$ — „Клянусь властителем!“. Ведь в этой гробнице не указываются титулы изображенных, если они не входили в семью номарха, владельца гробницы, и пояснения к изображениям представляют собой речи людей номарха, рассчитанные на его прославление.

²⁵ Титул засвидетельствован только с XVIII династии.

Не удивительно поэтому, что первый же ученый, который изучал слово 'nhw в контексте известных нам сочетаний (без учета параллельных образований с ʒtw), В. К. Симпсон,²⁶ должен был отказаться от привычного перевода 'nhw, угадывая его смысл как „component member“, хотя и не делал из этого выводов в отношении людей „тt властителя“. Догадка Симпсона заслуживает самого пристального внимания, поскольку она верно отражает закономерность сочетания 'nhw только с названиями коллективов. Однако Симпсон не уловил похвального оттенка в слове 'nhw, поэтому и его перевод не может быть принят.

В самом деле, в таких титулах, как А, 6, 7 — „'nhw молодежи из молодцов“ и „'nhw первой тысячи (войска)“, — это слово само служит похвалой: „молодец из молодцов“, „молодец из первой тысячи (= элиты) (войска)“. „Доблестный воин“ — вот его смысл. На заре Среднего царства были в моде хвалебные аттестации типа nds (kn) n hn dꜣm „молодец (доблестный) из среды молодежи“,²⁷ вполне параллельные нашему А, 6, в которых слово nds само было весьма лестным. 'nhw, стало быть, его близкий синоним.

Но особенно в хвалебном значении слова убеждает его женский коррелят — 'nh̄t. В эпоху Среднего царства распространенный позднее титул 'nh̄t nt njwt совершенно не употреблялся,²⁸ но зато в ходу был другой, единственный титул, начинавшийся словом 'nh̄t, — 'nh̄t tpt nt nswt „первая 'nh̄t царя“. Известные мне примеры: ГМИИ Ia 5608; Athen 10; Brit. mus. 1348; Cland. 6; Firenze 2553; N. Sc. XIII 12 (= P. Sc. XVI).

На стеле СМ 20743 дважды этот титул был зафиксирован в форме nswtjt tpt „царская первая“, однако опущение слова 'nh̄t объясняется не малозначительностью его, а уникальностью сочетания, которое ни с чем нельзя было спутать даже при таком сокращении.

Так титуловали женщин из семей чиновников и военачальников, тогда как обыкновенно женщины, занимавшие видное общественное положение, назывались hkr̄t nswt w'tt „единственным украшением царя“. Как будто последний титул был несколько более почетным, чем первый, но все же и первый должен был содержать какой-то комплимент для жалуемой этим титулом. И этот комплимент не может не заключаться в слове 'nh̄t, которое должно было быть столь же лестным, как и hkr̄t „украшение“. Кстати, 'nh̄t полностью отвергает какой бы то ни было перевод в духе „component member“.

Смысл слова 'nhw раскрывается нам в А, 5, 6, 7, 8: 'nhw — „воин“. Исследование, которое будет опубликовано особо, показывает, что титулы А, 3, 5, 6, 7 являются вариантами, и притом малоупотребительными, основного среднеегипетского обозначения сухопутных воинов — наш А, 1 (редкий вариант А, 2). Следовательно, 'nhw „воин“, и правиль-

²⁶ W. K. Simpson. A Hatnub Stela of the Early Twelfth Dynasty. MDAIK, 16, 1958, p. 304.

²⁷ R. Anthes. Die Felseninschriften von Hatnub. Leipzig, 1927, Nr. 20, 25, 27, 43.

Слово , которое Антес объяснял как „шатер“, „казарма“, следует понимать как „среда“, „внутри“ (). Ср. написания Denderah VIIa и СМ 20506. К n hn(w) „из среды“ см.: R. Saminos. The Chronicle of Prince Osorkon. Roma, 1958, p. 30 f. (= § 44).

²⁸ Вопреки Wb. I, 201.1. Приводимые там примеры (СМ 20520; Firenze 2559, 2561) имеют в виду одно лицо (оно же и на неопубликованной стеле из Рио-де-Жанейро), некую rn.s-snb или 'nh̄t-rn.s-snb. Если 'nh̄t (так следует читать всю группу знаков перед именем rn.s-snb) не часть составного имени, а титул, то это может быть только сокращенный вариант 'nh̄t tpt nt nswt.

ность этого вывода в значительной мере показывается уже материалом настоящей статьи.

Теперь становится понятным очень интересный отрывок из надписи номарха wr-w3wt-': „когда я плавал на север, чтобы справиться о состоянии (здоровья царя), в столицу эту великую его величества, служители (sd3wtjw, букв. „казначей“), которые в доме царя, 'nhww, которые при вратах, смотрели, как вели меня в дом царя“ (Münch. 27). Параллелизм „nhww... при вратах“ и „служители... в доме царя“ показывает, что 'nhww — не зеваки, сбжавшиеся поглядеть на процессию, горожане, как полагали прежде, но люди, назначенные нести службу у ворот, как „казначей“ служат во дворце. Перевод „воины“ в этом случае вне сомнений, так как дворцовые ворота не могли не охраняться.

Однако „воин“ — смысл, а не собственное значение слова 'nhw. Такое должно устраивать и женский коррелят 'nhjt и главное — исходить из основного значения глагола 'nh „жить“, к которому оба слова (активные причастия) восходят. Но „живущий“, „живой“ не содержат ничего лестного. Похвала может заключаться только в подчеркивании жизненной силы, а следовательно, молодости, ловкости, силы для мужчин и красоты для женщин, т. е. „молодец“ и „молодица“. Впрочем, в русском языке слово „молодица“ уже специализировалось как обозначение молодой замужней женщины, оттенок, не свойственный египетскому. Поэтому предпочтительнее передавать это слово на русском языке наиболее близким ему по смыслу „красавица“. И 'nhw, чтобы отличить его от синонимичных ему nds „молодец“, (hwn) nfr „(юноша) отличный“, „молодец“, мы имеем право передавать как „воин“, поскольку к тому же оно применяется исключительно к „молодцу“-воину.

Таким образом, значения 'nhw/nhjt связаны семантически с тем оттенком глагола „жить“, который можно передать на русский „быть полным жизни“, „быть жизнеспособным“, „жизнедеятельным“. И эти значения, хотя и не выделяются „Словарем“ специально, чувствуются в соответствующих статьях, ср.: Wb. I, 194, 3, 14—16; 196, 8—9 и др. Точно так же, как глагол nprj „быть молодым“ имел оттенок „быть наделенным молодостью“, зафиксированный „Словарем“ (Wb. II, 433. B), глаголу 'nh было свойственно и более отвлеченное значение, хотя и не столь заметное на фоне конкретного „жить“, как оба значения nprj.

Столь же важным для уяснения назначения людей 'tt властителя“ оказывается и слово 3tw. Оно пишется , и его до недавних пор читали w'rtw, как относительное прилагательное от w'rt „район“, „управление“, „часть“ (Wb. I, 287—288). Но Ж. Позенер показал на материалах, подготавливаемых им к изданию Текстов проклятий из Миргисы, что иероглиф ноги, согнутой в колене, может читаться 3t/3t,²⁹ а интересующее нас слово, следовательно, 3tw/3tw. Новое чтение имеет много в свою пользу уже потому только, что позволяет отказаться от реконструкции слова по редкому, даже редчайшему образцу.³⁰ Позенеру же удается его окончательно доказать правильным истолкованием женского коррелята 3jtt. Прежде, когда этот термин читали w'rtjt, его взаимодействие с мужским коррелятом было

²⁹ G. Posener. Sur la valeur phonétique 3t > 3t du signe . Revue, 15, 1963,

pp. 127—128.

³⁰ Детерминацию слова 3tw знаком идущих ног, обычную в Новом царстве и встретившуюся уже на памятнике времен Сенвосре II (Brit. mus. 573), следует, очевидно, объяснять ассоциацией с выражениями движения, связанного с усилием („бег“, „подъем“, „перешагивание“), где знак согнутой в колене ноги служил идеограммой.

непонятным. Ведь он означает всегда какое-то начальство, как полагал „Словарь“, „района“, „управления“ (w'rt), тогда как слово женского рода — титул челядинок. Теперь чтение $\{t\}w/\{t\}t$ все ставит на место. Оба слова, как объяснил Познер, причастие от глагола $\{t\}$ „пестовать“. „Няичить“, следовательно, „пестун“, „дядька“, „пестунья“. Женский титул, таким образом, объясняется вполне. Так же и мужской как обозначение командира, начальника, если учесть, что это военный начальник, под командой которого находится молодежь. Как уже указывалось, молодость и даже юность армии постоянно подчеркиваются в эпоху Среднего царства, когда воины официально именовались $\{n\}hww$ „молодцами“, „молодыми людьми“. Необыкновенно последовательно идея юности войска проведена в жизнь при создании офицерских званий: офицеры рассматриваются как опекуны, охранители вверенной им молодежи. Но только непосредственные начальники воинов называются так. В титулатуре более высоких чинов представление о молодости войска не находит отражения.

Там, где $\{t\}tw$ ведают „молодцами“, их назначение понятно. Однако в таблице на стр. 9 приведены примеры сочетаний, в которых $\{t\}tw$ не сопоставляются с $\{n\}hww$ по крайней мере явно. Так, Б, 10 командует „эфиопами“, Б, 11 — воинами, называемыми „псами“, ³¹ Б, 12 — „поводырями собак“, Б, 14 — „часовыми“. Но все это воины, а потому $\{n\}hww$. Единственный мирный титул в таблице — Б, 13 — также понятен. В „кравчие“ брали обыкновенно юношей. Молодежь служила и в гребных командах на мирных судах. Поэтому и наш Б, 9, и титулы со стелы СМ 20143, и Bibl. Nat. ³² 16 (о них см. ниже) не противоречат нашему основному выводу, что $\{t\}w$ — начальник именно над молодежью, прежде всего над военной молодежью. ^{32a}

Ввиду того что перевод „пестун“, „дядька“ для $\{t\}w$ может привести к недоразумениям, мы условно будем переводить этот термин словом „наставник“, хотя глагол $\{t\}$ не имеет значения „наставлять“, „учить“, а предполагает опеку, заботу, оберегание.

Нечего и говорить, насколько несовместимы значения слов $\{n\}hww$ и $\{t\}w$ с традиционными представлениями о людях „ $\{t\}t$ властителя“. Таблица ясно показывает, что слово $\{t\}t$ должно обозначать не „стол“, а какой-то коллектив. Таковой известен „Словарю“ (Wb. V, 339, 1, 4 „сотрапезники“, ср. там же, 338. 1—6). Гардинер посвятил людям — $\{t\}t$ — специальное исследование, согласно которому этот термин в достоверных примерах встречается со времени Среднего царства и означает собственно „штат“, „состав“ и т. п. ³³ Достоин удивления, что ни Гардинер, ни авторы „Словаря“ не считали обозначением коллектива слово $\{t\}$ в интересующем нас титуле. Хотя слово (в составе $\{n\}hww/\{t\}w$ n $\{t\}t$ $\{h\}k\}$, разумеется) обыкновенно лишено детерминативов (даже в иератическом письме, несмотря на присущее ему стремление к подробности, фиксации деталей, ср. SD 3, 12), есть исключения, когда $\{t\}t$ пояснено знаками мно-

³¹ $\{t\}p\} dw$ или $\{t\}p\}mnj$ (A. H. Gardiner. The Egyptian Grammar³. Oxford, 1956, Sign—List, N 26) — эпитет Анупа, божества, почитавшегося в виде собаки, следовательно, „пес“.

³² E. Leclercq. Les monuments égyptiens de la Bibliothèque Nationale, Livr. I. Paris, 1879.

^{32a} Все же имеются сочетания с $\{t\}w$, в которых это слово уже совершенно утратило свое первоначальное значение, превратившись в простое обозначение начальствующего лица: $\{t\}w$ n $\{w\}rw$ $\{z\}n\}w$ „наставник великих врачеванием“ (Leiden 19); $\{t\}w$ n $\{w\}rshww$ „наставник докладчиков“ (Br. m. 210). Ср. также титул $\{t\}w$ n $\{j\}m\}w$ -z} „наставник приставов“ (скарабей ГМИИ 2319).

³³ A. H. Gardiner. The House of Life. JEA, 24, 1938, p. 169 ff.

жества мужчин () как в сочетаниях с 'nhw (СМ 20757, АТЕ XIX, 2), так и с ꜥw (СМ 20294, Р. Boulaq 18, pass., ср. СМ 20143). Эти подробные написания, ненужные для египтян, поскольку значение ꜥt как коллектива вытекало из смысла сочетания в целом, оказываются путеводными для нас.

Слово ꜥt (коллектив), до последнего времени известное преимущественно из поздних текстов, теперь окончательно засвидетельствовано и в среднеегипетском языке. Помимо СМ 20143, известного еще Гардинеру, оно встречается в НР³⁴ II 43, XIV; PR³⁵ I J 2, 10, 11, 17, 18; К 9; II D 8, 9; Е 6; El Bersheh I 12; Hamm. М.³⁶ 87, но все в разных значениях, на первый взгляд непримиримых друг с другом и лишь с натяжкой увязываемых с предложенным Гардинером на основе поздних текстов переводом слова „штат“, „состав“ и пр.

В самом деле, в одном случае ꜥt — совокупность неквалифицированных рабочих, приданных в помощь мастерам для строительства гробницы (НР XIV). Это же значение налицо и в El Bersheh I, 12: люди ꜥt изображены там несущими бревна, необходимые для перетаскивания колоссальной статуи. Однако в другом случае ꜥt охватывает „кравчих“ (wbꜥw), занимавшихся приготовлением и раздачей пищи в экспедиционном отряде в пустыне (Hamm. М. 87). В третьем — еще более странное словоупотребление: автор письма спрашивает домохозяев, все делающих ему наперекор, как он может быть с ними в одном ꜥt (НР II, 43). Наконец, в четвертом — ꜥt „судовая (т. е. гребная) команда“. Это значение, отразившееся в СМ 20143, окончательно доказывается PR I, II, на что и обратил должное внимание В. К. Симпсон (PR I, pp. 81—82).

Люди назначаются в ꜥt „судов“ (jmw) (PR II D8), в ꜥt для перевозки (hnpj, букв. „гребли“) грузов (PR I J 10), в ꜥt для поездок начальника строительства (jmj-rꜥ hnwꜥtj) вверх и вниз по реке (J 2, 11, 17, 18), а копии правительственных распоряжений в адрес провинциальной администрации помечаются не только именами курьеров, но и начальников ꜥt, доставивших их к месту назначения (PR II D9, E6). И в одном, к сожалению, небрежно изданном религиозном тексте (СМ 20025) упоминаются „ладьи (hrt mw) всякие, судовые команды ()... всякие“.

Вопрос о значении ꜥt становится еще более сложным, если принять во внимание дальнейшую историю слова. В судебных протоколах XX династии оно означает „шайка воров“ (ꜥt ꜥꜥw),³⁷ а в позднюю эпоху используется для обозначения сторонников богов или их врагов, в особенности писцов „Дома жизни“, в котором составлялись и переписывались религиозно-магические и медицинские книги (Wb. V, 338, 1—6).

Все же воссоединить все эти значения в одном исходном вполне возможно. В основе — значения „судовая команда“, „отряд“. В египетском языке оба понятия нередко передаются одним словом (ср. 'grw, jꜥwt), причем первичными всегда оказываются флотские термины. Флотская организация считалась, как видно, образцовой. Очевидная метонимия при этом доводилась до логического предела. Строители пирамид,

³⁴ T. G. H. James. The Hekanakhte Papers. New York, 1962.

³⁵ W. K. Simpson. Papyrus Reisner I—II. Boston, 1963—1965.

³⁶ J. Couyat et P. Montet. Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouadi Hammâmat. Le Caire, 1912—1913.

³⁷ T. E. Peet. The Great Tomb-Robberies of the Twentieth Egyptian Dynasty, vol. II. Oxford, 1930, pl. XXV.

например, именуется „экипажем“ (‘grw, букв. „обеспечением“) и даже организуются в „череды“ (zʒw), бортовые, носовые и кормовые.³⁸ Сельскохозяйственные работники в те времена также комплектуются в „судовые команды“ (jzwt),³⁹ как и столетия спустя строители царского кладбища в Висе (Фивах).

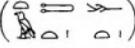
Стало быть значение „судовая команда“ первично и для tt. Из него происходит более общее — „отряд“, „группа“, и Hamm. M. 87 не случайно сопоставляет это слово с tzt „отряд“, „соединение“: „собственные люди мои из соединения рабочих-ḥsbw (числом) 30 и из tt кравчих моих... (числом) 50“.

В „Завещании царю Микерэ“, 86—87, говорится: наделенные „участком пашни“ (‘ḥt) будут работать для тебя mj tzt w’t „как соединение единое“, „как один“; ср. Urk. IV, 1236, 15 f.: „враги (букв. „лучники“) стали челядинцами (ndt) моего величества. Они работают для меня как один (mj w’). В папирусе Честер-Битти IV, rt. 11—12, аналогичное выражение строится с помощью слова jzt „судовая команда“: „Все говорят: <мы> принадлежим тебе — доблестные и жалкие как один (m jzt w’t, букв. „в судовой команде одной“), богатые и бедные единодушно (m r} w’ „устаи едиными“)“. Слова Хекнахта wnp.j ḥn’.ḥn m tt w’t „(каким же образом) я буду с вами в одной судовой команде“ (НР II, 43), следовательно, надо понимать: „как же мне быть с вами заодно“, „с вами единодушным“, „дружественным“?

Итак, значение „судовая команда“ практически исчерпывает все смысловые оттенки слова в среднеегипетском языке. Не требует особых разъяснений и словоупотребление времен XX династии. Что же касается позднеегипетского слова tt, то оно, конечно, заслуживает внимания. Каким-то образом оно стало обозначать совокупность иероглифов, писцов „Дома жизни“, но им пользовались только в иероглифических надписях, составленных на священной „среднеегипетском“ языке. На живой позднеегипетский язык (язык демоктической письменности) оно переводилось словом shw „писцы“. Это же слово нередко замещало его и в иероглифических текстах. Можно поэтому предполагать, что tt употреблялось тогда метафорически. И это предположение находит полное подтверждение в P. Salt 825 (7, 1—6) в описании „Дома жизни“: „tt бога Рэ, это люди, которые имеют доступ в него (Дом жизни); люди, которые в нем, это писцы Дома жизни; лысый, это бог Шо (Σως); истребитель, это бог Хор, который убивает восставших (на) отца своего Усире; писец божественных книг, это бог Тхвот. Что касается книг,

³⁸ A. Row e. Provisional Notes on Old Kingdom Inscriptions from Diorite Quarries. ASAE, 38, 1938, p. 391f.; Т. Н. Савельева. Аграрный строй древнего Египта в период Древнего царства. М., 1962, стр. 109, 201.

³⁹ Об jzwt см.: Ю. Я. Перепелкин. Древний Египет. Всемирная история, т. I, М., 1965, стр. 166. В отношении этого слова можно было бы предполагать обратный ход семантической эволюции, в противоположность ‘grw, т. е. „отряд“ → „судовая команда“, если бы оно явно не было связано с понятием „помещения“ (jz, jzt, Wb. I, 127). В виду, очевидно, имеется корпус корабля. Примечательно, что и слово tt как будто имеет значение „корпус судна“. Ведь знаменитого Унамуна при Рамсесе XI (М. А. Коростовцев. Путешествие Ун-Амуна в Библии. М., 1960)

посылают в Библию за tt лодки Амуна. Обращает на себя внимание единственное число слова, следовательно, это не „бревна“ или „доски“. Приходилось угадывать значение слова как „строительный лес“, нигде, впрочем, не засвидетельствованное. Между тем сам Унамуна уточняет состав tt: готовые части [форштевень, актерштевень, киль (?)], 4 тесаные доски [(?)—2, 38] и бревна (2, 43—44), „остаток tt“ (2, 49), следовательно, не столько строевой лес, сколько самый „корпус“ лодки. Если это так, то этимология слова tt („судовая команда“) понятна.

которые в нем, то это мощь бога Рэ, чтобы давать возможность жить богу этому ими, чтобы поражать противников его. Что касается tt , то это Дом жизни; те, которые в нем, это спутники ($\text{\$msw}$) Рэ, (стоящие) на защите сына его Усире ежедневно“.

Итак, книги „Дом жизни“ — „мощь (букв. „души“) Рэ“, а писцы этих книг — спутники Рэ, его tt . Но спутники солнца Рэ постоянно находятся с ним в ладье в его ежесуточном плавании по небу и преисподней, помогая солнцу в его борьбе с враждебными силами, ежедневно ему противоборствующими, а иной раз беря на себя защиту солнца. Боги Шо, „истребитель“ Хор, Тховт, роли которых в „Доме жизни“ играют жрецы, как раз известны как спутники и соратники солнца.⁴⁰ „Дом жизни“, его персонал таким образом уподобляются „судовой команде“ (tt) солнечной ладьи, истребляющей мощью солнца, божественным знанием, хранимых в книгах „Дома жизни“, все враждебное покойному (Усире).

Без сомнения это же значение „судовая команда“ свойственно слову tt и в сочетании: $\text{'nhw}\{\text{t}w\}n\ \text{tt}\ \text{hk}\}$, в чем нетрудно убедиться, сравнив его с титулом А, 9, единственным вполне ему аналогичным. Таким образом, слово tt как бы переводится словом hnjt „гребная команда“ (известным авторам „Словаря“ только с XVIII династии; наш А, 9 — редкий и пока уникальный вариант титула $\text{'nhw}\ n\ \text{tt}\ \text{hk}\}$). Есть случаи сочетаний $\text{tt}\ \text{hnj}(t)$: $\text{'nhw}\ n\ \{\text{tt}\}\ \text{hnj}\ \text{hk}\}$ (RIS 22) и $z\ n\ \text{tt}^{41}\ \text{hnj}(t)$ земельного управления (Р. Brooklyn,⁴² rt. 21). Вообще титул $z\ n\ \text{tt}$ давался матросам гражданского флота, ср. $z\ n\ \text{tt}\ \text{wpt}$ „человек судовой команды отделения царского хозяйства“⁴³ (СМ 20683), хотя командовали ими также $\text{\$tww}$, ср. $\text{\$tw}\ n\ \text{tt}\ \text{wpt}$ (Bibl. Nat. 16), $\text{\$tw}\ n\ \text{tt}\ \text{pr-hd}$ (СМ 20143). Напротив, $\text{'nhww}\ \text{nw}\ \text{tt}\ \text{hk}\}$, так же как и $\text{\$tww}$, всегда воины.

Разумеется, известно, что египтяне пользовались судами в военных целях, что на Ниле разыгрывались подчас речные баталии. Но о существовании постоянного, четко организованного военного флота до сих пор говорить не приходилось. Этот вывод нуждается в обстоятельном доказательстве, хотя, как это ни странно, приходится доказывать очевидное.

В самом деле, в надписи Hamm. G. 61, например, царские матросы прямо названы „бойцами“ ($\text{'h}\{\text{wtjw}\}$). Там в штатном расписании экспедиционного отряда указано: „казначеев — 10, бойцов: молодых судовых команд властителя ($\text{'nhww}\ n(w)\ \text{tt}\ \text{hk}\}$) нома Висе (греч. Фивы) — 300, молодых нома ($\text{'nhww}\ \text{nw}\ \text{sp}\{\text{t}\}$) — 700, ловчих (pww) — 30...“. В несколько более суммарной ведомости на довольствие в той же надписи указанные в расписании отдельно группы людей, где возможно, объединяются, причем последовательность перечисления в обоих документах одинакова. Интересующий нас отрывок гласит: „казначей — хлебов 15, кружек (пива) — $\frac{47}{60}$, боец — хлебов 15, кружек (пива) — $\frac{47}{60}$, ловчий — хлебов 15, кружек (пива) — $\frac{47}{60}$...“. Очевидно, что молодые судовых команд властителя и нома — воины. Стало быть, 1000 воинов сопровождала отряд в походе.

⁴⁰ См., например: М. Э. М а т в е. Древнеегипетские мифы. М., 1956, стр. 31 сл.

⁴¹ tt следует читать вместо предполагавшегося tt . Ср.: SD 3, 12.

⁴² W. C. Hayes. A Papyrus of the Late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum. [New York], 1955.

⁴³ Отделения царского хозяйства, „дома“ (prjtt) укомплектовывались „перечнями“ (wpt) людей и пашен.

Далее, в знаменитом „Распорядке дня верховного сановника (tꜣtj)“, хотя и дошедшем до нас в списках времен XVIII династии, но составленном гораздо раньше, еще в эпоху Среднего царства, говорится: „постоянно приводят к нему (т. е. верховному сановнику) наставников судовых команд властителя в палату его вместе с чинами (dꜣdꜣt) войска (mšꜣ), чтобы дать им предписания воинские (tp-rd ꝑ mšꜣ)“ (rh-mj-r', 121, 22—23). До недавнего времени титул ꜣtw ꝑ tt hkꜣ в этом тексте не читали, хотя он совершенно бесспорен. Только В. Хелк⁴⁴ впервые дал верное чтение отрывка, но не понял его, вообразив, что люди „tt властителя“ — интенданты. Между тем в „Распорядке“ они рассматриваются как основная военная сила, которой только придается „войско“ (mšꜣ). И в Namt. G. 61 матросы также названы перед воинами, сохраняя преимущество, следовательно, и в сухопутной экспедиции.

Оба текста доказывают совершенно определенно, что матросы были военными, но мы не оставим без внимания и другие указания памятников на этот счет.

Так, из переписки нубийских крепостей мы узнаем, что „молодец городского полка“, бывший в гарнизоне крепости mhꜣ замещающим „молодца судовой команды властителя“, отправляет к начальству двух бойцов, чтобы доложить о нарушении границы (SD 3, 12). Таким образом, оба титула объявляются военными, причастными к крепостному гарнизону, и матрос опять-таки оказывается в более выгодном положении, чем воин: под его началом бойцы, которыми он командует. Опытность матросов, прошедших лучшую военную школу, а возможно, и смекаливость, обостренная более трудной службой во флоте, позволяли использовать их как младших офицеров.

В приведенном нами документе изложено донесение участника „патруля“ (phrtj). Такие патрули постоянно снаряжались для охраны границ. Они принимали всех тех, кто имел право въезда в Египет,⁴⁵ и задерживали нарушителей. Они же несли охрану и нубийских колоний Египта, в промежутках между опорными крепостями, разобранными по всей Нубии. До нас дошли сведения о патрулях, снаряжаемых из Иэба (Urk. VII, 8, 16), крепости mhꜣ (SD 3, 12), крепости šm-z-n-wsrt (Семнэ) (RIS 1). Последний возглавлял „наставник судовой команды властителя“ ꜣw-sbk, известный нам по интереснейшей автобиографической надписи из Эль-Араба.⁴⁶ Начав службу рядовым, ꜣw-sbk выдвинулся при Сенвосре III и был зачислен в царскую гвардию, где и дослужился до офицерского чина. После этого, возможно еще при жизни своего покровителя, он получил чин „великого наставника городского полка“. Это звание он носит в начале нового царствования (Аменемхэ III), когда сооружает гробницу (кенотаф?) в Эль-Араба, откуда, помимо стелы с автобиографической надписью, происходит еще одна — Brit. mus. 1213. В 9 году Аменемхэ III в Семнэ он уже „наставник судовой команды властителя“, и эта должность, таким образом, явное повышение по сравнению с предыдущей должностью „наставника великого городского полка“.

Мы не можем не обратить внимания (и в который раз), как часто сопоставляются люди города (resp. нома) с людьми „tt властителя“ как представители воинских сил и как вместе с тем они постоянно противопоставляются друг другу как силы основная (tt hkꜣ) и вспомогательная. Поступируя в начале статьи положение о людях города как о воинах,

⁴⁴ W. Helck. Zur Verwaltung..., S. 36.

⁴⁵ См.: A. M. Blackman. Middle Egyptian Stories. Bruxelles, 1934, p. 35. (Синухе В 242).

⁴⁶ J. Garstang. El-Arabah. London, 1901, pl. V.

мы отсылали читателя к еще не опубликованному специальному исследованию; однако справедливость этого положения вполне очевидна уже на приведенном материале.

Еще один „наставник судовой команды властителя“, некий ꜥw сообщает, что он доходил на севере до Хаваре (Аварис) и на юге до Куша (ЖЕА 3, 100). Именно в этих пределах сражался против гиксосов царь Камосе, войска которого сумели достичь Хаваре, несмотря на враждебность к Камосе правителя Куша. В те времена курсировать по реке от Куша до Хаваре мог только воин, и не исключено даже, что ꜥw служил в войсках Камосе.

В гражданском флоте над „наставниками судовых команд“ стояли „начальники кораблей“, командиры флотилий (СМ 20143), но в военном флоте капитаны кораблей подчинялись непосредственно царю. Точно так же гвардия, разбитая на отряды с отдельными офицерами во главе, не имела особого командующего и никогда не могла стать между дворцом и государством, как это сделали преторианцы, мамлюки и др. Флот — основная военная сила в эпоху Среднего царства — был, таким образом, на положении гвардии и, как и она, находился целиком в ведении царя и его ближайших сановников. Высший из них, „верховный сановник“ (ꜥꜥꜥ), первый помощник царя в управлении страной, непосредственно сносился с командирами кораблей и может рассматриваться как фактический начальник флота (rh-mj-r', 121).

Мы не знаем, были ли военные корабли сосредоточены в столичных областях или располагались по всей стране. Надпись Hamm. G. 61 свидетельствует о том, что в Висе при Сенвосре I стоял значительный военный флот. Еще больший должен был быть в царской резиденции на севере. Памятники, в том числе гробницы, военных матросов разбросаны по всему Египту. Например, в Этбо (совр. Эдфу): АТЕ XVII, 4; Энкабе: Tylor 8, LD Text 54. Должностные лица на местах подчас совмещают административные должности с военными флотскими (СМ J. 52453). Однако достаточно ли этих оснований для того, чтобы сделать вывод о рассредоточении флота по стране?

Так же трудно ответить и на вопрос о том, был ли среднеегипетский флот исключительно речным. Ведь, помимо речных судов, египтяне издавна строили и морские, называемые kꜣꜣꜥ „библосами“, и связи Египта с Библом не прекращались в течение всего Среднего царства.⁴⁷ Самые слабые и эфемерные цари этого периода пользовались почетом в Библе, о чем с каждым годом мы имеем больше и больше сведений, а царьки Библа открыто признавали египетский сюзеренитет и даже объявляли себя „номархами“ (hꜥꜥꜥꜥ) своего города. Едва ли такая преданность Египту могла не подкрепляться силой. Однако мы не можем сказать, носили ли моряки те же титулы, что и речные военные матросы, хотя это и очень вероятно.

Обнаруженная здесь организация военного флота показывает, что в те времена флот не был придатком, вспомогательным средством сухопутных соединений; но составлял основную силу египетской армии, ее „царское войско“. Эта своего рода гвардия, непосредственно подчиненная царю, действовала в равной степени искусно как на воде, так и на суше. Отличала ее максимальная мобильность, отборность ее рядов, гибкость управления ею.

Пешее войско рассматривалось только как средство усиления ядра армии — флота. В походе оно рассредоточивалось по кораблям, команды

⁴⁷ Ср.: W. F. Albright. Further Light on the History of Middle-Bronze Byblos. BASOR, N 179, 1965, pp. 38—43.

которых становились основой отдельных отрядов. Вся армия таким образом превращалась во флот и могла называться поэтому словом *ḳwt* „корабельная команда“, по сути „личный состав флота“. В своем прямом значении это древнее слово было почти вытеснено новым — *ḳt*, но в этом специализированном значении оно было употребительным, ср. „Сказку о потерпевшем кораблекрушение“, стрк. 7 и Urk. IV, 6, 14. Ср. также в связи с этим описание похода на Хаваре при Камосе: „построила я корабли, снаряженные один за другим, заполнил я их от носа до кормы моим доблестным войском (*ḳnḳt*)...“⁴⁸.

Таким образом, все египетское войско в целом в эпоху Среднего царства имело принципиально иной характер, чем во времена империи. Это войско-амфибия, базу которого мог составлять только значительный военный флот.

Не исключено, что в сравнительно небольших акциях флот мог обходиться без армейского пополнения и вообще составлял не только основные, но и главные силы страны. Не удивительно поэтому, что флот был так привлекателен для знати. Офицеры пехоты — обыкновенно служаки, тогда как среди флотских, особенно начиная с XIII династии, оказываются принцы, члены царской фамилии, представители высшей знати. Так, капитанами были царевич *ḳmḳj*, сын неизвестного нам царя и царицы *ḳz-nḥ.s*, женатый на дочери царя Сексофа (*šḥm-r' wḳd-h'w*) Секемхаб (ГМИИ I6 32 + Koptos XII, 2), сын царевича Эфнаи (PSBA 25, 136—137) и сын царевича *ḥrw-ḥr-ḥwt.f* (ASAE 23, 184). Капитан Рансонб, сын капитана Рансонба, и сам царского рода, был женат на внучке царицы *ḥ'j.s-nbw* и царя Сексофа (*šḥm-r' šd-tḳwj*) (LD III, 62a), а капитан *ḳdš-nḥ-jw* — на царевне Хашепсове (CM 20394).

Состоявший в родстве с царским домом потомок нескольких верховных сановников наследственный номарх Энхаба (совр. Эль-Каб) *ḳbsj*, продав родственнику номархат, сохранил чин капитана, следовательно, до этого он обе должности совмещал. Капитанами же были и четыре сына одного из его преемников (Tylor 8).

Разумеется, и среди капитанов немало было людей, выдвинувшихся из средних слоев и из низов, как и среди армейских офицеров, но важно отметить, что армейские чины не интересовали знать, чего никак нельзя сказать о флотских.

Об имущественном положении флотских офицеров известно немного. Один из них, некто *ḳbj*, в Энхабе имел, судя по его надписям в гробнице (№ 8 bis в Энхабе), много зерна, скота, 41 голову челяди из „рабов царя“ (LD Text IV, 52—54). Капитан *ḥw-sbk* еще в молодости, служа в гвардии, получив награду в 160 голов челяди, без сомнения из „рабов царя“ (El-Arabah, V), но мы не знаем, как увеличилось его богатство к тому времени, когда он стал капитаном. Многочисленной челядью владел и капитан Рансонб (Ny Carlsb. 963), а *tḳw* пахал своими упряжками и перевозил зерно на своих ослах (JEA 3, 100).

К сожалению, еще менее мы осведомлены об имущественном положении армейских офицеров, не говоря уже о рядовых воинах, чтобы можно было сравнивать выгоды службы во флоте и армии.

Итак, ответ на поставленный в начале статьи вопрос о предшественнике новоегипетского колесничьего войска во времена Среднего царства дан. Колесничье войско по значению своему оказывается преемником среднеегипетского военного флота. Тем самым для нас раскрывается

⁴⁸ M. Hamad. Decouverte d'une stèle du roi Kamose. Chronique, 60, 1955, p. 206.

подлинная сущность среднеегипетской армии в целом, армии-амфибии, ее принципиальное отличие от новоегипетской сухопутной армии, построенной на колесничьих соединениях. А это в свою очередь позволяет сделать важные выводы об общем направлении внешней политики Египта накануне создания новоегипетской империи. Организация войска времен Среднего царства позволяла лишь колонизовать приречную Нубию, в той или иной степени контролировать страну Куш (область Второго нильского запорожья), возможно, и некоторые финикийские города.

Не приходится удивляться и тому, что военная активность в Азии в те дни была так низка. Египтяне могли решаться лишь на вылазки в Азию, одну из которых, в район страны skmm, без сомнения не единственную, описал все тот же ḥw-sbk.⁴⁹ О завоевании Ханаана войском, ядро которого составлял флот, не приходилось и думать. Лишь создание значительного колесничьего войска, осуществившееся при Тхутмосе I, отдавало египтянам эту страну.

Ахмосе I, объединивший вновь всю страну, располагал еще, по сути дела, войском среднеегипетского типа, с помощью которого он вполне мог избавить страну от гиксосов, но не в состоянии был вмешаться в азиатские дела.

В самом деле, из надписи Ахмосе, сына jbn, мы узнаем о том, что флот и при Ахмосе I, несмотря на наличие колесничьего войска, остается ядром армии. Сам Ахмосе, принадлежащий к аристократическому роду номархов Энхаба, служит последовательно на нескольких судах царского флота: „Бык-убийца“, „Северный“, „Воссиявший в Менфе“ — и заканчивает свою карьеру чином „начальника гребцовой команды“, по-новоегипетски ḥrj ḥnjt. В то время (карьера Ахмосе закончилась при Тхутмосе I) слово ḥt уже окончательно было вытеснено словом ḥnjt, а ḥtw заменено более понятным ḥrj „главный“. При Тхутмосе I флот даже перестали называть царским войском, но при Ахмосе I это был все еще среднеегипетский флот, основа армии. Матросам часто приходилось сходить на сушу для сухопутных сражений, иной раз даже для набегов в южную Палестину, где Ахмосе три года осаждал и взял Шарухен. Однако до воцарения Тхутмосе I воевали либо в самом Египте (восстание tt-ḥ или вторжение эфиопа ḥḥtw), причем тогда разыгрывались речные сражения, либо в Нубии (Urk. IV, 1—11). В Новом царстве армия-амфибия преобразуется в сухопутное войско, ядро которого составляют колесницы, а военный флот, хотя и представляет собой серьезную силу, играет вспомогательную роль.

O. D. Berlev

THE EGYPTIAN NAVY IN THE MIDDLE KINGDOM

A detailed discussion of the frequent Middle Kingdom titles 'nhw/ḥtw n ḥt ḥk' shows them to denote not a 'recipient' or 'controller of the Ruler's table' (which is the accepted interpretation), but, respectively, sailors and captains of the Royal Navy. The term 'nhw is here explained

⁴⁹ Исключительный интерес для истории взаимоотношений с Азией имеет сообщение о папирусе в Берлинском музее из иллахунского фонда, в котором говорится о продаже пленных сирийцев египетским военачальником. См.: W. Helck. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. u. 2. Jahrht. v. Chr. Wiesbaden, 1962, S. 48, Anm. 19.

as 'one full of vital force', 'young', 'youth', as a designation of the warrior, whereas $\text{\textcircled{t}w}$ has been shown by G. Posener to mean 'male-nurse', hence 'keeper', 'overseer of the young men', viz. 'the warriors', in the Navy therefore captain of a warship.

The term $\text{\textcircled{t}}$ is identified with the word $\text{\textcircled{t}}$ 'crew' which became known of late through W. K. Simpson's publication of the Reisner papyri. The term persisted till the last days of the pharaonic civilisation in the designation of the staff of the 'House of Life' which was termed 'the Sun God's crew' (P. Salt 825).

The discussion reveals a peculiar military organisation in Egypt of the Middle Kingdom that had passed unnoticed by the scholars. The navy had a privileged position in the army, constituting something like a royal guard, and was the kernel of the army. This shows the Egyptian army of that period to be of so to say an amphibious nature, equally at ease on land as on water. Thus we learn of the possibilities of the Egyptian foreign policy in those times, Asia being certainly beyond its reach, until the army had been reformed by the period of the New Kingdom on the principles of the predominance of the chariotry.

ПОЧЕТНЫЙ ТИТУЛ АХЕМЕНИДСКОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА В ВЕРХНЕМ ЕГИПТЕ

Ахеменидский военачальник в Верхнем Египте, комендант гарнизона Сиены-Асуана Wudrng (Вахйадранг) в арамейском папирусе из Элефантины, датированном 22 октября (сентября) 416 г. до н. э.,¹ назван также hpthpt-ом:

(1) b III III ITšry hw ywm XX II IP'wny šnt III III II Drywhwš mlk' 'dyn bSwn byrt' 'mr (2) 'Wryh br Mšsyh 'rmy zy Swn kdm Wudrng hpthpt' rb hyl' zy Swn bZkwr br Mšlm (3) 'rmy zy Swn kdm Wudrng hpthpt' rb hyl' zy Swn...

„В (день) 6 (месяца) Тишри, это день 22 (месяца) Паони, в год 8 (царствования) Дария, царя. Тогда в крепости Сиены сказал Урйах сын Махсейаха, арамей из Сиены, в присутствии Вахйадранга, hpthpt-а, коменданта гарнизона Сиены, Заккуру сыну Мешуллама, арамею из Сиены, в присутствии Вахйадранга, hpthpt-а, коменданта гарнизона Сиены...“.

Компоненты слова hpthpt' имеют сходство с иранскими словами hafta „семь“, haftahwa „одна седьмая“, pati „господин“. Этот факт уже привлекал к себе внимание.² Но наличие в hpthpt' буквы хет, а также неясная семантическая связь между упомянутыми иранскими словами как возможными компонентами сложного слова затрудняли возведение hpthpt' к иранскому источнику. Здесь будет возобновлена попытка представить hpthpt' как чисто иранское слово.

В системе соответствий звуков иранской речи и букв арамейского алфавита, которая установилась в ахеменидско-арамейской письменности для передачи слов иранского происхождения, буква хет обозначает

¹ См.: E. G. Kraeling. The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B. C. from the Jewish Colony at Elephantine. New Haven, 1953, Papyrus 8, p. 226.

² Ср.: „It seems likely to Geiger that it is a compound with Old Iranian pati «lord» (cf. nwp't „shipmaster“ in A. P. 26:2f.). But then, hpth- can hardly be connected with hapta «seven» on account of guttural“ (E. G. Kraeling. The Brooklyn Museum... p. 228); „hpthpt' — Amtsbezeichnung des Vidranga, Kommandanten von Syene, daher wohl mit 'pati «Herr» als Endglied (haftaxva „Siebentel“ wäre sinnlos)“ — W. Eilers. Neue aramäische Urkunden aus Ägypten. Archiv für Orientalforschung, Bd. XVII, 1956, S. 333.

„The title hpth plus pt' would seem to be a combination of a Semitic and an Iranian word, perhaps meaning «in charge of supplies» or «in charge of the treasure» — R. N. Frye. The Heritage of Persia. London, 1962, p. 282, n. 91.

³ Алеф на конце слова обозначает арамейский определенный артикль.

иранский глухой спирант х, ср. ḥšyrš, ḥšy'rš⁴ — др.-перс. и. с. Xšayāršā, 'rthššš — др.-перс. и. с. Artaxšaça, bgbḥš — др.-перс. и. с. Bagabuxša, ḥšyту — др.-перс. xšayauiya “царь” (в надписи на гробнице Дария I в Накш-и Рустам). Арамейские документы из Египта содержат, однако, два примера, на основании которых можно прийти к выводу, что арамеи-писцы употребляли букву хет при написании иранских слов также для передачи иранской фонемы х^w.⁵

Мы имеем в виду написание иранских слов — имени относительного ḥrzmy, ḥrzmy'⁶ х^wārazmya „хорезмиец“ и имени собственного отца хорезмийца Даргамана Ḥršyn X^wārsaina,⁷ ср.: Drgmn br Ḥršyn ḥrzmy;⁸ Drgmn br Ḥršyn ḥrzmy'.⁹

Вслед за чтением ḥ = х^w в словах ḥrzmy х^wārazmya и в Ḥršyn X^wārsaina мы можем принять ḥ за х^w также в обсуждаемом здесь слове hrthrt и прочитать его по-ирански haftax^wapātā. Второй компонент этого слова pātā „страж“ является именем действующего лица в именительном падеже с основой pātar- от глагола pā- „охранять“, „сторожить“.¹⁰

Первым компонентом в hrthrt служит дробное числительное haftax^wa¹¹ „одна седьмая“. В целом слово haftax^wapātā имеет значение „страж одной седьмой“, значение неожиданное, но вполне реальное, если поставить его в связь с географическими представлениями иранцев о būmim

⁴ Написание ḥšy'rš считают старейшим примером употребления аалефа для передачи долгого -ā- в иранских словах (см.: F. Altheim — R. Stiehl. Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden. Lieferung II, Frankfurt-am-Main, 1960, S. 203, Anm. 27). Сравнивая написание ḥšy'rš с написаниями арамеи. и. с. 'ḥy'b 'Aḥī 'Ab, аккад. и. с. 'n'h'tn Anu-aḥ-iddin, мы видим, что Xšayāršā могло восприниматься как простое слово и писаться ḥšyrš или как слово сложное — Ḥšaya 'Aršā и писаться с аалефом — ḥšy'rš, ср. аналогичный случай передачи аккад. и. с. Suw-iddin Šum-iddin без аалефа и с аалефом: šwdn и šw'dn [пример взят из работы И. Н. Винникова „Словарь арамейских надписей“ (Палест. сборник, вып. 13, 1965, стр. 245, 246)]. Ср. наличие аалефа в hd'bgw „с приростом“ для иран. hadā abigāwa (см.: G. R. Driver. Aramaic Documents of the Fifth Century B. C. Oxford, 1965, Doc. X: 5).

⁵ Иранской фонеме х^w в одних говорах соответствует звукосочетание hw в других говорах.

⁶ См.: Noël Aimé-Giron. Textes araméens d'Égypte. Service des antiquités de l'Égypte, Le Caire, 1931, № 27: 3.

⁷ Иран. х^wārsaina — производное от х^waršan- из hu- „хороший“ и waršan „самец“, ср. Оаршэ — F. Justi. Iranisches Namenbuch. Hildesheim, 1963, S. 231.

И. с. 'rthū (G. R. Driver. Aramaic Documents. . . , Doc. 13: 1) могло бы иметь в качестве второго компонента иран. ax^wā- „сила“, „энергия“ — Artax^waya „Наделенный силой Арты“. Эту этимологию, однако, не поддерживают элам. Ir-da-qa-ia и греч. Ἀρταχαιτης, которые ставят в связь с 'rthū, см.: E. Benveniste, J. As., CCXLII, p. 306; W. Eilers, AfO, XVII, S. 326, N 16; 'rthū восходит, вероятно, к arta- и хахау- „друг“ Air. Wb. 1744: Artahaxaya — Artaxaya „Тот, к кому Арта друженна“.

⁸ См.: A. Cowley. Aramaic Papyri of the Fifth Century B. C. Oxford, 1923; папирус № 6: 3, датированный 465 г. до н. э.

⁹ См.: там же, папирус № 8: 23, датированный 460 г. до н. э.

¹⁰ Ср. иран. и. с., образованное с именем действующего лица в именительном падеже, на печати № 39 из Персеполя (E. F. Schmidt. Persepolis II, 1957, OIP LXIX, Pl. II) в нашем чтении RSMHST Rasmāhata „Побеждающий в бою“ от rasman- „бой“, „сражение“ и hastar- „побеждающий“ от haz- „овладевать“, „ослаивать“, „побеждать“ Air. Wb. 1975, см.: М. Н. Боголюбов. Надписи на печатях из Персеполя. Тезисы докл. научн. конф. Восточного факультета Ленинградского университета, Изд. ЛГУ, 1966, стр. 7.

¹¹ Ср. авест. haptahva id. Air. Wb. 1766 и форму древнеперсидских дробных числительных, восстановленных на основании эламских таблицек из Персеполя: 1/3 *čis(u)va- (авест. ʾrīšva), 1/4 *čas(u)va- < ča(çu)š(u)va- (авест. čadrūšva), 1/5 *pančauva- (авест. pantahva), 1/8 *astauva- (авест. aštahva), 1/9 *navauva-, 1/10 *dašauva, 1/20 *vīstauva- < *vīsa(n)stauva-, см.: George G. Cameron. New Tablets from the Persepolis Treasury. JNES, XXIV, pt. 3, 1965, p. 185.

haptaiθuam (Авеста, Yt. 19, 26) — земле „семичастной“, состоящей из семи частей, о haptō·karšvairim zaṃ (Авеста, Y. 57, 23), земле, поделенной на семь karšvar „кишваров“, „стран света“. Здесь для нас особенно важно место в Гатах (Y. 32, 3), где одна из таких семи стран земли выступает не под своим именем, а названа „Седьмой“ — Haptaθa:

aṭ yūš daēvā vispāṇhō
akāṭ manaṇhō stā čīθrəm
yasčā vā maš yazaitē
drūjasčā pairi·matōiščā
šyaomam aiṗi daiβitānā
yāiš *asruzdum būmyā haptaiθē

„Порождение злой мысли — все вы дэвы и тот, кто высоко чтит и вас, и ложь, и высокомерие, равно как и дела, которыми вы давно уже прославились в «Седьмой» на земле“.

Название „Седьмая“ подразумевает страну Karšvar X^vaniraθa,¹² которая в списке климатов земли, имевшем устойчивый порядок, занимает седьмое место:

avi arəzahi savahi
avi fradaθafšu vidaθafšu
avi vouru·barəšti vouru·jarəšti
avi imaṭ karšvarə
yaṭ x^vaniraθəm bāmim
gavašayanam gavašitamča baēšazyam
miθrō sūrō adiθaiti (Yt. 10, 15)

„Сильный Митра взирает (на семь стран земли) на Arəzahi,¹³ Savahi, на Fradaθafšu, Vidaθafšu, на Vouru·barəšti, Vouru·jarəšti, на эту страну

¹² Согласно Бартоломе (Air. Wb. 1864), X^vaniraθa — „Ob eig. «mit schönen (x^vaini⁰) Wagen»? Aber das Fehlen der Epenthese wäre doch auffällig. Also eher x^va-niraθa“. И. Гершевич (The Avestan Hymn to Mithra, p. 176), принимая предложенное Бартоломе членение x^va-niraθa, связывает niraθa- < *ni-rmθo- со ср.-перс. nūr'mušn „layer“ или „deposit“ и предполагает у X^vaniraθa значение в буквальном переводе „self-founded, being its own foundation, not resting on anything else“. Допуская членение x^vani-raθa, где raθa- < *rmθo- „покой“ от gam- „покоиться“, ср. ср.-перс. rh „покой“, „дворец“, ср.-перс. rahik „слуга“, можно первый компонент x^vani⁰ объяснить из hu „хороший“ и *anau-, *anah-: *ani- „дыхание“ от an- „дышать“, ср. авест. antau- „дыхание“. Соответственно x^vani- будет означать „благодеяние“. Последнее тем более вероятно, что x^vanau- „благодеяние“ находит поддержку в x^vadga- „благодеяние“ букв. „gutes Atmen“ Air. Wb. 1876, также образованном от hu „хороший“ и *adga- „дыхание“ от an- „дышать“. Karšvar X^vaniraθa — „Страна благодеянного покоя“, „Страна благодеяния и покоя“. Отсутствие энтезы объясняется, возможно, местоположением ударения в X^vaniraθa на слоге ni, третьем от конца, ср. krtibara- > kartivr > karθir, dipibara- > diβivr > dabit.

¹³ В отличие от Yt. 10, 15, 133 в Yt. 10, 67 перечислены не все семь кишваров, а только крайние в списке — первый кишвар Arəzahi и седьмой кишвар X^vaniraθa, но движение Митры представляется таким же, как в Yt. 10, 15, 133, т. е. „Мчится Митра ... от (первого) кишвара Arəzahi (через Savahi, Fradaθafšu, Vidaθafšu, Vouru·barəšti, Vouru·jarəšti) к (седьмому) кишвару X^vaniraθa“. Следовательно, в Yt. 10, 67, как и в Yt. 10, 15, 133, говорится не о движении Митры от восточного кишвара по направлению к центру („from the eastern part of the world towards the centre“ — W. B. Henning. Sogdica. London, 1940, p. 29), подобно реальному движению солнца с востока на запад, а лишь о движении Митры относительно семи кишваров, в перечне которых принято на первое место ставить Arəzahi, на седьмое — X^vaniraθa. По авестийским текстам нельзя установить, имеет ли порядок кишваров в их списке отношение к движению солнца. Поэтому нет оснований кишвар Arəzahi считать восточным кишваром; см.: W. B. Henning. Sogdica, p. 28; I. Gershevitch. Mithra, pp. 105, 217. Соответственно в силе остаются этимологические толкования слов Arəzahi и Savahi, данные Бартоломе (Air. Wb. 202, 1562).

X^vaniraḏa, сверкающую, (на ее) обитаемые селения, (на) оздоравливающую жизнь в (ее) селениях“.

pasča jainti daēvanam
 pasča niḡninti miḏrō·drujaṃ
 mašyānaṃ fravazaitē
 miḏrō yō vouru·gaoyaoitiš
 tarō arəzahi savahi
 tarō fradaḏafšu vīdaḏafšu
 tarō vouru·barəšti vouru·jarəšti
 tarō imaṭ karšvarə
 yaṭ x^vaniraḏəm bāmim (Yt. 10, 133)

„Разбив дэвов, поразив людей, нарушающих договор, летит Митра над Arəzahi, Savahi, над Fradaḏafšu, Vīdaḏafšu, над Vouru·barəšti, Vouru·jarəšti, над этой страной X^vaniraḏa, сверкающей“.

Помимо страны X^vaniraḏa — „Седьмая“, другие страны тоже, возможно, именовались не только собственным именем, но и своим порядковым номером: Arəzahi — „Первая“, Savahi — „Вторая“ и т. д. Такой прием номинации, как мы теперь видим, распространялся и на общее для стран земли название karšwar „одна из семи стран земли“. Подразумеваемая karšwar, могли говорить haftahwa/haftax^a „одна седьмая (земли)“, „одна из семи (стран земли)“.¹⁴ Таким образом, слово haftax^a „одна седьмая“ в определенном контексте оказывалось синонимом слова karšwar, а haftax^aarātar значило то же, что и *karšwarəpātar-, и понималось как „страж «одной из семи», hača karšvaṇ yaīš hapta (Y. 61, 5) «из стран земли, которых семь», если речь шла о странах света, и как „страж страны“, когда имелись в виду область, территория, государство. Соответственно интересующее нас место в арамейском папирусе — Wudrng hphtpt' rb hyl' zu Šwn — может быть переведено „Вахйадранг,¹⁵ страж одной из семи (стран земли), начальник гарнизона Сиены“, в локальном значении — „Вахйадранг, страж страны, начальник гарнизона Сиены“.

Район Асуана и Элефантины, издревле знаменовавший южную границу Египта,¹⁶ в описываемое время располагал „Крепостью Себен“ — Šwn byrt' и „Крепостью Йеб“ — Yb byrt', где размещался ахеменидский гарнизон, охранявший юг страны. Военачальник, стоявший во главе этого важного пограничного района, очевидно, мог претендовать на почетный титул „стража страны“. Не менее существен и следующий момент. Первые иранцы, осевшие в Асуане, пришли туда с войском Камбиза в 525 г. до н. э. В 458 г. до н. э. по приказу начальника гарнизона Сиены для иранцев-сиенцев (арам. мн. ч. swnknp от иран. sawanakān „сиенец“), среди которых были и выходцы из Хорезма, сооружается храм brazmadāna.¹⁷ В 416 г. до н. э., спустя более чем столетие со времени перехода гарнизона Сиены под власть ахеменидов, в официальном документе на арамейском языке местный военачальник именуется иранским титулом haftax^aarātar-, согласующимся с авестийским текстом

¹⁴ Ср. н.-перс. haftyak „одна седьмая“ и Haftyak „Седьмая часть Корана“.

¹⁵ О чтении Wudrng Wahyadranga см.: М. Н. Боголюбов. Арамейская строительная надпись из Асуана. Палест. сборник, вып. 15 (78), 1966, стр. 45, сл. 13.

¹⁶ Ср.: Ezek. 29: 10 — Wntty 't-'rš Mšrym lhrbwṭ hrḏ šmh mMgdI Swnh w'd-gbwI Kwš „и предаю землю Египта разрушению, полному опустошению от Мигдола до Севена и до границы Куша“.

¹⁷ См.: М. Н. Боголюбов. Арамейская строительная надпись из Асуана, стр. 51 сл.

(Y. 32. 3) в словоупотреблении компонента *haftax*^в. Видимо, поддерживаемая в Асуане и Элефантине иранская традиция в то же время в каких-то своих элементах приспособлялась к тогдашней местной обстановке. Такое понятие, как например *X^вanigada*, могло сближаться с понятием ахеменидских владений. И тогда *rb hyl' zy Swn* „начальник гарнизона Сиены“, крайнего юго-западного пункта ахеменидской империи, становился в местном представлении действительно *haftax*^в*apatar*-ом, „Стражем Одной из семи“.

M. N. Bogolyubov

HONORARY TITLE OF THE ACHAEMENIAN COMMANDER IN UPPER EGYPT

In the Aramaic document from Elephantine dated 416 B. C. *Wydrng*, the Achaemenian commander of Syene-Aswan, bears the title *hpthpt'*. In view of the suggested correspondence *h* = *x*^в, *hpthpt'* is explained as nom. sg. of Iran. *haftax*^в*a-patar*- meaning **karšwarə-patar*- „protector of the climate, of the land, of the province“. The compound *haftax*^в*a-patar*- being in close connection with the Iranian-Avestan geographical notion of the *būmim haptai'dyqm* (Yt. 19, 26) „the earth consisting of seven parts“ is further supported by Y. 32, 3, where one of the seven climates of the earth is called merely the „Seventh“ instead of being called by its proper name. Accordingly, the words *Wydrng hpthpt' rb hyl' zy Swn* are translated as follows: „*Wydrng*, protector of one of the Seven (climates of the earth), commander of Syene“, i. e. „*Wydrng*, protector of the land, commander of Syene“.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НАПАТЫ И МЕРОЭ

Куш на протяжении многих веков оставался одним из основных источников обогащения сокровищницы египетских фараонов, однако подавляющее большинство его населения постоянно испытывало нужду даже в самых обычных продуктах питания. Тому были виной две главные причины: крайняя бедность земель, пригодной для обработки, и двойной гнет — своей собственной знати и завоевателей — египтян. В IX в. до н. э. Куш, добившись независимости, объединился сначала под главенством Напаты, а затем и Мероэ. Напатским царям стал подвластен и так называемый „остров Мероэ“ с его плодородными лугами и полями. Лишь в северной части страны, где скалы вплотную подступают к Нилу, оставляя кое-где узкие полоски земли, пригодной под посевы, положение населения почти не изменилось. Немалую роль сыграли, конечно, и изолированность Куша, и его удаленность от основных торговых путей. Это прекрасно понимали еще в античной древности. Страбон так характеризует северные области Куша: „Из этих предметов (золота, янтаря, серебра, слоновой кости, — *И. К.*) ни один не имелся у эфиопов в изобилии, кроме слоновой кости, так, большая часть эфиопов были очень бедны и к тому же вели кочевой образ жизни“ (I.2.32). Действительно, выход к Средиземному морю преграждал Египет. На западе простирались бесконечные пески Сахары, с востока от Красного моря страну отделяли Аравийский хребет и Нубийская пустыня, на юге тянулись почти непроходимые болота Седда. Нил между вторым и четвертым порогами не соединяет, а скорее разобщает страну, так как преграждающие его течение скалы совершенно непреодолимы для судов.

В древности, видимо, этот район не был столь засушлив, как теперь. Исследования геологов и археологов установили, что уровень Нила постепенно понижался между III тысячелетием до н. э. и серединой I тысячелетия н. э., пока не стабилизировался примерно на современном уровне.¹ В конце неолитической эпохи, т. е. около пяти тысяч лет назад, он был выше теперешнего, вероятно, на 8 м, а при разливе — до 18 м.² Быть может, причиной тому было уменьшение количества

¹ A. J. Arkell. The Historical Background of Sudan Agriculture. Agriculture in the Sudan ed. by J. D. Tothill, Oxford, 1948, p. 13.

² R. Lepsius. Briefe aus Ägypten, Äthiopien und der Halbinsel Sinai. Berlin, 1852, S. 259. Скандинавская археологическая экспедиция в северном Судане зимой 1962/63 г. установила, что в эпоху существования „культуры А“ уровень Нила на 7 м превышал нынешний (J. Leclant. Fouilles et travaux en Egypte et au Soudan, 1962—1963. Orientalia, vol. 33, 1964, fasc. 2—3, p. 371).

осадков, превратившее в конце концов северную часть Куша в области первых пяти порогов в один из наиболее засушливых районов мира.³ Осадки тут практически отсутствуют.⁴ Со времени возникновения Напатского царства по настоящее время климат почти не изменился.⁵

Что касается так называемого „острова Мероз“, острова образованного Атбарой, Белым и Голубым Нилом, и области Гезира, то они по своим природным условиям во многом отличаются от северных районов страны. Здесь располагаются обширные поля и луга и выпадают дожди. Поднимающееся на юго-западе по направлению к Эфиопии плато представляет собой саванну. После весенних дождей она покрывается сочной травой. Количество осадков достигает 400—200 мм (с юга на север).⁶ Водой эта область значительно богаче, чем Северная Нубия и Южный Египет. Получали ее не только из рек, но и из глубоких колодцев и естественных резервуаров, которые образовывались в расщелинах скал, так называемых галта, а также из искусственных прудов — гафиров. В древности они были обширнее и их было много больше.

Обильные пастбища, вода в колодцах и бассейнах позволяли населению разводить в большом количестве мелкий и крупный скот. А достаточно частые дожди и система оросительных каналов давали возможность заниматься земледелием. Теперь большинство жителей часть года проводит в деревнях, расположенных по берегам рек, возделывая поля и ухаживая за посевами. Собрав урожай и скоронив зерно в ямах, которые заменяют наши амбары, они отправляются в глубь страны, где становятся пастухами. Таким образом они сочетают скотоводство с земледелием, оседлость с полукочевым образом жизни. Возможно, так было и в древности.⁷

Сведения, которыми располагает наука о занятиях, быте и экономике населения Куша в хронологическом и географическом отношении, далеко не однородны: северные районы, в частности область между первым и вторым порогами, изучены значительно лучше, чем южные. Мы больше осведомлены о времени, когда эта страна находилась под властью Египта, но мало известно, чем занималось население Напатского и Мероитского царств. За исключением редких упоминаний в очень немногих дошедших до нас надписях этой эпохи и еще более скудных сведений, которые можно буквально по крупицам собрать в сочинениях античных авторов, мы вынуждены пользоваться вещественными памятниками, весьма ценными, но, к сожалению, об очень многом умалчивающими. Именно они позволили установить, что в конце IV тысячелетия основным занятием обитателей Нижней (Северной) Нубии было скотоводство.⁸

³ Так, в Сесеби (320 км выше по течению Вади-Халфа) в стенах поселения при храме, основанном Аменхотепом IV, обнаружены стоки для дождевой воды. В настоящее время они практически были бы бесполезны [H. W. Fairman, Preliminary Report on the Excavations at Sesebi (Sudla) and Amarah-West, Anglo-Egyptian Sudan. JFA, vol. 24, 1938, pp. 152, 153].

⁴ Ю. А. Дмитриевский. Судан. М., 1959, стр. 23.

⁵ L. P. Kirwan. Rome Beyond the Southern Egyptian Frontier. The Geographical Journal, vol. 123, 1957, part 1, p. 19.

⁶ Ю. А. Дмитриевский. Судан, стр. 58.

⁷ J. W. Crowfoot. The Island of Meroe. London, 1911, pp. 10—11.

⁸ Например, поселение оседлых скотоводов было открыто советскими археологами в районе Дакка зимой 1961/62 г. (см.: Б. Б. Пиотровский. Археологическая экспедиция в Нубии. Вестн. АН СССР, 1962, № 8, стр. 89—92); а также поселение Хор Насрия на границе округов Махаррака и Сайала, которое датируется временем Негадэ II и первых двух династий. Здесь найдены многочисленные наскальные изображения домашнего скота и кости животных [M. Bietak und R. Engelbach. Eine frühdynastische Abri-Siedlung mit Felsbildern aus Sayala-Nubien. Wien, 1963

Обитавшие на юге — в районе Хартума — племена, занимавшиеся преимущественно охотой и рыболовством, к концу неолитического периода начали постепенно приручать скот.⁹ Судя по анналам Палермского камня, и северные районы страны в первой половине III тысячелетия до н. э. были богаты скотом. Основатель IV династии фараон Снофру в результате успешного похода угнал оттуда 200 тыс. голов крупного и мелкого скота.¹⁰ Если даже из вполне понятных побуждений цифра эта преувеличена,¹¹ все же надо признать, что скота там было немало и, очевидно, скотоводство было одним из основных, если не основным источником существования местного населения, которое, по всей вероятности, принадлежало к носителям культуры так называемой группы А. Видимо, скотоводами были и носители так называемой культуры С, распространившейся в последней четверти III тысячелетия в Куше и проникшей даже на южные окраины Египта.¹² Доказательством тому служат, помимо находок захороненных черепов коз и быков,¹³ наскальные рисунки в районе первых трех порогов.¹⁴ В погребениях обнаружены кости овец, а также глиняные статуэтки быков, овец и коз, которые должны были обеспечивать умершего всем необходимым в загробном мире.¹⁵ Естественно, что подобные приношения характерны именно для скотоводов. Возможность содержания скота в этом ныне совершенно лишенном осадков районе тоже подтверждает, что с тех пор произошли значительные климатические изменения. Многочисленные поделки из костей, всевозможные изделия из кожи, обнаруженные в Керме,¹⁶ убеждают в том, что обитатели этого поселения тоже разводили овец и коз. Недаром они, по всей видимости, находились в родстве с племенами группы С.¹⁷

Во всяком случае в эпоху Нового царства скот был военной добычей¹⁸ и доставлялся систематически в качестве дани, о чем сообщают анналы Тутмоса III и другие тексты той поры, а также изображения на стенах гробниц.¹⁹ Тутмос III с 31 по 38 г. (данные за 35 и 36 гг.

(Berichte der Österreichischen Nationalkomitees der UNECKO. Aktion für die Rettung der Nubischen Altertümer. Österreichische Akademie der Wissenschaften philos.-histor. Klasse. Denkschriften, Bd. 82)].

⁹ A. J. Arkell. A History of the Sudan to the 1821. 2 ed., London, 1961, p. 11.

¹⁰ Urk. I. 236.

¹¹ J. K. Jackson. Changes in the Climate and Vegetation of the Sudan. SNR, vol. 38, 1957, p. 55.

¹² Там же, стр. 48—49; A. Weigall. A Report on the Antiquities of Lower Nubia and their Condition in 1906—1907. Oxford, 1907, p. 31.

¹³ В поселении группы С в Анибе, где это, видимо, было связано с погребальным пиршеством (G. Steindorff. Aniba, Bd. I. Glückstadt, 1935, S. 30). В Фарае надстройкой некоторых погребений этого времени охранялись букраниями (H.-A. Nordström. Excavations and Survey in Faras, Argin and Gezira Dabarosa. Kush, vol. 10, 1962, p. 39).

¹⁴ A. J. Arkell. A History of the Sudan..., p. 67.

¹⁵ G. Steindorff. Aniba, Bd. I, SS. 119, 122—124; Bd. II, S. 86; A. Weigall. A Report..., p. 31.

¹⁶ G. A. Reisner. Excavations at Kerma, p. IV. Cambridge, Mass. 1923, 248 sq.

¹⁷ Там же, ч. V, стр. 555. Вопрос об этнической принадлежности племен культуры С фактически не решен и поныне (F. Hintze. Das Kerma-Problem. ZAS, Bd. 91, 1964, SS. 79—86).

¹⁸ Надпись Яхмоса, сына Абен: Urk. IV, 7. Стела Аменхотепа III из Семне, Брит. музей № 657: Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae... in the British Museum, vol. VIII, London, 1939, pl. XX, l. 6, p. 21 sq.

¹⁹ Urk. IV, 695 sq, pp. 743, 1099; T. Säve-Söderberg. Ägypten und Nubien. Lund, 1941, SS. 206—207; A. H. Gardiner. Late-Egyptian Miscellanies. Bruxelles, 1937, p. 119 (Bibliotheca Aegyptiaca, vol. VII = R. Caminos. Late Egyptian Miscellanies. London, 1954); W. Wreszinski. Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte. Leipzig, 1923 f, Bd. I, Tab. 148, 160, 247; Bd. II, Tab. 168; H. de G. Davies.

отсутствуют) правления получал из Куша от 275 до 419 голов различного крупного скота (iw n wndw), из Уауата за 31, 33, 37, 38, 39 и 41 гг.²⁰ от 89 до 114 голов, т. е. примерно раза в четыре меньше. Следует ли отсюда вывод, что в Куше скотоводство было более развито, чем на севере в Уауате между первыми двумя порогами. Конечно, на юге природные условия складывались для этого более благоприятно, но следует принять во внимание, что по величине Куш значительно превосходил Уауат.²¹ Возможно, вывозились лишь особо породистые экземпляры, предназначенные для пополнения стад фараона. Следует принять во внимание, что доставка скота была сопряжена со значительными трудностями, его перевозили на судах, а, как известно, южнее Асуана Нил изобилует непроходимыми порогами.²²

Ко времени возникновения Напатского царства скотоводство имело здесь тысячелетние традиции. Издавна были известны длиннорогие и короткорогие породы быков и коров (первые, вероятно, восходят к одомашненному длиннорогому дикому африканскому быку), козы, овцы, попавшие сюда, очевидно, из Египта не раньше эпохи Нового царства, так же, конечно, как и лошадь,²³ и ослы.²⁴ Первые достоверные сведения об использовании верблюда относятся лишь к самому концу I в. до н. э. В Мероэ в гробнице князя Ариканхарера (25—15 гг. до н. э.) была обнаружена бронзовая статуэтка этого животного²⁵ — древнейшее изображение этого животного из найденных в Судане.²⁶

В экономической жизни страны скотоводство играло такую значительную роль, что одной из причин перенесения резиденции царей из Напаты в Мероэ, возможно, было стремление быть ближе к районам, где располагались основные пастбища, ибо южнее новой столицы началась зона дождей.²⁷ Интенсивное скотоводство, которым, вероятно, занимались жители Напаты, в конце концов подорвало возможности дальнейшего своего развития. Огромные стада, от которых в основном зависело благосостояние местного оседлого населения, уничтожали травяной покров, что влекло за собою эрозию почвы по обоим берегам Нила в области современной Донголы.²⁸

Перенесение центра государства на юг в VI в. до н. э. дало, очевидно, новый толчок развитию скотоводства. Однако и здесь скот обьедал не только траву, но деревья и кусты. Вероятно, к I в. н. э. вследствие изменений климата уменьшилось количество осадков. Постепенно скудеют пастбища южнее Мероэ, беднеют и численно сокращаются расположенные в области современного Хартума поселения скотоводов, что послужило одной из причин ослабления и гибели Мероитского царства.²⁹ Доказательством распространения скотоводства служат многочисленные сцены пастушеского быта, украшающие памятники архитектуры и отдельные предметы повседневного обихода. Так,

Tomb of Rekh-Mi-Re'at Thebes. N. Y., 1943 (Metropolitan Museum of Art, Egyptian Expedition, vol. XI).

²⁰ О других годах данные не сохранились или отсутствуют.

²¹ T. Säve-Söderberg. Ägypten und Nubien. S. 224.

²² Там же, стр. 225; A. Lucas. Some Egyptian Connexions with Sudan. Agriculture in the Sudan ed. by J. D. Tothill. Oxford, 1948, p. 19 sq.

²³ См.: R. Herzog. Die Nubier. Berlin, 1957, S. 146.

²⁴ A. Lucas. Some Egyptian. . . , 23 sq.

²⁵ Ныне в Хартумском музее (N 1950): RCK, IV, fig. 82, pl. XLIX f; F. Addison. A Short Guide to the Museum of Antiquities. Khartoum, 1934, p. 28.

²⁶ A. J. Arkell. A History of the Sudan. . . , p. 163.

²⁷ Там же, стр. 121, ср. стр. 149.

²⁸ Там же, стр. 148.

²⁹ Там же, стр. 168.

например, во время исследований, проведенных под руководством проф. Ф. Хинце в храме львиного бога Апедемака в Мусавварат эс Суфра, на одной из стен обнаружен фриз, изображающий стадо и пастуха.³⁰ В Мероэ в одной из часовен открыт рельеф, на котором представлено стадо коров.³¹ Бронзовый колокольчик, найденный в пирамиде Вег. 15 (Мероэ), украшен изображением этих животных.³² Интересны и поучительны сцены, вырезанные на бронзовых кубках из некрополя Каранога.³³ Они весьма типичны именно для пастушеских племен и превосходно отображают их повседневную жизнь. Глиняные сосуды также украшались изображениями коров.³⁴ В отличие от Египта здесь отсутствуют изображения, связанные с земледелием.

Если находки в Караноге помогают составить представление о скотоводстве в северных областях Мероитского царства, то исследования, проведенные в Гебель-Мойя, дают материал, характеризующий состояние его на южной окраине страны. Правда, по времени эти данные не совпадают: поселение в Гебель-Мойя было обитаемо примерно с VIII—VII в. до н. э. и не позже 300 г. до н. э.,³⁵ а памятники Каранога датируются первыми веками нашей эры и принадлежат скотоводам. Умерших хоронили завернутыми в шкуры быков или коров, что и поныне распространено среди некоторых скотоводческих племен Африки.³⁶ Часто встречаются кости домашних животных, обнаружены и ритуальные захоронения коров.

Данные о количестве скота, которыми мы располагаем, чрезвычайно ограничены. В надписи царя Аман-нете-иерике сообщается, что в конце правления его предшественника кочевники, обитающие в пустыне — *Rhrhs* и постоянно тревожившие своими набегами различные области Мероитского царства, напали на прилегающие к Мероэ районы и угнали „все стада, скот и людей, которых они могли найти“.³⁷ Характерно, что буквально в следующей строке войско, лишенное предводителя, в данном случае царя, сравнивается с пастухом без стада — метафора, безусловно присущая языку народа, в жизни которого скотоводство играло значительную, если не ведущую роль. Какой же величины могли быть стада? Аман-нете-иерике никаких цифр не приводит. Зато их указывает правивший примерно сто лет после него Настасен. Если они даже и преувеличены, то все же на основании их можно сделать вывод о том, что скотоводство в некоторых районах, преимущественно южных (Атбары и Голубого Нила) и прилегающих с востока к Нилу, было основным занятием обитавших там племен. Во время походов Настасен захватил:³⁸

³⁰ F. Hintze. 1) Vorbericht über die Ausgrabungen . . . in Musawwarat es Sufra, 1960—1961, S. 450, pl. XII; 2) Musawwarat es Sufra. Preliminary Report on the Excavations. . . 1961—1963 (Third Season), Kush, vol. 11, 1963, p. 219, note 11.

³¹ J. Garstang. Second Interim Report on the Excavations at Meroe in Ethiopia. AAA, IV, 1912, pp. 51—52.

³² RCK, IV, 136.

³³ C. L. Woolley and D. Randall-MacIver. Karanog. The Romano-Nubian Cemetery. Philadelphia, 1910, pp. 59—61, pl. 26—28.

³⁴ Там же, стр. 57, табл. 41. Ср. изображения коров на большом горшке типа 0.1 из Гебель-Мойя (F. Addison. Jebel Moya, vol. I. Oxford, 1949, pp. 220—221, fig. 82) (Wellcome Excavations in the Sudan).

³⁵ Там же, стр. 251, 253.

³⁶ Там же, стр. 59—60.

³⁷ Kawa I, Inscr. IX, l. 6.

³⁸ H. Schäfer. Die Äthiopische Königsinschrift des Berliner Museums. Leipzig, 1901.

	Крупный скот	Мелкий скот
Mḥndkntt (город)	209 659	505 349
Pḥr и Ikrkrh (?) (страны)	203 216	603 107
Irrs (страна)	22 120	55 200
Mḥšrhrt (страна)	203 146	33 050
Mjh(?)k (страна)	35 330	55 526
Всего	673 471	1252 232

Конечно, количество захваченного скота, указанное в надписи, чрезвычайно велико и поэтому представляется преувеличенным. Но нельзя забывать, что примерно за 25 веков до Настасена фараон Снофру лишь в результате одного похода угнал 200 тыс. голов крупного и мелкого скота,³⁹ а за это время скотоводство не могло не развиваться. Кроме того, известное доверие внушает стремление к точности: приведены не округленные цифры, а именно такие, какие даются при „бухгалтерских сводках“. Страбон, рассказывая об „эфиопских народах“, приводит сведения, не оставляющие сомнения в том, что многие из них были скотоводами. „Тамошние жители ходят большей частью нагими, ведут суровый и кочевой образ жизни, весь скот их, как овцы, козы, быки, мелок“ (XVII.2.1). „Некоторые едят даже траву, тонкие веточки, лотос и тростниковые корни, а также говядину, кровь, молоко и сыр“ (XVII.2.2). „Население острова (Мероэ, — *И. К.*) состоит частью из кочевников, большей частью из охотников и земледельцев“ (там же). „Эфиопы живут большей частью кочевою жизнью, в бедности, по причине скудости почвы и неумеренности климата, а также вследствие отдаленности от нас“ (XVII.1.3). Последнее замечание относится к северным районам Куша, а предшествующие — к южным. Примерно те же факты приводит и Диодор (III.8).

Действительно, захваченный Настасеном скот принадлежал не только племенам, кочевавшим на окраинах Мероитского царства, но и обитателям областей и городов (resp. поселений), входивших в его состав, например Mḥndkntt, где, вероятно, после восстания он отобрал скот.

На основании этнографических параллелей позволительно предположить, что вельможи, племенные вожди и, разумеется, царь обладали значительными стадами, так как скот являлся одной из основ благополучия и богатства. Недаром он часто упоминается в перечне захваченной добычи.⁴⁰ Стадами владели и храмы. Так, Горсиотеф пожертвовал храму Амона Напатского в числе других даров 500 голов крупного рогатого скота (возможно, как стоит в тексте, лишь быков).⁴¹ Тому же храму Настасен передал 300 быков и 300 голов мелкого скота, в других случаях он ограничивался более скромными приношениями — 10 быков.⁴² Провинциальные храмы по различным случаям получали от 6 до 12 быков, причем они доставлялись специально из священного стада храма Амона в Напате.⁴³ Как и в Египте, приношение в жертву быков было обычным делом.

³⁹ Если верить цифрам, приведенным на вершине его вотивной булавки, он добыл при объединительных войнах с Нижним Египтом 400 000 быков (и коров) и 1 422 000 коз (J. S a r a r t. *Les débuts de l'art en Egypte*. Bruxelles, 1904, fig. 171). По мнению Э. Дриотона и Ж. Вандье, эти цифры „хотя и очень высоки, возможно, все же не являются фантастическими“ (E. D r i o t o n et J. V a n d i e r. *L'Egypte*. 4 éd., Paris, 1962, p. 132).

⁴⁰ Кроме стелы Настасена, см. стелу Горсиотефа (Urk. III, 128, Z. 87, 92, 129; Z. 99).

⁴¹ Urk. III, 125, Z. 66.

⁴² H. S c h ä f e r. *Die Äthiopische Königsinschrift* . . . , SS. 118, 123.

⁴³ Там же, стр. 122. Возможно, такие стада содержались и при других храмах.

Крайняя бедность земель явилась одной из основных, если не основной причиной того, что жители Куша не испытывали потребности в объединении подобно египтянам, кровно заинтересованным в создании единой ирригационной системы, могущей поднять урожайность их полей. Лишь кое-где гряды скал отходят от Нила, где и возникали большие или меньшие поселения с тяготевшими к ним мелкими поселками, как это было, например, в Керме. В этой области возможно лишь пливное земледелие, так как осадки практически отсутствуют. По направлению к югу количество их постепенно возрастает, а южнее Хартума появляются уже неполивные культуры.

Как правило, древние поселения, раскопанные в Северной Нубии (между вторым и третьим порогами их почти нет), располагались в устьях вади. Судя по инвентарю погребений, принадлежащих этим поселениям, их обитатели в эпоху Древнего царства не были состоятельны: слишком ограничены были здесь возможности и для земледелия, и для скотоводства. Отдельные племена, населявшие область первых порогов, были в постоянной вражде.⁴⁴ Изменения к лучшему отмечаются с начала II тысячелетия до н. э.

К эпохе Среднего царства относятся первые известные пока нам следы искусственного орошения в Куше. Характерно, что они обнаружены именно в той части страны, которая сохраняла тогда свою самостоятельность и где скалы отходят от Нила, образуя значительную (по местным понятиям) равнину Кермы. Согласно преданиям, она орошалась при помощи водяного колеса вплоть до XV в. н. э. Одно из этих сакиэ видели еще в 1820 г. английские путешественники.⁴⁵ В настоящее время тут используются насосы, приводимые в действие силовыми установками. Здесь обнаружены следы древней обработки земли и поселения того времени.⁴⁶

Сведения о состоянии земледелия в эпоху Нового царства несколько противоречивы. Хотя фараоны XVIII и XIX династий усиленно воздвигали в Куше, особенно между первым и вторым порогами, величественные храмы,⁴⁷ население северных районов было весьма ограниченным, на что указывает малочисленность погребений, датируемых этим временем.⁴⁸ Как полагает С. Фирз, северная окраина Куша оставалась тогда почти незаселенной: возделывание полей из-за трудности орошения фактически почти прекратилось.⁴⁹ В то же время декрет Сети I

⁴⁴ См. надпись Хуефхора: Urk. I, 120—127; надпись Уны: Urk. I, 98 ff. Локализация отдельных племен до сих пор является предметом споров: T. Säve-Söderbergh. Ägypten und Nubien, SS. 14—19; J. Yoyotte. Pour une localisation du pays de Yam. BIFAO, 52, 1953, pp. 173—178; E. Edel. Inschriften des Alten Reiches, V. Die Reiseberichte des Hrwhwif (Herchuf). Ägyptologische Studien, 1955, SS. 51—75; G. Fecht. Die Hätjwin Ihaw, eine ägyptische Völkerschaft in der Westwüste. ZDMG, Bd. 106 (N. F. 31), 1956, SS. 54—55; D. M. Dixon. The Land of Yam. JEA, vol. 44, 1958, pp. 40—55; E. Edel. Inschriften des Alten Reiches, XI, ZAS, Bd. 85, 1960, SS. 18—23.

⁴⁵ G. Waddington and B. Hanbury. Journal of a Visit to Some Parts of Ethiopia. London, 1822, pp. 42—43.

⁴⁶ A. J. Arkell. The Historical Background of Sudan Agriculture. Agriculture in the Sudan ed. by J. D. Todhill. Oxford, 1948, p. 12.

⁴⁷ Их перечень см.: L. A. Christophe. Sanctuaires nubiens disparus. CdE, 1963, N 75, pp. 17—29. На участке протяженностью около 100 км от Дебода насчитывается 20 храмов и святилищ. Полоса обитаемой земли здесь редко превышает 200 м.

⁴⁸ B. G. Trigger. History and Settlement in Lower Nubia. New Haven, 1965 (Yale University Publications in Anthropology, N 69).

⁴⁹ C. M. Firht. The Archaeological Survey of Nubia. Report for 1910—1911. Cairo, 1927, p. 28; cp.: G. Steindorff. Aniba, Bd. I, S. 11.

из Наури от 4-го года его правления⁵⁰ (1333 г. до н. э.) запрещает какие-либо „действия против всех подчиненных людей Дома миллионов дая Верхнего и Нижнего Египта Менмаатра «Сердце удовлетворено в Абидосе», которые находятся в Куше — будь то мужчина или женщина, сторожа полей, агенты, пчеловоды, земледельцы, садовники, виноградари...“⁵¹ Нарушитель отдается храму в качестве раба-земледельца вместе с семьей (строка 77 сл. и 118). Правда, этот декрет начертан на скале севернее (35 км) третьего порога, т. е. недалеко от Кермы, расположенной непосредственно к югу от него, в том районе, где земли, пригодной для обработки, было больше. Возможно, что в этих местах угодья сдавались в аренду. Так, от позднего времени дошло письмо некоего Шедсенхонса — жреца храма Хонсу в Фивах, адресованное „арендатору в Куше“ (mḥ n Kš) Панебенаджде, в котором даются указания о возделывании земли и вновь восстанавливаются договорные отношения. Правда, из письма неясно, был ли этот арендатор кушитом, проживающим в Египте, либо он находился в Куше, что более вероятно.⁵²

В развалинах крепости Куббан, примерно в 110 км к югу от первого порога, обнаружены два дома, выстроенные в эпоху Среднего царства, нижние этажи которых в конце XIV—XIII вв. до н. э. или несколько позже были приспособлены под житницы.⁵³ Однако неизвестно, было ли наполнявшее их некогда зерно местным или привозным. Житницы были найдены в Гематоне в поселении II, расположенном к югу от храма Тахарки, а также в поселении I (к востоку от него), в комплексе сооружений, видимо, VII в. до н. э.⁵⁴ Они датируются Напатской и Мероитской эпохами, когда Куш меньше зависел от привозного хлеба. Недавно подле Вади-Халфа у Гезера Дабароза исследовано небольшое поселение мероитского времени, скорее всего оно датируется серединой II в. до н. э. — серединой I в. до н. э. Судя по всему, жители этих хижин, сложенных из камня или кирпича, не отличались зажиточностью. Они сеяли зерновые культуры, насаждали финиковые пальмы и имели немного мелкого рогатого скота,⁵⁵ так как пастбищ не хватало. Поселение это мало отличалось от тех, что располагались по обоим берегам Нила между первым и третьим порогами. Видимо, оно было типичным для той эпохи.

В совершенно иных условиях развивалось земледелие на юге страны, там, где обрываются цепи окаймляющих Нил хребтов и он течет среди саванн и полупустынь, в области так называемого „острова Мероэ“. Однако даже в этих благоприятных условиях земледелие без искусственного орошения невозможно. И в Центральном Судане дожди выпадают неравномерно. Обрамляющие „остров“ с двух сторон Атбара, приток Белого Нила, и Рахад, приток Голубого Нила, перед летним разливом пересыхают настолько, что превращаются в ряд озер. Мелеет и Голубой Нил. В это время во многих местах население получает воду лишь из колодцев и гафиров. Однако уже в районе четвертого-

⁵⁰ B. Porter and R. Moss. Topographical Bibliography . . . , vol. VII, p. 174.

⁵¹ М. А. Коростовцев. Декрет Сети I в Наури. Истор. архив, т. 2, 1939, стр. 238—287, строка 39 сл. Эта работа не учтена в библиографии Б. Портер и Р. Мосс.

⁵² W. Spiegelberg. Eine zurückgezogene Pachtkundigung. Varia, 10. ZÄS, 53, 1917, S. 107 f.

⁵³ W. B. Emery and L. P. Kirwan. The Excavations and Survey between Wadi-es-Sebua and Adindan, 1929—1931. Cairo, 1935, pp. 33, 36—37, 40.

⁵⁴ Kawa II, pp. 211, 233—234.

⁵⁵ J. Leclant. Fouilles et travaux en Egypte et au Soudan, 1962—1963, p. 374.

пятого порогов земли, удобной для обработки, становится больше, а далее — к югу по направлению к „острову Мероэ“ и на самом „острове“ — ее площадь значительно возрастает.

Это сравнительное обилие плодородной земли явилось одной из причин, в силу которых центр Кушитского царства в VI в. до н. э. переместился на юг. Здесь, южнее линии Сеннар—Гебель-Моя, тянется цепь гафиров, которые, возможно, были устроены в период расцвета Мероитского царства, когда добытых во время успешных грабительских походов рабов-военнопленных использовали для всевозможных общественных работ.⁵⁶ Гафиры выкапывались, вероятно, вблизи всех городов, что, возможно, связано с изменениями климатических условий, отмечаемых в Судане в последние века до нашей эры. Большие резервуары для сохранения дождевой воды были, например, обнаружены вблизи Мусавварат эс-Суфры и Нага,⁵⁷ в Ум-Сода, Амеме и т. д. Некоторые из них вновь используются.⁵⁸ То, что они были заимствованы из Индии,⁵⁹ представляется сомнительным. В Индии осадков выпадает много больше и искусственное орошение развито там меньше, чем в Египте и Судане.

Орошение производилось с помощью шадуфов и сакиэ. Шадуф скорее всего распространился в Куше из Египта, где он применялся с древнейших времен.⁶⁰ Сакиэ появляется лишь в Мероитскую эпоху. Водяное колесо, по мнению большинства историков, было занесено в Куш из Персии через Египет.⁶¹ Однако до сих пор окончательно не выяснено, когда им начали там пользоваться. Некоторые полагают, что не раньше I—II вв. н. э. Так, например, М. Шнабель ссылается на лондонский папирус III.1177, датируемый 113 г. н. э., где упоминается сакиэ.⁶² Во всяком случае от более раннего времени никаких достоверных сведений не сохранилось. Древнейшие свидетельства о существовании сакиэ в Куше (Северная Нубия) добыты при раскопках в Дакке: это остатки глиняных сосудов, которые прикреплялись к колосу так называемых кадушей (qaduš, pl. qawadiš).⁶³ Находки в Дакке

⁵⁶ A. J. Arkell. *The Historical Background of Sudan Agriculture*, p. 15.

⁵⁷ Там же, стр. 166.

⁵⁸ F. Addison. *An Archaeological Survey of the Sudan*. The Anglo-Egyptian Sudan from Within ed. by J. E. de C. Hamilton, London, 1935, p. 34.

⁵⁹ A. J. Arkell. *Meroe and India. Aspects of Archaeology in Britain and Beyond*. Essays presented to O. G. Crawford, London, 1951.

⁶⁰ L. Rüttimeyer. *Über altägyptische Relikte im heutigen Ägypten und Nubien*. Verhandlungen der naturforschenden Gesellschaft Basel, Bd. XL, 1929, S. 484; H. A. Winkler. *Rock-Drawings of Southern Upper Egypt*. London, 1938, p. 41.

⁶¹ R. Herzog. *Die Nubier*. Berlin, 1957, S. 136; A. J. Arkell. *The Historical Background of Sudan Agriculture*, p. 16; W. N. Allan. *Irrigation in the Sudan*. *Agriculture in the Sudan* ed. by J. D. Tothill, Oxford, 1948, p. 627.

⁶² M. Schnabel. *Die Landwirtschaft im hellenistischen Ägypten*. München, 1925, SS. 73—87. Иную точку зрения см.: F. Hartmann. *L'agriculture dans l'ancienne Egypte*. Paris, 1923, pp. 118—119; G. Caton-Thompson and E. W. Gardner. *The Desert Fayum*. London, 1934, p. 150, § 237, pl. XCVIII, 2; U. Monneret de Villard. *La Nubia Romana*. Roma, 1941, p. 44. Сравнительно позднее появление сакиэ в Египте подтверждается лексикографическим исследованием терминов, связанных с водяным колесом (E. Littmann. *Die Sâquja*. ZAS, Bd. 76, 1940, SS. 45—54). Как любезно указал мне Д. Г. Редер, возможно, во Второзаконии (X. 10) имеется намек на знакомство египтян с этим приспособлением: „Земля, в которую ты идешь . . . не только как земля египетская, где ты . . . посеяв семя свое, поливаешь ее при помощи ног твоих, как овощной сад“. Об использовании сакиэ в современном Судане см.: M. Mittwally. *Native Methods of Working in the Northern Province of Egyptian Sudan*. Bull. of the Faculty of Arts Univ. Fouad I, vol. 13, 1951, pt. 2, pp. 61—66.

⁶³ C. M. Firth. *Archaeological Survey of Nubia*. Report for 1909—1910, Cairo, 1915, p. 36, fig. 6, 28.

и в Гаммаи,⁶⁴ по данным стратиграфии, датируются III в. н. э. Вероятно, к этому времени и следует отнести распространение сакиэ в Мероитском царстве,⁶⁵ где оно оказало решающее влияние на развитие сельского хозяйства, в частности в Донголе.⁶⁶ Ведь водяное колесо позволяло поднимать воду на 3—8 м⁶⁷ при меньшей затрате сил и времени, чем с помощью шадуфа. Сакиэ приводилось в движение обычно буйволом.

Какие же сельскохозяйственные культуры разводились в Куше? Здесь нам вновь придется обратиться к Страбону: „Эфиопы питаются пшеном и ячменем, из которых они приготавливают также питье для себя. Вместо оливкового масла они употребляют коровье масло и жир. За исключением небольшого количества фиников в царских садах, они не имеют древесных плодов. Некоторые едят даже траву, тонкие веточки, лотос и тростниковые корни... Из деревьев часто попадается пальма, персея, эбеновое дерево и индийский перец“ (XVII.22). Вероятно, за почти полтысячелетия, протекшие до Страбона со времени посещения Египта Геродотом, в хозяйстве мероитян произошли существенные изменения, в результате которых в экономике значительно увеличился удельный вес земледелия. Когда соглядатаи-ихтиофаги, подосланные Камбизом, прибыли в Мероэ, то мероитский царь среди других вопросов, заданных им, пожелал узнать, „чем питается персидский царь и какая наибольшая продолжительность жизни у персов. Ихтиофаги отвечали, что царь питается хлебом, причем объяснили обработку пшеницы, а пределом самой продолжительной жизни у персов назвали восемьдесят лет. Эфиоп на это заметил, что кратковременности жизни их не удивляется, потому что они питаются калом; что не могли бы и столько прожить, если бы не подкрепляли себя таким напитком: он разумел вино; в этом последнем отношении, сказал он, эфиопы уступают персам“ (III.122). Далее ихтиофаги поведали Камбизу, что эфиопы „в пищу употребляют вареное мясо, а пьют молоко“ (III.23). Сохранный „отцом истории“ эпизод подтверждает, что в конце VI в. до н. э. земледелие было еще слабо развито в Куше; недаром персидским шпионам пришлось рассказывать о том, как следует возделывать пшеницу. Видимо, основным занятием жителей „острова Мероэ“ тогда еще оставалось скотоводство. Это подтверждается и данными археологии. Так, например, в Гебель-Моя, где первые поселенцы появились около 1000 г. до н. э., в слое В, который датируется Напатским периодом и даже несколько позже (середина VI—V в. до н. э.), нет никаких следов обработанной земли, поэтому едва ли в это время там могли существовать интенсивные формы земледелия.⁶⁸

Ячмень, эммер, пшеница скорее всего попали в Куш из Египта, где они были известны с додинастической эпохи.⁶⁹ Что касается сорго,

⁶⁴ O. Bates and D. Dunham. Excavations at Gammai. Cambridge, Mass. 1927, p. 105 (Harvard African Studies, vol. 8). В Фирке найден кадуш в погребении V в. н. э. (L. P. Kirwan. The Oxford University Excavations at Firka. Oxford, 1939, p. XIII).

⁶⁵ U. Monneret de Villard. La Nubia Romana, p. 46; R. Herzog. Die Nubier, S. 136.

⁶⁶ Недаром названия многих местностей между Шеллалом и эс-Себуа образованы с помощью нубийского названия Сакиэ-Колэ, например Коледул (Большое сакиэ), Колэсейг, Магед-Колэ, Арисман Колэ, Шемаколэ (Вихревое сакиэ), Сули Колэ (сакиэ Сульве) и т. д. (U. Monneret de Villard. La Nubia Romana, p. 46; W. N. Allan. Irrigation in the Sudan, p. 627).

⁶⁷ W. N. Allan. Irrigation in the Sudan, p. 627.

⁶⁸ F. Addison. Jebel Moya, vol. I. London, 1949, pp. 104, 254, 258.

⁶⁹ A. Lucas. Some Egyptian..., pp. 25—26.

или дурры, то оно скорее всего было местного происхождения⁷⁰ и особенно широко культивировалось. Так, например, в Танкази обнаружено подле некрополя позднемероитского времени 12 ям для хранения зерна, содержащих остатки суданского сорго.⁷¹ Из незерновых культур сеяли чечевицу.⁷² Из огородных растений были известны огурцы,⁷³ а из бахчевых — арбузы и дыни.⁷⁴

Как и повсеместно в Северной Африке, широко насаждалась финиковая пальма.⁷⁵ Плиний сообщает, что из высушенной и размельченной кожуры фиников пальмы-дум эфиопы пекли лепешки.⁷⁶ Недаром на рельефах храмов встречаются изображения царей и жрецов с пальмовыми ветвями в руках.

Несколько слов следует сказать и о технических культурах. Лен, конечно, попал в Куш из Египта, где его сеяли с эпохи неолита. Известно, какого совершенства достигли египтяне в выделке льняных тканей.⁷⁷ Искусство это частично переняли и их южные соседи.⁷⁸ Поинному обстояло дело с хлопком. В Египте его не знали. Древнейшее свидетельство о его существовании в долине Нила относится к римскому времени — это обрывки хлопчатобумажной ткани, обнаруженные в Караног.⁷⁹ Не исключено, что они были завезены сюда из Мероэ, где были найдены ткани, изготовленные из хлопка в I в. до н. э.⁸⁰ В Мероэ хлопок мог попасть из Индии, с которой поддерживались оживленные торговые связи. Индия же, по всей вероятности, была родиной хлопка; в Мохенджодаро в слоях IV тысячелетия открыт обрывок пряжи из хлопка.⁸¹ Правда, Амасис, как сообщает Геродот (III. 4), подарил лакедонянам панцирь „льняной с множеством затканых изображений, украшенный золотой и хлопчатобумажной бахромой... Другой такой же панцирь Амасис пожертвовал Афине в Линде“. Однако неизвестно, были ли эти панцири изготовлены в Египте. Быть может, они были откуда-нибудь привезены и подарены как редкость.

Несомненно, что опыт разведения хлопка и изготовления из него пряжи в Мероэ к IV в. н. э. был уже достаточно длительным, на это указывают разнообразные сорта ткани (от самых тонких до грубых), различно и качество выделки.⁸² Было даже высказано предположение, что торговля хлопком послужила одним из источников обогащения Меровитского царства.⁸³ Во всяком случае к середине IV в. уже суще-

⁷⁰ Там же, стр. 26, прим. 8.

⁷¹ P. L. Shinnie. Excavations at Tanqasi. Kush, vol. II, 1954, p. 73.

⁷² A. Lucas. Some Egyptian..., p. 28; L. Keimer. Sur quelques petits fruits en faïence émaillée datant du Moyen Empire. BIFAO, t. 28, 1929, p. 81.

⁷³ Так, в письме жреца Хонсу-Шедехонсу дается указание арендатору засеять арупу земли овощами (w³ d. t. — W. Spiegelberg. Eine zurückgezogene Pacht-kündigung..., S. 110, Z. 17).

⁷⁴ A. Lucas. Some Egyptian..., p. 28.

⁷⁵ Там же, стр. 26—27.

⁷⁶ J. K. Jackson. Changes in the Climate and Vegetation of the Sudan, p. 60.

⁷⁷ А. Лукас. Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, стр. 238—240.

⁷⁸ G. M. Crowfoot. Methods of Hand Spinnind in Egypt and the Sudan. Halifax, 1931 (Bankfield Museum notes, series 2, N 12).

⁷⁹ C. L. Woolley and D. Randall. Karanog, pp. 27, 28, 245, pl. 108, fig. 5; F. Ll. Griffith and G. M. Crowfoot. On the Early Use of Cotton in the Nile Valley. JEA, vol. 20, 1934, pp. 5—12.

⁸⁰ R. E. Massey. A Note on the Early History of Cotton. SNR, VI, 1923, pp. 231—233.

⁸¹ Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 32, 84.

⁸² F. Ll. Griffith and G. M. Crowfoot. On the Early Use..., p. 9.

⁸³ J. W. Crowfoot. The Island of Meroe..., p. 37.

ствовали обширные хлопковые плантации. Их уничтожением похваляется аксумский царь Эзана в своей победной надписи.⁸⁴

О том, как распределялись земли, как было организовано сельское хозяйство, к сожалению, ничего не известно. Кое-какие сведения можно извлечь лишь при помощи тех немногих памятников, которые удалось обнаружить в результате археологических исследований. Но, как известно, „остров Мероэ“ и с этой точки зрения изучен далеко не достаточно.

Аэрозъемка позволила выявить значительные участки земли, которые обрабатывались в Мероитскую эпоху.⁸⁵ Крупные административные, торговые и религиозные центры, как например Мусавварат эс-Суфра, Нага и Бад-бан-Нага с оседлым населением, были окружены полями и, вероятно, огородами. Естественно, что вблизи реки возделывалось больше земли, чем в полупустыне, где вода добывалась лишь из гафиров. Вот почему Ваг-бан-Нага, расположенный на Ниле, служил Мусавварату эс-Суфра и Нага не только портом, но, возможно, обеспечивал их некоторыми сельскохозяйственными продуктами. В Мусавварат эс-Суфра, Нага, База, Аулибе, Ум-Усуда обнаружены гафиры, достигавшие иногда внушительных размеров. Так, например, гафир в Аулибе имел 200 м в диаметре, а в База — 250 м.⁸⁶ Не уступает последнему по величине и гафир в Мусавварат эс-Суфра, высота его стен 7 м. Вымощенным ходом, перекрытым каменными плитами, он был соединен с прилегающим вади. Очевидно, этот ход отводил воду на поля.⁸⁷

Как уже говорилось, о формах землевладения и землепользования источники молчат. Можно лишь догадываться, что земельная собственность храмов не ограничивалась садами и виноградниками, о которых упоминается в некоторых надписях. Судя по тому, что община сохранялась в Судане вплоть до завоевания страны Мухаммедом Али в 1821 г., когда началось ее интенсивное разложение,⁸⁸ допустимо предположить ее существование в Куше в Напатскую и Мероитскую эпохи. О частной собственности на землю решительно ничего неизвестно. Можно лишь утверждать, что она несомненно существовала в VII в. н. э., когда некоторые нубийцы продали принадлежащую им землю жителям Асуана, находившегося тогда уже во владениях халифа ал-Мамуна. Нубийский царь опротестовал этот акт как незаконный. Он утверждал, что его подданные и все их имущество являются собственностью царя.⁸⁹

Видимо, частное землевладение появилось раньше, но когда именно, сказать пока невозможно. Допустимо предположение, что оно было больше развито на севере, где жители теснее соприкасались с грекоримским миром. Косвенным тому подтверждением служит демотическая надпись конца III в., начертанная на воротах Адриана с о. Филе.⁹⁰

⁸⁴ G. H. Bacon. *Crops in the Sudan. Agriculture in the Sudan* ed. by H. D. Tothill, Oxford, 1948, p. 324.

⁸⁵ J. W. Crowfoot. *The Old Sites of the Butana*. SNR, vol. 3, 1920, pt. 2, pp. 85—92; J. Vercoutter. *Un palais des „Candaces“ contemporain d'Auguste*. Syria, t. 39, 1962, fasc. 1—2, p. 266.

⁸⁶ J. Vercoutter. *Un palais des „Candaces“...*, pp. 176—178; J. W. Crowfoot. *The Island of Meroe*, pl. IV.

⁸⁷ F. Hintze. 1) *Vorbericht über die Ausgrabungen...*, SS. 459—460, Taf. XXI, a, b; 2) *Musawwarat es Sufra*, pp. 221—224.

⁸⁸ Ю. А. Дмитриевский. *Судан*, стр. 128.

⁸⁹ И. С. Кацнельсон. *Государственный строй древней Нубии в VII—IX вв. н. э. и законы Бокхориса*. Сб. „Древний мир“, М., 1962, стр. 81—86.

⁹⁰ F. Ll. Griffith. *Catalogue of the Demotic Graffiti of the Dodekaschoenus*, vol. I. Oxford, 1937, p. 119, Ph. 417; *Meroitic Studies*, I, JEA, vol. III, 1916, N 1, p. 23; *Meroitic Inscriptions*, vol. II, p. 46.

Это граффити — посвящение Исиде — оставлено неким Тами (или Темей). Он называет себя arebeta(n) богини. Эту должность он там и исполнял в течение 10 лет при храме „великой маазе“. Ф. Гриффитс, издавший эту надпись, а потом посвятивший ей небольшое специальное исследование, полагает, что „великая мааза“, хранившаяся в храме Исиды на о. Филе, являлась стандартной мерой для всего Додекахойна. Что касается arebetanke, то название этой должности происходит, конечно, от греч. ἀρτάβη (resp. arbate, мероит. ὕrbtye). Другой такой arebetanke из Шимале по имени Лапатенаке известен по надгробной стеле из Каранога (№ 92).⁹¹ Возможно, в их обязанности входил контроль поступающих от земледельцев в виде податей сельскохозяйственных продуктов, тем более что величина артабы и мааза (resp. ματίον) варьировалась.⁹² Во всяком случае установление должности наблюдателя за мерой емкости сельскохозяйственных продуктов свидетельствует о том, что последние играли немалую роль в экономике страны. Вот почему Эзана в своей победной надписи счел необходимым упомянуть также и об уничтоженных им посевах.

Что касается плодовых деревьев, в частности финиковых пальм, то мы имеем достаточно определенные свидетельства о существовании садов. Так, Псамметих II (594—588 гг. до н. э.), описывая поход в Куш, похваляется тем, что „срубил их деревья“.⁹³ О существовании садов при храмах упоминают надписи из Кавы. В храме Амона-Ра в Гематоне по повелению Тахарки были „насажены многочисленные деревья“ и „назначены садовники для него из лучших Джесдефа⁹⁴ и из людей Нижнего Египта“.⁹⁵ Изображения садов были обнаружены и при раскопках на юге — на „острове Мероз“.⁹⁶

О виноградниках и виноделии в Куше мы располагаем несколько более обширными и подробными сведениями. Культура винограда распространилась в Куше из Египта,⁹⁷ где виноградники существовали еще в доисторическую эпоху. Во всяком случае в эпоху Древнего царства изображение сбора винограда часто встречается на рельефах, высекавшихся в гробницах.⁹⁸ С глубокой древности разводили, очевидно, виноград и в северных областях Куша.⁹⁹

Декрет Сети I из Наури в числе других лиц, работающих в храмовом хозяйстве, на которых распространяется иммунитет, называет садовников и виноградарей.¹⁰⁰ В надписи Тахарки из Гематона (Кавы) говорится, что в 10-й год его правления „выжато было вино из вино-

⁹¹ F. Ll Griffith. *Karanog. The Meroitic Inscriptions of Shablul and Karanog.* Philadelphia, 1911, p. 69 (University of Pennsylvania. Eckley B. Coxe Jun. Expedition to Nubia, vol. VI).

⁹² L. Mitteis and Wilcken. *Grundzüge und Chrestomatie der Papyrskunde.* Bd. I, 1. Leipzig—Berlin, 1912, S. LXVIII.

⁹³ Стела из Таниса (S. Sauneron et J. Yoyolte. *La campagne nubienne de Psammetique II.* BIFAO, t. L, 1959, pl. III, p. 174).

⁹⁴ Оазис Бахриа (A. H. Gardiner. *Ancient Egyptian Onomastika*, vol. II. Oxford, 1947, p. 235; A. Fakhry. *Bahria and Farafra Oases.* ASAE, 38, 1938, pp. 397—434).

⁹⁵ Kawa I, Inscr. VI, I, 15.

⁹⁶ F. Ll. Griffith. *Oxford Excavations in Nubia.* AAA, IX, 1922, pl. 29, 2; pl. 34, 2—3.

⁹⁷ A. Lucas. *Some Egyptian...*, p. 27.

⁹⁸ P. Montet. *Les scènes de la vie privée dans les tombeaux égyptiens de l'Ancien Empire.* Strasbourg, 1925, p. 265 sq.

⁹⁹ G. Roeder. *Die Geschichte Nubiens und des Sudans.* Klio, Bd. 12, 1912, S. 59.

¹⁰⁰ М. А. Коростовцев. Декрет Сети I в Наури, строка 39 сл.

градников этого города и было его больше, (чем) в Джесджесе, и назначил для него (храма) садовников, хороших садовников из менту Азии".¹⁰¹

Конечно, при чрезмерно сухом и жарком климате Куша условия для разведения виноградников едва ли оказывались благоприятными, если принять во внимание недостаток земли. Вот почему вино доставлялось в эпоху Нового царства¹⁰² и позже из Египта.¹⁰³ В приведенном рассказе Геродота о посылке Камбизом соглядатаев-ихтиофагов к эфиопскому царю упоминается, что в числе посланных даров был кувшин пальмового вина (III.20). Царь, „когда зашла речь о вине и он узнал о способе его приготовления, чрезвычайно обрадовался напитку...“ (III.22). Видимо, в Мероэ вино было предметом роскоши, но все же существовали и местные сорта. Есть и иная точка зрения. По мнению Ж. Веркутте, найденные при раскопках между Элефантиной и Кавой бассейны предназначались не для выжимки винограда, а для промывки золота.¹⁰⁴ Оставляя в стороне технические соображения французского египтолога, открывшего подобные сооружения в Фарасе, отметим, что и другие его доводы во многом представляются уязвимыми.

В то же время имеется достаточно доказательств тому, что в Куше культивировали виноград и изготовляли вино. У. Моннере де Виллар¹⁰⁵ указывает, что здесь обнаружено довольно много бассейнов для выжимки вина.

Таким образом, в Куше в эпоху Напаты и Мероэ развивались примерно те же отрасли сельского хозяйства, что и в Египте, однако в ином соотношении друг к другу. По всей вероятности, скотоводство преобладало над земледелием, слабее были развиты огородные и садовые культуры, виноградарство, однако здесь раньше начали выращивать хлопок. Из того, что известно о средневековой Нубии, можно предполагать, что преобладали общинные формы хозяйства. Получаемые продукты шли на удовлетворение потребностей населения и, очевидно, за пределы страны не вывозились: их едва хватало, и то, вероятно, не всегда для собственных нужд. Причиной тому были отнюдь не неблагоприятные природные условия. „Остров Мероэ“ располагал значительно большей площадью плодородных земель и пастбищ, чем Египет, да и урожай не зависел от разлива одной лишь реки. Их здесь имелось несколько. Кроме того, влагой посева и скот обеспечивали дожди.¹⁰⁶ Если все же Куш был сравнительно беден продуктами сельского хозяйства, особенно земледелия, то это объясняется его отсталостью, прежде всего отсталостью производительных сил.

¹⁰¹ Kawa I, Inscr. VI, 1, l. 20—21.

¹⁰² В Коре были найдены обломки амфор, в которых привозилось вино из Египта, преимущественно из Дельты. Пометки на них позволяют датировать эти надписи по палеографическим признакам временем XIX династии (J. Vercoutter. Kor est-il Iken? Kush, III, 1955, p. 15, pl. VIa). Такие же черепки нашел В. Эмери в Бухене (J. Vercoutter. The Gold of Kush. Kush, vol. 7, 1959, p. 127, n. 15).

¹⁰³ Расписки таможи в Сиене от 96 и 123 гг. н. э. в получении пошдины за вывоз в Куш 1500 и 2000 бутылок (U. Wilcken. Griechische Ostraka aus Ägypten und Nubien, Bd. II. Leipzig, 1899, N 43, 150). Неясно только, вывозились ли эти бутылки как тара или же они были наполнены вином (U. Wilcken. Griechische Ostraka..., Bd. I, S. 766). См.: М. М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907, стр. 46, прим. 5.

¹⁰⁴ J. Vercoutter. The Gold of Kush, pp. 120—153.

¹⁰⁵ U. Monneret de Villard. La Nubia Romana, pp. 40—43. Это исследование Ж. Веркутте не использовал. Моннере де Виллар специально занимался изучением египетских прессов для вина (Un pressio da vino dell' Egitto medioevale. Rendiconti dell' Istituto Lombardo di Scienza e Lettere, vol. 59, 1926).

¹⁰⁶ J. W. Crowfoot. The Island of Meroe..., p. 29.

L'AGRICULTURE DANS LES ROYAUMES DE NAPATA ET DE MEROË

Les royaumes de Napata et de Meroë — „l'île de Meroë“ — devient la région principale de la production agricole. Les conditions favorables, telles que l'abondance de terres fertiles et de pluies y permettaient de faire élevage, de cultiver les céréales et de coton, de planter la vigne et les dattiers. L'irrigation (galta, hafir) dont les premiers renseignements remontent au Moyen Empire contribue au développement de l'agriculture. Pour arroser les champs on utilisait le chadouf et saquiyyèh à partir des derniers siècles av. n. è. ou même du I-er s. de n. è. Meroë devient le centre d'une grande région agricole, ce qui est une des raisons de sa transformation en capitale.

ХРАМОВЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ В ПОЗДНЕЙ ВАВИЛОНИИ

В поздней Вавилонии храмы владели большими латифундиями, часть которых сдавалась в аренду, а остальную землю обрабатывали многочисленные храмовые земледельцы.¹ Последние делились на храмовых рабов (ширку) и иккару, которые юридически не считались рабами. Относительно социального положения иккару высказывались различные мнения. В. Швенцнер полагал, что иккару были свободными землепашцами, которые были посажены на храмовую землю для обработки предоставленных им или арендованных земельных участков с условием отдавать часть урожая храму. М. Эренкранц пришел к выводу, что иккару являлись зависимыми от землевладельца людьми. Наконец, по мнению И. Мендельсона, иккару были свободными арендаторами.²

Однако эти выводы были сделаны на основании небольшого количества отдельных, разрозненных документов, хотя для исследования положения иккару имеется около 200 деловых документов и писем, большинство которых датируется VI в. до н. э., т. е. временем царствования Навуходоносора II, Набонида, Кира, Камбиза и Дария I.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть положение храмовых земледельцев на материале всех опубликованных позднеавилонских документов.

Документы архивов храмов Эанна в Уруке и Эаббарра в Сиппаре содержат данные о храмовых рабах-земледельцах.³

Итти-нана-иния и Сукá, принадлежавшие храму Эанна, оставили свои сохи и бежали,⁴ но были пойманы и вместе с тремя другими

¹ M. San Nicolò. *Parerga Babylonica. Archiv Orientalní*, VII, 1935, S. 368. Ср., например, документ — R. P. Dougherty. *Records from Erech, Time of Nabonidus. Yale Oriental Series, Babylonian Texts* (далее: YBT), VI, New Haven, 1920, N 11 (555 г.), — согласно которому храм Эанна в Уруке сдал в аренду 6000 кур (7410 га, или около 74 км²!) земли.

² W. Schwenzner. *Beiträge zur Kultur- und Wirtschaftsgeschichte des Alten Orient. Archiv für Keilschriftforschung*, Bd. 2, Berlin, 1924, S. 112; M. Ehrenkranz. *Beiträge zur Geschichte der Bodenpacht in neubabylonischer Zeit*. Berlin, 1936, SS. 17—19; I. Mendelsohn. *Slavery in the Ancient Near East*. New York, 1949, pp. 109—110.

³ Они в документах называются ширку-иккару, или же иккару богини Белет Урукской (resp. бога Шамаша), при этом оба выражения являются синонимами. В документе — A. Tremaine. *Records from Erech, Time of Cyrus and Cambyses*, YBT, VII, New Haven, 1925, № 179 — отмечается, что из Урука в местность Илу-гилаум для измерения ячменя были направлены несколько иккару Белет Урукской и, кроме того, 4 ширку. Очевидно, не все эти храмовые рабы были земледельцами, поэтому только часть их названа иккару.

⁴ YBT, VII, 137, 4—5: (amēl)ikkarātu(meš) šá (d)bēlti šá uruk(ki) šá (iṣ)epinni(me)-šú-nu ù-maš-ši-ru ù iḫ-li-qu. См. транслитерацию и перевод: R. P. Do-

беглыми рабами закованы в кандалы и брошены в тюрьму. Позднее их направили в Вавилон для выполнения государственных повинностей, наложенных на храм. По свидетельству другого документа, упомянутые земледельцы заявили народному собранию в Уруке, что храмовый раб Иннин-зер-ибни вместе с другим лицом отобрал у иккару по имени Шамаш-апли, который был в распоряжении некоего Надина, 2 сикля серебра и позволил ему бежать.⁵

Далее, иккару-раб по имени Рихетум бежал в 8-м году царствования Кира, оставив соху храмового иккару⁶ Шамаш-мукин-апли, но был пойман в месяце улулу года вступления Камбиза на престол и отдан внаем частному лицу за 5 сиклей серебра в год. Таким образом, Рихетум скрывался в течение двух лет. До своего побега он, по-видимому, был помощником другого иккару, а именно Шамаш-мукин-апли. Администрация храма Эанна заключила в тюрьму иккару Набу-шум-удура, но позднее освободила его по просьбе трех лиц, которые поручились за то, что в любой момент, когда храмовые чиновники потребуют, приведут его.⁷

40 храмовых рабов-иккару были направлены для работы в царском хозяйстве в городе Батнану. Их начальник Лабаши, который сам являлся иккару и храмовым рабом, был предупрежден, что понесет „наказание царя Камбиза“, если кто-либо из этих земледельцев совершит побег.⁸ 10 иккару-рабов того же храма Эанна, „назначенные (для работы на) сохах (богини) Белет Урукской“,⁹ были посланы в Вавилон для работы в царском хозяйстве,¹⁰ а их братья и сыновья должны были охранять храмовый ячмень.

Храмовый чиновник Шамаш-нацир должен был „пригнать“ к определенному сроку трех поименно названных иккару бога Шамаша и передать их для работы в храм Эбаббарра в Сиппаре.¹¹ Другой чиновник в письме к своему начальнику сообщает, что он „пригнал иккару (бога) Шамаша“, чтобы обработать „поле Шамаша“.¹²

Иногда рабы-иккару совершали различные сделки с храмом, собственностью которого они сами являлись. Например, некий Шула взял у храма Эанна внаем 24 „старые пустые бочки“, из которых прежде 10 находились у других иккару, с обязательством вернуть их к определенному сроку вместе с другими долгами, которые числились за ним.¹³

ugherty. The Shirkātu of Babylonian Deities. New Haven, 1923, p. 59, где, однако, логограмма (iṣ)APIN переведена „инструмент для орошения“ вместо „соха“.

⁵ YBT, VII, 152, ср. также: YBT, VII, 158, по свидетельству которого раб-иккару Данну-аххе-шу-ибни заявил администрации храма Эанна, что два поименно названных лица увели из храмового стада и продали корову.

⁶ YBT, VII, 102, 5: (amēl)ikkaru šá (d)bēlti šá uruk(ki).

⁷ E. W. Moore. Neo-Babylonian Business and Administrative Documents. Ann Arbor, 1935 (далее: NBAD), 151.

⁸ YBT, VII, 187.

⁹ NBAD, 152, 12—13: i-na muḫḫi (iṣ)epenni(meš) šá (d)bēlet šá uruk(ki) paq-du.

¹⁰ Ср.: J. N. Strassmaier. Inschriften von Nabonidus, König von Babylon (далее: Nbd). Leipzig, 1889, № 1127, по свидетельству которого храм Эбаббарра отправил своих пастухов, садовников и иккару (всего 54 человека) для работы в хозяйстве царевича.

¹¹ J. N. Strassmaier. Inschriften von Cambyses, König von Babylon (далее: Camb.). Leipzig, 1890, № 49, 4: (amēl)ikkaratu(meš) šá (d)šamaš ib-ba-kām-ma. Этот же глагол абакку „гнать“ часто употребляется и по отношению к скоту.

¹² R. C. Thompson. Cuneiform Texts from Babylonian Tablets in the British Museum (далее: CT), XXII, London, 1906, № 121, 10: zēru šá (d)šamaš.

¹³ YBT, VII, 174.

Некоторые иккару-рабы выполняли различные поручения храмовой администрации. Например, некий Муккеа отдал в долг двум лицам соответственно 1125 и 2035 л ячменя, который принадлежал храму Эанна.¹⁴ Иккару того же храма Ибни-Иштар занимался выдачей посевного зерна для нужд храмового хозяйства.¹⁵ Иккару Духумму получил из храма Эбаббарра для какой-то цели две балки.¹⁶

Остановимся более подробно на документе YBT, VII 24.¹⁷

1) i-na ūmu(mu) (amēl)mu-kin-nu a-na 2) (md)nabū-mukin-zēr apli-šū šá (md)nabū-ētir-napšāti(meš) 3) apli (m)ba-si-ja uk-tin-nu šá uṭṭata šá (d)bēlti šá uruk(ki) 4) a-na kaspi id-di-nu lu-ú i-na qāṭē(2) šá 5) (amēl) bēl pi-qit-tum ū (amēl)ikkari šá (d)bēlti šá uruk(ki) 6) iš-šu-ú mim-mu ma-la (amēl)mu-kin-nu 7) ú-ka-nu ta-ri-iš a-na 8) (d)bēlti šá uruk(ki) i-nam-din 9) (amēl)mu-kin-nu (m)nūr-(d)sin apil-šū šá (md)nabū-bān-aḥ 10) apil (m)nūr-(d)sin (md)šamaš-iddin apil-šū šá (md)ištar-šum-ibni 11) apil (md)ea-kur-ban-ni (m)tab-ne-e-a apil-šū šá 12) (m)ap-la-a apil (m)amēl-ra-še-ki 13) (amēl)ṭupsarru (m)gi-mil-lu apil-šū šá (md)in-nin-zēr-iddin 14) uruk(ki) (arah)ābu ūmu 16(kám) 15) šattu 3(kám) (m)ku-ra-áš šar bābili(ki) 16) šar mātāti.

„Если свидетель установит, что Набу-мукин-зер, сын Набу-этир-напшати, потомка Басия, продал ячмень, принадлежащий (богине) Белет Урукской, либо взял что-нибудь из рук управителя или иккару Белет Урукской, он должен отдать обратно Белет Урукской, сколько укажет свидетель.

„Свидетели (3 человека), писец. Урук, месяц абу, 16-й день 3-й год Кира,¹⁸ царя Вавилона, царя стран“.

В этом документе речь идет о возмещении храмового имущества, взятого Набу-мукин-зером у храмового чиновника или иккару, которые распоряжались этим имуществом.¹⁹

Важные проблемы ставят документы, где речь идет о земледельцах, которые работали в храмовых хозяйствах, но названы просто иккару, а не ширку или иккару богини Белет Урукской или бога Шамаша.

Из храмовых архивов сохранились списки с подробным перечислением десятков, а иногда и нескольких сотен имен иккару.²⁰ Они

¹⁴ NBAD, 166; YBT, VII, 180. Этот же Муккеа, сын Иннин-зер-ушабши, упоминается в качестве свидетеля в YBT, VII, 122, хотя здесь он, в отличие от предыдущих документов, не назван рабом и иккару, а также в NBAD, 152, согласно которому его вместе с другими земледельцами послали в Вавилон для работы в царском хозяйстве. Упомянутые в последнем документе иккару-рабы На'ид-Иштар, сын Арад-Иннина, и Этиалу, сын Зерия, фигурируют также в NBAD, 151 и А. Т. С l a y. Neo-Babylonian Letters from Erech. YBT, III, New Haven, 1919, № 17, где первый из них выступает с поручительством за арестованного человека, а последний просит дать ячмень, но в этих документах они не названы рабами и иккару.

¹⁵ YBT, VII, 22.

¹⁶ M. San Nicolò — A. Ungnad. Neubabylonische Rechts- und Verwaltungskunden, I (далее: NRV). Leipzig, 1929—1937, № 814.

¹⁷ Документы, приведенные здесь в транслитерации и переводе, до сих пор не были обработаны.

¹⁸ 536 г. до н. э.

¹⁹ Ср. NBAD, 106 (544 г.): если будет установлено, что некий Надин взял ячмень из рук иккару по имени Набу-шум-иддин, то он должен вернуть его обратно в храм Эанна.

²⁰ J. N. Strassmaier. Inschriften von Nabuchodonosor, König von Babylon (далее: Nbk). Leipzig, 1889, Nos. 452, 458; ср.: С. E. Keiser. Letters and Contracts from Erech Written in the Neo-Babylonian Period. Babylonian Inscriptions in the Collection of J. B. Nies (далее: BIN), vol. I, New Haven, 1917, № 157, где приведены имена 46 иккару, принадлежавших богине Белет Урукской.

разбиты на мелкие группы по 3—4 человека, большей частью состоящие из отдельных семей. В эти группы входят отец и его сыновья, а иногда и братья отца, а в ряде случаев и другие, по-видимому не родственные, лица. Во главе таких групп стоят „начальники над иккару“, ²¹ которые обычно являются главами семей.

Эти иккару получали из храмового хозяйства сохи, волов, семена для посева, а нередко и продовольствие для себя.

Некий Шум-укин просит управляющего храмом Эанна распорядиться о выдаче сохи для одного иккару, чтобы он мог обрабатывать храмовую землю.²²

Автор другого письма требует, чтобы был составлен документ относительно волов, данных в распоряжение иккару.²³ Далее, три поименно названных иккару взяли у храмовых пастухов по одному вола,²⁴ а начальник над иккару и иккару по имени Балатсу — по два вола.²⁵ Иногда в документах указывается также возраст и цвет волов, данных иккару.²⁶ Большой интерес представляет письмо к храмовому управителю, содержащее инструкцию; чтобы он орошал „посевы всех иккару“, ²⁷ а за запасных волов, данных в пользование последних, брал по одному сиклу серебра за каждого вола и послал серебро в храм. После окончания сезона сельскохозяйственных работ иккару возвращали скот в храм.²⁸

В ряде случаев иккару получали из храмового хозяйства и корм для скота. Например, иккару Бунене-ибни получил в качестве корма для волов 300 л ячменя.²⁹

Согласно одному документу, иккару получили с храмового склада 200 кур (30 000 л) ячменя для посева.³⁰ Остановимся более подробно на YBT, VII, 139.

1) uṭṭata-a₄ šá (m)arad-(d)innina(na) 2) u (md)šamaš-aḥ-iddin a-na (še) zēri 3) a-na (amēl)ikkarāti(me) id-din-nu' 4) (araḥ)ṭebētu šattu 3 (kám) (m)[kám]-bu-zi-ja 5) šar bābili šar mātāti 6) 10 kūr (m)šu-lum-[...] 7) 10 kūr 2 pan 3 sātu (m)ina-šilli-(d)na-na-a 8) 9 kūr (m)šu-la-a 9) 7 kūr (m)e-be-lu 10) 7 kūr (m)mūk-ke-e-a 11) 5 kūr 1 pan 4 sātu (m)na'id-(d)innina 12) naḫḫar 48 kūr 4 pan 1 sātu uṭṭata-a₄ 13) a-na (še)zēri.

„Ячмень, который Арад-Иннина и Шамаш-ах-иддин выдали иккару для посева. Месяц тебету, 3-й год Камбиза,³¹ царя Вавилона, царя

²¹ LÚ. GAL. APIN. MEŠ = (amēl)rab ikkarāti(meš): R. P. Dougherty. Archives from Erech, Neo-Babylonian and Persian Periods. Goucher College Cuneiform Inscriptions (далее: GCCI), vol. II, New Haven, 1933, № 161, YBT, III, 84; Nbk 287. Синонимами этого выражения являются bēl (amēl)ikkarāti(meš): YBT, III, 84; (amēl)rab (is)erenni: Nbk 452; J. N. Strassmaier. Inschriften von Cyrus, König von Babylon (далее: Cyr.). Leipzig, 1890, № 117. Ср.: Nbk 458, 1—2, где упоминается (amēl)rab ešertim(tim) šá (amēl)ikkarāti(meš) „десятичник иккару“. Начальники над иккару часто назначались из числа последних, но они занимали несколько привилегированное положение. Один из этих начальников получил от каких-то людей 32 сикла серебра для покупки сезама (Nbk 287).

²² YBT, III, 110.

²³ BIN, I, 68.

²⁴ NRV, 845.

²⁵ GCCI, II, 161, 328. О выдаче волов для иккару см. также: YBT, III, 34; Nbd 1069.

²⁶ NRV, 845.

²⁷ YBT, III, 9, 18—20; zēru šá (amēl)ikkarāti(meš) gab-bi me-e ši-ik-ki.

²⁸ NBD, 202.

²⁹ Camb. 296; см. также: Nbd, 841.

³⁰ Nbd, 718.

³¹ 536 г. до н. э.

стран. 10 кур³² Шулум-[...], 10 кур 2 пан 3 суту — Инацилли-Нана, 9 кур — Шула, 7 кур — Эбелу, 7 кур — Муккеа, 5 кур 1 пан 4 суту — На'ид-Иннина; всего 48 кур 4 пан 1 сут³³ ячменя для посева".³⁴

Далее, в одном письме содержится распоряжение храмовому чиновнику выдать для иккару железные лопаты и всё необходимое для обработки поля, расположенного на берегу реки.³⁵

От храма периодически устраивались ревизии живого инвентаря и посевного зерна, которые находились у иккару. В частности, „при ревизии волов у иккару в Селении (бога) Шамаша“³⁶ было зафиксировано 46 волов.

О выдаче рационов для иккару известно из одного письма храму: 10 иккару не получили полностью свой ячмень, они спрашивают, должны ли умереть с голоду.³⁷ В другом письме отмечается, что некий Мурану выдает иккару продовольствие, а для иккару, которые находятся в распоряжении Шум-укина, надо выдать продовольствие³⁸ в том же размере, как и в прошлом году. Таким образом, эти иккару, очевидно, находились на постоянном довольствии у храма. Далее „смена иккару“³⁹ получила в качестве продовольствия за месяцы тебету, шабату и аддару 2200 л зерна. Иккару, работавшие на канале, получили 100 л фиников.⁴⁰ Иккару Набу-ушезиб получил 1500 л ячменя,⁴¹ а ряд других иккару — 1050 л муки.⁴² Два лица получили в течение четырех с половиной месяцев 2400 л ячменя, „включая посевное зерно и продовольствие пастухов и иккару“.⁴³

20 иккару, посланные для работы в местность Раккат-Шамаш („Болота бога Шамаша“), получили бочку пива.⁴⁴

Некий Силим-Бел в письме управляющему храмом Эанна сообщает о том, что 80 работников с сохами находятся на берегу канала, требуя растительного масла.⁴⁵

Особый интерес представляет свидетельство документа из Урука, составленного в 545 г., согласно которому храм Эанна выдал для 30 иккару в течение года 120 кур ячменя,⁴⁶ т. е. по 600 л в год, или около 1,6 л ежедневно на каждого иккару.

³² Один кур равняется 150, пан — 30, суту — 5 л.

³³ 7325 л.

³⁴ О выдаче посевного зерна иккару см. также: Nbd, 642; YBT, VII, 22.

³⁵ BIN, I, 60.

³⁶ Cyr., 117, 1: alpi(meš) a-mir-tum šá (amēl)ikkari šá ina al (d)šamaš. О ревизии посевного зерна, находившегося у иккару, см.: Nbk 459; YBT, III, 47. В одном письме содержится инструкция храмовому чиновнику, чтобы он не допускал небрежности в охране „посевного зерна иккару“ — zēru šá (amēl)ikkarāti(me) — BIN, I, 26.

³⁷ YBT, III, 168.

³⁸ CT, XXII, 116, 20: kurummatu(hi · a) šá (amēl)ikkarāti(meš).

³⁹ A. Pohl. Neubabylonische Rechtsurkunden aus den Berliner staatlichen Museen, Teil II. Analecta Orientalia, Bd. 9, Roma, 1934, № 9, IV, 9: (amēl)ú-ra-šú šá (amēl)ikkarātu(meš).

⁴⁰ R. P. Dougherty. Records from Erech, Time of Nebuchadrezzar and Nabonidus, GCCI, I, New Haven, 1923, № 246. О выдаче фиников для иккару см.: CT, XXII, 119.

⁴¹ NBAD, 231.

⁴² J. N. Strassmaier. Inschriften von Darius, König von Babylon (далее: Dar.), Leipzig, 1897, № 240.

⁴³ NRV, 529. О выдаче продовольствия для иккару см.: Nbd, 642, 841, 986; Nbk, 16, 421; BIN, I, 7; L. Speleers. Recueil des Inscriptions de l'Asie Antérieure des Musées Royaux du Cinquantenaire à Bruxelles. Bruxelles, 1925, № 287.

⁴⁴ GCCI, I, 103.

⁴⁵ BIN, I, 35.

⁴⁶ YBT, VI, 150.

Иногда иккару получали также деньги, по-видимому вместо продовольствия.⁴⁷

Что касается работы иккару в храмовом хозяйстве, то управитель получил предписание заставить всех иккару укрепить каналы и охранять их, если какой-нибудь канал придет в негодность, он будет казнен.⁴⁸ Далее, некий Агрива должен направить для работы на канале Харрикиппи 10 иккару, а в противном случае будет наказан. Вероятно, на этом канале раньше работали другие иккару, а новые должны были заменить их.⁴⁹ В документе, где речь идет о сооружении канала по инициативе Сиппарского жреца, также упоминаются иккару, которые, по-видимому, должны были принять участие в этой работе.⁵⁰ Наконец, иккару по имени Этиллу просит денег, чтобы выкопать канал.⁵¹

Некий Син-иддин сообщает в храм, что начальник над иккару не следит за работой, и советует назначить в болота, принадлежащие храму Эанна и расположенные в местностях Руда и Сумандар, по одному начальнику над иккару, чтобы обработать посевные поля.⁵² В документе из Барсиппы, который составлен в 495 г., отмечается, что от месяца нисану 26-го года царствования до конца адара 27-го года Дария I для работы на сохах направлена смена земледельцев.⁵³ Таким образом, эти люди должны были работать на храм в течение двух лет.

Храмовый управитель жалуется, что работники мерзнут, он просит срочно послать к нему 20 иккару.⁵⁴ Храм Эанна направил в распоряжение некоего Набу-ах-иддина 20 иккару.⁵⁵ 5 поименно названных иккару были посланы к управляющему Эанной с просьбой рассчитаться с ними,⁵⁶ взять с них столько, сколько он установит, и отправить срочно назад, так как они должны выполнить работу, на которую поставлены, и следить, чтобы их работники не сбежали. Автор письма просит также, чтобы иккару, посланные к нему, привели с собой много „своих работников“.⁵⁷ В этом же письме сообщается, что 4 человека, подчиненных иккару Нана-эрешу, уже готовы работать. Наконец, по словам автора, часть канала копают храмовые рабы, а другую часть — наемники. Очевидно, иккару, упомянутые здесь, не являются ни храмовыми рабами, ни наемниками.

В другом письме к управляющему храмом Эанна сообщается, что к нему посланы два иккару с 130 кур (19 500 л) ячменя, и автор просит вернуть обоих без промедления, так как в его распоряжении больше нет иккару.⁵⁸

⁴⁷ Nbk, 383 (3 сикля серебра); Nbd, 215 (2 сикля). По свидетельству Nbd, 1117, иккару получили $\frac{1}{3}$ сикля серебра для покупки ячменя.

⁴⁸ G. Contenau. Contrats et Lettres d'Assyrie et de Babylonie. Musée National du Louvre. Textes Cunéiformes (далее: TCL), vol. IX, Paris, 1926, № 109.

⁴⁹ NBAD, 150, 1: (amē)u-ra-šū šā (amē)ikkarāti(meš) — „смена иккару“. Э. Мур (NBAD, p. 150) приведенное выражение протранскрибировала неверно: amēl-ālāni(me) „горожане“.

⁵⁰ Camb. 19.

⁵¹ TCL, IX, 129. О работе иккару на канале см.: YBT, VI, 246.

⁵² YBT, III, 84.

⁵³ NRV, 564: (amē)ú-ra-šū šā dul-lu šā amēl (i)šepenni(meš).

⁵⁴ BIN, I, 81.

⁵⁵ YBT, III, 170.

⁵⁶ YBT, III, 17, 5: nikkasu it-ti-šū-nu e-puš „расчет с ними сделай“.

⁵⁷ YBT, III, 17, 8: (amē)šabē(meš)-šū-nu.

⁵⁸ YBT, III, 28; ср. СТ, XXII, 212: храмовый чиновник жалуется, что у него не осталось никого, кроме одного вола и одного иккару; GCCI, II, 387: храмовый чиновник послал в Эанну единственного иккару, который был в его распоряжении, и остался без работника; Nbk, 452: для выполнения какой-то работы храм Эббабарра

Большой интерес представляет письмо, в котором храмовый чиновник Калба сообщает, что ввиду участвовавшего бегства к нему были приведены иккару в оковах.⁵⁹

В ряде случаев управители доверяли иккару распоряжаться храмовым имуществом. Например, иккару Шамаш-эрба отдавал волов в пользование храмовым работникам.⁶⁰

Нередко храмы сдавали своих иккару внаем партиями по несколько сот человек вместе с отдаваемой в аренду землей, орудиями и скотом, предоставляя при этом части иккару и продовольствие.⁶¹ Но чаще иккару обрабатывали храмовую землю самостоятельно и отдавали часть урожая храму, а также уплачивали десятину со своих доходов.⁶² Такие иккару владели определенным имуществом.⁶³

Наконец, заслуживают упоминания документы, которые указывают на то, что иккару составляли сословие зависимых земледельцев. Некий Шум-укин сообщает управляющему храмом Эанна о том, что Иддина-аху является „постоянным иккару“⁶⁴ и (если ему дать соху) он вполне сможет работать. В другом письме сообщается, что 1 „человек и 5 (его) сыновей причислены к иккару“.⁶⁵ Согласно другому документу, селение Харрубе и селения, расположенные в округе Сумандар, „причислены к иккару“,⁶⁶ поэтому храм Эанна собирает с них определенную долю урожая.

По свидетельству документов архива торгового дома Мурашу, в V в. до н. э. в Ниппуре и его окрестностях иккару составляли часть неполноправного сословия шушану, которые под наблюдением специальных надзирателей шакну обрабатывали государственную землю, платили подати и выполняли повинности.⁶⁷

В поздней Вавилонии частные лица также владели иккару, которые обрабатывали земли последних и выполняли различные их поручения.

Как показывают рассмотренные документы, в храмовых хозяйствах работало большое количество земледельцев — рабов и иккару, положение

послал 33 иккару. В плохо сохранившемся документе Nbd, 1080, в котором фиксируется работа 80 человек, после групп белильщиков, пастухов и разных ремесленников упомянуты 8 иккару. О работе иккару в храмовых хозяйствах см.: YBT, III, 143; TCL, IX, 95; H. Lutz. Selected Sumerian and Babylonian Texts. Philadelphia, 1919, № 95.

⁵⁹ YBT, III, 146.

⁶⁰ Nbd, 548; ср. Суг., 73 и 80, согласно которым иккару получили с храмового склада ячмень для какой-то цели.

⁶¹ NBAD, 182; YBT, VI, 11 и т. д.

⁶² Суг., 119; Camb., 57; Dag., 198 и т. д. Иногда рабы-иккару пользовались храмовой землей на аналогичных условиях, см.: B. T. A. Evetts. Inscriptions of Evil-Merodach, Neriglissar and Laborosoarchod. Leipzig, 1892, Neriglissar, № 18.

⁶³ Например, согласно Nbd, 250, один царский чиновник за 20 сиклей серебра взял внаем волов, принадлежавших иккару.

⁶⁴ YBT, III, 110, 25: (amēl)ikkaru ka-a-a-ma-nu. Эбелинг полагает, что этим выражением обозначались лица, которые были включены навсегда в список земледельцев. См.: E. Ebeling. Neubabylonische Briefe aus Uruk. Berlin, 1931, S. 90.

⁶⁵ GCSI, II, 387, 38—39: amēlu u 5 mārē(meš) (amēl)ikkaru ma-nu-ū. Ср.: СТ, XXII, 116, 16: mārē(meš) (amēl)ikkarāti(meš) — „члены (сословия) иккару“ (дословно „сыновья иккару“).

⁶⁶ NBAD, 20, 2: (amēl)ikkarātu(meš) ma-nu-ū. По видимому, иккару жили также в так называемых „деревнях богини Белет Урукской“ — tamarite šā (d)bēlti šā uruk(ki) — YBT, VI, 122, 4; 148, 4; 232, 10.

⁶⁷ Ha-aṭ-ri šā (amēl)šu-šā-ni-e mārē(meš) (amēl)ikkarātu(meš) („из) округа шушану, (из) сословия иккару“: H. V. Hilprecht. Business Documents of Murashû sons of Nippur. Philadelphia, 1898, № 82, 10—11, 20—21; A. T. Clay. Business Documents of Murashû Sons of Nippur Dated in the Reign of Darius II. Philadelphia, 1912, № 224, 14.

которых во многом было сходно. Но тем не менее имеющийся материал заставляет полагать, что иккару в тех случаях, когда они не названы *širku*, не являлись храмовыми рабами. Об этом, в частности, свидетельствует и то, что хотя в документах упоминаются по именам сотни храмовых рабов и иккару, ни разу одно и то же лицо не названо то храмовым рабом, то иккару.⁶⁸ Необходимо иметь в виду тот факт, что иккару, принадлежавшие государству или частным лицам, не считались рабами, а составляли сословие зависимых земледельцев.⁶⁹ Одним из предположений может быть то, что это были разорившиеся люди, которые лишились своей земли, не могли существовать за счет сезонной наемной работы, а также не имели возможности арендовать чужую землю. Поэтому они добровольно в силу экономических причин обрабатывали чужую землю. Постепенно они лишились своих прав свободных членов общества, и их юридическое положение изменилось.

Таким образом, в конце VII в. до н. э. в Вавилонии возникло наследственное сословие зависимых земледельцев — иккару. Они принадлежали храмам, государству и частным лицам. Иккару не считались рабами, но целыми семьями из поколения в поколение сидели на чужой земле, будучи прикреплены к ней. Иккару не могли оставить без разрешения владельца свое местожительство. В тех случаях, когда они, оставив работу, бежали в другое место, их ловили, заковывали в кандалы и возвращали обратно.

Часть таких земледельцев работала круглый год под надзором своих владельцев и находилась на постоянном довольствии. Но чаще иккару получали от своих владельцев семена, волов и орудия производства (сохи, лопаты и т. д.), самостоятельно обрабатывали выделенную для них землю и отдавали ее собственнику часть урожая, которая в зависимости от величины земельной площади составляла несколько тысяч или десятки тысяч литров зерна.

M. A. Dandamajev

TEMPELBAUERN IM SPÄTEN BABYLONIEN

Im 6 Jahrh. v. u. Z. existierte in Babylonien ein Stand abhängiger Bauern, die Ikkaru genannt wurden. Sie gehörten zu Tempeln, dem Staat oder Privatpersonen. Die Ikkaru galten juristisch nicht als Sklaven.

Sie waren jedoch an den Boden gebunden und konnten ohne die Erlaubnis des Eigentümers ihren Wohnsitz nicht verlassen. Falls sie der Arbeit fernblieben und entliefen, wurden sie eingefangen, in Ketten gelegt und zurückgebracht.

Aus den Tempelarchiven sind Ikkaru-Verzeichnisse erhalten, die Dutzende, zuweilen auch Hunderte von Namen von Bauern nebst einer Auf-

⁶⁸ В УВТ, VII, 158 упоминается иккару — храмовый раб Данне-аххе-шу-ибни. В NBAD, 180 упоминается иккару с тем же именем, но оснований для их отождествления нет, так как во втором документе, который не датирован, это имя приводится без отчества.

⁶⁹ Ср. несколько более поздние греческие термины *ἱεροὶ Ἀπόλλωνος* („посвященные Аполлону земледельцы“ — см.: W. Dittenberger. *Sylloge Inscriptionum Graecarum*, vol. I. Lipsiae, 1915, № 22) и *γεωργοὶ βασιλικοί* („царские земледельцы“). Положение этих земледельцев во многом напоминает положение вавилонских иккару.

zählung ihrer Familienmitglieder bieten. Sie waren auf Arbeitsabteilungen verteilt, an deren Spitze „Vorsteher der Ikkaru“ standen.

Die Ikkaru verfügten nicht über eigenes Land, und nicht selten waren sie auch des Arbeitsviehs und der Werkzeuge beraubt. Ein Teil dieser Bauern arbeitete das ganze Jahr über unter der Aufsicht seiner Herren oder deren Agenten und erhielt von ihnen ihren Lebensunterhalt. Mitunter wurden sie — zusammen mit dem verpachteten Land, dem Saatgetreide, den Gerätschaften und dem Vieh — in Trupps von einigen Hundert Mann vermietet.

Die Ikkaru erhielten von ihren Herren häufig Samen, Rinder und totes Inventar (Pflüge, Spaten, Hacken u. s. w.). Selbständig bearbeiteten sie das ihnen zugewiesene Land und gaben dessen Eigentümer einen Teil der Ernte, der sich — je nach der Grösse der Bodenfläche — auf einige Tausend oder Zehntausend Liter Korn belaufen konnte.

К ВОЗНИКНОВЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ЮЖНОЙ АРАВИИ

Проблема государственного устройства древней южной Аравии, характера древнего сабейского государства привлекала пристальное внимание ученых. Но до сих пор почти все исследователи искали ответ на эти вопросы в изучении характера верховной власти, функций первоначальных правителей Саба' — мукаррибов и различий между мукаррибами и сменившими их царями.¹ Только Н. Родоканакис уделил некоторое внимание другим сабейским государственным институтам и пытался дать более подробную картину государственного устройства Саба'.² К сожалению, эта тема его работ не получила дальнейшего развития.³ Значительное количество нового материала, крупные успехи в датировке надписей и их интерпретации позволяют заново поставить эту проблему.

Так, административные и законодательные органы сабейского государства известны только по названиям, изредка упоминаемым в надписях. Поэтому естественно, что наши знания о их характере и функциях очень скудны и отрывочны. Основным источником этих данных остается этимология самих терминов, хотя уже а priori ясно, что материалы этимологического характера имеют лишь второстепенное значение при анализе социальных терминов, когда техническое значение слова может отойти очень далеко от его первоначального смысла.

В сабейском государстве I тысячелетия до н. э. выделяются два термина, обозначающие административные (или законодательные) органы: mšwd и mšnt-mšnn.

Наиболее ясен первый термин — mšwd — „совет старейшин“, имеющий хорошие этимологии в семитских языках и засвидетельствованный не только в сабейских, но в минейских и катабанских надписях.⁴ В са-

¹ N. Rhodokanakis. *Altsabäische Texte*, I. SBAW, Bd. 206, Abh. 2, 1927, SS. 20—38; J. Ryckmans. *L'institution monarchique en Arabie Meridionale avant l'Islam (Maïn et Saba)*. Louvain, 1951, pp. 73—74; M. Höfner. *War der sabäische Mukarrib ein Priesterfürst?* WZKM, 54, 1957, SS. 77—85; A. Jammé. *Inscriptions des Alentours de Mareb*. Cahiers de Byrsa, V, 1956, pp. 265—281; M. Ghul. *New Qatabani Inscriptions*, I. BSOAS, 22, 1959, pp. 13—16; Г. М. Бауэр. „Мукарриб“ и „царь“ (К вопросу о государственном строе древней Сабы). ВДИ, 1964, № 2, стр. 17—36.

² Das öffentliche Leben in den alten südarabischen Staaten (D. Nielsen. *Handbuch der altarabischen Altertumskunde*, I). Kopenhagen, 1927, SS. 109—142.

³ Более поздние работы по этой теме (A. Grohmann. *Arabien*. Kulturgeschichte des alten Orients, III, München, 1963, SS. 126—129) содержат лишь изложение взглядов Н. Родоканакиса.

⁴ W. Müller. *Die Wurzeln Mediae und Tertiae Y/W im Altsüdarabischen*. Tübingen, 1963, S. 65.

бейском термин встречается с самого раннего времени (см. RES 4907)⁵ и обозначает совет старейшин отдельных племен (RES 4907, 6—7 — mšwd/ʿrrm, RES 4176, 14 — mšwd/...šʿbn/smʿy), может быть, городов (RES 3951, 2, 3, 4, 5 — mšwd/šrwḥ, причем Сирваḥ квалифицируется в строке 4 как hgrn — „город“; ср., однако, в строках 2, 3, 4, 5 šʿbn/šrwḥ — „племя Сирваḥ“) и территориальных объединений (RES 3945, 5 — mšwd/ʿwspn). Лишь в единичных случаях упоминается совет старейшин Сабаʿ (СН 601, 4).

Сложнее обстоит дело с термином mšhnt-mšhnn, восходящим к обще-семитскому корню šhp со значением „быть горячим, зажигать“,⁶ которое совершенно не подходит к контекстам сабейских надписей. Он зафиксирован только в сабейском языке в двух формах: mšhnt (СН 69, 337, 418), видимо nomen collectivum, обозначающее какой-то орган сабейского государства, и mšhnn (СН 563 + 956, RES 3951), вероятно форма множественного числа, обозначающая членов этого коллектива. Контекст надписей позволяет считать, что термин обозначает „совет“ или „собрание“,⁷ хотя его характер остается неясным.

Содержание надписей, упоминающих эти термины, и изложенные в них законодательные или административные акты позволяют составить известное представление о деятельности и функциях этих органов, хотя до сих пор неясно различие между mšwd и mšhnt. Правда, полученные при этом выводы нельзя считать полными и надежными из-за очень незначительного числа имеющихся текстов, так как каждая надпись дает лишь прецедент, имеющий случайный характер, и новый материал всегда может открыть неизвестные и неожиданные для нас функции, новые стороны деятельности этих органов.

Совершенно неисследованной остается другая сторона проблемы — характер этих органов, их состав и принципы комплектования. Именно здесь данные эпиграфических памятников представляют особый интерес, так как являются не случайными, а закономерными. Действительно, если тема постановления совета старейшин, отраженная в надписи, зависит от конкретных исторических условий, то состав совета, выносящего это постановление, всегда традиционен и определяется только существующими законами или обычаями.⁸

В настоящей статье исследуются только характер и состав сабейского совета старейшин в отрыве от функций этого органа, сравнительно хорошо известных и ранее.

Структуру верховного органа сабейского государства, совета старейшин Сабаʿ, освещают два царских декрета, датированные III—II вв. до н. э., — надписи RES 3951 и СН 601. Первый из них адресован Иадаʿкарибу, кабиру Сирваḥа, совету старейшин (mšwd) и племени Сирваḥ и содержит постановление о снабжении продовольствием царского гарнизона, расквартированного в этом городе.⁹ Второй декрет также

⁵ M. Höfner und J. M. Solá Solé. Inschriften aus dem Gebiet zwischen Marib und dem Gof. SGL II, SS. 34—35; А. Лу н д и н. О праве на воду в сабейском государстве эпохи мукарибов. Палест. сборник, вып. 11, 1964, стр. 45—57.

⁶ J. Aistleitner. Wörterbuch der Ugaritischen Sprache. Berlin, 1963, SS. 303—304; Koeler—Baumgartner, S. 960.

⁷ См., например: N. Rhodokanakis. Sieben Inscription des III. Bandes des IV. Teils des Corpus Inscriptionum Semiticarum. Anz. AWW, 70, 1933, SS. 39; J. Pirenne. Paléographie des Inscriptions sud-arabes, I. Brussel, 1956, pp. 193—195.

⁸ Следует учитывать возможность случайного отсутствия одного или нескольких членов совета, но и тогда было необходимо наличие кворума.

⁹ A. Beeston. Sabaeen Inscriptions. Oxford, 1937, p. 72; N. Rhodokanakis. Altsabäische Texte, I, SS. 103—107.

найден в Сирвахе и устанавливает новый порядок налогового обложения для племен Саба' и Йухаблих, проживающих в этом городе.¹⁰

Оба декрета представляют собой официальные подробные записи соответствующих постановлений и отличаются полнотой и хорошей сохранностью. Это дает им особое положение среди других сабейских надписей того же характера, которые содержат либо сильно фрагментированный текст (СИН 976, RES 4123), либо простое упоминание декрета (СИН 418), либо, наконец, его краткую запись (СИН 956 + 563, 562, 126).

Исследуемые тексты дают весьма богатые сведения о структуре и составе совета старейшин Саба', хотя эти сведения иногда могут быть интерпретированы лишь с очень большим трудом. Интересующий нас материал содержится в двух частях формуляра: в преамбуле, вводящей декрет и перечисляющей „организации“, от которых он исходит, и в заключении, представляющем список свидетелей, подписавших этот акт.

Преамбулы декретов имеют следующий вид:

RES 3951	СИН-601
kn/hṭbw/whḥr	kn/hṭb
krb'l/wtr/bn/yṭ'mr/mlk/sb'	ykrbmlk/wtr/mlk/sb'/bn/yd'l/byn
wsb'/mshnn	
'd'l/dstqr'	w'd'l/dstqr'
whll/bh'w/dwmm	whll/bh'w/dwmm
wnzḥt	w'hrw/fyšn
w'hrw/fyšn	wnzḥt
w'rb'n	w'rb'n
whšrw	w'ḥšrn ¹¹
mr.....dn	wmšwdn/bklythmw
Вот что постановили и	Вот что постановил
повели	
Кариба'ил Ватар сын	Йакрубмалик Ватар царь Саба',
Йаса' амара, царь Саба',	сын Йада' ила Баййна
и Саба', советники (?):	
'Ад'ил, которое пророчес-	и 'Ад'ил, которое пророчес-
твует (?)	твует (?)
и Халил, ... (?)	и Халил ... (?)
и Назхат	и вельможи (?)
и вельможи (?)	и Назхат
и Файшан	и 'Арба'ан
и 'Арба'ан	и 'Ахсаран
и Хасрав	и совет старейшин целиком.
.....	

Интерпретация некоторых мест текста очень сложна, но сразу же бросается в глаза почти полная идентичность обоих текстов: после стандартной вводной формулы¹² идет имя царя, а после него — названия племен или коллегий, которые также участвуют в создании декрета. Выражение wsb'/mshnn, вводящее этот перечень в RES 3951 и отсутствующее в СИН 601, в данном контексте легко объясняется как общее обозначение всех последующих племен (коллегий). Действительно,

¹⁰ N. Rhodokanakis. Sieben Inscription ..., S. 39.

¹¹ Издатели „Корпуса“ читают 'ḥšrn, но чтение 'ḥšrn отчетливо видно на фотографии А. Шарафаддина (А. Н. Sharafaddin, Yemen. Taiz, 1961, p. 35).

¹² Вариант kn/hṭb см. также: СИН 976, вариант kh/hṭb/whḥr (СИН 126; 562); см. также: kn/hṭbw/wbq'/whḥr (СИН 563+956).

отсутствие союза *w* между *sb'/mshnn* и *'d'l/dstqr'* показывает, что в RES 3951 имеется какой-то перерыв в перечислении, тогда как в СИН 601 перечисление не прерывается никакими вставками. Может быть, выражению *sb'/mshnn* первого декрета соответствует фраза *mšwdn / bklythmw* — „совет старейшин целиком (= „в совокупности их)“, завершающая перечень во втором декрете. К сожалению, параллельный раздел формуляра RES 3951 не сохранился.

Самые перечни совпадают полностью, лишь имена *'hrw/fyšn* и *nzht* помещены в разной последовательности, и имени *ḥšrw* надписи RES 3951 соответствует *'ḥšrn* в СИН 601. Однако идентификация имен бесспорна: оба они представляют собой *формы множественного числа (хотя и разного способа образования) от корня *ḥšr*.¹³

Наиболее сложен вопрос об интерпретации этих имен; обычно все они понимаются как имена собственные,¹⁴ однако существуют и довольно аргументированные попытки толковать *'d'l*, *ḥll* и *ḥšrw* как нарицательные;¹⁵ так же можно интерпретировать и имя *'rb'n*.¹⁶ Основная слабость такого толкования, на наш взгляд, заключается в том, что при этом из шести параллельных имен четыре понимаются как имена собственные, а два — как нарицательные, причем толкование *nzht* и *fyšn* как имен нарицательных невозможно. Однако мы вправе ожидать для всех параллельных имен какого-то единого принципа, так как коллективы, перечисленные в преамбуле, должны носить одинаковый характер. В то же время все имена нашего перечня засвидетельствованы в сабейских надписях как имена собственные: *'d'l* — СИН 613, 2; 947, 1; 430, 5 и т. д., *ḥll* — в многочисленных надписях сабейских эпонимов и т. д. Таким образом, нам кажется более правильным понимать все имена как собственные и интерпретировать их как названия племен, составлявших сабейский совет старейшин.

Названия трех из шести племен — 'Ад'ил, Халил и Файшан — сопровождаются какими-то дополнениями, видимо, имеющими смысловой характер. К сожалению, эти дополнения не встречаются в других памятниках древнейшей эпиграфики и очень плохо понятны. Более или менее ясна только формула *'d'l/dstqr'* — „'Ад'ил, которое пророчествует“. Корень *qr'* „говорить, возглашать“ хорошо известен в семитских языках. Еще в Коране этот глагол употребляется, чтобы обозначить проповедь Мухаммада, т. е. произнесение слов, вложенных в уста пророка Аллахом. Однако такая интерпретация вызывает трудности грамматического порядка: после названия племени следовало бы ожидать множественного числа относительного местоимения.¹⁷

Фразы *ḥll/bh'w/dwmm* и *'hrw/fyšn*, как и их составные части, встречаются только в исследуемой формуле и не имеют удовлетворительного толкования. Впрочем, оно и не является необходимым для целей настоящего исследования: ясно, что обе фразы как-то определяют названия племен, но эти уточнения не меняют структуру совета старейшин. Поэтому при исследовании структуры совета можно пренебречь конкретным значением этих фраз.

¹³ A. Beeston. A Descriptive Grammar of Epigraphic South Arabian. London, 1962, 30: 1—3.

¹⁴ См.: СИН, vol. III, p. 15; G. Ruckmans. Les Noms propres sud-sémitiques. Louvain, 1934—1935.

¹⁵ N. Rhodokanakis. Altsabäische Texte, I, S. 103; A. Beeston. Sabaeen Inscriptions, pp. 72—73; RES, v. VII, pp. 3—4.

¹⁶ Оно, как и *'ḥšrn-ḥšrw*, имеет форму множественного числа. Кроме того, в ряде текстов встречаются формы двойственного числа *'rb'nhn* (Ja 556, RES 3951, 7) и неопределенного состояния *'rb'm* (СИН 487, 1; Fa 69, 1).

¹⁷ J. Pirenne. Paléographie . . . , p. 194.

Вторая часть формуляра декретов, интересующая нас, — список свидетелей, завершающий обе надписи:

RES 3959

sm'm/dt'lm
krb'l
yqhmlk/dyf'n
w'b'mr/bn/hzfrm
w'bkrb/dnzht
w'myt'/bn/mwnyn
wlhy'tt/bn/mlhn/d'rb'nhn
w'sddkr/bn/qlzn
wnš'krb/dnzhtn

СН 601

sm'm/dt'lm
ykrbmlk
w'm'mr/bn/bhlm/wsmhkrb/bn/krbm
whlk'mr/bn/hzfrm/w'm'mr/bn/hzfrm
w'bkrb/bn/mqrm/wsmhkrb/bn/hlkm
wm'dkrb/dhlfn
wsmhkrb/dtwrnhn
wnbt'l/mlk'rb'n/dbrtn

Уже тот факт, что список свидетелей, как и преамбула, начинается именем царя, наводит на мысль, что он как-то отражает преамбулу. Направляется предположение, что племена, от которых исходит декрет, представлены и в списке свидетелей. По-видимому, свидетелями были вожди племен и их представители в сабейском совете старейшин. Список свидетелей надписи RES 3951 дает и численное совпадение племен преамбулы и свидетелей: каждому племени соответствует один представитель в списке свидетелей, причем в ряде случаев, когда свидетель назван не родовым, а племенным именем, эти соответствия совершенно очевидны.

Преамбула

Список свидетелей

1. krb'l/wtr/bn/yf'mr/mlk/sb'	krb'l
2. 'd'l	yqhmlk/dyf'n
3. hl	'b'mr/bn/hzfrm
4. nzht	'bkrb/dnzht
5. fyšn	'myt'/bn/mwnyn
6. 'rb'n	lhy'tt/bn/mlhn/d'rb'nhn
7. hšrw	'sddkr/bn/qlzn
---	nš'krb/dnzhtn

Совпадения очевидны в трех случаях: 1 — царь; 4 — nzht — 'bkrb/dnzht и 6 — 'rb'n — lhy'tt/bn/mlhn/d'rb'nhn. Кроме того, для № 3 мы хорошо знаем, что Хазфарам — род племени Халил.¹⁸ При этом совпадают не только племенные названия, но и их последовательность в обоих перечнях. Это позволяет уверенно отнести род yf'n к племени 'd'l, род mwnyn — к fyšn и qlzn — к hšrw-hšrn. Выбивается из этой стройной системы только последнее лицо, упомянутое в списке свидетелей — nš'krb/dnzht. По-видимому, его следует рассматривать не как второго представителя племени Назхат в совете старейшин, как мы это делали раньше,¹⁹ а как лицо, занимающее в совете какое-то особенное положение.

Сложнее интерпретировать список свидетелей второго декрета (СН 601), в котором упомянуты не 8 свидетелей, как в RES 3951, а 10, что чрезвычайно затрудняет их распределение по племенам. Кроме того, преамбула СН 601 дает измененную последовательность племен

¹⁸ A. Lundin. Eponymenliste von Saba (aus dem Stamme Halil). Sammlung E. Glaser, V. SBAW, Bd. 248, Wien, 1965, SS. 40—44.

¹⁹ См.: А. Лундин. О праве на воду . . ., стр. 53, прим. 29. В приведенные соответствия следует внести некоторые другие уточнения.

Файшан и Назхат, и мы не можем проверить, в какой последовательности перечислены свидетели: в „традиционной“ последовательности надписи RES 3951 или в соответствии с преамбулой СИН 601. Бесспорно одно: соответствия отчетливо прослеживаются и в этой надписи, причем племена 'Ад'ил и Халил имеют по два представителя в совете старейшин. Примерную схему этих соответствий можно изобразить следующим образом:

Свидетели

Племена	RES 3951	СИН 601
'd'l	yqhmlk/dyf'n	'm'mr/bn/bhlm; smhkrb/bn/krbm
hll	'b'mr/bn/hzfrm	hlk'mr/bn/hzfrm; 'm'mr/bn/hzfrm
nzh't	'bkrb/dnzht	'bkrb/bn/mqrm
fyšn	'myt'/bn/mwnyn	smhkrb/bn/hlkm
'rb'n	lhy'tt/bn/mlhn/d'rb'nhn	m'dkrb/bn/hlfn
'hšrn-hšrw	'sddkr/bn/qlzn	smhkrb/dtwrnhn
---	nš'krb/dnzhtn	nb't'l/mlk/'rb'n/dbrtn

При этом Наба'ил, царь 'Арба'ан, занимает последнее место в перечне свидетелей, хотя племя 'Арба'ан в преамбуле предшествует племени 'Ахсаран; видимо, он, как и Наша'кариб зу-Назхат надписи RES 3951, занимал в совете старейшин какое-то особое положение.

Таким образом, можно установить основные черты структуры сабейского совета старейшин. Во главе совета стоял царь. Кроме него, в совет входили представители шести племен: 'Ад'ил, Халил, Назхат, Файшан, 'Арба'ан и 'Ахсаран. Видимо, в совокупности эти племена охватывали все население сабейского государства, во всяком случае все полноправное население. Особо выделяются племена 'Ад'ил и Халил, которые могут быть представлены в совете двумя лицами, тогда как остальные племена имеют, видимо, по одному представителю. В состав совета входило еще лицо с какими-то особыми функциями, но не в качестве представителя племени. Однако и это лицо должно было принадлежать к одному из этих же шести племен. Может быть, этот особый пост занимали по очереди представители всех шести племен совета.

Попытаемся охарактеризовать племена, имевшие представителей в совете старейшин сабейского государства. Наиболее известно племя Халил, которое часто упоминается в надписях и играло важную роль в сабейском государстве как эпонимное племя. Сохранился список эпонимов этого племени, содержащий много данных о характере и структуре Халил. К сожалению, он ничего не сообщает о племенных органах управления, хотя по другим источникам известно, что в сабейских племенах существовал совет старейшин — mšwd.

Племя Халил возглавлялось лицами, носившими титул bkr/hll/wkbrhmw — „первенец Халил и кабир их“. Оно делилось на крупные ветви, из которых нам известны две — Саб'ан и Шақран, причем вожди Саб'ан также носили титул bkr. Племя делилось также на роды; известны имена трех родов: Хазфарам, Сабхарам и Бахрам, однако взаимоотношения между ветвями племени и родами остаются неясными. Вожди Халил довольно часто носят титул mwd — „друг“ мукарриба, причем в титуле может упоминаться одно, два или три имени мукаррибов.

Однако хорошо известна нам только одна функция вождей Халил — эпонимная функция. Чтобы привлечь эти данные для объяснения структуры сабейского совета старейшин, следует вспомнить основные особенности сабейского эпонимата.

Общесабейские эпонимы занимали свой пост на протяжении семи лет. При этом должность эпонима являлась наследственной в пределах рода и племени и передавалась в генеалогической последовательности от отца к сыну. Эти два принципа сочетались при помощи череда эпонимата, т. е. строгой последовательности передачи поста эпонима от одного племени и рода к другому племени. В общесабейской системе эпонимата участвовало три племени, каждое из которых было представлено определенным родом. Известны названия всех трех эпонимных родов: *Хазфарам*, *Фадахам* и *Хазмат*.

Род *Хазфарам* представлял в общесабейском эпонимате племя *Халил*. Эпонимы из этого племени называются в надписях, датированных по эпонимам, двояко: либо *bn/hzfrm*, либо *bn/kbr/hll*. Эпонимы родов *Фадахам* и *Хазмат* всегда называются родовым именем, поэтому до сих пор не установлено, к каким племенам принадлежат эти роды.

Одновременно внутри каждого эпонимного племени действовала своя локальная система эпонимата, по структуре совпадающая с общесабейской. Так, в племени *Халил* существовал черед трех эпонимных родов: *Хазфарам*, *Сабхарам* и *Бахрам*. При этом эпоним из *Хазфарам* был одновременно и общесабейским эпонимом, и локальным эпонимом племени *Халил*, а эпонимы из *Сабхарам* и *Бахрам* — только локальными эпонимами, так как пост общесабейского эпонима в это время занимали представители *Фадахам* или *Хазмат*.

Важной чертой сабейского эпонимата является система ономастики, к сожалению, еще не исследованная. Мы ограничимся лишь изложением предварительных итогов некоторых наблюдений, наиболее важных для выяснения структуры общесабейского совета старейшин.

Главной особенностью ономастики сабейских эпонимов являются ее систематичность и обусловленность какими-то обычаями сакрального характера. Так, общесабейские эпонимы в подавляющем большинстве случаев носят особые имена, которые мы называем „характерными“. Таких имен насчитывается всего шесть: *Тубба'кариб*, *Сумхукариб*, *Ма'адкариб*, *Наша'кариб*, *'Абкариб* и *Вадад'ил*.²⁰ Правда, „характерные“ имена могли, видимо, постепенно изменяться на протяжении веков, и приведенный список относится к I—III вв. н. э., отделенному от исследуемого периода значительным промежутком времени.²¹

Нехарактерные имена, изредка встречающиеся как имена эпонимов, также немногочисленны и легко выделяются по форме и способу образования. По-видимому, их можно рассматривать как „характерные“ имена локальных племенных эпониматов.

Систематичность в какой-то мере распространяется, видимо, и на родовые имена эпонимных племен; во всяком случае названия родов племени *Халил* (*Хазфарам* — *Сабхарам* — *Бахрам*) и ветвей того же племени (*Саб'ан* — *Шақран*) показывают явный параллелизм в способе образования.

Наиболее интересны в ономастике сабейского эпонимата закономерные и систематические соответствия имен эпонимов. Они заключаются в том, что имя эпонима из *Фадахам* через пять эпонимных циклов повторяется как имя эпонима из *Хазмат*, а имя эпонима из *Хазмат* через пять эпониматов повторяется как имя эпонима из *Хазфарам*.²² Эта законо-

²⁰ Отметим совпадение этого числа с числом „тронных имен“ сабейских мукар-рибов.

²¹ См.: А. Лундин. Дополнения к списку сабейских эпонимов. ВДИ, 1966, № 4, стр. 82—91.

²² Имена эпонимов из *Фадахам* не определяются именами предшествующих им эпонимов из *Хазфарам*.

мерность наблюдается в 62.5% возможных случаев, причем процент нарушений соответствий остается постоянным на протяжении почти трех веков.²³

По-видимому, закономерные соответствия имен эпонимов объясняются обычаями, параллельным обычаем, отраженному в надписях с формулой *ḡryhw*.²⁴ Гипотетически этот обычай можно реконструировать так: при рождении будущего эпонима, вероятно, производился какой-то сакральный обряд, одним из элементов которого было своеобразное „крещение“ будущего эпонима. Он получал при этом то же имя, которое носил эпоним, выполнявший свои функции в момент обряда. Такой обычай объясняет значительное число нарушений закономерных соответствий имен: каждая преждевременная смерть будущего эпонима приводила к нарушению соответствий имен. Этот обычай позволяет сделать и другой любопытный вывод: сабейские эпонимы вступали на свой пост в возрасте от 28 до 35 лет.

Закономерные соответствия имен показывают своеобразную иерархию эпонимных племен: имя эпонима из Фадахам не определяется именем другого эпонима; имя эпонима из Хазмат определяется именем эпонима из Фадахам и в свою очередь определяет имя эпонима из Хазфарам; последнее определяется именем эпонима из Хазмат, но не определяет никакого другого имени.

Таким образом, можно установить следующее старшинство эпонимных племен: Фадахам — Хазмат — Хазфарам. Интересно отметить, что оно не совпадает с порядком чередования эпонимов, так как пост эпонима переходил от племени к племени в такой последовательности: Фадахам — Хазфарам — Хазмат.²⁵

До сих пор неизвестно, какие племена соответствуют родам Фадахам и Хазмат, представленным в общесабейском эпонимате. Однако материал, изложенный выше, позволяет предпринять попытку такой идентификации.

Кроме списка эпонимов из племени Халил, нам известен фрагмент другого параллельного списка эпонимов, видимо списка другого эпонимного племени. Это надпись G1 1131+1132+1133, по формуляру точно совпадающая с одной из надписей списка эпонимов племени Халил, G1 1743.²⁶ К сожалению, в ней не сохранилось родовое имя эпонимов; отсутствует и название племени. Надпись G1 1131+1132+1133 происходит из местности Джисват Ал Джарадан, 15—20 км к востоку от Мариба. Нам известно лишь небольшое число текстов из этой местности, причем значительная часть их не издана. Но даже эти немногочисленные надписи несколько раз упоминают племя 'Ад'ил.²⁷ Это позволяет предположить, что эпонимы G1 1131+1132+1133 принадлежали к племени 'Ад'ил и что 'Ад'ил было одним из трех эпонимных племен сабейского государства.

Но племя 'Ад'ил занимает первое место среди племен сабейского совета старейшин; его именем всегда открывается перечень племен, от которых исходит декрет. Среди общесабейских эпонимных родов такое же положение занимает род Фадахам. Это позволяет считать род Фадахам частью племени 'Ад'ил.

²³ А. Лундин. Дополнения..., стр. 86—89.

²⁴ A. Loundine et J. Ruckmans. Nouvelles données sur la chronologie des rois de Saba et du-Raydan. Le Muséon, v. LXXVII, 1964, pp. 412—413.

²⁵ Там же, стр. 408.

²⁶ A. Lundin. Eponymenliste von Saba, S. 76.

²⁷ См.: G1 1136=1577. Я пользуюсь случаем выразить благодарность Австрийской академии наук, предоставившей мне фотографии неизданных надписей коллекции Э. Глазера для исследования.

Списки свидетелей сабейских декретов позволили нам установить названия трех подразделений племени 'Ад'ил: *yf'n* — Йафи'ан, *bhlm* — Бахлам и *krbm* — Карбам. Можно заметить сходство двух последних имен с именем Фадахам, хотя и не столь отчетливое, как в родовых именах племени Халил. Возможно, что имя Йафи'ан обозначает не род, а более крупное подразделение племени 'Ад'ил. Об этом свидетельствует и тот факт, что оно вводится не словом *bn* — „сын“, а частицей *d*. В таком случае можно отметить его сходство с именами ветвей Халил — Саб'ан и Шақран, а также идентичность образования родовых имен в племенах Халил и 'Ад'ил.

В сабейском эпонимате участвовало три племени, из которых нам теперь известны два. Оба они входят в сабейский совет старейшин, возглавляя перечень племен, его составляющих. Естественно предположение, что и третье эпонимное племя входило в совет старейшин. Развивая это положение, можно прийти к выводу, что оно должно занимать в перечне третье место.

Но здесь перед нами встает неожиданное затруднение, так как именно в этом месте порядок перечня в двух имеющихся надписях расходится: RES 3951 ставит на третье место племя Назхат, а СІН 601 — Файшан. Косвенные данные, по которым можно было бы определить, какое из этих племен должно занимать третье место, также расходятся. С одной стороны, племя Файшан объединяется с 'Ад'ил и Халил тем, что это имя в перечне племен сопровождается каким-то значимым компонентом (*'hrw*), который отсутствует при названиях племен Назхат, 'Арба'ан и 'Ахсаран, с другой стороны, отчетливое сходство в форме имен Назхат и Хазмат заставляет считать, что Хазмат является ветвью Назхат. В таком положении трудно сделать определенный вывод, однако нам все же кажется, что данные более древнего²⁸ декрета RES 3951 заслуживают предпочтения. В дальнейшем изложении мы будем исходить из того, что третьим эпонимным племенем следует считать Назхат, и рассматривать Хазмат как ветвь этого племени, несмотря на всю проблематичность такой идентификации.²⁹

Во всяком случае идентификация первых трех племен совета старейшин с эпонимными племенами представляется очевидной. При этом последовательность племен в преамбулах декретов ('Ад'ил — Халил — Назхат) совпадает с последовательностью череда эпонимов (Фадахам — Хазфарам — Хазмат), но не совпадает с иерархией эпонимных племен, установленной нами по закономерным соответствиям имен эпонимов.

Это еще раз подчеркивает, что термин „иерархия“, использованный нами, носит чисто условный характер и никоим образом не обозначает неравноправия племен или подчинения одного племени другому. По-видимому, все три эпонимных племени были совершенно равноправны и занимали одинаковое положение в сабейском государстве. Строгая последовательность их перечисления была лишь традиционной, восходя, может быть, к мифической генеалогии предков племенного союза (подобно старшинству двенадцати колен израильских) или же объяснялась каким-то разделением между племенами функций, скорее всего сакральных, в совете старейшин.

²⁸ J. P i r e n n e. Paléographie. . . , pp. 194—195; H. W i s s m a n n. Zur Geschichte und Landeskunde von Alt-Südarabien. Sammlung E. Glaser, III. SBAW, Bd. 246, Wien, 1964, Taf. II.

²⁹ Впрочем, перестановка племен Назхат и Файшан не изменит структуры сабейского совета старейшин.

В этой связи следует вернуться к спискам свидетелей — членов совета старейшин — и еще раз пересмотреть отнесение некоторых свидетелей к конкретным племенам.

Мы уже отмечали, что в списке свидетелей надписи СИН 601 первые два племени представлены двумя лицами каждое, тогда как все остальные имеют только по одному представителю. Однако кажется весьма странным, что одно из эпонимных племен вдруг оказывается в неравноправном положении. С другой стороны, родовые имена шестого и седьмого свидетелей (mqgm и hlkm) показывают не только большое сходство между собой, но и сходство с родовыми именами двух первых эпонимных племен. Это позволяет считать, что оба свидетеля относятся к одному племени и что, следовательно, каждое из трех эпонимных племен в списке свидетелей декрета СИН 601 представлено двумя лицами. Родовые имена в трех оставшихся племенах при таком делении свидетелей по схеме образования также совпадают между собой, но отличаются от родовых имен эпонимных племен.

С учетом этих данных схему соответствий племен и свидетелей можно представить в уточненном виде:³⁰

Свидетели

Племена	RES 3951	СИН 601
	'd'l yqhmlk/dyf'n	'm'mr/bn/bhlm; smhkrb/bn/krbm
	hll 'b'mr/bn/hzfrm	hlk'mr/bn/hzfrm; 'm'mr/bn/hzfrm
	nzht 'bkrb/dnzht	'bkrb/bn/mqgm; smhkrb/bn/hlkm
	fyšn 'myt'/bn/mwnyn	m'dkrb/bn/hlfn
	'rb'n lh'y'tt/bn/mlhn/d'rb'nhn	smhkrb/dtwrnhn
	'hšrn 'sddkr/bn/qlzn	?
- -	nš'krb/dnzhtn	nb't'l/mlk/'rb'n/dbrtn

При такой интерпретации оказывается, что в списке свидетелей декрета СИН 601 не упомянут представитель племени 'Ахсаран, но это не должно нас смущать: возможны и случайное отсутствие этого лица при принятии данного решения совета, и ошибка писца, тем более вероятная, что он уже, видимо, допустил ошибку в традиционном порядке перечисления племен в преамбуле, и, может быть, какая-либо иная случайная причина.

Возникает вопрос: почему в декрете RES 3951 список свидетелей называет по одному представителю каждого племени совета старейшин, тогда как в СИН 601 эпонимные племена имеют по два представителя? Очень заманчиво предположить, что оба декрета отражают какую-то административную реформу, вызвавшую перемены в составе совета, связанные с изменением роли и значения отдельных племен и, вероятно, в конечном счете — с социальной борьбой в сабейском государстве. Однако такое предположение кажется преждевременным, так как это же явление можно объяснить и целым рядом других причин. Возможно, например, что декреты разного характера требовали присутствия разного числа членов совета (или просто разного числа подписей свидетелей). Еще более вероятно, что состав совета просто не полностью отражен в записи декрета: нам известны простые упо-

³⁰ При этом dyf'n, как уже отмечалось, не название рода, а имя более крупной ветви племени 'Ад'ил. Точно так же hdmт, вероятно, не родовое имя, а название крупного подразделения, быть может, стоящего в генеалогическом древе на той же ступени, что и племя Назхат.

минания декретов (СН 418) и краткие записи, составленные от имени царя (СН 126, 562 и т. д.), даже не упоминающие совет старейшин. Так и RES 3951 может давать неполный состав совета, перечисляя только по одному представителю от каждого племени.³¹

Тем не менее надпись СН 601 позволяет выделить в сабейском совете старейшин две группы племен с неравным представительством. Первую составляют эпонимные племена 'Ад'ил, Халил и Назхат, представленные двумя лицами каждое, вторую — племена Файшан, 'Арба'ан и 'Ахсаран, представленные каждое одним лицом. По-видимому, это позволяет говорить о неравноправности племен этих двух групп в совете старейшин, хотя особое место — место лица, завершающего список свидетелей, могло принадлежать как представителю эпонимного (Назхат — RES 3951), так и неэпонимного ('Арба'ан — СН 601) племени.

Неэпонимные племена совета старейшин известны нам очень мало. Их функции и роль в совете остаются пока совершенно неизвестными. В сабейских надписях более или менее часто упоминается только племя Файшан, однако данные о нем представляются нам спорными. Так, знаменитая надпись мукарриба Саба' Кариба'ила Ватара сына Замар'алайа (RES 3946) позволяет предположить, что сам мукарриб принадлежал к племени Файшан. Во всяком случае Кариба'ил сообщает, что захваченными землями он „увеличил свое племя Файшан“ (yšfmw/hwh/fyšn — RES 3945, 4, 8).³² Однако никакой другой материал надписей не подтверждает тезиса об особой связи мукаррибов с племенем Файшан. Племя Файшан играло, по-видимому, важную роль в истории сабейского государства в I тысячелетии до н. э. Целый ряд надписей упоминает sb'/wfyšn — „Саба' и Файшан“ (СН 418, 562 и т. д.). Однако такое словоупотребление может быть и просто случайным, объясняясь, например, локальным характером соответствующего декрета. Так, в надписи СН 601 в аналогичном контексте упоминается sb'/wyhblh — „Саба' и Йухаблх“, хотя имя Йухаблх совершенно неизвестно по другим надписям.

Племя 'Арба'ан известно по двум посвячительным надписям периода мукаррибов (СН 487 и Fa 69), установленным царями 'Арба'ан, и трем надписям „периода царей“ (СН 601, RES 3051 и Ja 556). Кроме того, в нескольких текстах упоминается род mlhn (СН 109, 2; 657, 2; 970, 4—5 и т. д.). Этот материал слишком незначителен, чтобы составить ясное представление об этом племени. Однако надписи дают материал совершенно неожиданного характера, позволяющий пролить свет на структуру племени 'Арба'ан и его положение в сабейском совете старейшин.

Для этого следует обратить внимание на сабейский культовый обычай посвящения двух быков, засвидетельствованный в четырех надписях: Ja 696³³, Nami NAG 19,³⁴ Ja 567 и Ja 665. Посвящение делается 'Алмақаху (в трех случаях) или 'Астару (в одном — Nami NAG 19), причем в тех надписях, где посвящение составляет основной сюжет текста (Ja 696 и Nami NAG 19), оно сопровождается посвящением алтаря для благо-

³¹ Ср. катабанский декрет RES 3566, где список свидетелей перечисляет несколько десятков человек.

³² Отметим, что „племя“ совета старейшин обозначено термином hwh, а не обычным šb'; последний термин, насколько мне известно, в ранний период не применяется к племенам совета.

³³ Сохранился также дубликат текста, Ja 697.

³⁴ Kh. Nami. Nuquš 'arabiyat ḡanubiyat, VI. Maḡallat kuliyat al-'Adab, 24. Cairo, 1966, pp. 6—7.

воний (mqtr). Наличие нескольких надписей аналогичного содержания позволяет сделать вывод, что посвящение „двух быков“ имело определенное сакральное значение и было связано с каким-то определенным обрядом. По-видимому, этот обряд раскрывает надпись Ja 567, 7—8, в которой сказано: *kyr'ynhw/byw/trnhn* — „Когда он (Алмагах) показал ему видение (оракула) между двумя быками“. Таким образом, обряд посвящения двух быков был как-то связан с оракулом, получаемым автором надписи в форме „видения“.

Сразу же вспоминается один из свидетелей декрета СИН 601 — Сумхукариб зу-Савранхан из племени 'Арба'ан. Очень заманчиво понимать здесь *dtwrnhn* как имя нарицательное, а не как название рода, тем более что родовое имя *twrnhn* (*twr*) в других сабейских надписях не встречается.³⁵ Выражение *dtwrnhn* легко истолковывается как нарицательное „владелец двух быков“, что позволяет связать это наименование с описанным выше обрядом посвящения двух быков.

Действительно, многие племена совета старейшин были связаны с обрядами оракулов. Так, непосредственно в преамбуле декретов племя 'Ад'ил названо *'d'l/dstqr* — „Ад'ил, которое пророчествует“. О связи эпонимных племен с оракулами говорит также обычай, отраженный в надписях с формулой *dsryhw*, обычай, по которому эпоним сообщал определенным категориям лиц оракул по случаю рождения ребенка. Видимо, с оракулом связаны и закономерные соответствия имен эпонимов. В свете этих данных связь племени 'Арба'ан с определенным видом оракула представляется вполне естественной.

Нам уже приходилось говорить, что эпонимы, как и мукаррибы Саба', выполняли одновременно и сакральные, и хозяйственные функции.³⁶ Сочетание сакральных и хозяйственных (или административно-законодательных) функций было свойственно, вероятно, всем членам сабейского совета старейшин. В частности, сакральной функцией, наследственной в племени 'Арба'ан, был оракул „между двумя быками“. Следует предположить, что этот обряд играл важную роль в жизни сабейцев, а лицо, его совершавшее, занимало высокое положение в государстве. Именно поэтому Сумхукариб назван не родовым или племенным именем, а прозвищем по жреческой функции, которую он выполнял.

В надписях Ja 696 и Nami NAG 19, специально сообщающих о посвящении двух быков, авторы называют себя *'dm/kbr('kbrw)/hl* — „слуги (рабы?) кабиров Халил“. Вряд ли можно предположить, что здесь идет речь об их личной зависимости. Посвящение двух бронзовых статуэток и алтаря для благовоний, да и сама надпись, превосходно высеченная в двух экземплярах, говорят о значительном богатстве, а выполнение жреческих функций — о высоком социальном положении. Скорее следует думать, что все племя 'Арба'ан было в какой-то мере подчинено племени Халил и рассматривалось как его *'dm* — „слуги, подданные“. Исследование Г. М. Бауэра показало, что и племя Файшан также рассматривалось в ряде случаев как *'dm*.³⁷ Это позволяет, видимо, распространить полученные выводы и на третье неэпонимное племя совета старейшин, 'Ахсаран. По-видимому,

³⁵ Единственное исключение *bnw/twr* в СИН 436,4. Отметим, что эта надпись содержит формулу *dsryhw*, показывающую какую-то связь авторов надписи с эпонимом.

³⁶ А. Lundin, *Eponymenliste von Saba*, S. 63; А. Лундин. Надписи Йада'ила Зариха сына Сумху'алай, мукарриба Саба'. ВДИ, 1960, № 3, стр. 18—24.

³⁷ Г. М. Бауэр. Сабейские надписи как источник для исследования земельных отношений в Сабе „эпохимукаррибов“. М., 1964, стр. 29.

каждое из эпонимных племен было связано с одним из неэпонимных, образуя пары: 'Ад'ил—Файшан, Халил—'Арба'ан и Назхат—'Ахсаран. При этом племена Файшан, 'Арба'ан и 'Ахсаран занимают подчиненное положение и рассматриваются как 'dm — „подданные“ соответствующего эпонимного племени. Соответственно и в совете старейшин они имеют только половинное представительство.

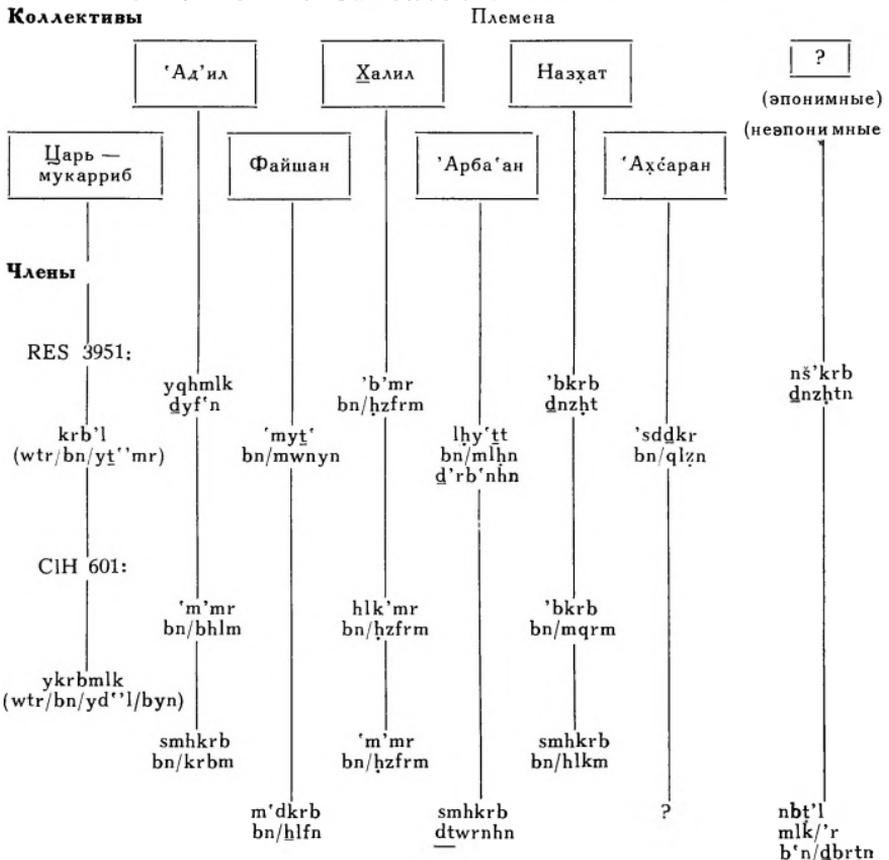
В результате проделанного исследования теоретическая структура сабейского совета старейшин предстает перед нами в виде стройной и законченной системы (см. табл. I). При этом принципы, определяющие эту структуру, полностью совпадают с теми принципами, на которых построена система сабейского эпонимата. Совпадение это касается как основных черт системы, так и отдельных деталей, которые мы можем проследить.

Семилетнему сроку эпонимата соответствует деление совета старейшин на семь „компонентов“ —царь (ранее, вероятно, главой совета был мукарриб) и шесть племен.

Тройному череду эпонимата соответствует тройное деление основных (эпонимных) племен совета старейшин и такое же деление их „подданных“. При этом иерархия племен совета, выражающаяся в по-

Таблица I

СТРУКТУРА САБЕЙСКОГО СОВЕТА СТАРЕЙШИН

следовательности их упоминаний в преамбулах декретов, совпадает с порядком череда эпонимов.

Принцип последовательной смены эпонимов и перехода поста от одного племени к другому существовал, видимо, и в пределах совета старейшин: так, последний из членов совета, подписывавших декреты, исполнявший в совете какие-то особые функции, мог принадлежать к разным племенам совета, видимо, с соблюдением очередности.

Генеалогический принцип замещения должности соблюдался, по-видимому, и в совете старейшин. В настоящее время еще нет достаточного материала, чтобы определить, был ли пост члена совета наследственным в пределах одного рода или нескольких родов каждого племени. Возможно, что в разных племенах положение было неодинаковым. Так, все три члена совета старейшин от племени Хаил, известные нам, принадлежат к одному роду Хазфарам, а три члена совета от племени 'Ад'ил, — видимо, к трем разным родам (хотя возможно, что и Бахлам, и Карбам — лишь ветви рода Йафи'ан). Племена Назхат, Файшан и 'Арба'ан представлены в совете старейшин также минимум двумя родами каждое.

Сочетание жреческих и административно-хозяйственных функций, характерное для эпонимов, свойственно и членам совета старейшин, в первую очередь главе совета, мукаррибу. Видимо, сакральные функции имел и весь совет в целом, причем они сочетались с такими административно-хозяйственными прерогативами, как установление налогов и податей и с судебными функциями.

Следует отметить очень интересный и остающийся необъясненным факт: при всем тождестве структуры совета старейшин и структуры эпонимата, при том, что представители эпонимных племен составляли основу совета (а в племени Хаил это были даже представители эпонимного рода Хазфарам), общесабейский эпоним во время выполнения своих функций, видимо, не входил в состав совета старейшин. Хотя оба декрета, дающие перечень членов совета, содержат одновременно и датировку по эпониму, но в обоих случаях имя эпонима не повторяется в списке свидетелей декрета. Возможно, впрочем, что эпонимы становились членами совета старейшин лишь по окончании своего эпонимного срока.

Структура сабейского совета старейшин, точнее, такая ее черта, как деление на шесть племен, нашла какое-то отражение даже в сабейской религии. Уже очень давно было установлено, что „национальным“ божеством сабейцев был бог луны 'Алмаках. Ему посвящены наиболее крупные сабейские храмы: знаменитый 'Аввам в Марибе, храмы в Сирвахе в Хаулане, в ал-Масаджид, в 'Амране и т. д. К 'Алмакашу обращено большинство известных сабейских надписей. Наконец, для обозначения сабейского государства в надписях сабейских мукаррибов применялась недвусмысленная формула: 'lmqh/wkrb'l (yd'1)/wsb' — „'Алмаках и Кариба'ил (Йада'ил) и Саба“.

Однако исследование надписей сабейских мукаррибов неожиданно показало, что в этот период верховным богом сабейцев был не 'Алмаках, а 'Астар: все сакральные действия мукаррибов обращены к нему. Кроме того, 'Астар всегда занимает первое место при перечислениях сабейских божеств. При этом, в отличие от более поздних периодов, он называется без всякого прозвища или эпитета, только по имени. Лишь в одной категории надписей, в текстах с формулой „ритуальной трапезы“³⁸, упоминается 'ttr/ddbn — „'Астар зу-Зибин“.

³⁸ А. Лундин. Новый фрагмент сабейской надписи периода мукаррибов. Палест. сборник, вып. 15(78), 1966, стр. 47—53.

Надписи эпонимов племени Халил также обращены к 'Астару. При этом только в самых ранних текстах 'Астар не имеет эпитета; более поздние (видимо, начиная с VIII—VII вв. до н. э.) обращены к 'Астару зу-Зибину. Самый список эпонимов племени Халил находился, по-видимому, в Сирвахе в 'Архабе и был связан со святилищем 'Астара зу-Зибина.

Единственная надпись списка эпонимов племени 'Ад'ил обращена к 'Астару зу-Фари'атаму ('ttr/dfr'tm). Этот эпитет 'Астара встречается в надписях лишь дважды, второй раз — в вотивном тексте периода мукаррибов (Gl 1175+1130+1134) из Джисват Ал Джарадан. Таким образом, можно предположить, что 'Астар зу-Фари'атам был племенным божеством 'Ад'ил.

Среди посвяtitельных надписей периода мукаррибов можно найти лишь несколько текстов, обращенных к 'Астару: одну надпись, в которой он назван без эпитета (СН 439), два посвящения 'Астару зу-Фари'атаму (Gl 1175+1130+1134 и Gl 1131+1132+1133), одно — 'Астару зу-Зибину (Gl 1743) и одно — 'Астару зу-Гавфатаму (RES 4371). Напрашивается предположение, что последний был племенным божеством третьего эпонимического племени — Назхат.

Посвяtitельные надписи царей 'Арба'ан, известные нам (СН 487 и Fa 69), обращены к hwbs/w'lmqh — „Хавбасу и 'Алмахаху“ (ср. также надпись СН 491, автор которой неизвестен).³⁹ Однако Ж. Рикманс недавно доказал идентичность 'Астара и Хавбаса;⁴⁰ таким образом, можно прийти к выводу, что почитание 'Астара, хотя и под другим именем, было распространено и среди неэпонимных племен сабейского совета старейшин. Однако выяснить, в какой именно локальной форме почитался 'Астар в племенах Файшан и 'Ахсаран, очень сложно.

Вотивные надписи периода мукаррибов содержат еще два типа посвящений 'Астару: 'ttr/w'lmqh (RES 4808 и RES 4810) и Хавбасу без эпитета (СН 488, RES 4510, 4963, 4516 = Gl 1102), однако племенная принадлежность посвяtitелей остается неизвестной. По-видимому, один из типов был свойствен племени Файшан, другой — племени 'Ахсаран. Следовательно, 'Астар—Хавбас почитался во всех племенах совета старейшин, но в каждом племени имелись свои культовые особенности (см. табл. II).

Отметим еще одну характерную черту посвяtitельных надписей периода мукаррибов, обращенных к 'Астару—Хавбасу; в подавляющем большинстве случаев их авторы называют свой титул: 'bd — „раб“ мукарриба (СН 439, RES 4510, 4516, 4810), mlk — „царь“ (СН 487, Fa 69), gšw — „жрец“ (RES 4371), kbr/'qunm — „кабир қайнов“ (СН 488, RES 4963), т. е. выступают как официальные лица. Во многих надписях посвяtitели носят имена, засвидетельствованные как имена эпонимов (nš'krb, th'krb, 'mkrb и т. д.), т. е. имена, характерные для племен совета старейшин. Только в одной надписи RES 4808 посвяtitель не имеет ни титула, ни характерного имени. Все это позволяет с большой долей вероятности предположить, что все надписи периода мукаррибов, обращенные к 'Астару—Хавбасу, связаны с государственным аппаратом. Правда, этот вывод несколько не вяжется с тем, что „национальным“ богом сабейцев и воплощением сабейского государства был

³⁹ Надпись Nami NAG 19, авторы которой, видимо, принадлежат к племени 'Арба'ан, обращена к 'Астару Шарқану („Восточному“). Однако этот широко распространенный в южной Аравии эпитет нельзя считать племенной особенностью 'Арба'ан.

⁴⁰ J. Ruckmans. De quelques divinités sud-arabes. Ephemerides Theologicae Lovanienses, t. XXXIX, 1963, pp. 462—463.

‘Алмақах, но он достаточно обоснован фактическим материалом. Решение этого противоречия требует дальнейшего исследования.

Титул *kbr/’qunm*, встреченный нами в votивных надписях, обращенных к Хавбасу, заставляет вернуться к сабейскому кабирату. Этот институт был широко распространен во всех государствах древнего Йемена и достаточно хорошо исследован. Однако сейчас можно отметить еще одну черту сабейского кабирата: сабейские надписи, как правило, связывают институт кабиров с племенами совета старейшин. Так, в них упоминаются „кабиры ‘Ад’ил“ (СН 430 и т. д.), „кабиры Халил“ (Ja 613, 615, 618 и т. д.) и „кабиры ‘Ахсаран“ (Ja 816, 2; ср. также *kbr/ḥsrn* в RES 4806C). По-видимому, можно обнаружить и кабиров третьего эпонимного племени Назхат. Так, посвятельная надпись периода мукаррибов СН 673 упоминает некоего Хааак’амара, носящего титул *kbr/nhmt* — „кабир Нахмат“. Сразу же бросается в глаза сходство этого имени с именами *ḥdmt* и *nzhṭ*, не меньшее, чем между названиями родов племени Халил (Хазфарам — Сабхарам — Бахрам), позволяющее высказать предположение об отнесении кабиров Нахмат к племени Назхат.

Остаются еще два племени совета старейшин, для которых нам неизвестны кабиры: Файшан и ‘Арба’ан. В то же время остаются неидентифицированными *kbr/’qunm* — „кабиры ‘Ақйанам“ (кабиры кайнов), игравшие весьма важную роль в сабейском государстве и чаще всего встречающиеся в надписях (см.: СН 488, RES 4963, Ja 615, 684 и т. д.). Их связь с каким-то из племен совета старейшин совершенно несомненна; об этом говорят часто встречающиеся в поздних сабейских надписях выражения *kbrhll/wkbr/’qunm* — „кабиры Халил и кабиры ‘Ақйанам“ (Ja 684, 739, 758 и т. д.) и *kbr/’ḥsrn/w’qu[nm]* — „кабиры ‘Ахсаран и ‘Ақй[нам]“ (Ja 816). Таким образом, „кабиры ‘Ақйанам“ могут быть отнесены к племенам Файшан или ‘Арба’ан.

Возвратившись к надписям СН 488 и RES 4963, мы увидим, что эти тексты по имени божества — *hwbs* — можно отнести или к племени Файшан, или к племени ‘Ахсаран; но по титулу *kbr/’qunm* они могут быть отнесены или к племени Файшан, или к племени ‘Арба’ан. Сравнение двух признаков позволяет уверенно отнести кабиров ‘Ақйанам к племени Файшан⁴¹ (см. табл. II).

Неидентифицированными остаются только кабиры племени ‘Арба’ан; однако, может быть, вожди этого племени просто носили другой титул *mlk*, засвидетельствованный для них надписями в таком же контексте, как титул *kbr/’qunm* (ср., например, надписи СН 487, Fa 69 и СН 488, RES 4963).

В этой связи чрезвычайно важно, что кабиры племени Файшан называются обычно не по имени племени, а *kbr/’qunm* — „кабиры кайнов“. Термин *qun*, мн. ’*qun* часто встречается в сабейских надписях (Gl 1719 + 1717 + 1718,2; Ja 550,1; 552,1; 554; 555,1,3; 556 и т. д.), всегда как титул автора. Этот титул может связывать посвятеля с божеством (Ja 556: *qun/hwbs/w’lmqh*; Ja 554: *qun/’lmqh*), с мукаррибом (Gl 1719 + 1717 + 1718,2—3: *qun/yd’¹*), городом (Gl 1719 + 1717 + 1718,2: *qun/mryb/dṭss*; Ja 553,3: *qun/mryb*) или родом (Ja 550,1: *qun/shr*). Реальное значение титула остается не вполне ясным, но с уверенностью можно сказать,

⁴¹ Отметим, однако, что надписи упоминают и „кабира Файшан“ (RES 3913, Fa 61). Взаимоотношения его с „кабирами ‘Ақйанам“ остаются неясными. Может быть, мы имеем здесь отражение более позднего периода, когда титул *kbr/’qunm* потерял реальную связь с племенем Файшан, превратившись в титул государственных чиновников, а в племени вновь появился титул *kbr* для обозначения главы племени, но уже в ином звучании.

что он обозначал должностное лицо государственного аппарата, храмового или городского управления или даже родоплеменную магистратуру. По-видимому, кабиры Файшан были не только старейшинами этого племени, но и составляли своего рода коллегию қайнов, должностных лиц с определенными функциями.⁴² При этом функции қайнов считались, вероятно, прерогативой племени Файшан.

Точно так же kbr/ḥšrn представляли собой коллегию сборщиков податей,⁴³ причем в этом случае наименование по функции, по-видимому, даже вытеснило первоначальное племенное имя. Кажется, что даже выражение kbr/hll можно понимать как „кабиры законодателей(?)“, ср. катабанское stb/wshl — „постановил и решил“ (RES 3566,15).⁴⁴ В данном случае племенное название совпадает с названием по функции.

Таким образом, можно предположить существование разделения административно-хозяйственных функций между племенами сабейского совета старейшин, как и уже отмеченное разделение между ними сакральных функций.

Вопрос о значении этого разделения функций, о реальном содержании и объеме власти каждого племени совета старейшин нуждается в большом дополнительном исследовании. Настоящая работа не претендует здесь на большее, чем постановка проблемы.

Деление сабейского совета старейшин, видимо, соответствовало и территориально-административному делению сабейского государства в I тысячелетии до н. э. К сожалению, локализация племен, составляющих совет старейшин, очень затруднительна; только находка списка эпонимов племени Халил позволила определить центр этого племени — район 'Архаба к северу от Сан'а. Однако неясно, был ли это центр племенной территории или просто местонахождение центрального святилища племенного божества — 'Астара зу-Зибина.

Фрагмент второго списка эпонимов (надпись Gl 1131 + 1132 + 1133) делает возможной локализацию племени 'Адил с центром в Джисват Ал Джарадан, городище в 15—20 км к востоку от Мариба, но с той же оговоркой. Центры остальных племен совета старейшин, не говоря уже о границах их расселения, остаются неизвестными.

Вообще трудно утверждать, что племена совета являлись территориальными объединениями. Так, надписи, обращенные к племенному божеству Халил, 'Астара зу-Зибину, обнаружены в 'Архабе, в Сан'а (надпись СИН 367 + Л16⁴⁵), на городище Хартум ас-Суд к востоку от Ма'ина (Ру 585, 586) и в оазисе Рагван к северу от Мариба (RES 4906 и, вероятно, Gl A710), т. е. почти по всей территории государства мукаррибов Саба'.

В то же время для двух наиболее значительных и лучше всего известных сабейских городов I тысячелетия до н. э. — Мариба и Сирваха в Хавлане — совершенно неизвестна племенная характеристика населения.

Территориальное деление сабейского государства, насколько мы можем его проследить, видимо, далеко не всегда совпадало с делением на племена совета старейшин. Так, известны некоторые сабейские локальные культы: зат-Химйам в Кутале, Сами' зу-Забйат в Джидфир

⁴² При этом сабейские қайны не обязательно происходят из племени Файшан. Так, авторы надписи Ja 556 принадлежат к племени 'Арба'ан.

⁴³ См.: A. Beeston. Sabaeen Inscriptions, pp. 71, 73. Ср. арабское ḥuṣṣār (Lape. An Arabic-English Lexicon, I, 2. London, 1865, p. 742).

⁴⁴ A. Beeston. Sabaeen Inscriptions, p. 73.

⁴⁵ См.: А. Лундин. Новый фрагмент... стр. 47, 51.

ибн Мунайхир, Хавбаса в ад-Дабире⁴⁶ и 'Астара зу-Зибина в 'Архабе;⁴⁷ из них лишь половина совпадает со специфическими культурами племен совета.

Не подлежит сомнению, что племена совета являлись своеобразными административными единицами сабейского государства. Материал о структуре сабейского совета старейшин позволяет поставить вопрос о взаимоотношении территориального и племенного деления в сабейском государстве I тысячелетия до н. э.

Сравнение системы сабейского эпонимата и структуры совета старейшин Саба⁷ показывает, что все устройство сабейского государства в I тысячелетии до н. э. базировались на племенном делении государства и на строго закономерном переходе государственных постов от одного племени к другому. Эта система, которую можно условно назвать „системой череда“, лежит в основе многих явлений социальной, государственной и даже религиозной жизни Саба⁷. К сожалению, во многих случаях недостаток данных не позволяет исследователю прийти к определенным и надежным выводам, но тем более необходимо попытаться интерпретировать отрывочные данные, имеющиеся у нас, с позиций „системы череда“.

Пожалуй, наибольшие результаты обещает этот метод в исследовании политической истории государства мукаррибов Саба⁷. В настоящее время положение мукаррибов в совете старейшин остается неясным. По-видимому, они не являются представителями какого-то племенного коллектива, отличного от шести племен совета старейшин. Во всяком случае в надписях пока не удается обнаружить следы такого коллектива. Однако и связи мукаррибов с каким-либо из племен совета не зафиксированы имеющимися источниками.

В то же время упоминания трех мукаррибов в финальных посвящениях надписей и в титулах различных должностных лиц можно, вероятно, связать с тройным делением основных (эпонимных) племен совета старейшин. Тогда возникает предположение, что мукаррибы могут являться временными магистратами, представителями разных племен. Может быть, именно это предположение позволит объяснить, почему мукаррибы упоминаются в титулах и посвящениях то по одному, то по два, то по три; являются ли упомянутые вместе мукаррибы одновременными или они перечислены в хронологической последовательности; совпадает ли последовательность перечисления с генеалогией мукаррибов и т. п. Между тем без решения этих проблем невозможна сколько-нибудь надежная реконструкция политической истории сабейского государства в I тысячелетии до н. э. В свою очередь без знания политической истории и последовательности правителей все рассуждения о социальной истории, об эволюции отдельных институтов и обычаев оказываются построенными на песке.

Дальнейшее изучение системы череда обещает первостепенные результаты в исследовании всех сторон древнейшей цивилизации: от установления хронологии до раскрытия религиозных воззрений, от выяснения особенностей сакральных ритуалов до понимания основных проблем социальной истории. Не будет преувеличением сказать, что при специфичности древнейших источников система череда является ключом к пониманию всей сабейской истории.

Уже сейчас, на самом начальном этапе изучения этой системы, можно с уверенностью сказать, что сабейское государство по своей

⁴⁶ Н. W i s s m a n n. Zur Geschichte. . . , SS. 243—246.

⁴⁷ При этом известен и другой храм 'Астара зу-Зибина — в Хартум ас-Суд.

структуре резко отличается от так называемых „восточных деспотий“. Его правители — мукаррибы — не являются воплощением бога на земле (хотя, кажется, и могли, как катабанские мукаррибы, носить титул „первенца“ бога — покровителя народа⁴⁸), безусловными и самодержавными господами страны и ее населения (хотя в надписях часто встречается титул „раб“ мукарриба в применении к весьма высокопоставленным лицам). Они были лишь главами совета племен, образующих сабейское государство, своего рода племенными чиновниками со строго определенными и довольно ограниченными функциями. Они разделяют власть с многочисленными членами совета старейшин, имеющими иные по содержанию, но совершенно идентичные по характеру сакральные и административно-хозяйственные функции. Сабейское государство I тысячелетия до н. э. предстает перед нами как племенной союз, полностью сохранивший свои институты и структуру в новых условиях — в условиях сложившегося классового общества.

Возникновение этого союза, первоначально состоявшего из трех племен, следует отнести, видимо, еще к середине II тысячелетия до н. э. То обстоятельство, что роль основного божества союза играет 'Астар, а не национальный бог сабейцев 'Алмаках, позволяет связывать образование этого союза с тем периодом, когда еще существовала южноарабская языковая и племенная общность. Выделение минейского и катабанского союзов племен, вероятно, произошло в этот же или близкий период. Действительно, все три народа сохраняют почитание 'Астара, тогда как бог луны — национальный бог каждого из народов — имеет у каждого из них особое имя: 'Алмаках — у сабейцев, 'Амм — в Катабане и Вада — в Ма'ине. Однако только в сабейском племенном союзе 'Астар сохранил черты верховного божества.

К более позднему времени — XII—XI вв. — относится слияние этого союза с другим племенным союзом, также из трех племен, причем второй союз занял подчиненное положение. По-видимому, выражение sb'/wfyšn — „Саба' и Файшан“, сохранявшееся в надписях до конца II в. н. э.,⁴⁹ представляет собой пережиточное обозначение нового племенного союза по двум составным частям. В союзе „Файшан“ культ 'Алмакаха занимал уже более высокое положение (см. табл. II), но, видимо, только после объединения 'Алмаках стал почитаться как „национальное“ божество, как бог — покровитель сабейцев.

Возникает предположение, что акт слияния племенных союзов „Саба'“ и „Файшан“ отражен в знаменитой сабейской „формуле федерации“. Эта формула неоднократно служила предметом исследования,⁵⁰ и перевод ее в настоящее время можно считать установленным: uwm/hwšt/kl/gwm/d'lm/wšymm/wd/hblm/wħmrm — „в день, когда он установил (статут) всем племенам бога и господина, и договора и соглашения“.⁵¹

Формула показывает резкое деление племен сабейского государства: „бога ('lm) и господина (šymm)“, с одной стороны, „договора (hblm) и соглашения (ħmrm)“, с другой. При этом племена делятся на две группы как по их отношению к божеству, так и по их отношению к самому договорному акту. Каждая группа характеризуется двумя

⁴⁸ Впрочем, тот же титул bkr — „первенец“ носили и племенные вожди Халил, и правители каких-то незначительных территориальных или племенных объединений. См.: RES 3946,8: bkr/dmf'lm.

⁴⁹ См.: Nami NAG 12,22. Надпись датирована пятым годом эпонима Вада'ила сына Хайва из кабиров Халил, т. е. около 190 г. н. э.

⁵⁰ M. Höfner. War der sabäische Mukarrib...; Г. Бауэр. „Мукарриб“ и „царь“, стр. 32—36.

⁵¹ См.: А. Луидин. Новый фрагмент... , стр. 50—51.

СТРУКТУРА САБЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Совет старейшин:	Царь — мукарриб		Племена		?		
	(эпонимные) (неэпонимные)	'Ад'ил	Файшан	Халил	'Арба'ан	Назхат	(Саба'?) 'Ахсаран (Файшан?)
Эпонимные роды:		Фадахам		Хазфарам		Хазмат	
Божества:	'ttr; ddbn	'ttr dfr'tm	hwbs	'ttr ddbn	hwbs/w'lmqh; 'ttr/srqn?	'ttr dgrwftm?	'ttr/w'lmqh
Кабират:		kbr/'d'l	kbr/'qynm; kbr/fyšn?	kbr/hll	mlk(?)	kbr/nhmt? kbr/nzht?	kbr/'hšrn

способами: существует группа „бога ('lm) и договора (hblm)“ и группа „господина (šum) и соглашения (hmrn)“. Следует отметить, что термин hblm, по-видимому, передает отношения равноправного союза, а термин hmrn — отношения подчинения или отдачи под покровительство.⁵²

Таким образом, „формула федерации“ рисует нам положение, по существу совпадающее с тем, которое мы реконструировали для предпологаемого объединения племенных союзов „Саба“ и „Файшан“: слияние двух организаций, различающихся по культовому признаку, точнее, по наименованию почитаемых божеств. При этом одна из организаций (по нашей реконструкции „Файшан“) оказывается в подчиненном положении.

По-видимому, надежность нашего вывода можно проконтролировать данными иного характера. Смысловую разницу между обозначениями божества 'l и šum в имеющихся древнеегипетских надписях обнаружить не удастся; многие божества могли обозначаться как одним, так и другим термином. Тем, не менее для каждого из них все-таки удается выделить излюбленный термин, которым преимущественно пользовались для обозначения этого божества. Так, Та'лаб Рийам почти всегда квалифицируется как šum — „господин“ и лишь один раз вместе с другими богами назван 'l.⁵³

О божествах, почитавшихся племенами сабейского совета старейшин, имеются следующие данные:

'Астар может обозначаться обоими терминами, хотя определение 'l встречается значительно чаще, чем šum;⁵⁴

⁵² Ср.: M. Ghul. *New Qatabani Inscriptions*, I, pp. 13—16; Г. Бауэр. „Мукарриб“ и „царь“, стр. 35.

⁵³ A. Jammé. *Le Panthéon sud-arabe préislamique d'après les sources épigraphiques*. Le Muséon, v.LX, 1947, p. 136, n. 707.

⁵⁴ Там же, стр. 87 и прим. 247, 248.

'Алмаках квалифицируется как *šum* — „господин“, хотя и весьма редко, но никогда не определяется как 'l — „бог“;⁵⁵ какие-либо определения Хавбаса в надписях не встречаются.

Таким образом подтверждается отождествление „племен бога“ с племенным союзом „Саба“, почитавшим 'Астара, и „племен господина“ с союзом „Файшан“, видимо, первоначально почитавшим 'Алмакаха. Слияние этих племенных союзов, кажется, может объяснить, как сложилось такое странное положение, когда верховным богом сабейского государства, к которому обращены все сакральные действия его должностных лиц — мукаррибов и эпонимов, — является 'Астар, а богом — покровителем и отцом народа — 'Алмаках.

Приведенный материал подтверждает мнение А. Бистона, который сравнивал сабейскую „федерацию“ с синоиклизмом в древних Афинах.⁵⁶ „Формула федерации“ действительно отражает синоиклизм двух племенных союзов, „Саба“ и „Файшан“, их объединение, которое положило начало сабейскому государству.

Однако „формула федерации“, как выяснилось в последнее время, встречается в надписях минимум четырех различных мукаррибов,⁵⁷ причем в надписях двух из них — Йада'ила Зариха сына Сумху'алай и Кариба'ила Ватара сына Замар'алай II — по несколько раз. Вряд ли можно думать, что каждый из этих правителей заключал новый союз или как-то пересматривал условия уже сложившегося объединения, тем более по несколько раз за одно правление.

В свете „системы череда“ это явление получает логичное и убедительное объяснение: синоиклизм как культовый акт входил в функции мукарриба — верховного вождя и жреца объединенного сабейского союза племен. Однако пост мукарриба первоначально, видимо, подчинялся той же системе, что и все остальные административные посты союза: это была наследственная магистратура, ограниченная определенным сроком и, может быть, переходившая от одного племени к другому. Поэтому каждый новый мукарриб, вступая на свой пост, должен был заново проводить сакральную церемонию „заключения федерации“.

По-видимому, уже в очень ранний период сменяемость мукаррибов была сильно ограничена и они превратились в пожизненных правителей. Однако старые формы и обычаи продолжали существовать, и по истечении номинального „срока полномочий“ мукарриб должен был вновь проводить акт заключения договора, в результате чего в надписях одного правителя может несколько раз встречаться „формула федерации“.

При повторных упоминаниях эта формула сопровождается дополнениями, каждый раз различными.⁵⁸ По-видимому, дополнения связаны именно с „переизбранием“, и каждое из них должно обозначать „переизбрание“ в определенный раз, „номер срока“. Однако для разрешения этого вопроса требуются дополнительный материал и специальное исследование этих дополнений.

К началу XI в. до н. э. источники рисуют нам сабейский племенной союз уже полностью сложившимся; его институты окончательно оформились и приняли тот вид, который сохранялся затем на протяжении

⁵⁵ Там же, стр. 64 и прим. 21.

⁵⁶ A. Beeston. Problems of Sabaeen Chronologie. BSOAS, 16, 1954, p. 46.

⁵⁷ H. Wissmann. Zur Geschichte... S. 259; А. Лундин. Новый фрагмент... стр. 51—52.

⁵⁸ См.: А. Лундин. Надписи Йада'ила Зариха сына Сумху'алай, мукарриба Саба', стр. 15.

тысячелетия. Несколько позднее складывается строгий формуляр надписей.

По-видимому, уже в конце II—начале I тысячелетия до н. э. в результате развития производительных сил, роста имущественного неравенства и появления частной собственности происходит превращение племенного союза в государство. Грандиозное строительство городов, храмов и оросительных сооружений в VIII—VII вв. до н. э., многочисленные великолепно выполненные надписи на камне и бронзе, бронзовые статуи знатных лиц и так далее позволяют уверенно говорить, что в этот период в Саба' уже полностью сложилось и оформилось классовое общество и государство. Но этот процесс проходил, видимо, медленно и постепенно, без ломки институтов племенного союза.

В VIII—VII вв. все больше развивается территориальное деление государства, не совпадающее со старым племенным. Большую роль играют города, население которых, видимо, состоит из представителей разных племен. Города имеют свои органы управления, вероятно по образцу племенных. В границах Саба' возникают какие-то мелкие локальные владения. Однако институты племенного союза — совет старейшин, кабират, племенное деление — продолжают действовать в рамках классового общества.

Вероятно, первым крупным изменением системы был переход в VI—V вв. до н. э. власти от мукаррибов к царям, которые сконцентрировали в своих руках большее число правительственных функций, большую полноту власти.

Декреты СИН 601 и RES 3951, на которых в значительной мере базируется наше исследование, датируются III—II вв. до н. э. В этот период можно отметить какие-то дальнейшие нарушения теоретической системы черед: изменения в традиционном порядке племен в преамбуле декрета СИН 601, отсутствие в том же памятнике в списке свидетелей представителя племени 'Ахсаран и т. д. По-видимому, уже в это время проявляются дальнейшие изменения социального строя, которые отражаются и в характере государственного устройства.

Однако система черед продолжает существовать и дальше. Правда, более поздние источники не дают материала о совете старейшин Саба', нам неизвестно, когда он прекратил свое существование, но система эпонимата продолжает действовать в неизменном виде до конца III в. н. э. Сохраняются не только чисто эпонимные, но в какой-то мере и сакральные функции эпонимов.

Тем не менее можно прийти к выводу, что в I—II вв. н. э. система черед как определяющий принцип государственного устройства Саба' уже утратила свое значение. Изменилась основа системы — племенной состав государства. Появились новые „племена“ — Сум'ай, Хамдан, Сухайм и другие, не входящие в состав совета старейшин и не участвующие в черед. Изменилась и внутренняя структура „племен“ (š'b), которая превратилась уже в чисто территориальную: появляется деление племени на „трети“ и „четверти“, резко выступает связь племени с городом. Во главе племени стоят уже не кабиры — племенные старейшины, а қайли, наследственные местные царьки или государственные наместники.

„Система черед“ сохраняется только в виде некоторых пережитков: системы эпонимата, сохранения отдельных религиозных функций представителей эпонимных племен, редких упоминаний племен совета и т. п. По-видимому, при этом сохраняется лишь внешняя форма старых обрядов, лишь видимость старой системы. Так, сохраняются ти-

тулы „кабир 'Ақйанам“, „кабир Халил“ и „кабир 'Ахсаран“, с которыми, вероятно, связаны и какие-то реальные prerogatives, но при этом обычное во II—III вв. н. э. объединение у одного лица титулов „кабир Халил“ и „кабир 'Ақйанам“ противоречит самому духу старой системы.

Таким образом, „система череда“ возникла во II тысячелетии до н. э. и действовала на протяжении I тысячелетия н. э. Между тем источники, на основе которых она реконструируется, принадлежат в основном ко времени с III в. до н. э. и позже. Может быть, отдельные неясности и противоречия в системе, заметные в приведенной реконструкции, в значительной мере объясняются именно тем, что источники фиксируют систему череда лишь на последнем этапе ее существования. Поэтому искажения, свойственные времени упадка, могут быть перенесены в более ранний период и истолкованы как необходимые элементы системы.

A. Loundine

SUR L'ORIGINE DE LA CONSTITUTION DE L'ETAT EN ARABIE DU SUD

Deux décrets royaux sabéens — RES 3951 et CIH 601 — contiennent des données précieuses sur la structure et le corps du sénat sabéen. Ils mentionnent, dans le préambule, des listes identiques des 6 tribus éditant de décret, et dans la conclusion, les listes des témoins qui l'avaient signé. Les listes des témoins énumèrent les représentants des tribus nommés dans le préambule, un ou deux de chaque tribu.

La plus connue des tribus de sénat est Halil, la tribu des éponymes et sa structure bien connue nous permet d'expliquer la structure du sénat sabéen. Les traits caractéristiques de l'éponymat sont: la durée de 7 années; la succession généalogique des éponymes dans la tribu (le clan); le tour rigoureux des éponymes de trois clans de trois tribus: Hazfaram (la tribu Halil), Faḍaḥam et Ḥaḍmat. Donc, trois tribus d'éponymes existaient dans l'Etat sabéen.

Les coïncidences régulières des noms des éponymes permettent de fixer la hiérarchie des clans des éponymes (Faḍaḥam — Ḥaḍmat — Hazfaram) qui ne coïncide pas avec le tour d'éponymat (Faḍaḥam — Hazfaram — Ḥaḍmat). L'inscription GI 1131+1132+1133 montre que la tribu 'Ad'il était aussi une tribu d'éponymes, et la hiérarchie des clans des éponymes comparée à celle des tribus de sénat prouve que Faḍaḥam était une branche de 'Ad'il. La dernière tribu des éponymes était probablement Nazḥat qui était représentée dans l'éponymat par le clan Ḥaḍmat.

L'inscription CIH 601 permet de distinguer deux catégories de tribus du sénat: 'Ad'il, Halil et Nazḥat étaient représentées par deux membres de chaque tribu, tandis que Fayṣan, 'Arba'an et 'Aḥṣaran l'étaient par un membre. Les trois premières sont tribus d'éponymes et leur hiérarchie coïncide avec le tour d'éponymat. Les fonctions des autres tribus et leur rôle dans le sénat restent obscures.

L'étude de l'institution des kabir permet de supposer que chaque tribu de la première catégorie est liée à une tribu de seconde catégorie en formant les couples: 'Ad'il—Fayṣan, Halil—'Arba'an et Nazḥat—'Aḥṣaran. Fayṣan, 'Arba'an et 'Aḥṣaran sont subordonnées; on les nomme probablement 'dm „les sujets“ de la tribu d'éponymes correspondante.

La structure du sénat sabéen était donc basée sur les mêmes principes que le système d'éponymat: le triple tour d'éponymat correspond à la division triple des tribus des éponymes et leur 'dm; la durée de 7 années correspond aux 7 composants du sénat: moukarrîb (roi) et six tribus.

On peut remarquer les particularités cultuelles des tribus du sénat: les tribus des éponymes adoraient 'Aṭtar, les autres: 'Almaqah et Haubas ('Aṭtar).

La division des tribus du sénat nous montre la division primaire de Saba' en deux unions tribales; la formule sb'/wfyšn „Saba' et Fayšan“ conserve peut-être cette division. La célèbre „formule de fédération“ est l'acte de synoikismos les unions tribales „Saba'“ et „Fayšan“.

Ce système est né au IIe millénaire av. n. è. et fonctionnait pendant le Ier millénaire av. n. è. Les inscriptions des IIe—IVe siècles de n. è. ne nous en montrent plus que les survivances.

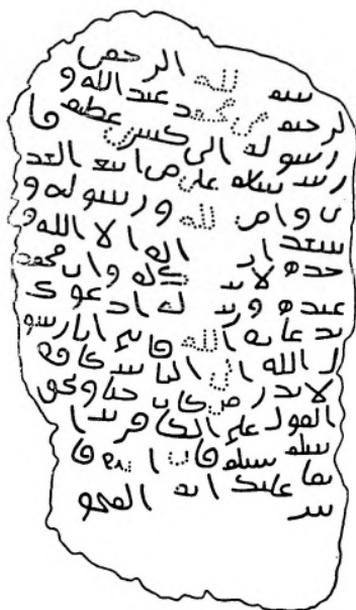
ДВЕ РЕДАКЦИИ ПИСЬМА МУХАММЕДА САСАНИДСКОМУ ШАХУ ХОСРОВУ II ПАРВИЗУ

В 1963 г. в частной коллекции Анри Фараона, бывшего министра иностранных дел Ливана, был обнаружен пергамент с текстом письма пророка Мухаммеда сасанидскому шаху Хосрову II Парвизу.

Из предварительного описания документа, которое выполнено арабским ученым С. Мунаджидом, известно, что это очень старый пергамент темно-коричневого цвета, размером 21.5×28 см², верхняя часть его несколько шире нижней. Пергамент наклеен на зеленую ткань, вылинявшую от времени. Текст занимает 15 строчек, под ним имеется след круглой печати диаметром 3 см. Под воздействием воды некоторые буквы из текста выпали, но легко восстанавливаются. От текста печати осталась только буква *ر*. От начала третьей строки до ее середины и затем вниз до десятой строки пергамент надорван. Поврежденная часть затянута тонким слоем кожи более позднего времени. Совсем недавно пергаменту посвятил специальную статью М. Хамидулла,¹ где помещена фотография документа, дана транслитерация текста современным арабским шрифтом и перевод его на французский язык. Ученый сверил также текст пергамента с вариантами послания Мухаммеда Хосрову II, имеющимися у средневековых арабоязычных авторов, и попытался воспроизве-

сти историческую обстановку, в которую оно могло быть написано.

Как видно из прорисовки, документ читается полностью, смытые буквы легко восстанавливаются:

¹ M. Hamidullah. Original de la Lettre du Prophète à Kirsà. *Rivista degli Studi Orientali*, vol. XL, fasc. 1, Roma, 1965, pp. 57—69. На эту статью обратила мое внимание чл.-корр. АН СССР проф. Н. В. Пигулевская, за что приношу ей мою искреннюю благодарность.

- 1 [ب]سم [ا]الله الرحمن
- 2 [ا]لرحيم من محمد عبد الله و
- 3 رسوله الى كسر[ى] [عظيم فا
- 4 رس سلام على من اتبع الهد
- 5 ى و آمن [با]الله و رسوله و
- 6 شهيد ان [لا] اله الا الله و
- 7 حده لا ش[ر]ي[ك] له و ان محمد[ا]
- 8 عبده و رس[و]له ادعوك
- 9 بدعاية الله فانى انا رسو
- 10 ل الله الى الناس كافة
- 11 لانذر من كان حيا و يحق
- 12 لقول على الكافرين ا
- 13 سلم تسلم فان ابنته فا
- 14 نما عليك اثم المجو
- 15 س

[Во] имя [А]ллаха всемилостивого и милосердного! От Мухаммеда, раба Аллаха и посланника Его, Хосро[ву] — великому из персов. Мир тому, кто следует правильному пути и верует [в А]ллаха и посланника Его, и свидетельствует, что [нет] божества, кроме Аллаха единого. Нет Ему сото[ва]рища, и истинно Мухаммед — Его раб и послан[н]ик Его. Призываю тебя молитвой к Аллаху, ибо истинно я — посланник Аллаха ко всему человечеству, чтобы предупредить тех, кто живет, и утвердить Слово против неверующих. Прими ислам — и ты спасен. А если ты откажешься от него, то на тебе вина магов.

Не ставя перед собой задачу вторично сверять текст пергамента с вариантами всех классических авторов (эту работу частично выполнил М. Хамидулла), мы все же обратили внимание на соответствующий текст письма пророка, которое приводит Табари. Письмо Мухаммеда Хосрову Парвизу представлено Табари в двух версиях. Об этом вскользь упоминает и Хамидулла, но практически сравнивает пергамент только с одной версией. Как выяснилось в дальнейшем, обе версии существенно различаются только размерами: первая короче второй. Незначительные различия в сходных частях смысла не меняют. Приводим текст письма во второй версии:²

بسم الله الرحمن الرحيم من محمد رسول الله
الى كسرى عظيم فارس سلام على من اتبع الهدى
و آمن بالله و رسوله و شهيد ان لا اله الا الله³
وحده لا شريك له و ان محمدا عبده و رسوله و
ادعوك بدعاء الله⁴ فانى⁵ انا⁶ رسول الله الى الناس

² Цит. по: تاريخ الامم و الملوك لابی جعفر محمد بن جرير الطبرى الجزء الثالث
الطبعة الأولى بالمطبعة الحسينية المصرية ص ۹۰

³⁻⁴ В первой версии весь отрывок отсутствует.

⁵ Первая версия و انى.

⁶ В первой версии отсутствует.

كافة لانذر⁷ من كان حيا⁸ و يحق القول على الكافرين⁹ فاسلم¹⁰ تسلم فان ابيت فان اثم المجوس عليك¹¹.

По нашему мнению, вторая версия более достоверна: Табари приводит ее, ссылаясь на цепь передатчиков — Ибн Хамид, Салама, Мухаммед ибн Исхак, Езид ибн Хабиб; кроме того, она ближе к вариантам письма у Якуби, Казвини, Абу Нуайма и других историков и почти полностью совпадает с текстом пергамента.

Некоторые отечественные ученые предлагают в тексте пергамента вместо فارس (персы) читать فارس (и посылаю я). В таком случае смысл третьей и четвертой строк несколько изменится: вместо фразы "... Хосрову — великому из персов. Мир тому, кто ..." будет "... Хосрову великому. И посылаю я мир тому, кто ...". Однако такая конъектура неприемлема по двум причинам.

1) При внимательном изучении фотографии документа на ней не удается обнаружить каких-либо следов ل, который примыкал бы слева к س в сочетании فارس; прорисовка не оставляет даже места для этого предполагаемого ل: сразу же за конечным س в слове فارس следует начальный س слова سلام.

2) Вариант послания пророка, приведенный Табари, дает ту же титулатуру Хосрова II, что и пергамент, т. е. كسرى عظيم فارس (Хосров — великий из персов).

Бал'ами, осуществивший после 963 г. сокращенный перевод много-томной „Истории“ Табари, изложил письмо Мухаммеда к Хосрову II по-арабски без перевода, но изложил очень своеобразно. После сличения вариантов письма по разным спискам сочинения Бал'ами¹² выявилось, что при относительном сходстве содержания текст новой редакции заметно отличается от текста Табари. Приводим новую редакцию письма по рукописи С-431, л. 192:¹³

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
 مِنْ مُحَمَّدٍ رَسُولِ اللَّهِ إِلَى بَرْوِزِ بْنِ هَرْمِزِ
 أَمَا بَعْدُ فَأَنْتَ أَحْمَدُ ابْنُكَ اللَّهُ¹⁴ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ
 الْحَيُّ الْقَيُّومُ¹⁵ الَّذِي أَرْسَلَنِي بِالْحَقِّ بِشَيْبَرَا وَ نَذِيرًا
 إِلَى قَوْمٍ عَلَيْهِمُ السَّعَا وَ سَلَبَ عَقُولِهِمْ¹⁶ مِنْ يَهْدِي
 اللَّهُ فَلَا مَضِلَّ لَهُ¹⁷ وَ مِنْ يَضِلُّهُ فَلَا هَادِيَ لَهُ¹⁸ إِنْ
 اللَّهُ بِصَبِيرٍ بِالْعِبَادِ¹⁹ لَيْسَ كَمِثْلِهِ شَيْءٌ وَ هُوَ السَّمِيعُ
 الْبَصِيرُ²⁰ أَمَا بَعْدُ فَاسْلَمْ تَسْلَمْ أَوْ آذَنْ بِحَرْبٍ²¹ مِنْ
 اللَّهِ وَ رَسُولِهِ وَ لَمْ يَعْجِزْهَا.

⁷ Первая версия لينذر.

⁸⁻⁹ В первой версии фраза отсутствует.

¹⁰ Первая версия اسلم.

¹¹ Первая версия فعليك اثم المجوس.

¹² Четыре рукописи, хранящиеся в рукописном отделе ЛО ИНА: С-431, л. 192; D-82, л. 194; D-182, л. 200; D-223, л. 172. Критическое тегеранское издание текста 1341 г. х., т. 1, стр. 1138.

¹³ Тексты письма в различных списках упомянутого сочинения разнятся незначительно, поэтому на разночтениях не останавливаемся.

¹⁴⁻¹⁵ Фраза дважды встречается в Коране: см. суру 2, стих 256 (255) и суру 3, стих 1 (2).

¹⁶⁻¹⁷ Ср.: Коран, сура 39, стих 38 (37).

¹⁷⁻¹⁸ Ср.: Коран, сура 13, стих 33 (33); сура 39, стихи 24 (23), 37 (36); сура 40, стих 35 (33).

¹⁸⁻¹⁹ См.: Коран, сура 40, стих 47 (44); ср. суру 3, стихи 13 (15), 19.

¹⁹⁻²⁰ См.: Коран, сура 42, стих 9 (11).

²¹ В рукописи بحرب ошибочно пропущено.

Во имя Аллаха всемилостивого и милосердного! От Мухаммеда, посланника Аллаха, Парвизу — сыну Хормуза. А затем: Ибо я воздаю ради тебя хвалу Аллаху. Нет божества, кроме Него, живого, сущего, который послал меня, воистину, вестником и увещавателем к людям, к ним, низко павшим и лишенным разума. Кого ведет Аллах, то нет ему заблуждения, а кого он вводит в заблуждение, тому нет наставника. Поистине Аллах видит рабов. Нет ничего, подобного Ему, и Он — слышащий, видящий. Но затем: Если примешь ислам — ты спасен, или же готовься к бою с Аллахом и посланником Его, и не ослабнет он (бой).

Текстуальному расхождению между старой и новой редакцией письма пророка можно дать несколько объяснений, взаимно исключающих одно другое.

Бал'ами заимствовал письмо Мухаммеда из первоначальной, не дошедшей до нас редакции хроники Табари. Однако трудно предположить, чтобы обе редакции сочинения одного автора были так непохожи одна на другую.

Бал'ами менее всего стремился к копированию и компиляции текста, а допускал возможность литературной обработки, стараясь при этом сохранять смысл первоисточника. В пользу этого аргумента свидетельствуют частые отступления персидского перевода от арабского оригинала, добавление или удаление ряда деталей. И все же вряд ли переводчик осмелился бы изложить письмо пророка по своему произволу.

Кроме „Истории“ Табари, Бал'ами пользовался сочинением другого, неизвестного нам автора. Новый вариант письма показался ему более убедительным. В своем новом виде письмо Мухаммеда привлекло переводчика как обилием коранических фраз в тексте, так и тем, что оно полнее отвечало задаче Бал'ами связать послание пророка с поражением персов при Зу-Каре. Он и помещает письмо персидскому царю сразу же после описания этих событий. Заметим, что Табари приводит письмо Мухаммеда среди событий 6 г. х., безотносительно к той или иной победе арабов. Неизвестный источник, к которому в данном случае прибегнул Бал'ами, имел ярко выраженный тенденциозный характер. Это заметно уже в начале письма: Мухаммед обращается к Хосрову II довольно непочтительно. В редакции Табари и в 6 г. х. разгромленный ромеями Хосров является для Мухаммеда все еще „великим из персов“, а не просто „Парвизом, сыном Хормуза“. Обращает на себя внимание и конец письма пророка в каждой отдельной редакции. По Табари, посланник Аллаха предлагает Хосрову подчиниться, иначе ему придется рассчитываться за грехи магов — противников ислама. У Бал'ами тон послания пророка более категоричен: Мухаммед предлагает персидскому царю либо принять ислам, либо быть готовым к бою с самим Аллахом и его посланником.

По нашему мнению, третье объяснение наиболее приемлемо.

Ученые не раз обращались к вопросу о посольствах Мухаммеда. Историческая традиция сообщает о посланиях пророка как к правителям соседних государств и княжеств, так и к вождям отдельных арабских племен. Традиция эта получила более твердую почву благодаря открытию ряда документов, написанных от имени Мухаммеда. В середине прошлого века французский исследователь Этьен Бартеlemi нашел в одном из египетских монастырей старый пергамент с арабским

текстом. Ему удалось прочесть около половины документа; полный перевод и комментарий памятника принадлежат Белану.²² Содержание памятника составило письмо Мухаммеда правителю Александрии Мукав-касу с призывом принять ислам. В период публикации документа сложилось мнение в пользу его подлинности. Вслед за тем был обнаружен пергамент с текстом послания пророка персидскому наместнику в Бахрейне Аль-Мунзиру ибн-Саве. Письмо было признано фальшивкой: ошибки, встречающиеся в тексте, передавали особенность произношения отдельных арабских звуков турецким населением.²³ В 30-х годах нашего века в одном частном собрании Дамаска был найден новый пергамент, адресованный уже Негусу, правителю эфиопов. В Британском музее документ отказались признать подлинным. Такого же мнения придерживался и английский ученый Данлоп в статье, опубликованной в 1940 г.²⁴ Последней находкой в этой серии явилось частично рассматриваемое уже письмо к Хосрову Парвизу. Дискуссия о подлинности посланий Мухаммеда к соседним государям, начатая в прошлом веке, еще не кончилась. Такие крупные востоковеды, как Вельхаузен, Каэтани, Нельдеке, Швалли, а позже Гибб и Крамерс,²⁵ отрицали существование подобных посланий, приводя в качестве аргумента то, что Мухаммед, имевший перед собой вполне определенную задачу — завоевание Мекки, был далек от мысли обращаться в ислам Иракалия, или „даря царей“. Хамидулла стоит на несколько иных позициях. Он не пытается судить о всех возможных посольствах пророка в их полном объеме, а старается разобраться в конкретном послании, адресованном на имя Хосрова Парвиза, выявить степень достоверности письма. С этой целью он проводит исследование документа в палеографическом отношении, воспроизводит историческую обстановку, когда он (документ) мог быть составлен. Постараемся пойти тем же путем. Только по фотографии пергамента, приложенной к статье Хамидуллы, нельзя пока с полной уверенностью отстаивать подлинность или неподлинность памятника. И то, что пергамент надорван,²⁶ еще ничего не доказывает. Несомненно одно: мы имеем дело с очень старым документом, более древним, чем сочинения ранних (IX—X вв.) средневековых авторов, писавших по-арабски. На глубокую древность указывают не только ветхое состояние пергамента, еле заметный след печати, последствия длительного воздействия воды,²⁷ но и особый характер письма, принадлежащий периоду раннего ислама. Палеографические особенности текста сводятся к следующему:

полное отсутствие диакритических точек и огласовок;²⁸

явление переноса на другую строку одной или нескольких букв слова;

частое употребление строчных букв в конце слова: فارس (т. е. فارس),
 (الكربين (т. е. الكربيد), الرحيم (т. е. الرحيم), (بسم (т. е. بسم);

²² M. Belin. Lettre à M. Reinaud... sur un document arabe relatif à Mahomet. JA, série V, t. IV, Paris, 1854, pp. 482—518.

²³ ZDMG, B. 17, Leipzig, 1863, SS. 385—386.

²⁴ D. M. Dunlop. Another „Prophetic“ Letter. JRAS, London, 1940, pp. 54—60.

²⁵ Shorter Encyclopaedia of Islam, Leiden, 1953, p. 401.

²⁶ Как сообщает Табари, а за ним и Бал'ами, Хосров II, прочитав послание Мухаммеда, порвал его.

²⁷ В результате этого ряд букв вымыт из текста.

²⁸ То же самое мы наблюдаем в папирусе, датированном 24 г. х. В папирусе, относящемся к 90 г. х., мы находим уже частичное применение дополнительных точек (см.: The Encyclopaedia of Islam, vol. 1, Leyden—London, 1913, art. „Arabia“, plates II, III).

написание **ه** в среднем положении в форме буквы **ت**;
 изолированное написание **ه** в конце слова (عبدہ، وحده).

Все перечисленные особенности текста нашего документа, за исключением последней, можно найти и в письме к Мукавкасу. Кроме общих палеографических особенностей, эти документы имеют и общий зачин: начало письма Хосрову почти дословно совпадает с началом послания Мукавкасу.²⁹ Но графически текст последнего ближе к раннему куфическому письму (слова расставлены между собой на равных интервалах, всюду строго выдержана одинаковая длина строки), тогда как наш памятник написан более свободной рукой. Папирусы, датированные I в. х.,³⁰ свидетельствуют о том, что у арабов существовала тогда и другая, курсивная разновидность письма, которую иногда называют „круглым шрифтом“.³¹ В послании Мухаммеда Хосрову II имеет место, по-видимому, сочетание элементов раннего куфического и курсивного письма. Такое явление можно наблюдать и в арабской части полиглоты, относящейся к IX в.³² Только там разница между элементами куфи и несхи проступает более четко.

Изучением посланий Мухаммеда к вождям арабских племен подробно занимался Шпербер.³³ Проанализировав содержание различных посланий, извлеченных из ранних арабских источников, исследователь разделил их на три большие группы соответственно трем последовательным этапам деятельности пророка:

от момента „бегства“ в Медину до осады Медины мекканцами (5 г. х.);
 от Худейбийского перемирия (6 г. х.) до завоевания Мекки (8 г. х.);
 после 8 г. х.

Послания первого периода имеют еще характер чисто политического договора. Мухаммед пока не стремится к обращению в ислам целых племен, а пытается заручиться их поддержкой для борьбы против своих врагов. После неудачной осады мекканцами Медины и особенно после заключения Худейбийского перемирия авторитет пророка настолько упрочился, что обязательным признаком политического подчинения считается уже принятие ислама.³⁴ К тому же времени (6 г. х. = 627/628 г. н. э.) арабская историческая традиция относит и посольство Мухаммеда к Хосрову II. Можно ли назвать фантастичной мысль вождя правоверных об обращении персидского „царя царей“ в новую веру? Пожалуй, нет. Возможность такого смелого шага „раба“ по отношению к господину вытекала из всей обстановки, сложившейся к 628 г. н. э., благоприятной для мединской „общины верующих“ и очень неблагоприятной для Ирана. Многолетняя война с Византией, успешно развивавшаяся для персов на первом ее этапе (до 622 г. н. э.) — отрядам „царя царей“ удалось пройти через всю Сирию, захватить Дамаск, Иерусалим, Александрию, подойти к Константинополю, — закончилась страшным поражением иранских войск, потерей ранее завоеванных территорий, опустошением областей, находящихся в зоне военных действий, уничтожением

²⁹ Разница только в имени адресата.

³⁰ См. прим. 28.

³¹ The Encyclopaedia of Islam, vol. 1, p. 387.

³² Н. Пигулевская. Греко-сиро-арабская рукопись IX века. Палест. сборник, вып. 1 (63), 1954, стр. 66—68.

³³ J. Sperber. Die Schreiben Muhammads an die Stämme arabien. Berlin, 1916.

³⁴ Там же, стр. 4.

знаменитого храма огня в Ганзаке. Войска византийского императора победным маршем двигались к сасанидской столице. Главная тяжесть расходов на ведение войны легла на плечи непосредственных производителей материальных благ — крестьянство и ремесленников. Среди суровых обвинений, выдвинутых против Хосрова II после его смещения, отмечается жестокое обращение шаханшаха с подданными и увеличение земельного налога. Сказочные богатства царской казны пополнялись не только за счет военной добычи, но и в результате конфискации имущества и поборов.³⁵ Хосров Парвиз приказал собрать недоимки двадцати- и тридцатилетней давности.³⁶ Придавленные невыносимыми поборами, крестьяне часто бежали за пределы государства.³⁷ Регулярные войска были недовольны долгим пребыванием у границ империи, вдали от родных мест и семей.³⁸ За военными поражениями следовали репрессии: военачальников отзывали и заточали в тюрьму. Приводимый у Табари и Бал'ами рассказ о том, как один сапожник бросил колодку в голову проезжавшего мимо его лавки Хосрова II, довольно определенно характеризует отношение ремесленников к своему государю. Разграбление Иерусалима и вывоз в Ктесифон „древа господня“ враждебно настроили против Сасанидов весь христианский мир. В изнурительной войне с Византией Иран был лишен поддержки арабских отрядов: после битвы при Зу-Каре, положившей конец добрососедским отношениям обеих сторон, рассчитывать на эффективную военную помощь бывшего вассала из Хирты не приходилось. В военных действиях против персидских войск неоднократно принимают участие эфталиты и турки. Тохаристан лежал за пределами досягаемости сасанидского двора и силой обстоятельств стал центром интриг и восстаний, направленных против власти Хосрова II. Около 617 г. Смба́т Багратуни, бывший прежде марзбаном Гургана, предпринимает экспедицию на восток и разбивает эфталитов. Последние обращаются за помощью к тюркскому кагану. Новое эфталитское войско, усиленное подразделениями тюрок, разгромило отряд Смба́та, затем обрушилось на персидскую армию и нанесло ей поражение. Кочевники без особого труда достигли Рея и Исфахана, захватили богатую добычу и вернулись в свои пределы.³⁹ Благодаря новым активным действиям полководца Смба́та противник был все же усмирен, но напряженность на северо-восточной окраине империи продолжала сохраняться.

В самой столице придворная знать и военные подготавливали дворцовый переворот. Они были раздражены неудачами на западной границе и жестокими репрессиями. Из многих претендентов на шаханшахский престол выбор пал на Шируйе, очень энергичного, но малосостоятельного человека. Необходимо было сместить ненавистного всем Хосрова Парвиза, предпринять ряд срочных политических мер, чтобы спасти страну от окончательного разгрома.

Мухаммед и его сподвижники были в курсе всех событий, происходивших в сасанидской столице. Именно в тяжелое для Хосрова II время

³⁵ Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Leyden, 1879, S. 364; Шахнаме (тегеранск. издание 1314 г. х.), т. 9, стр. 2911.

³⁶ Тарих-и Бал'ами, т. 1, Тегеран, 1341 г. х., стр. 1162, 1175.

³⁷ Шахнаме, т. 9, стр. 2893.

³⁸ Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber. . . , стр. 364; Шахнаме, т. 9, стр. 2911.

³⁹ История императора Иракла, сочинение епископа Себеоса, писателя VII века. Пер. с армянск. К. Патканьяна, СПб., 1862, стр. 73, 74; R. Ghirshman. Les Chionites-Nephtalites. Le Caire, 1948, p. 97; В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, т. 1, М., 1964, стр. 209.

конца 627—начала 628 г. н. э. пророк мог направить ему свое дерзкое послание. Дела нового арабского руководителя шли хорошо. К 6 г. х. за его плечами были уже сражения у колодцев Бедра и при горе Оход, успешная оборона Медины. Мединская „община верующих“ быстро крепла, усиливала свое влияние среди бедуинских племен, а вскоре уже владела всей территорией мединского оазиса. В 628 г. н. э. было заключено Худейбийское соглашение, по которому „община верующих“ была признана мекканцами. Теперь усилия Мухаммеда были сосредоточены на завоевании Мекки. Однако нет ничего невероятного в том, что, имея перед собой такую сравнительно скромную задачу, пророк отважился написать Хосрову Парвизу письмо с предложением принять новую веру. Дела шаханшаха были действительно слишком плохи, если „раб“ пошел на такой шаг. Вполне понятно, что если у Мухаммеда еще недоставало сил для ведения широких боевых действий против „царя царей“, последний был ему уже не страшен. Само по себе послание не представляет пока демонстрацию силы. „Раб и посланник аллаха“ хоть и ставит свое имя впереди имени Хосрова, все же называет его „великим из персов“, а призывая принять новую веру, не прибегает к угрозам военного нападения. Этим наш документ выгодно отличается от варианта письма, имеющегося у Бал’ами и составленного позже.

Согласно исторической традиции, Хосров II, ознакомившись с посланием Мухаммеда, порвал его. Если предположить, что такой важный документ был действительно уничтожен, то найденный пергамент можно считать его ранней копией. Близость вариантов послания пророка к Хосрову Парвизу, приведенных Якуби, Табари, Абу Нуаймом и другими классическими авторами, к тексту пергамента не случайна. По существу все это — варианты одной редакции. Разночтения же объясняются тем, что авторы IX, X и последующих веков писали свои исторические сочинения в разных концах халифата и не имели доступа в главную халифскую канцелярию, где могли храниться многие интересные их документы. Работы этих историков основывались на трудах многих поколений их предшественников, чьи имена упоминаются в разных местах хроник. Каждый автор, в той или иной мере доверяя копируемому источнику, часто прибегал к исправлению и обработке текста оригинала. Не осталось без изменения и письмо Мухаммеда иранскому шаху, доведенное до авторов через цепи иснадов. Но ввиду исключительности документа эти изменения остались незначительными.

В предисловии к „Истории Табари“ Бал’ами замечает, что его перевод далек от простой компиляции сочинения Табари.⁴⁰ Переводчик опустил многочисленные иснады, освободил перевод от имеющихся в оригинале повторений и длинот. В результате его рукопись оказалась короче источника. Кроме того, персидский автор допускает возможность перестановки рассказов в другом порядке, пытается расположить их в хронологической последовательности, делит книгу на главы. Он часто привлекает сведения и других источников. Некоторые из них он называет сам в предисловии (это стихи из Корана и предания о Мухаммеде), другие можно определить с той или иной степенью вероятности. По-видимому, Бал’ами были хорошо известны арабская и ново-

⁴⁰ Арабский текст предисловия и русский перевод см.: П. А. Грязневич и А. Н. Болдырев. О двух редакциях „Тарих-и Табари“ Бал’ами. Сов. востоковедение, 1957, № 3, стр. 52—54.

персидская обработки пехлевийской „Книги Владык“, в ряде случаев он дополнял оттуда скудные сведения арабского первоисточника. В другом неизвестном нам источнике он обнаружил новую редакцию письма Мухаммеда. Как уже отмечалось, она привлекла его своей тенденциозностью и обилием коранических фраз. Эту редакцию письма он и перенес в свое сочинение целиком, отказавшись от традиционной редакции Табари.

Более поздним вариантом второй редакции можно считать и послание Хосрову Парвизу, имеющееся в анонимном труде „Пределы желаний в летописях персов и арабов“ (نهايت الارب في اخبار القرس و العرب), датируемом первой половиной XI в.:⁴¹

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ مِنْ مُحَمَّدٍ رَسُولِ اللَّهِ
إِلَى كَسْرَى⁴² بْنِ هُرْمِزٍ⁴³ أَمَا بَعْدَ فَاثِي أَحْمَدَ إِلَيْكَ
إِلَهُ الَّذِي⁴⁴ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ⁴⁵ وَهُوَ الَّذِي أَوَانِي وَ
كُنْتُ يَتِيمًا وَ ائْمَانِي وَ كُنْتُ عَائِلًا وَ هِدَانِي وَ
كُنْتُ ضَالًّا وَ لَنْ يَدْعَ مَا أُرْسِلْتُ بِهِ إِلَّا مَنْ قَدْ
سَلِبَ مَعْقُولَهُ وَ الْبَلَاءُ غَالِبٌ عَلَيْهِ⁴⁶ أَمَا بَعْدَ
يَا كَسْرَى⁴⁷ فَاسْلَمْ تَسْلَمْ أَوْ ائِذَنْ⁴⁸ بِحَرْبٍ مِنْ اللَّهِ
وَ رَسُولِهِ⁴⁹ وَ لَنْ يَعْجِرَهُمَا وَ السَّلَامُ⁵⁰

Во имя Аллаха всемилоостивого и милосердного! От Мухаммеда, посланника Аллаха, Хосрову — сыну Хормузда. А затем: Ибо я воздаю для тебя хвалу Аллаху, Тому, кроме которого нет другого божества.⁵¹ И это Он, который меня приютил, а был я сиротой, и сделал меня богатым, а был я бедным, и вывел меня на правильный путь, а был я заблуждающимся.⁵² И не допускает того, с чем я послан, только тот, кто лишен разума и над кем испытание — победитель. Но затем: О Хосров! Если примешь ислам — ты спасен, или же готовься к бою с Аллахом и посланником Его, и Их не ослабит (бой). Да будет мир!

Начало и конец этого послания почти дословно совпадают с версией Бал'ами. Был ли текст письма заимствован у персидского автора, — что вполне можно допустить, так как сочинение „Пределы желаний...“

⁴¹ Источник не издан. Характеристика его, изложение содержания, перевод отдельных глав и извлечения даются в работах: Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber. . . , SS. 475—476; E. G. Browne. 1) The Sources of Dawlat-shah. . . JRAS, London, 1899, pp. 51—53; 2) Some Account of the Arabic Work entitled „Niháyatu'l-irab fi akhbári'l-Furs wa'l 'Arab“, particularly of that part which treats of the Persian Kings. JRAS, London, 1900, pp. 195—259; 3) A Literary History of Persia, vol. I, Cambridge, 1956, p. 183.

⁴² У Бал'ами *پرویز*.

⁴³ У Бал'ами *هرمز*.

⁴⁴ У Бал'ами слово отсутствует.

⁴⁵⁻⁴⁶ Весь отрывок совершенно не совпадает с тем, что дает вариант Бал'ами.

⁴⁷ Вторичное обращение к Хосрову у Бал'ами отсутствует.

⁴⁸ У Бал'ами *الذن*.

⁴⁹⁻⁵⁰ У Бал'ами *و لم يعجزها*.

⁵¹⁻⁵² Этот отрывок представляет собой перефразировку коранических стихов: „Разве не нашел Он тебя сиротой и приютил? И нашел тебя заблудшим, и направил на правильный путь? Он нашел тебя бедным и обогатил“ (Коран, сура 93, стихи 6, 7, 8).

написано по крайней мере на семьдесят лет позже, — и подвергнут исправлению, мы не знаем. С другой стороны, авторы обеих работ могли использовать в данном случае разные списки одного источника.

A. I. Kolesnikov

TWO VERSIONS OF MUHAMMAD'S MESSAGE TO SASSANIAN KING XOSROW II

The parchment containing the text of the Profetic letter to king Xosrow II was edited by M. Hamidullah in his article „Original de la Lettre du Prophète à Kisrà“ (RSO, vol. XL, fasc. 1, Roma, 1965, pp. 57—69), where he compared the text of the parchment with the corresponding variants of the letter given in the Arabic sources.

Our article deals mainly with another version of Muhammad's message to the Sassanian king found among several copies of Bal'ami's historical work. Bal'ami derived this new version from an unknown, but very tententious composition. The epistle to Xosrow II in the anonymous „Nihayat al-irab...“ may be regarded as a new and later variant of the second version.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВОТИВНЫЙ ПАМЯТНИК В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА И ЕГО ПРОТОТИПЫ

В собрании Эрмитажа находится своеобразный памятник — бронзовая рука поддерживает сферу, увенчанную крестом (инв. № ф-191) (рис. 1).¹

Запястье, расширяясь, образует подставку, в центре которой внизу находится небольшой стержень. Все пять пальцев руки вытянуты, три первых (большой, указательный и средний) держат полую сферу, в которую вправлен четырехконечный крест со „слезками“.² Концы креста и перекрестье украшены гравированными концентрическими кружками. На кресте имеется надпись: Ὑτὲρ σωτῆρ(ιας) Γεωργίου (Во спасение Георгия).³ Согласно архивным данным, этот предмет был приобретен в Бейруте.⁴

Крест и греческая посвятельная надпись указывают на то, что мы имеем дело с византийским памятником. Форма креста,⁵ а также соотношение его размеров и сферы⁶ позволяют датировать рассматриваемый памятник VI—VII вв.

Надписи подобного содержания нередко встречаются на византийских вотивных памятниках,⁷ а некоторые структурные особенности подставки

¹ M. C. Ross. Byzantine Bronze Hand Holding Crosses. *Archaeology*, vol. XVII, № 2, Sommer, 1964, fig. 1.

² Нижний конец креста несколько длиннее остальных. Высота памятника 22,8 см.

³ Ὑτὲρ σωτῆρ(ιας) расположено по вертикали; Γεωργίου — по горизонтали. Буквы ρ в слове Ὑτὲρ и ρ в слове σωτῆρ(ιας) находят на изображении кружков. Это указывает на то, что надпись была выполнена мастером не в процессе работы, а уже на готовом памятнике.

⁴ Архив ГЭ, опись V₁, св. III, л. 7, стр. 60. Предмет поступил в Эрмитаж в 1906 г. из собрания А. П. Капниста. А. П. Капнист получил его в наследство от К. Н. Лишина, который одно время был генеральным консулом в Бейруте, где и приобрел этот предмет.

⁵ E. Cruikshank Dodd. *Byzantine Silver Stamps*. Washington, 1961, NN 28, 36, 45, 46, 51, 54, 55, 67, 68, 73, 76; А. В. Банк. Искусство Византии в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1960, табл. 61; Ch. Diehl. *Un nouveau trésor d'argenterie syrienne*. Syria, t. VII, Paris, 1926, pl. XXII, fig. 2, pl. XXIII, XXIV; O. Wulff. *Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke*, Teil I. *Altchristliche Bildwerke*. Berlin, 1909, Taf. XXXIII, NN 782, 786, Taf. XXXIX, NN 800—802, Taf. XLIII, N 945; Taf. XLIV, NN 959, 943—944, 960—961.

⁶ На монетах времени Юстиниана имеется следующее соотношение: сфера — маленькая, крест — большой (И. И. Толстой. Византийские монеты, т. II. СПб., 1914, табл. 18, № 3, 5, 8, 10—12; табл. 19). Такое соотношение сохранилось на протяжении VII—VIII вв. и в начале IX в. при императоре Никифоре сменилось другим соотношением: большая сфера, маленький крест (И. И. Толстой. Византийские монеты, вып. IX, СПб., 1914, табл. 68, № 7).

⁷ В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896, стр. 27—31; 81—82; Ch. Diehl. *Un nouveau trésor...*

и стержня дают основание считать этот предмет votивным. Структуру, аналогичную нашему памятнику (подставку и тонкий короткий стержень внизу), имеют бронзовые votивные кресты, происходящие из Сирии и Палестины.⁸

Эрмитажный памятник не единичен. Известно еще пять⁹ предметов, подобных рассматриваемому по своим основным элементам (рука—сфера—крест), назначению и материалу.⁹ Существенно отметить, что все они

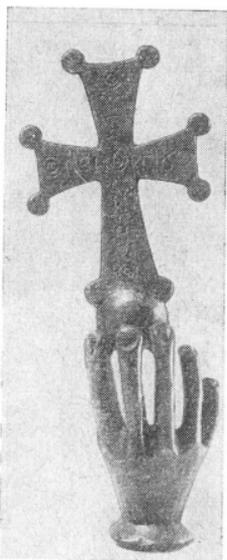

Рис. 1. Рука со сферой и крестом.
Эрмитаж.

Рис. 2. Рука, посвященная Юпитеру Долихенскому.
Музей г. Дармштадта.

были найдены или куплены на территории Сирии или Палестины (два приобретены в Бейруте, два найдены в дер. Макр близ церкви св. Иоанна в Аккре, один — в Конии).

Однако при всем сходстве эти предметы различаются характером жеста. По этому признаку М. Росс разделил интересующие нас памятники на две группы.¹⁰ Для первой группы предметов, к которой относятся и эрмитажный, характерна рука с раскрытой ладонью и вытянутыми пальцами; для второй — иной жест: три первых пальца (большой, указательный и средний), держащие сферу, подняты, а два других согнуты и несколько отведены к большому пальцу (рис. 3). Как удалось установить, это, казалось бы, незначительное различие в жесте не является

pp. 106—110; G. L e f e b v r e. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Egypte, Caire, 1907, pp. 76, 98, 101, 116, 118; L. J a l a b e r t e t M o u t e r d e. Inscriptions grecques et latines de la Syrie, vol. I—V. Paris, 1929, 1939, 1950, 1953, 1955.

⁸ Cl. M o n d é s e r t. Inscriptions et objets chrétiens de Syrie et de Palestine. Syria, t. XXXVII, N 1—2, Paris, 1960, p. 119.

⁹ М. С. Р о с с. Byzantine Bronze Hand . . . , pp. 102—103, fig. 1—2.

¹⁰ Там же, стр. 102.

чисто формальным. Оно имеет определенные истоки в дохристианских культах народов Ближнего Востока.

Интересно отметить, что прототипами для византийских памятников первой группы являются вотивные предметы I—III вв. н. э., связанные с сирийскими куклами Ваала Гелиопольского, Юпитера Долихенского и Атаргатис. Среди таких прообразов как по назначению и характеру

Рис. 3. Рука со сферой и крестом. г. Маримон (Бельгия).

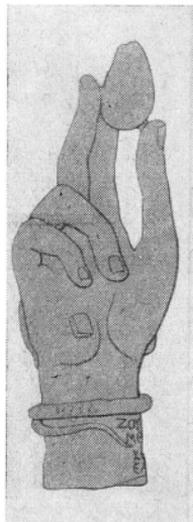

Рис. 4. Рука, посвященная Сабазию. Британский музей.

жеста руки, так и по содержанию посвячительной надписи следует назвать бронзовую руку, датируемую первыми веками нашей эры и посвященную Ваалу Гелиопольскому.¹¹

Находка этого предмета неподалеку от известного святилища Ваала в Гелиополе и изображение верховного сирийского божества¹² указывают на его бесспорно местное происхождение. Маленький идол Ваала со своими характерными атрибутами¹³ прислонен к ладони руки. Он

¹¹ R. Dussaud. *Main votive au type de Jupiter Héliopolitain*. *Revue archéologique*, t. IV, Paris, 1905, pp. 161—168. (Памятник найден в местечке Ниха, на склоне Ливанских гор, обращенных к долине Баальбека).

¹² Култ Ваала был также широко распространен в соседней Финикии и в финикийских колониях в северной Африке. Известно большое количество каменных стел, на которых Ваал-Хамон представлен в виде правой руки. См.: J. Euting. *Sammlung der Carthagischen Inschriften*, Bd. I. Strassburg, 1883 (рис. на 54 таблицах); G. Doublet et P. Gauckler. *Musées et collections archéologiques de l'Algérie*. Musée de Constantine. Paris, 1892, Pl. III, fig. 3, p. 83; R. Delattre. *Musées et collections archéologiques de l'Algérie*. Musée Lavignerie de Saint Louis de Carthage. Paris, 1900, pl. I, fig. 5, p. 13; J. G. Février. *Paralipomena Punica*. Cahiers de Byrsa, VI, Paris, 1956, pp. 13—25, pl. I.

¹³ R. Dussaud. *Notes de mythologie syrienne*. *Revue archéologique*, t. II, Paris, 1903, p. 119; F. Cumont. *Le Jupiter Héliopolitain et les divinités des planètes*. Syria, t. II, Paris, 1921, pp. 40—46.

как бы занимает то место, которое в аналогичных христианских памятниках отведено сфере и кресту.

На запястье, обработанном в виде подставки, имеется посвятельная надпись, сходная по содержанию с христианскими: *Μενίσκος ὑπέρ | έαυτοῦ καὶ θυγατρ[ός] καὶ σμβίῶν καὶ | θρητῶν εὐχάμε[νος]*.

Бронзовые votivные предметы в виде рук, посвященные Юпитеру Долихенскому, также могут рассматриваться как прообразы христианских памятников первой группы. Некоторые из них аналогичны последним не только по назначению, характеру жеста руки и содержанию посвятельной надписи, но и по наличию такого атрибута, как сфера, увенчанная изображением божества. Место последнего в христианских памятниках занимает крест. Поскольку сирийский культ Долихена со II в. распространился в римской армии, едва ли является случайным то, что три votivные руки, связанные с этим культом, были обнаружены на Рейне, в местах расположения римских легионов.¹⁴ Любопытно, что в этом пограничном районе стояли некоторые легионы, до того находившиеся в Коммагене, в районе г. Долиха.

Две руки из названных особенно интересны тем, что их большие и указательные пальцы держат сферы, в которых, как полагал П. Пердризе,¹⁵ находились скульптуры долихенского бога: на одной сфере сохранились следы ног некогда возвышавшейся на ней скульптуры (рис. 2). Такую же сферу со ступнями двух ног держала и другая votivная рука, найденная в Галиции.¹⁶ На ее запястье имеется посвятельная надпись: *I[ovi] o[ptimo] M[aximo] | Doliceno | Gaius optio | c[o]h[ortis] Hisp[anorum] miliariae | v[otum] s[olvit] I[hibens] m[erito]*. На связь с Сирией, помимо культа, возможно, указывает имя „Марин“, упоминающееся в посвятельной надписи на одной из рук, найденных на Рейне. Надпись гласит: *Iovi Doliceno | G. Iul. Marinus | centurio Brittonum Curvedens[ium] d. d.* Это имя может указывать на этническую принадлежность посвятеля, поскольку оно сирийского происхождения и распространено в Сирии.¹⁷

Из языческих прототипов христианских votivных предметов назовем бронзовую votivную руку, находившуюся в маронитском патриархате (Ливан).¹⁸ На ее запястье имеется посвятельная надпись ... *λευσα καθῶς | έχελεσθη | τῆς | θεῶς ἀνέθη | κεν*, из которой следует, что рука была посвящена богине (τῆς θεῶς). В тех случаях, когда на сирийских вещах упоминается божество женского пола без имени, это обязательно Dea Syria — Атаргатис.¹⁹

Сходство данного памятника, вероятно, посвященного этой богине, с более поздними христианскими votivными предметами такого же внеш-

¹⁴ J. Becker. Drei römische Votivhände aus den Rheinlanden. Neujahrs-Blatt den Mitgliedern des Vereins für Geschichte und Altertumskunde, Frankfurt a/Main, 1862, SS. 5—32, Taf. I—II, Abb. a, b, S. 10, N N 20, 23; A. H. Kan. Jupiter Dolichenus. Sammlung der Inschriften und Bildwerke, Leiden, 1943; P. Merlat. 1) Répertoire des inscriptions et monuments figurés du culte de Jupiter Dolichenus. Rennes, 1951; 2) Jupiter Dolichenus. Publication de l'Institut d'art et d'archéologie, vol. V, Paris, 1960.

¹⁵ P. Perdrizet. La miraculeuse histoire de Pandare et d'Echédore. Archiv für Religionswissenschaft, Bd. XIV, Leipzig, 1911, S. 122; J. Becker. Drei römische Votivhände. . . , Taf. II, Abb. Ia и b.

¹⁶ P. Perdrizet. La miraculeuse histoire. . . , SS. 121—122, Taf. I, Abb. 3.

¹⁷ Там же, стр. 121; I. Dragomir. Un nou monument sculptural al lui Jupiter Dolichenus de la Cerna. Studii și cervetari de istorii veche, vol. 15, N 4, București, 1964, pp. 535—541.

¹⁸ P. Perdrizet. La miraculeuse histoire. . . , S. 119.

¹⁹ R. Mouterde. Dea Syria en Syrie. Mélanges de l'Université St. Joseph, vol. 25, fasc. 8, Beyrouth, 1942—1943, pp. 137—142.

него вида и назначения, видимо, было настолько велико, что он мог быть принят за предмет христианского культа.

Сопоставление рассмотренных языческих вотивных предметов с христианскими по назначению, материалу, характеру жеста, основным составным компонентам и типу посвятельной надписи позволяет сделать вывод, что прообразами византийских вотивных предметов первой группы были сирийские языческие памятники I—III вв. н. э.²⁰ Следовательно, интересующие нас христианские памятники можно связать с византийской Сирией, тем более что местом их находки или покупки была территория Сирии.

Ко второй группе византийских вотивных предметов мы отнесли три бронзовые руки, отличительной чертой которых является следующее положение пальцев: три первых, держащих сферу с крестом, подняты, а два последних — опущены (рис. 3). Эта группа предметов, как и первая, имела языческие прототипы: ее прообразами являются вотивные бронзовые руки, связанные с синкретическим культом Сабазия (рис. 4).²¹

На запястьях рук Сабазия имеются посвятельные надписи обычного типа, например: Ἀριστοκλήης ἑπιστατήσεως [ς] Δι[ι] Σαβαζιῶν или Ζουγόρας εὐχόμενος ἀνέθηκεν [Σ]αβαζιῶν.

Поразительно почти полное тождество жеста рук, посвященных Сабазию, и византийских памятников второй группы (ср. рис. 3 и 4). Шишка пинии (обычный атрибут Сабазия), которую держат три поднятых пальца, как бы занимает место сферы христианских памятников.

На основании тщательного анализа эпиграфического и нумизматического материала Ф. Кюмон убедительно показал, что появление характерного литургического жеста рук Сабазия, напоминающего жест благословения, произошло под влиянием иудаизма.²² В ряде посвятельных надписей Сабазий назван Θεὸς ὕψιστος и παγκράτωρ,²³ т. е. наделен эпитетами Саваофа. Тот же литургический жест можно видеть и в росписях синагоги Дюра-Европос в сцене „Видение Иезекииля“.²⁴

²⁰ Недостаточно ясен смысл, который вкладывался в вотивный памятник в виде руки с раскрытой ладонью. Одни исследователи считали такой предмет символом бога (H. Seyrig. *Antiquités syriennes. Représentations de la main divine. Syria*, t. XXX, Paris, 1939, p. 194), другие — изображением руки молящегося (P. Perdrizet. *La miraculeuse histoire... S. 118*). Нам представляется наиболее правдоподобной точка зрения Ф. Кюмона, который говорит о смешении этих двух разных символов [F. Cumont. *Il sole vidice dei delitti ed il simbolo delle mani alzate. Memorie della pontificia Accademia Romana di Archeologia (Serie III)*, vol. I, part I, Roma, 1923, p. 71].

²¹ Georgie. Sabazios (Σαβαζιός) Paulys Real-Encyclopadie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von Georg Wissowa. Bd. I, Stuttgart, 1920, col. 1540—1551; Ch. Blinkenberg. *Archeologische Studien. Darstellungen des Sabazios und Denkmäler seines Kultes. Kopenhagen—Leipzig, 1904, SS. 66—128 (SS. 66—81 — каталог). Места находок указаны в работе К. Блинкенберга. Любопытный памятник был найден в бывш. Екатеринославской губернии в 1900 г. (Б. Фармаковский. *Бронзовая вотивная ручка из Екатеринославской губернии. ИАК, вып. 3, СПб., 1902, стр. 118—121, табл. XVI*).*

²² F. Cumont. 1) *Les mystères de Sabazios et le Judaïsme. Académie des inscriptions et belles lettres, Comptes rendus, Paris, 1906, pp. 63—70*; 2) *Les religions orientales dans le paganisme romain. Paris, 1909, pp. 95—98*. На этой же точке зрения стоят Г. Сейриг (H. Seyrig. *Antiquités syriennes, p. 194*), Г. Виденгрэн (G. Widengren. *Synkretische Religionen. Religionsgeschichte in der Zeit der Weltreligionen, Bd. VIII, Als. 2, Köln, 1961, S. 64*) и А. Грабар (A. Grabar. *Recherches sur les sources juives de l'art paléochrétien. Cahiers archéologiques, XIV, Paris, 1964, p. 55*).

²³ Эпитет παγκράτωρ Ф. Кюмон считал возможным отождествить с термином παντοκράτωρ.

²⁴ C. H. Kraeling. *The Excavations at Dura-Europos. The Synagogue. Report VIII, part 1, New-Haven, 1956, Pl. XVI, LXIX*.

Следует заметить, что θεός ὄψιστος посвящались не только votивные предметы в виде рук с описанным выше жестом, но и просто в виде правой руки с раскрытой ладонью.²⁵

Сопоставление второй группы предметов с памятниками синкретического культа Сабазия позволяет заключить, что и эта группа имела своими прообразами ex voto, связанные с семитическими культурами. Это обстоятельство, а также места находок²⁶ разрешают связать и эту группу памятников с восточными провинциями Византии.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что византийские бронзовые votивные предметы в виде рук, держащих сферы с крестами, восточного, сиро-палестинского, происхождения. Они представляют смешение двух разных традиций, одна из которых идет от сирийских культов, а другая от — иудаизма.

Таким образом, еще на одном примере прослеживается широко известная роль Востока в формировании образцов византийского искусства.

V. N. Zaleskaja

UN MONUMENT BYZANTIN À L'ERMITAGE ET CES PROTOTYPES

Dans la collection byzantine de l'Ermitage se trouve un objet curieux fait en bronze: c'est une main droite, dont le pouce, l'index et le médius tiennent un globe, qui porte une croix avec des „larmes“ (N° 191). Des objets semblables se trouvent dans des autres musées du monde. On peut les rassembler en un groupe, que nous appelons conventionnellement — „le premier“.

Il y en a un autre groupe d'objets byzantins, qui ressemblent beaucoup aux objets du premier groupe. Ils se distinguent seulement par la position des doigts, qui ressemble au geste de la bénédiction. Ce dernier groupe d'objets nous avons appelé conventionnellement — „le second“.

Quelques particularités de la structure des objets des deux groupes et le caractère dédicatif des inscriptions indiquent, que c'étaient des objets votifs. La forme de la croix et la proportion des dimensions du globe et de la croix datent les objets des deux groupes du VI—VII ss.

Les mains votives chrétiennes, qui proviennent de Syrie et de Palestine, remontent à deux traditions différentes, dont une vient des cultes syriaques (1 gr.) et l'autre du judaïsme (2 gr.)

²⁵ M. Beaudouin et E. Pottier. Collection de M. Péretié. Inscriptions. Bulletin de correspondance hellénique, III, Paris, 1879, pp. 265—266, N N 18—22; A. de Ridder. Collection de Clercq. Catalogue publié par les soins de l'Académie des inscriptions et belles lettres. Les bronzes, t. III, Paris, 1904, pp. 193—194. Это памятники в виде раскрытой правой ладони, на запястье которой помещены исполненные гравировкой пальмовые ветви, доходящие до мизинца и большого пальца. На запястьях этих рук имеются греческие почитательные надписи. Например: θεῷ ὄψιστω Γῆ|ρίων εὐξά|μενος ἀνέθη|κεν или εὐ|ξαμέν|η ὑπὲρ αὐτῆς|καὶ θεοδώρου ἀνδρός|καὶ τέκνων|θεῷ ὄψιστω (Оба памятника найдены в Сидоне).

²⁶ Один куплен в Бейруте, два найдены в Аккре.

ИСТОРИЯ НИСИБИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

Источники по истории сирийской школы

Высшая сирийская школа — это средневековый университет, каким его знали и Византия, и латинский Запад. В истоках своих эти высшие школы восходят к античной, греческой традиции, в них преобразованной и обновленной. Сирийские школы постоянно упоминаются у средневековых писателей, не только сирийских, но и греческих, они славились как центры просвещения и образованности. Школы высшего типа имели особенно существенное значение, их основной задачей являлись чтение и толкование писания, способствовавшие утверждению и распространению догматических взглядов, философского направления, которого придерживались сирийцы. Если экзегеза, гомилетика, литургика и были главными предметами изучения в этих клерикальных школах, то там было высоко поставлено и изучение философии, в некоторой степени и других светских наук. Раннее средневековье (V—VI—VII вв.) было временем расцвета школ, но и в последующие века (до XII в.) они продолжали существовать, оставались центрами образованности. Замечательно, что для этого времени сохранились сведения о рассадниках просвещения на самой восточной окраине распространения христианства, в Междуречье. Источники сообщают как об образовательных школах, так и об академиях, центрах освоения высших знаний.

О школах упоминают очень многие сочинения сирийцев, как жития иерархов, истории монастырей, биографии, хроники, местные истории, такие сочинения, как рассказы Фомы Маргского и „Книга целомудрия“ Ишоденаха. Особый интерес представляет одна из ранних средневековых клерикальных школ — академия в Нисибии, о которой сохранились достаточно подробные сведения в документах и сообщениях современников. Об этой академии известно не только из нарративных источников, сохранился также ее устав, правила, которыми руководствовались в управлении школой и устанавливали нормы поведения учащихся и учащихся. Все вместе они составляли некую организацию, „собрание“ (*судия*), возглавляемое ректором и экономом, выполнявшим хозяйственные обязанности и общий надзор в школе.¹ Замечательным памятником сирийской образованности являются „Правила Нисибийской академии“,

¹ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, Нисибийская академия, стр. 338—349; N. Pigulevskaya. Les villes de l'Etat Iranien aux epoques Parthe et Sassanides. Paris, 1963, pp. 244—251.

ее „статуты“ — древнейший устав средневекового университета. В старом споре о культуре Востока и Запада этот памятник все еще не занял подобающего ему места, хотя он свидетельствует о стройной организации высшей школы на заре средневековья. Сирийцы сохранили конкретные правила поведения школяров, сведения об условиях их жизни, общем устройстве. Определяя внутренний распорядок школы, „Правила“ носят нормативный характер, как всякий юридический документ, и вскрывают главным образом отрицательные черты, все же позволяя воссоздать живое представление о повседневном течении жизни академии, ее обычаях и нравах. Достоинством этого устава является то, что он датирован, более того, указано время и обстоятельства составления первой и второй серий „Правил“, имена лиц, участвовавших в их составлении, и, наконец, то, что они были засвидетельствованы подписями с приложением печатей епископа города, ректора и учителей академии. Выработанный тщательным устав был принят „собранием школы“, т. е. ее коллективом. „Статуты“ являются нормативным юридическим установлением, которое особенно драгоценно историку. В сочетании с повествовательными источниками эти документы V—VII вв. дают возможность создать представление о деятельности ряда лиц, жизни самой школы и общей политической обстановке.

Предисловие, введение ко второй серии правил и послесловие содержат сведения о том, кем и при каких обстоятельствах статуты были составлены, возобновлены, дополнены и приняты „собранием школы“.

В сирийских исторических памятниках выражение „школа“ (ܟܠܝܬܐ) в ряде случаев заменено выражением „собрание“ (ܟܝܘܢܐ) или еще подробнее — „собрание школы“. Нам удалось проследить, что это отнюдь не случайное явление. „Школа“ и „собрание“, или „собрание школы“, указывают на различную по своей организации, составу и устройству учебные и ученые центры. Выражение „школа“ имеет общее широкое значение и частное — школа с некоторым количеством учеников, начальная школа при храме или монастыре. „Собрание“ (ܟܝܘܢܐ) предполагает некую организацию, коллектив, конгрегацию, которую составляли учащиеся и профессора школы, достаточно многочисленной. Известно, что в Эдессе, Нисибии число школяров достигало нескольких сот человек. Такое „собрание“, как всякая организация, требовало установления правил, было необходимо фиксировать нормы, которыми руководились по традиции и должны были руководиться и в будущем.

Первые статуты были записаны при епископе Барсауме (ум. 496 г.), но они не сохранились.² На основе этих статутов были установлены так называемые „старые“ статуты из 22 глав, найденные в школе. Они были составлены учителями Нарсаем и Ионой по просьбе всего собрания школы, обращенной к епископу Нисибии Осии, и приняты 21 числа месяца Тиши первого в год 808-й греков и 9-й год шаханшаха Кавада, т. е. 21 октября 496 г. н. э.³

Эти статуты, или каноны, были подтверждены при епископе Нисибии Павле, когда экзегетом школы был Авраам, а чтецом и дьяконом — некий Нарсай в правление шаханшаха Хосрова I. Об этом сообщает запись мар Нарсая и епископа Осии,⁴ сохранившаяся в тексте после канонов.

² Gli Statuti della scuola di Nisibi, ed. I. Guidi. Giornale della Societa Asia-tica Italiana, v. 4, Roma, 1890, pp. 165—195, p. 172.

³ Там же, стр. 171—172.

⁴ Там же, стр. 188.

Затем следует вторая серия статутов — „Другие каноны той же школы“, которые были составлены в 12-й год шаханшаха Хормизда (590 г. н. э.), при епископе и митрополите Сimeoне, священниках Хенане и Хенанишо.⁵

Каноны были подтверждены епископом и митрополитом Ахадабуи, учителем и священником Хенаной, их собственноручными подписями и печатами в 13-м году шаханшаха Хосрова.⁶ Имеется в виду шаханшах Хосров II, следовательно, 602 г. н. э.⁷ Таким образом, дошедшие до нас каноны Нисибийской академии действовали на протяжении двух веков по крайней мере. О их значении говорит уже то, что они были включены в рукопись сборника постановлений сирийских несторианских соборов.

Такой памятник, как устав Нисибийской академии, представляет, конечно, выдающийся интерес, а главное он является надежным, так как в нем имеется несколько дат, не вызывающих сомнения. Попытка критически подойти к источникам по истории Нисибийской академии была сделана Германом,^{7а} который использовал предшествующие работы Шабо и Минганы. Существенного эта статья в эти вопросы не вносит, тем более что в ряде случаев автор ссылается на сведения Хроники Арбелы, которая была подвергнута ответственной критике.^{7б} Сравнение текста трактата об Основании школ и Истории церкви Бархадбешаббы привели его к выводу, что История была источником трактата, но никакой попытки поставить вопрос о том, тот ли это автор в обоих случаях или эти источники написаны разными лицами. В тесной связи между собою стоят два других источника, содержащих сведения по истории школы в Нисии, они дополняют данные устава и дают возможность установить новые факты. Трудность в использовании этих источников заключается в том, что они оба дошли до нас под именем Бархадбешаббы из Халвана,⁸ материал их местами совпадает дословно, но характеристика отдельных лиц, оценка дается прямо противоположная. В одном случае автор назван Бархадбешабба Арабайа епископ Халвана, в другом он назван священником и „главой надзирателей“⁹ святой школы города Нисибина“. Это наименование ему дано в заголовке „Истории“, в последних двух главах которой находятся составленные им биографии двух ректоров школы — Нарсая и Авраама. В трактате „О причине основания школ“ автор назван епископом Халвана, в качестве которого он подписался и в 605 г. под деяниями собора Григория I.¹⁰ В обоих дошедших до нас сочинениях он ученый, осведомленный, знающий, хорошо знакомый с историей и жизнью Нисибийской академии. Вполне возможным является предположение, что Бархадбешабба учился в ней, занял положение старшего учителя, „раб бадук“, а затем был руко-

⁵ Там же, стр. 188—189.

⁶ Там же, стр. 169, 195.

⁷ E. Nestle. Die Statuten der Schule von Nisibis aus d. J. 496 und 590. Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd. 18, Gotha, 1898, SS. 211, 229.

^{7а} T. Hermann. Die Schule von Nisibis vom 5 bis 7 Jahrhundert. Ihre Quellen und ihre Geschichte. Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft, 25, 1926, pp. 89—122.

^{7б} Fiey. L'apport de Mgr. Addai Scher à l'hagiographie orientale. Analecta bollandiana, 83, f. 1—2, pp. 146—147.

⁸ Barhadbešabba Arabaya, évêque de Halwan. Cause de la fondation des écoles. Ed. Addai Scher. Patrologia Orientalis, 4, Paris, 1908, pp. 319—404; Barhadbešabba Arabaya. La seconde partie de l'Histoire. Ed. F. Nau. Patrologia Orientalis, 9, Paris, 1913, pp. 493—675.

⁹ ܪܒܒܐܘܬܐ ܕܝܢܝܐ (riš baduka) переводят по-разному: так, Scher считает их „философами“, Nau переводит как „surveillants“ — это учителя школы, которые ведут в ней преподавание, как окончившие ее, они имеют звание бадук.

¹⁰ Synodicon Orientale. Ed. J.-B. Chabot, Paris, 1902, p. 479.

но их учение, как и Пифагора, было языческим, они смешивали истину с заблуждениями.¹⁸ Трактат упоминает также о „физиках“ (ϕυσικα) и их учении об атомах и считает, что Пифагор допустил много заблуждений в учении о едином божестве. В Персии „собрание школы“ (κλῆροκτ κλῆροκτ) создал маг Зарадушт. Сообщив об отдельных чертах его учения, трактат завершает их словами: „Таковы собрания, устроенные сынами заблуждения“.

С пришествием Христа, „светлого разума и великого учителя“, была „обновлена первоначальная школа его Отца“, в ней учителем писания (κλῆροκτ κλῆροκτ) был Иоанн Креститель, а управителем, майордомом — апостол Петр.¹⁹ Учить Христос начал тридцати лет, поучал учеников, народ, после него продолжали учить апостолы и особенно Павел. После смерти апостолов трактат переходит к тому, „как начали быть школы“, т. е. собственно образовательные, и „в какое время начали толковать писания“, а также сообщает об „этой нашей“ школе. Знаменита была Александрийская школа, в которой процветали философия и экзегеза.²⁰ В ней „к чтению писаний“ как некое украшение было присоединено толкование. Руководил этой школой и ее экзегетом был „Филон иудей“, который стал толковать Библию аллегорически (ἀλληγορικῶς), совершенно устранив историю (ἀπὸ τῆς ἱστορίας ἀλλοτρίως ἐρμηνεύειν). Эти ученые увлекались „пустяками“ (κεκοῖα), а не „истинным учением“, и спустя немного времени „Та школа философов пропала, и усилилась эта новая“.²¹ Таким образом, философская языческая школа нашла известное признание у сирийцев, тогда как к Филону отношение явно отрицательное. В известной мере трактат связывает арианство с этими традициями, так как „нечестивый Арий“ учил в Александрии, толковал писания и, впав в соблазн гордости, стал проповедовать ересь, что „Сын создание“.²² Никейский собор 325 г. осудил арианство и все предшествующие ереси, а затем епископы основали школы: Евстафий — в Антиохии, Иаков — в Нисибии, Александр — в Александрии, где экзегетом стал Афанасий Великий.²³

Экзегетом своей школы Иаков поставил мар Афрема — Ефрема Сирина, который преподавал там 38 лет. Когда Нисибия „была отдана персам“ в 363 г., он переселился в Эдессу († 373 г.), где его школа процветала, к нему собралось много учеников, в том числе Нарсай, Барсаума, в будущем епископ Нисибии, Ма'на, в будущем епископ Ревардашира.²⁴

Центральное место в трактате занимает Феодор Мопсуестский — его толкования писаний и отношение к ним. Бархадбешабба подчеркивает связь Феодора с антиохийской традицией, школой, основанной Диодором, которую прошли также Василий Великий, Иоанн Златоуст, Евагрий Понтийский. До времени „великого экзегета“ не было должного комментария; он же дал его ко всем книгам Библии и, что автор считает существенным, составил также „ответы“ относительно всех ересей.²⁵ В Эдессе его комментарии были приняты, более того, „глава и экзегет школы“, „светоч“ Киора сожалел лишь об одном, что они „не были

¹⁸ Там же, стр. 365.

¹⁹ Там же, стр. 367—368.

²⁰ Там же, стр. 375.

²¹ Там же, стр. 375.

²² Там же, стр. 376.

²³ Там же, стр. 377.

²⁴ Barhadbešabba Ar a b a y a. Cause de la fondation des écoles, pp. 377, 381—382.

²⁵ Там же, стр. 378.

переведены на сирийский язык“, и он это осуществил.²⁶ Епископ эдесский Раввула (435 г.) был расположен к Феодору Мопсуестскому, но на соборе, когда Раввула стал оправдываться в том, что он наказывал клириков (он их бил), Феодор дал ему отповедь „от писания“. После смерти „вселенского толкователя“ Раввула велел сжечь его сочинения, избежали этой участи лишь непереведенные с греческого толкования на евангелие Иоанна и Экклезиаста.²⁷ Наряду с этим Бархадбешабба сообщает, что существовали „традиции школы“ (ܒܪܗܘܠܐ ܕܩܘܪܕܝܘܨܐ), которые передавались „из уст в ухо“, эти толкования исходили от мар Афрема, „о которых говорят, что они приняты от самого апостола Аддая, их запечатлел потом в своих проповедях и прочих сочинениях мар Нарсай“.²⁸ „Когда было переведено толкование Феодора на сирийский и затем было передано собранию Эдессы, тогда отдохнул этот муж (Киора) со всем собранием братства“. У Киоры было много учеников, и они „все приняли от него толкование божественных писаний и их предания; он также читал и толковал по книгам экзегета“.²⁹ Таким образом, Киора с целой группой учеников перевел на сирийский язык с греческого толкования Феодора Мопсуестского, сам же он пользовался как этими толкованиями, так и „преданием“, существовавшим и раньше „устным учением“ (т. е. традициями), оно передавалось от учителей ученикам. По общему желанию Киору после смерти сменил мар Нарсай, о роли которого в Эдесской и Нисибийской школах еще придется говорить. Во всяком случае трактат считает, что Нарсай в Нисибии сменил Елисей бар Косбайе, он был ректором семь лет и скончался в преклонном возрасте. Елисей сменил Авраам, родственник мар Нарсай,³⁰ которому помогал Иоанн из той же семьи. Следующим нес эти обязанности Ишояб (569—571), избранный затем епископом Арзуна, а в 581 г. — патриархом несториан († 596 г.). После Ишояба экзегетом школы в течение одного года был Авраам Нисибийский, бар Кардаха, а затем „его степень“ (ܡܪܝܬܐ) получил Хенана Адиабенский, ставший в полном смысле слова яблоком раздора для сирийцев.

Трактат отзывается в лестных выражениях о Хенане, говорит о его смиренности, скромности, об исключительных его знаниях и способности учить. У него было „великое сокровище души“, „ему было недостаточно только словом передать нам толкование, но и в писаниях он желал запечатлеть нам свои мысли и мнения“.³¹ Бархадбешабба принадлежал, конечно, к числу учеников Хенаны и писал, когда он был жив: „Мы все молим о продлении его жизни“, потому что он „приправлял“ „изящным словом философов“ свои замечательные толкования. Его труды распространены повсеместно, по ним учатся и там, где его нет. Через его учеников распространяется его слава.“³² В трактате нет указаний на то, что деятельность Хенаны вызвала споры и неудовольствия, что он был осужден на соборе 585 г. за свою близость православию. Единственный намек в трактате на то, что его жизнь не шла гладко, имеется в словах об искушениях, волнениях и испытаниях.³³ Нам представляется, что это намек на нападки, которые были на него сделаны в Нисибии, но которые он сумел отвести. Несмотря на эти обвинения, он стал рек-

²⁶ Там же, стр. 382—383.

²⁷ Там же, стр. 381.

²⁸ Там же, стр. 382.

²⁹ Там же, стр. 383.

³⁰ Там же, стр. 383, 387.

³¹ Там же, стр. 391.

³² Там же, стр. 392.

³³ Там же, стр. 390.

тором академии (572 г.), и эти строки писались до собора 585 г., со- званного Ишоябом I (582—595 гг.). Тяжелые упреки, выдвинутые про- тив него на соборе каталикоса Григория Кашкарского (605—608/9 гг.), имели место позднее.³⁴

Последняя часть трактата посвящена жизни школы. „Такова вкратце причина собраний, — пишет автор. — Установлена и определена сессия в два срока — летом и зимой, не без основания. Но так как человек состоит из души и тела, которые не могут пребывать одна без другой, повтому установили отцы, так как мы заботимся о пище духовной, отде- лить нам время и для работы, для пищи телесной“.³⁵ Летней сессии предшествует жатва, т. е. до этой сессии собирают хлеб, а зимней сес- сии предшествует сбор фиг и слив, важнейших сельскохозяйственных культур на Востоке. Но не забывает он прибавить, что телесный труд должен быть подчинен духовному и необходимо любить труд. Следуют также советы об общем поведении школяра, которое должно быть до- стойным и примерным. Подобным вопросам посвящено несколько более мелких замечаний.

Таковы основное содержание и оценки „Трактата об основании школ“ Бархадбешаббы. Между тем другое сочинение, приписываемое тому же автору, находится в явном с ним противоречии.

Под именем „Бархадбешаббы, священника, главы учителей (ܩܘܕܝܫܐ) святой школы города Нисибии“ дошло сочинение, названное „История святых отцов, которые были преследуемы за правду“.³⁶ В конце рукописи ее название дается несколько иначе: „Окончено написание историй свя- тых отцов, которые собрал мар Бархадбешабба Арабая, священник и экзегет (ܩܘܕܝܫܐ)“.³⁷ Считать, что „Трактат о школах“ и „История“ принадлежат одному и тому же лицу, по мнению некоторых исследовате- лей, несколько затруднительно ввиду того, что в них имеются противо- речащие друг другу данные; однако имеются основания, позволяющие приписывать оба сочинения одному автору. Во введении к „Истории“, названное им „предупреждением“, Бархадбешабба говорит: „Многое удер- живало меня решить собрать истории святых отцов и показать различных их клеветников, во-первых, незнание, во-вторых, молодость, в-третьих, неподготовленность (ܩܘܕܝܫܐ ܕܐܘܪܝܬܐ), но более всего из-за тяжелых вре- мен, которые постоянно волнуют разум, колеблют и удаляют его от познания“.³⁸ Судя по этим словам, „История“ была написана в молодости автора, когда он только начинал свою деятельность. О том, что он пользовался письменными источниками, он говорит сам, что „если на- ходил одно слово в писаниях других“, которое свидетельствовало бы „об успехе отцов“, он его вносил в свой труд.³⁹ Издатель текста назы- вает его источники: „Церковная история“ Сократа, „Книга Гераклита“ Нестория, другой труд Нестория, цитируемый как „История“, и несо- хранившийся сборник документов, относящихся к Ефесскому собору.

³⁴ Chronicum anonymum. C. S. C. O. Script. syri, Series, 3, t. 4, p. 17— Н. Пигулевская. Анонимная сирийская хроника. Зап. Инст. востоковедения АН СССР, т. VII, 1939, стр. 65.

³⁵ Barhadbešabba Arabaya. Cause de la fondation des écoles, p. 393.

³⁶ La seconde partie de l'histoire de Barhadbešabba Arabaia. Texte syriaque édité et traduit par F. Nau. Patrologia Orientalis, t. 9, Paris, 1913, pp. 493—631; p. 495.

³⁷ Там же, стр. 631.

³⁸ Там же, стр. 496.

³⁹ Там же, стр. 496.

Главы об учителях Нарсае и Аврааме основаны на устном предании о них, которое было живой традицией Нисибийской академии.⁴⁰

В „Истории“ имеется ряд несообразностей фактического характера, как и противоречия в оценках, данных в разных местах деятелям Нисибии. Достоверность фактов, сообщаемых трактатом, подтверждается другими источниками, тогда как данные „Истории“ неверны. Так, в „Истории“ экзегетом школы в Эдессе назван в качестве предшественника Нарсаея Раввула. Между тем Раввула был епископом Эдессы в 412—435 гг. Ошибочно „История“ считает епископом Эдессы Киору,⁴¹ бывшего на самом деле предшественником Нарсаея в качестве экзегета и ректора Нисибийской академии. Совершенно очевидно, что здесь имеют место ошибочно вписанные имена Киоры вместо Раввулы и наоборот. Возможно, что в этом была повинна устная передача, тем более что текст содержит соответствующее указание: „говорят о нем“ (*ישארו מאלו*). Характеристика предшественника Нарсаея дается положительная, как и в трактате. Однако уже на следующей странице епископ Киора назван „еретиком“, препятствовавшим Нарсаю, а его клирики — разбойниками.⁴² Обвинения Нарсаю были предъявлены как стороннику Феодора Мопсуестского и Нестория, а затем и политического характера, как державшего сторону персов. О такого рода обвинениях говорят и другие источники, но имя, данное епископу — Киора, ошибочно, и издатель предлагает его заменить именем Нонна.⁴³ Основные факты жизни Нарсаея в трактате и в „Истории“ одинаковы, на их основании может быть написана история Нисибийской академии, но следует, по нашему мнению, считать, что „История“ была интерполирована, возможно, что в ней епископ и экзегет не были названы, а впоследствии были вписаны имена ошибочно. Возможно, и то, что отрицательная характеристика, данная епископу Эдессы, зависела от последующих событий, стала возможной в новой обстановке.

Названные источники являются основными, но, помимо них, в различных сирийских летописях, житиях, историях имеются сведения о сирийских школах и академиях, которые позволяют дополнить и уточнить то, что дают основные источники. История школы дает возможность глубоко вникнуть в процесс передачи знания, в характеры людей далекого прошлого, которые были носителями культуры своего времени.

Для истории Нисибийской школы, кроме ее замечательных статутів, трактата о школах и истории Бархадбешаббы, существенное значение имеют сообщения в отдельных биографиях, историях, хрониках о том, что те или другие сирийские деятели учились или учили в этой школе. Она заслужила название „матери наук“, была первым наиболее известным центром образованности Междуречья. Слава Нисибии распространилась по Византии, она соперничала с такими замечательными городами, как Антиохия и Александрия, традиции философских знаний которых уходят далеко в языческую античность. Сирийские города между Тигром и Евфратом имеют свою длинную политическую и культурную историю. На перепутье с Кавказа к Персидскому заливу, на дорогах из Центральной Азии к берегам Средиземноморья, на границе Ирана селевкидов, а затем сасанидов и Римско-Византийской империи эти центры экономической жизни, ремесла и торговли, обмена всевозможными товарами азиатских стран были в то же время центрами культуры, обмена и жи-

⁴⁰ Там же, стр. 500—501.

⁴¹ Там же, стр. 598—599.

⁴² Там же, стр. 600.

⁴³ Там же, стр. 603.

выми мыслями, теориями, верованиями, доступными благодаря тому, что там встречались лица этнически разного происхождения, которые сговаривались обычно на сирийском языке. Сирийский язык, его письменность, школьная традиция упрощали его освоение и широкое распространение, как международного языка в сношениях греко-латинского запада и арабо-персидского востока. Обе стороны пользовались сирийцами как толмачами и переводчиками, они бывали членами посольств, так как, живя на территории Ирана, исповедовали „религию кесаря“, а из Византии их охотно посылали в Иран, с языком и обычаями которого они были хорошо знакомы и имели своих людей при дворе шаханшаха. Они были полезны обеим державам в сношениях друг с другом и с третьей силой, зревшей на Востоке, — арабами.

Широкое распространение сирийской культуры связано с историей городов Междуречья, среди которых Эдесса и Нисибия заняли наиболее выдающееся место как важные экономические пункты, как центры ремесла, торговли и образованности.

Сирийские школы Эдессы и Нисибии

К первой четверти IV в. восходят сведения о христианской школе в Нисибии, епископ которой Иаков был участником Никейского собора 325 г. Его ближайшим учеником был знаменитый Ефрем Сирийский, мар Афрем, в житии которого рассказывается, как он писал толкования на библейские и евангельские книги и был привлечен Иаковом к занятиям в школе.¹ Какова была тогда ее организация, неизвестно. В 363 г. Нисибия отошла к персам, и мар Афрем покинул этот город и ушел в области Бет-Гармай, в Амиду, а с 365 г. стал учить в Эдессе в „школе персов“, основателем которой его считают некоторые источники. В Эдессе Ефрем оставался до своей смерти в 373 г.²

Христологические споры приняли особенно острый характер в Эдессе благодаря тому, что эти взгляды высказывались экзегетами, толковавшими писание в школе, выступавшими с проповедями, писавшими обширные трактаты. До того как произошел открытый разрыв и было осуждено несторианство, в „школе персов“ преподавали учителя различных догматических взглядов.³ В этом отношении характерно положение Раввулы, епископа Эдессы.

Раввула, уроженец Кеннешрина, был сыном жреца-язычника и христианки. Он был наставлен в „греческой науке“, занял административную должность префекта, был женат на христианке. Его обращение привело его в Палестину, где он принял крещение, а затем стал монахом, оставил семью и раздал свое имущество. На вселенском соборе в Ефесе из сторонников Иоанна Антиохийского он перешел к взглядам Кирилла Александрийского; некоторые его сочинения он перевел с греческого на сирийский.⁴ Между ним и несторианами сложились поэтому тяжелые отношения, в частности с Хибой (Ивой), горячим сторонником Феодора Мопсуестского.⁵ Однако и Раввула, умерший в 435 г., и Хиба были профессорами школы в Эдессе.

¹ Barhadbešabba Arabaya, évêque de Halwan. Cause de la fondation des écoles. Ed. Addai Scher. Patrologia Orientalis, 4, Paris, 1908, p. 377.

² A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, S. 34.

³ Labourt. Le christianisme dans l'empire perse des Sassanides. Paris, 1905, p. 131.

⁴ A. Baumstark. Geschichte. . . , S. 71.

⁵ Там же, стр. 101.

Источники упоминают также Киору, который был во главе этой школы до Нарсая. Киора был учеником замечательного деятеля сирийской культуры мар Абы I, преподававшего в Нисибийской школе и бывшего основателем школы в Силевкии.⁶ Судя по тому, что Киора обвинил Нарсая в ереси, можно предполагать, что во взглядам своим Киора был близок православным епископам Эдессы, Раввуле и Нонну, и во всяком случае враждебен несторианству.

С именем Ивы Эдесского связан ряд колебаний в развитии догматических взглядов на востоке, отношение к его христологии несколько раз менялось, а с этим и его положение. Но у него были и горячие приверженцы, к числу которых принадлежали его ученики по школе, среди них Барсаума, выдающийся представитель сирийской образованности. Перс по происхождению, раб, принадлежавший некоему Мару из Бет Карду, он выдвинулся благодаря своим способностям и знаниям в „школе персов“. Страстный приверженец несторианства, Барсаума уже в 449 г. на Ефесском соборе был осужден, но оправдание Ивы Халкедонским собором укрепило его положение. Вероучение диофизитов Барсаума поддерживал в Нисии и в Иране вообще, в противовес господствовавшему в Византии православию, ссылаясь и на политические соображения, по которым христианство в Иране должно было носить свой, отличительный от византийского характер. Как и другие восточные отцы, он был противником целибата и в противоположность им отстаивал даже женатый епископат. Он сам был женат, „как все персы“. Будучи епископом, он женился на бывшей монахини Мамое, уступив пожеланию шаханшаха, как утверждает один из источников.⁷ Горячий и неуживчивый нрав Барсаумы не раз приводил к конфликтам между ним и другими, как в случае с католикосом Бабоваем, с Акакием. Но он сумел поладить с Перозом (457—484), шах отнесся благоприятно к его избранию епископом Нисии, более того, утвердил за ним чисто светские обязанности надзора над пограничными войсками персов. Вместе с марзбаном Кардагнахверганом и царем арабов-лахмидов он участвовал в определении границы между Ираном и Византией. Свое положение при дворе Барсаума использовал в интересах несторианства и его укрепления у персов. Эдесскую школу он покинул для Нисии, так как после смерти в 457 г. Ивы Эдесского, учеником которого он был, там выявилась резкая монофизитская реакция.⁸ В качестве епископа Нисии он проявил большую инициативу, созвал несколько поместных соборов, упорядочил чтения церковного года. Особое значение он справедливо придавал школе, передаче традиций и поэтому уделил большое внимание организации Нисибийской академии. Нет сомнения, что он использовал в качестве образца сложившиеся в Эдессе порядки. Он сам вел занятия, толкуя писание, и привлек новые силы, чтобы сделать школу в Нисии оплотом несторианского учения, которое после смерти Ивы было гонимо в Эдессе. Епископ Нонн, преемник Ивы в Эдессе, поспешил освободить школу от несториан, которые покинули византийские пределы, переселившись в Иран. Вероятно, тогда же покинул Урху и талантливейший Нарсай, стоявший во главе школы после Киоры.⁹ В 489 г. в соответствии с распоряжением императора Зенона епископ Кир совсем

⁶ Labourt. *Le christianisme...*, pp. 169, 291; Н. Пигулевская. *Мар Аба I. Сов. востоковедение*, V, 1948, стр. 73—84; N. Pigulevskaya. *Mar Aba I. Mélanges Massé. Teheran*, 1963.

⁷ Maris Amri et Slibae de patriarchis nestorianorum commentaria ed H. Gismondi. *Romae*, 1899, pp. 37, 39; Labourt. *Christianisme...*, p. 149.

⁸ Labourt. *Le christianisme...*, pp. 130—152.

⁹ A. Baumstark. *Geschichte...*, SS. 104, 109.

закрыв ее, как очаг ереси диофизитов. Судьбы Нисибийской школы оказались теснейшим образом связанными с Нарсаем и Барсаумой, однокашниками по „школе персов“ и последователями Ивы.

Биография мар Нарсаево в многих отношениях представляет большой интерес.¹⁰ „Когда ему было 7 лет, он пошел в школу для мальчиков“, за 9 месяцев он так освоил знания, что „отвечал всего Давида“, т. е. все псалмы. Между тем против школы началось гонение со стороны персидских жрецов „магов“ (ܟܠܘܢܐܝܝܢܐ), которые стремились „отвратить от истины“ ее учеников. Учитель этой школы из селения Аин Дульба области Маальта, откуда был родом Нарсай, „взя школу и спрятался на одной горе“ (ܟܝܢܐ ܕܩܝܠܘܬܐ ܕܝܟܐ ܕܠܐܘܪܝܢܐ), т. е. увел всех учеников своей школы в горы, где они пережидали „грозу гонений“. „Оставался этот святой в той школе 9 лет и превзошел своего учителя в знании (ܟܠܝܘܬܐ)“. Со смертью своих родителей Нарсай был лишен возможности учиться дальше, он отправился к своему дяде по отцу, Эмануилу, архимандриту монастыря Кефармари, находившегося у границ области Бет Забдай (Забдицены). Эмануил учился в школах Эдессы (ܡܘܝܩܐܬܐ ܕܠܐܘܪܝܢܐ ܝܘܕܝܬܐ), и при нем значительно увеличилось число братьев названного монастыря.¹¹ Он был назначен периодом области, а затем ведал церквами Амида. В Кефармари он основал школу. Когда Эмануил увидал, что пришедший к нему племянник „просвещен в знании больше, чем учителя и братья тамошние, он и все собрание упростили его (Нарсае), чтобы он читал им книги (рукописи — ܟܬܒܝܢܐ). Они его уговорили, и он остался с ними одну зиму“. Но Нарсай стремился к новым знаниям, „он услышал о собрании (ܟܠܠܝܐ), которое существовало в Урхе, он оставил их и отправился в Урху, где нашел собрание, полное духовной жизни и знания писаний. Там он оставался 10 лет“.¹² Эмануил вынудил Нарсае вернуться из Эдессы в Кефармари, куда к нему собралось около 300 братьев, но Нарсай вновь ушел оттуда, на этот раз тайно (ܕܝܚܝܘܬܐ), и вернулся в Эдессу. Перед смертью дядя вновь призвал Нарсае и завещал ему „все собрание монастыря“. Но Нарсай поручил „дело обучения“ (ܕܟܘܠܘܬܐ ܕܠܝܘܕܝܢܐ) некоему брату Гавриилу, а сам вернулся в „школы Урхи“. В „Истории“ Бархадебашабы дважды говорится о пребывании Нарсае в Эдессе по 10 лет, но следует считать, что это повторение одного и того же факта.¹³ Здесь, в Эдессе, Нарсай встретился с Барсаумой, который отличался остротой и способностями и в короткое время освоил все знания, они оказались единомышленниками (ܟܠܝܢܐܝܝܢܐ), убежденными последователями Нестория.¹⁴ Барсаума переселился в Нисибий, где благодаря своей учености стал „толкователем церкви“ (ܟܠܘܢܐܝܝܢܐ ܕܩܝܠܘܬܐ), а затем в соответствии с общим желанием был поставлен епископом Нисибии, куда он и привлек Нарсае. Последний преподавал в „школе персов“ в Эдессе и стал во главе ее после Киоры. Наиболее вероятно, что свое преподавание Нарсай начал после смерти Раввулы, в период, когда епископом Эдессы считался Ива (Хиба). Возглавил же он школу в качестве ее ректора после Киоры, который занимал это место до него.¹⁵

¹⁰ Barhadbešabba A r a b a i a . La seconde partie de l'Histoire. Ed. F. Nau. Patrologia Orientalis, 9, Paris, 1913, pp. 594—615.

¹¹ Там же, стр. 596.

¹² Там же.

¹³ A. Baumstark. Geschichte. . . , S. 110.

¹⁴ Barhadbešabba A r a b a i a . La seconde partie. . . , p. 597.

¹⁵ Barhadbešabba A r a b a y a . Cause de la fondation des écoles, pp. 68—70.

Став главой Эдесской школы, Нарсай вел основной и наиболее важный предмет — толкование, экзегезу. С тем чтобы „больше трудиться над истолкованием божественных писаний“, он передал занятия чтением, огласовкой и другими предметами специальным учителям (*κλῆρονομοὶ*).

Однако Нонн и другие клирики назвали его „толкователем-еретиком“ (*κλῆρῖον κληρῶν*), так как он следует учению Феодора (Мопсуестского) и Нестория, „учеников Павла“ Самосатского.¹⁶ По мнению Бархадбешаббы, Нарсаю завидовали, потому что он, будучи персом, был так учен и занял видное положение. „Как муж перс покорил ромеев, он, который чужд порядку речи?“ (*κῆρ κληρῶν κληρῖον ἱσαῖ*), т. е. не знает правил риторики.¹⁷ К этому стали прибавлять чисто политические обвинения в том, что Нарсай в качестве перса готов предать Эдессу, которая стоит на границе с Ираном. Нарсаю угрожали, его уговаривали схитрить, но он остался твердым и верным своим убеждениям. Страсти разгорались. Против него подняли чернь (*οὐλοῦν — οὐλος*), толпу, его решили сжечь. Один из его друзей успел предупредить его и предложил ему бежать. Нарсай сразу отправился „и достиг церкви города, там он нашел мужей персов“ (*κλῆρῖον κληρῶν*).¹⁸ Они могли помочь ему скрыться, но у него было сокровище, с которым он не хотел расстаться. „Он спросил их, может ли он взять с собой свои книги“. Те очень обрадовались и „с тщанием“ доставили все его книги до Нисибина. На утро Нарсаю хватились в Эдессе, но он был уже далеко, ни друзья, ни враги не могли его найти. Помощь ему была оказана единоверцами — персами, т. е. христианами, близкими ему и по этническому признаку.

Надо думать, что Нонн в изгнании Нарсаю не участвовал и не был виноват, он даже обещал в случае его возвращения встретить его с честью, но попытки остались втуне, ушедший не вернулся.¹⁹

Достигнув Нисибии, Нарсай „не вошел в город“, а остановился в „монастыре персов“, находящемся на востоке от города. Узнав его историю, о нем сообщили Барсауме, который предложил ему войти в город, но его пришлось долго уговаривать, прежде чем он согласился. Торжественно он был встречен Барсаумой, который стал его убеждать создать в Нисии собрание, так как задачей его жизни должно быть просвещение всего Междуречья, и этим будут удовлетворены обе стороны — и ромеи, и персы.²⁰ Далее в уста Барсаумы вложены те же идеи, которые изложены в „Трактате о школах“, о преемственности школ, о том, что школа перешла из Антиохии в Эдессу, а отсюда в Нисибию, мысль, которая роднит оба сочинения Бархадбешаббы. Здесь должна была „усилиться наука о писаниях“. Кроме того, Барсаума считал важным для Нарсаю остаться вблизи Эдессы, чтобы его враги видели и его торжество.²¹ Барсаума предложил ему открыть „собрание“ в Нисии: „Ибо нет города в Персии, который мог бы принять тебя, как этот большой город, стоящий на границе, в него собираются со всех сторон, а когда услышат, что здесь есть собрание и особенно, что ты его руководитель, многие устремятся сюда“.²² Убедив Нарсаю, Барсаума „тотчас

¹⁶ Barhadbešabba Arabaia. La seconde partie. . . , pp. 599—600 (следует читать имя Нонна, епископа Эдессы с 457 по 471 г.).

¹⁷ Там же, стр. 600.

¹⁸ Там же, стр. 602—603.

¹⁹ Там же, стр. 604.

²⁰ Там же, стр. 606.

²¹ Там же, стр. 608.

²² Barhadbešabba Arabaia. Cause de la fondation des écoles, p. 385.

приказал сделать все, что было необходимо приготовить для школы. В короткое время многие (мла), не только братья персы и сирийцы, что поблизости, но и многие из собрания Урхи пришли к нему. „По этой причине умножились собрания в Персии, Урха помрачилась, Нисибия просветлела“. „Так как и до этого там была школа и был экзегет, кашкарец по имени Симеон, муж великий и достойный, то делу не было препятствий“, а предстояло только расширить школу. Барсаума поэтому „купил ему около церкви конюшню верблюдов под школу“, и сюда к Нарсаю „в короткое время начали собираться братья со всех сторон“. Популярность Нарсая была очень велика, его постоянно посещали; келья его находилась вблизи дома епископа, и его жене Мамое показалось обидным, что множество людей приходило не к Барсауме, а к экзегету. Она не стала этого скрывать. Когда Нарсай посетил Барсауму в следующий раз, он заметил, что прежнего отношения к нему не было, и спросил о причине. Считая, что ему лучше удалиться, он отправился в монастырь Кефармари, где написал две мимры об этих событиях. Они были прочитаны в Нисибии, епископ Барсаума покаялся и пригласил его обратно. Нарсай вернулся, но купил себе келью вдалеке от дома епископа, хотя они и остались в дружбе.²³

В биографии этого талантливого человека особенно отчетливо сказались все трудности, которые возникали для христианина.

Политическая обстановка, в которой проходила жизнь таких культурных центров, как Эдесса и Нисибия, отражалась в событиях жизни отдельных лиц, а также в развитии тех или иных идеологических направлений. Враждебные отношения шаханшахов с Византией не могли не оказывать влияния, особенно всякий раз, когда они обострялись. На философскую мысль сирийцев воздействовали труды византийских theologов, которые вырабатывали догматы в жарких спорах. Школы играли в этом случае первоочередную роль, в зависимости от того, из Антиохии или из Александрии тянулись связи ученого или экзегета, вырабатывалось и догматическое направление. Правительству шаханшахов было желательно, чтобы христианская церковь в Иране была независима, а ее вероучение отличалось от принятого в Византии православия.

Принадлежность к религии, которую исповедовал кесарь, враг Ирана, делало положение Нарсая легко уязвимым, давало простор политическим додозрениям. Будучи персом, Барсаума пришел на помощь Нарсаю, персы же помогли ему скрыться из Эдессы. Но Нарсай был неосторожен, он составил мимру и в ней в „жесточких словах“ упомянул о гордыне ума шаханшаха Пероза, который отправился в поход в Бет Кафтарайе и потерпел поражение.

Когда Кавад осаждал Амид в 503 г., двое из учеников Нарсая оговорили его перед шахом, утверждая, что Нарсай — „ваш враг“ и „ненавистник вашего царства“. Однако были люди из Бет Хузайе (Хузистана), которые сообщили об этом доносе Нарсаю. Тогда Нарсай написал другую мимру, а эти „хузайиты перевели ее на персидский язык“ (ܟܘܝܝܐ ܟܘܙܝܝܐ ܟܘܙܝܝܐ ܟܘܙܝܝܐ). Мимру „прочитали перед шахом“, в ней были положительные слова о персидском государстве, и Кавад решил не преследовать Нарсаю, который получил возможность продолжить свою деятельность.²⁴ Люди из Бет Хузайе, которые перевели мимру и предупредили Нарсаю, были, конечно, дружественные ему персы — христиане.

²³ Barhadbešabba A r a b a i a . La seconde partie. . . , pp. 610—611.

²⁴ Там же, стр. 613.

Была сделана еще одна попытка оклеветать Нарсяя как шпиона, действовавшего в пользу Византии, но выполнить это не удалось, так как направленный из Ирана посол с доносом умер в Антиохии.²⁵ Подсчет лет жизни Нарсяя составляет 103 г.,²⁶ однако следует считать, что в Эдессе он провел не 20 лет, а 10, тогда он умер в возрасте около 93 лет.²⁷ Он оставил после себя огромное количество трудов, часть которых сохранилась.²⁸ В его биографии говорится, что он посвящал множество времени чтению и толкованию писаний и вел аскетический образ жизни. С ним соперничал монофизит Иаков Серугский, сочинявший мимры и стремившийся путем „благозвучных стихов“ и проповедей оторвать последователей Нарсяя от него (ܢܪܣܝܐ ܕܢܫܘܬܐ ܕܥܕܝܢܐ). В свою очередь Нарсай сочинил мимры на каждый день года, толкуя библейских пророков.²⁹

Не лишено интереса то, что Бархадбешабба спрашивает себя, что привлекало народ к Нарсаю, и отвечает на этот вопрос, учитывая все возможные причины интереса и симпатии к Нарсаю; он перечисляет их так: 1) это было новостью, 2) привлекало достоинство его образа, 3) приятность его лица, 4) снисхождение, которое он выказывал каждому, 5) его доброта (приятность его любви, буквально), 6) красота его поучения.³⁰ Здесь перечислены как внешние, так и внутренние качества героя, но не оставлены в стороне и чисто человеческие черты, которые влекли к Нарсаю, как новизна или самая маера его себя держать.

С именами Барсаумы и Нарсяя связаны документы большой важности, о которых выше было упомянуто, статуты Нисибийской школы, т. е. первый дошедший до нас устав средневекового университета.

Продолжателем дела Нарсяя был его односельчанин (ܡܘܠܝܢܐ) и родственник (ܡܘܠܝܢܐ), которого его родной отец привел 15-летним юношей к знаменитому экзегезу в Нисибии. Так как имя его было также Нарсай, то ему было дано новое имя — Авраам (чтобы „не было двух Нарсаев в одной келье“³¹), под которым он и стал известен. Авраам прожил долгую жизнь и до своей смерти в 569 г. сохранил способности и знания.³² В „Истории“ Авраам назван ошибочно непосредственным преемником Нарсяя после его смерти (503 г.). Через 20 лет „восстали против него“ (ܡܘܠܝܢܐ ܕܢܪܣܝܐ) „братья вместе с горожанами“ (ܒܝܪܝܐ ܕܢܪܣܝܐ) и поставили вместо него Елисея Арабая бар Козбайе.³³ В „Трактате о школах“ Елисей назван сразу после Нарсяя; он руководил школой 7 лет.³⁴ Ввиду того что Елисей умер в глубокой старости, был длительное время ближайшим помощником Нарсяя и так как сведения „Трактата“ более надежны, следует считать, что Нарсяя сменил в качестве ректора Елисей. И лишь после Елисея ректором стал Авраам.

Оба названных источника говорят о трудах и комментариях, которые составлял Елисей, в особую заслугу ставят ему апологетическую деятельность, „ответы на вопросы магов“, т. е. защиту христианства,

²⁵ Там же, стр. 614.

²⁶ Там же, стр. 615, прим. 3.

²⁷ A. Baumstark. Geschichte... , p. 110.

²⁸ Там же, стр. 110—113.

²⁹ Sed Nicolas. Notes sur l'homélie N 34 de Narsai. L'Orient syrien, 40 (v. 10, f. 4), 1965, pp. 511—524.

³⁰ Barhadbesabba Arabaia. La seconde partie... , p. 609.

³¹ Там же, стр. 616.

³² Там же, стр. 616₁, 630₂.

³³ Там же, стр. 620.

³⁴ Barhadbesabba Arabaia. Cause de la fondation des écoles, p. 387.

трактаты, в которых он опровергал зороастризм.³⁵ Когда Авраам³⁶ стал главой академии, численность конгрегации возросла до 1000 человек, соответственно было необходимо принять меры для расширения школы. Школярам приходилось селиться в разных местах города, дорого платить за кельи, подчас терпеть обиды. Поэтому ректор обратился к некоему Кашви, христианину и врачу шаханшаха, прося его дать ему место, землю под постройки, которые он возвел на свои средства. Авраам построил 80 келий, разделил их на 3 двора и поставил две бани — одну для братьев, другую для горожан, чтобы доход с нее поступал в пользу больницы. Он построил ее (ἐξοδοχῆτον) для братьев, оставил ее и сам навещал больных. Часть доходов он уделял на содержание учителей (ܟܠܘܢܐܘܬܐ ܟܠܩܘܬܐ), для которых не было других средств, поэтому им было приобретено селение (ܟܠܘܢܐܘܬܐ) за 1000 статиров. Из того, что поступало, он уделял на учителей, а излишки отдавал на ту же больницу.³⁷ Таким образом, школа и ее ректор владели недвижимостью, имели с нее доход.

При академии был свой скрипторий, „дом писаний“ (ܟܠܘܢܐܘܬܐ ܕܒܝܬܐ). Ценность каждой рукописной книги была исключительной, считал же Нарсай свои книги „сокровищем“ и не хотел без них покинуть Эдессу. В „постановлениях“ школы специальные параграфы запрещают брать книги без разрешения из библиотеки, а за утайку книги грозило наказание. Переписка, размножение книг было важным делом, а скрипторий — одной из основ школы. Авраам приложил немало стараний и построил „другой дом около своей кельи, большой и просторный“, так как первоначальное место скриптория было тесным. Новое помещение способствовало тому, чтобы писцам было „легко писать и выполнять их работу“.³⁸ „Нет нужды говорить о его трудах, которые он выполнял ради школы, — пишет Бархадбешабба, — о тех постройках, которые он возвел, о пользе (букв. доходах), которую он доставил школе“, „так как его дела более ясны и светлы, чем лучи солнца, потому что вся земля персов просвещена его учением“.³⁹

Авраам был автором целого ряда трудов, особенно ценным сирийцы считали доступно изложенные им толкования писаний Феодора Мопсуестского и его последователей.⁴⁰ Как видно из дальнейшего, он оставался приверженцем несториан. Едва ли можно усомниться в правдивости источника, сообщающего, с одной стороны, о популярности Авраама среди широких слоев населения, с другой стороны, о преследованиях, распре, которые возникали неоднократно. Его очень „любили жители города, не только верующие, но и язычники, а иудеи верность клятвы удостоверяли призыванием его имени“.⁴¹

Тем не менее тот же источник говорит о том, что у него были столкновения то с епископом города, то с общиной христианской, то с „чужими“ (ܟܠܘܢܐܘܬܐ), но, добавляет он, „не следует об этом говорить“. Однако известно, что Авраама обвинили, „как того, кто доставляет беспокойство на границе“. Марзбан, которому было об этом сообщено,

³⁵ Там же, стр. 387.

³⁶ J. B. Chabot. L'école de Nisibe. Journal asiatique, 9 série, t. VIII, 1896, p. 53; A. Baumstark. Geschichte... S. 115.

³⁷ Barhadbesabba Arabaia. La seconde partie... pp. 622—623.

³⁸ Там же, стр. 620—621.

³⁹ Barhadbesabba Arabaya. Cause de la fondation des écoles, p. 389.

⁴⁰ Barhadbesabba Arabaia. La seconde partie... p. 622.

⁴¹ Там же, стр. 621.

послал с известием к шаху своего сына, но тот, возвращаясь от шаха, утонул в Тигре, а марзбан с горя умер.⁴²

Позднее против экзегета подняли свой голос иудеи. В свою очередь на них ополчился „весь город“. Тогда иудеи обратились к епископу, требуя, чтобы вина была возложена „на старца, как на того, кто со своими учениками был причиной раздора“. Никто не пришел на помощь Аврааму, в то время тяжело больному, и „персидские правители“ сочли его виновным.

Как видно из дальнейшего, положение было угрожающим для школы. Друзья „скрылись“, а все „братья“, т. е. школяры, „рассеялись“ к тому времени, когда Авраам поправился. Он увидел это разорение и отправился ко двору шаханшаха, где добился не только того, что был снят запрет, т. е. закрытие школы (קטוואב, т. е. отрезание, прекращение), но он был ласково принят шахом и всем его правлением (פולטיעא). Ему была оказана большая честь как царем, так и его знатными. Академия была восстановлена как прежде (מלכות חכמה וכו' על חכ' קלצאעקל), а все ее враги были посрамлены.⁴³

Другое столкновение Авраама было с его единоверцами, христианами, обвинившими его в идолопоклонстве. Причиной клеветы было то, что „у него были икона нашего Господа и знак креста“. Когда он вставал засветить свой светильник, он прежде всего кланялся и молился иконе и кресту. Его обвинили в том, что у него якобы есть идол, „горожане“ (קבליטתן) рассмотрели это дело и сочли это клеветой.⁴⁴ Но враги не успокоились. Ввиду того что Авраама много посещали, „постоянно была открыта его дверь перед каждым“, он счел возможным сделать загородку перед внешней дверью своего двора, чтобы скот не мог в них заходить (קבליטתן על דלת חכ'). Это было новшеством, „в Нисибии это было сделано впервые, по обычаю ромеев“, и вызвало новую клевету, опять в идолопоклонстве, якобы против двери в доме Авраама был кумир, которому всякий входящий кланялся поневоле. Ложное обвинение было обнаружено и раскрыто.⁴⁵ Подозрения в идолопоклонстве были связаны с большой настороженностью в отношении к иконам на востоке, иконоборчество имело глубокие корни. Если позднее оно было связано с мусульманским влиянием, то в данном случае, в V в., страх перед поклонением иконам был связан с наличием языческих культов и влиянием иудеев.

Аврааму пришлось также защищать свои взгляды, основанные на учении Дюдора Тарского, Феодора Мопсуестского и Нестория. Против него поднялись „ромеев, синодиты (сторонники Халкедонского собора) и сирийцы“, так как он поминал имена этих трех отцов в богослужении, „он приказал возвещать их имена в книге жизней“ (קבליטתן על חכ'). Тогда „убедили кесаря“, вероятно императора Юстиниана, потребовать у Авраама ответа на вопрос о его вере, тем более что Нисибия находилась в тесном общении и связи с Антиохией. Но в Константинополь экзегет не поехал, а ответил письменно, отговорившись старостью. Посланные им к императору клирики твердо стояли

⁴² Там же, стр. 625—626.

⁴³ Там же, стр. 626—627.

⁴⁴ Там же, стр. 624.

⁴⁵ Там же, стр. 625.

на его точке зрения и защищали ее. Нисибийцы не согласились отказаться от упоминания имен трех глав.⁴⁶

Авраам руководил „этим собранием“, т. е. конгрегацией Нисибийской академии в течение 60 лет, тщательно соблюдая порядок и принимая участие в занятиях.⁴⁷

Биографии ректоров и профессоров многое раскрывают в жизни замечательной сирийской школы, ее регламент еще с большей полнотой позволит уяснить формы, в которых протекала учеба. Учителя и ученики, вернее профессора и студенты, составляли все вместе организацию, собрание, общину. Это была ~~школа~~, собрание, сходка всех членов общины, которая являлась высшим органом, решавшим миром все важнейшие вопросы жизни школы. В какой-то мере организация школы походила и на древнюю христианскую общину, и на крестьянскую сельскую общину, решавшую свои дела сходом, и на порядок, в соответствии с которым жили в общежительных обителях. Из Нисибийской академии вышел ряд несторианских деятелей, их литературная деятельность оставила глубокий след в истории идеологии Востока. Последовательно могут быть названы имена руководителей этой школы после Нарсаи, как Елисея бар Косбайе, после него родственника и синкела Нарсаи мар Авраама, которому помогал Иоанн, прозванный де Бет Раббан. После смерти последнего Аврааму пришлось вести все дело одному. В течение двух лет после него был ректором Ишояб, будущий епископ Арзуна, а затем католикос (581—596). Следующим экзегетом школы был мар Авраам бар Насибанайе (Нисибиец).

В 572 г. на эту кафедру вступил Хенана Адиабенский, имя которого мы уже упоминали в связи с тем, что „Трактат“ Бархадбешаббы заканчивается хвалой и пожеланием долгой жизни этому блестящему ученому-теологу трагической судьбы. Сам Хенана учился в академии при мар Аврааме, затем стал ее учителем и занял положение экзегета и ректора. К этому времени в академии было свыше 800 слушателей. В своих взглядах, однако, Хенана отошел от трафарета, к которому привыкли в толковании библейских книг, он не стал следовать изложению Феодора Мопсуестского и явственным традициям несторианства. В своих толкованиях он принял метод и взгляды, которые высказывались такими отцами, как Иоанн Златоуст, что вызвало неудовольствие и возмущение. К тому же его философские воззрения были сродни оригенизму. Большое стечение слушателей и волнения среди них побудили Хенану обновить старые, утвердить и дополнить новые правила поведения, т. е. устав, статуты академии в 590 г. В 602 г. эти правила были возобновлены и подтверждены повторно. Известно, что 300 слушателей академии, в том числе Ишояб из Гедалы (будущий каталикос, 628—643/4) и часть учителей, покинули в знак протеста против учения Хенаны свою alma mater.⁴⁸ Поддержку Хенане оказывала светская власть, благодаря чему он в течение ряда лет продолжал свою деятельность.

Главным пунктом обвинения против Хенаны было то, что он давал иное толкование писания, чем принятые школой традиции экзегезы Феодора Мопсуестского.⁴⁹ Это следует из того, что на соборе Ишояба I в 585 г. в каноне II опровергались „ложные“ представления, „возводи-

⁴⁶ Там же, стр. 628—629.

⁴⁷ Там же, стр. 630.

⁴⁸ J. V. Chabot. L'école de Nisibe, p. 66; A. Baumstark. Geschichte... S. 127; Amri et Slibae. De Patriarchis nestorianorum commentaria ed. H. Gismondi. Textus. Romae, 1896, p. 52; versio latina — Romae, 1897, p. 30.

⁴⁹ G. Hoffmann. Auszüge aus Syrischen Akten Persischer Martyrer. Leipzig, 1880, S. 116.

мые еретиками“ на „вселенского экзегета“. В этом каноне предлагалось точно придерживаться его учения и не приводить никаких „других“ комментариев, в частности Иоанна Златоуста,⁵⁰ хотя бы они излагались в особенно изящной и притягательной форме. Из другого источника известно, что Хенана признавал учение Оригена, об этом говорит Бабай Великий, автор жития мученика мар Гиваргиса (†612 г.). Когда Гиваргис прибыл учиться в Нисибю, Авраам, „отец и глава монахов“, предупредил новообращенного Михрамгушнаспа—Гиваргиса о еретических учениях, которые распространены и которыми „испорчен все еще весь этот несчастный город“. „Злые заблуждения“, о которых идет речь, распространяют „злодей Хенана и его ученики“. Обвинения, которые предъявляет ему Бабай, заключались в том, что он „делал Бога конечным (ܟܠܘܢܐ), страдающим (ܟܠܘܢܐ) и смертным (ܟܠܘܢܐ)“, что он „отвергал воскресение тел“ и считал „возможным лишь спасение душ“, „что суда и наказания нет“. ⁵¹ В другом случае добавлено, что Хенана учил, что „нет суда, нет наказания, нет воздаяния“. ⁵² Ему приписывают мнение, что „не грешит тот, кто прелюбодействует и любодействует, потому что это прирождено“ (ܡܠܟܐ ܕܘܨ ܦܐ). Толковать это сирийское выражение как „гороскоп“ едва ли следует и не вызывается необходимостью, т. е. контекстом. ⁵³ Но необходимо иметь в виду, что Хенана учил, что „всякая судьба“, каждое решение, определение (ܟܠܘܢܐ) имеют свою причину и „руководимо звездами“, ⁵⁴ что позволяло говорить о его „халдействе“, т. е. связи с древними учениями астрологов, широко распространенными в древности в Междуречье и надолго удержавшимися в Харране. „И, наконец“, Хенана считал, „что все люди — сыны Божией сущности“, т. е. люди одной духовной сущности с Богом, „как говорил Ориген, язычник из язычников“. ⁵⁵ Верный несторианским взглядам, Бабай ставит в вину Хенане заблуждения императора Юстиниана и Кирилла Александрийского, православное учение о двух природах — божественной и человеческой — во Христе и одной ипостаси, он приводит по поводу этого длинные доказательства, построенные в строгой логической форме, как было принято у искушенных в риторике теологов. ⁵⁶ Все „заблуждения“ Хенаны, по мнению несториан, были основанием для того, чтобы называть его „еретиком“, „оригенистом“, „халдеем“ и „губителем жизни“. ⁵⁷ „Всеми епископами Востока“ к Хенане был послан Григорий Нисибийский, чтобы переубедить его, но ему это не удалось. ⁵⁸ Так как Хенана воздействовал не только словом, но и своими „писаниями“, широко распространенными, то патриархом Сабришо (590—604) они были запрещены. Часть толкований и гомилий Хенаны сохранилась, как трактат о „Золотой пятнице“ и на „Пост Нинивитян“, ⁵⁹ которые свидетельствуют о его

⁵⁰ Synodicon Oriental, Ed. J.-B. Chabot, Paris, 1902, p. 400; G. Hoffmann. Auszüge. . . , SS. 116—117.

⁵¹ Житие мар Гиваргиса, сирийский текст: Vie de mar Iabalaha et de trois autres patriarches. . . , éd. P. Bedjan, Paris, 1895, p. 477.

⁵² Там же, стр. 477.

⁵³ G. Hoffmann. Auszüge. . . , Payne—Smith, Thesaurus 1, p. 486 (несколько значений: a) nativitas, b) horoscopus).

⁵⁴ Житие мар Гиваргиса, стр. 496.

⁵⁵ Там же, стр. 477.

⁵⁶ Там же, стр. 497—498; A. Guillaumon. Les Kephalaia gnostica d'Evagre le Pontique. Paris, pp. 189—190.

⁵⁷ Житие мар Гиваргиса, стр. 496.

⁵⁸ G. Hoffmann. Auszüge. . . , S. 117.

⁵⁹ Patrologia Orientalis, 7, Paris, 1911, pp. 53—87.

православных взглядах. Издатель этих текстов называет выпады Бабая „клеветой“, так как Хенана в своих трудах утверждает ответственность человека за его грехи и высказывает взгляды, которые отводят и возведенные на него обвинения.⁶⁰

Талант, красноречие, сила убежденности, большие знания делали Хенану опасным для несторианства, по признанию его противников. Его характеристика в „Трактате“ о Нисибийской академии говорит о его смирении (ܩܕܘܫܘܬܐ) и об обладании „всеми дарами, которые требуются для толкования“, для экзегезы. „День и ночь он погружался и занимался чтением писаний и их толкованием“ и призывал к этому других. Более того, у него была „большая любовь“ к этому делу, а „уверенность в своем слове и великое сокровище его души“ делали его устное и письменное слово особенно притягательными.⁶¹

Борьба со взглядами Хенаны приняла острый характер, но в течение длительного времени он сохранял за собой признание, во всяком случае части учителей и слушателей Нисибийской академии, об этом свидетельствует то, что имя Хенаны упомянуто в приписке ко второй серии „Правил“ академии, датированной 602 г. (13-й год шаханшаха Хосрова), где он назван „нашим учителем“ со всеми высокими званиями („почтенный“, „его святость“), в качестве подписавшего и приложившего печать к этому документу.⁶²

Возможно, что 6-й канон постановлений собора Иезекииля 576 г., повторенный 18-м канонном постановлений собора 585 г. Ишояба I, в которых говорится о необходимости соблюдать „разделение“, „отчуждение“ от экскоммуницированных лиц, не общаться с ними, пока они не будут оправданы, следует отнести к делу Хенаны.⁶³ Следует также отметить, что упомянутое выше постановление собора 585 г. об обязательности комментировать писания в соответствии с толкованиями Феодора Мопсуестского не называет имени Хенаны, что также говорит о том, что принять окончательное решение в вопросе о деятельности выдающегося экзегета было для несториан затруднительным.

Несомненно, что все это носило характер расхождения взглядов, разрыва между отдельными, не совпадавшими в своем учении лицами. Несториане заняли твердую позицию и не хотели ее сдавать, настаивая на признании Феодора Мопсуестского и Нестория. Разлад привел к ослаблению общего положения Нисибийской академии, уменьшению ее влияния, так как идейное развитие сирийцев пошло по нескольким руслам. Немалую роль сыграло и известное оформление учения монофизитов, которые ряд монастырей сделали центрами обучения, а тем самым и распространения своего учения.

В VII и VIII вв. деятельность Нисибийской академии продолжалась, но арабское завоевание значительно поколебало общие устои жизни Ирана, ограничило его экономическую жизнь, нанесло ущерб как земледелию, так и ремеслу, и торговле.

Нам придется еще говорить о роли сирийцев в просвещении арабов, в освоении ими плодов греческой науки и философии, в чем немалую долю следует отнести за счет сохранения и преемственности знаний в таком центре, как Нисибия. Несомненно следует отметить известный упадок, ослабление интенсивности занятий в академии и ее значения, как и уменьшение числа учителей и учеников с VII в.; тем не менее

⁶⁰ Там же, стр. 8.

⁶¹ Barhadbesabba A r a b a y a. Cause de la fondation des écoles, p. 391.

⁶² Statuta, p. 189.

⁶³ Synodicon Oriental, pp. 117—118, 152—153.

традиция продолжает держаться, и этим сохраняется передача известного цикла знаний из поколения в поколение. С этого времени сведения о школах следует искать в различных сочинениях сирийцев, они разбросаны в их трудах, свидетельствующих о том, что школы продолжали существовать, их можно найти в селениях, в монастырях, в городах, но того мощного влияния на умы, которые имели академии Эдессы—Урхи и Нисибии, они достичь не могли. Расцвет высшей сирийской школы следует отнести ко времени до победы мусульманства, которое приглушило идеологическую роль сирийцев в Иране, но получило из их рук традиции преемственной эллинской культуры.

N. Pigoulevskaya

HISTOIRE DE L'ÉCOLE DE NISIBIE

Une analyse comparée des sources sur l'histoire de l'école de Nisibie réduit à la conclusion que les Statuti della scuola di Nisibie contiennent une tradition contemporaine et sûr, que le traité sur la Cause de la fondation des écoles de Barhadbešabba donne des faits connus par l'Histoire du même auteur, qui a subit des interpolations fautives. Cette analyse a permis de donner ensuite l'histoire successive des maîtres de l'école—Narsai, Barsauma et Henana.

L'exégèse de la St. Ecriture était le but principal des études à l'école, on l'enseignait conformément à l'interprétation de Théodore de Mopsuestie, suivant la doctrine nestorienne. Hiba évêque d'Edesse et professeur de l'école était partisan des diophysites, ainsi que ses élèves le perse Barsauma, ensuite évêque de Nisibie, et Narsai docteur et interprète à l'école d'Edesse, qui dû la quitter et continuer sa tâche à Nisibie. Par parole vive et homélies écrites Narsai assurait le nestorianisme. Sous la direction d'Abraham, son parent et successeur à l'école, le nombre d'élèves augmenta considérablement. Docteur et professeur Henana d'Adiabene était orthodoxe, en matière d'exégèse suivait Jean Chrisostome, non Théodore, et propagait des idées origenistes. Ses écrits ont été prohibés par le patriarche nestorien Sabrišo.

Les académies chrétiennes d'Edesse et de Nisibie ont donné un nouveau aspect, une direction originale à l'éducation au Proche Orient.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДРЕВНЕСИРИЙСКОЙ ВЕРСИИ СБОРНИКА «КАЛИЛА И ДИМНА»

Сборник „Калила и Димна“, названный так, вероятно, уже на иранской почве, появился впервые в Индии и прошел почти все страны мира. Сам по себе памятник настолько интересен, что постоянно привлекал и привлекает внимание исследователей, переводчиков и читателей. Существует обширная литература, посвященная отдельным его версиям — индийским, арабской и др. Сирийские версии освещены и изучены значительно слабее. Если литература, связанная с арабской версией, в частности арабская, на эту тему исчисляется сотнями названий, то работы, написанные специально по поводу древнесирийской версии,¹ вполне обозримы. Это в первую очередь большое предисловие Т. Бенфея к изданию древнесирийской версии Г. Биккеля,² несколько статей и монографий.³

В литературе о древнесирийской версии „Калилы и Димны“ важное место занимает вопрос ее происхождения.

Известно, что впервые книга возникла около II—III вв. н. э. и была написана на санскрите. До сих пор широко популярна и любима ее ближайшая по времени обработка „Панчатантра“,⁴ по которой единственно и можно судить о древнем санскритском оригинале, утраченном давно и безвозвратно.

¹ Названа так в отличие от более позднего сирийского перевода, сделанного неизвестным несторианским священником в XI—XII вв. с арабского перевода Ибн ал-Мукаффа'.

² Kalilag und Damrag. Alte syrische Übersetzung des indischen Fürstenspiegels. Text und deutsche Übersetzung von G. Bickell mit einer Einleitung von Th. Benfey, Leipzig, 1876.

³ L. Blumenthal. Kritische Emendationen zu Gustav Bickell's Kalilag und Damrag. ZDMG, Bd. 44, Leipzig, 1890; Th. Nöldeke. Bibliographische Anzeigen. ZDMG, Bd. 30, Leipzig, 1876; 2) Die Erzählung vom Mausekönig und seinen Ministern. Göttingen, 1879; F. Schulthess. Die Mardiner Handschriften von Kalila und Dimna. ZDMG, Bd. 65, 1911.

⁴ Панчатантра (Пять книг). См. на русском языке: Панчатантра. Избранные рассказы. Перевод с древнеиндийского, предисловие и примечания Р. О. Шор. М., 1930; Панчатантра. Перевод с санскрита и примечания А. Я. Сыркина. М., 1958 (II изд., М., 1962). Кроме этих „Пяти книг“, в индийской литературе найдено еще несколько глав древнего оригинала: три вошли в состав индийского эпоса „Махабхарата“, две включены в одну из рукописей „Панчатантры“ — дополнительно к пяти основным, отрывки одной из глав оказались в составе тибетской буддийской Трипитаки в разделе „Канджур“ и т. д. См. об этом во введении Т. Бенфея к изданию сирийского текста „Калилы и Димны“ (Kalilag und Damrag, SS. IX—X).

В VI в. н. э. „Калйла и Димна“ была переведена придворным врачом Хосрова Ануширвана (531—579) Барзудей⁵ на письменно-литературный язык сасанидского Ирана — пехлеви.⁶

Этот пехлевикий перевод не сохранился, так же как и санскритский оригинал, но послужил основой для арабской версии, возникшей в VIII в. и связанной с именем выдающегося арабского писателя и ученого Ибн ал-Мукаффа.⁷

Древнесирийская версия относится к VI в. Очевидно, уже в то время „Калйла и Димна“ была хорошо известна, так что почти одновременно могли появиться два перевода — сирийский и пехлевикий. Вопрос в том, в какой последовательности они были сделаны: оба непосредственно с санскрита или сирийский был сделан с пехлеви.

Автором древнесирийской версии является некий священник — прорицатель, представитель епископа в областях Персии и Индии, по имени Буд.⁸ Его перу принадлежит также сочинение против манихеев и маркионитов. Краткие сведения о нем приводит сирийский автор XIII в. 'Абдишб-бар Бериха⁹ в своем каталоге сирийских рукописей, изданном Ассемани.¹⁰ Здесь же он и сообщает о том, что Буд перевел „с индийского“ ܟܠܝܠܐ ܘܕܝܡܢܐ книгу „Калйла и Димна“.¹¹

⁵ О поездке Барзудей в Индию за книгой рассказывает легенда, зафиксированная разными источниками. См., например, сочинение арабского филолога XI в. ас-Са'алиби: 'Tha'alibi. Histoire des rois des perses. Texte arabe publié et traduit par H. Zotenberg. Paris, 1900, pp. 629—633, а также одно из предисловий к арабскому переводу „Калйлы и Димны“: *كتاب كليلة و دمنة. عنى بنشورها اب لويى شيوخو*. Вряд ли эта легенда в точности соответствует действительности, однако, по словам И. Ю. Крачковского, она правильно отражает ход литературного движения и дату версии, которую можно приурочить приблизительно к 550 г. См.: И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. II, М.—Л., 1956, стр. 434.

⁶ Здесь и далее мы принимаем традиционное употребление термина „пехлеви“ — пехлевикий язык, пехлевикийская литература — в значении среднеперсидский. О значении этого термина см., например: И. М. Оранский. Введение в иранскую филологию. М., 1960, стр. 158, прим. 5.

⁷ Благодаря именно этой версии „Калйла и Димна“ вошла в мировую литературу. С арабского было сделано несколько переводов, которые в свою очередь послужили основой для других. Известны греческий, итальянский, несколько персидских, турецкий, латинский, немецкий, испанский, французский и многие другие переводы. На русский язык с арабского „Калйла и Димна“ перевели И. Ю. Крачковский и И. П. Кузьмин, см.: Калйла и Димна. Перевод с арабского И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина. М., 1934, (II изд., М., 1957).

⁸ О значении и происхождении имени Буд см.: А. В. Пайкова. К вопросу об изучении древнесирийской версии сборника басен „Калйла и Димна“. Сб. „Вопросы истории и филологии стран Зарубежного и Советского Востока“, М., 1961, стр. 117—118.

⁹ Жизни и трудам 'Абдишб посвящена статья арабского литературоведа Маскуни Йусуфа Йа'куба: *عبد يشوع الصوباوى اسقف نصيبين و ترجمة كتاب كليلة و* *دمنة. مجلة النجم (الموصل) ١٠: ٢٤٥*.

¹⁰ J. S. Assemanus. Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana, B. III. Romae, 1725, pp. 3—362.

¹¹ Там же, стр. 220. Положение 'Абдишб поддерживают некоторые арабские ученые. Так, историк Джирдж Зейдан (1861—1914) пишет в своей „Истории арабской литературы“: *وقد كتب اولاً باللغة الهندية السنسكريتية في بابا و نقل الى لغة التيبث فاللغة السريانية ثم الى القبطية اى الفارسية القديمة و عنها نقل ابن المقفع*. „Она („Калйла и Димна“ — А. П.) была написана впервые на языке индийском — санскрите в 12 главах и была переведена на тибетский язык и сирийский, потом — на пехлеви, т. е. древнеперсид-

Долгое время это краткое сообщение было единственным свидетельством существования древнесирийской версии. Лишь в XIX в. была найдена рукопись и появилось издание текста.

Опубликование сирийского текста дало возможность проверить правильность утверждения сирийского писателя. Действительно ли древнесирийская версия — результат непосредственно перевода с санскрита? Исследователи, посвятившие этому вопросу свои работы, подвергают сомнению положение 'Абдишб, хотя и не возражают против него категорически. Так, Кейт-Фоконер¹² считает невероятным, что двум лицам почти одновременно (Буд жил около 570 г., т. е. в то же самое время, когда Барзудя был послан Хосровом Анушйрваном в Индию за книгой) пришла в голову мысль перевести одно и то же индийское произведение, одному на персидский язык, другому — на сирийский.

Бенфей в своем введении к изданию текста¹³ подробно разбирает этот вопрос. Он утверждает, что хотя сирийский и арабский переводы, сделанные с одного и того же оригинала, существенно отличаются друг от друга, это не может служить доказательством того, что сирийский перевод независим от пехлевийской версии, а говорит лишь об отсутствии непосредственной связи между арабским и сирийским переводами.

Нёльдеке в „Библиографических заметках“¹⁴ ссылается на положение, высказанное Сильвестром де-Саси, о том, что литературные условия, в которых жили сирийцы, делают непосредственный перевод с санскрита на сирийский язык маловероятным, и предлагает с самого начала принять во внимание пехлевийское произведение как посредующий член между индийским оригиналом и сирийским переводом, „если убедительные доказательства противоположного не будут найдены впоследствии“. Последняя оговорка по сути дела оставляет вопрос открытым.

Сам по себе факт прямого перевода с санскрита на сирийский язык — явление исключительное, хотя несторианство, распространившись далеко на Восток, достигло в конце концов Индии и даже Китая.¹⁵ Сирийцы-несториане, к среде которых примыкал Буд, укрывшись в государстве Сасанидов от преследований ортодоксальной византийской церкви, развили бурную переводческую деятельность. Известен целый ряд видных представителей сирийской культуры того времени, сохранилось большое

копий, а с него Ибн ал-Мукаффа' сделал арабский перевод, который снабдил введением, назвав его „Изложение книги“. См.: تاريخ اداب اللغة العربية. الجزء الثاني. Тибетский перевод, о котором здесь идет речь, не что иное, как глава о Биларе, найденная известным тибетологом А. Шифнером в сводке „Канджур“. Арабский ученый Джа'фар ал-Халили пишет в статье „Влияние «Калилы и Димны» на арабскую новеллу“: *«على رغم العثور اخيرا على ترجمة سرديانة قديمة لكليلا و دمنة منقولة من اصل الهندي فان النسخة العربية هي* Сирийский перевод „Калилы и Димны“, сделанный с индийского оригинала, именно арабская версия стала известна во всем мире: *في دمنة في الخليلي جعفر. القصة العربية. جريدة «المستقبل» العدد ٥٣٣ من ٢٩ - ٨ - ١٩٦٦*

¹² G. N. Keith-Falkoner, *Kalilah and Dimnah or the Fables of Bidpai, being an Account of their Literary History, with an English Translation of the Later Syriac Version of Same, and Notes*. Cambridge, 1885, p. 43.

¹³ Kalilag und Damnag, S. XXXI.

¹⁴ Th. Nöldeke. *Bibliographische Anzeigen*, S. 754.

¹⁵ См.: Н. В. Пигулевская. 1) Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-хото и Турфана. *Сов. востоковедение*, I, 1940, стр. 213; 2) Сирийская культура средних веков и ее историческое значение. *Сов. наука*, 1941, № 2, стр. 28—29, 38.

число интересных переводов с разных языков.¹⁶ Выделяются две основные линии, по которым шла переводческая работа: а) с санскрита на пехлеви, затем на сирийский или арабский, с арабского — на европейские языки; б) с греческого на сирийский, затем на арабский, с арабского — на европейские языки. Непосредственных переводов с санскрита на сирийский язык, сколько мы знаем, тогда не делали. Не следует забывать, однако, что автор древнесирийской версии был поставлен в особые условия. Ему, как периодевту, был поручен надзор над христианами Персии и Индии, и время от времени по долгу службы он, вероятно, посещал эти страны. Буд, должно быть, неплохо знал санскрит, о чем свидетельствует Ассемани, и как образованный человек был знаком с индийской литературой. Будучи в Индии, он мог заинтересоваться ставшей известной там книгой и перевести ее на сирийский язык, которым владел в совершенстве,¹⁷ так как это был язык христианской церкви на Ближнем Востоке.

И все же первое знакомство с текстом древнесирийской версии заставляет думать, что перевод этот был сделан не с санскрита, а с пехлеви, так как следы пехлевийской редакции проступают довольно отчетливо. Особенно красноречиво о связи сирийского перевода с пехлевийским говорят имена собственные, сохранившие в ряде случаев пехлевийскую форму.

Т. Бенфей во введении к изданию текста¹⁸ дает детальный анализ некоторых имен собственных, понимание которых без привлечения пехлеви абсолютно невозможно. Приведем здесь в качестве примера несколько таких имен. В главе „О совах и воронах“ есть сказка о слонах и зайцах, где говорится, как в один из годов случилась сильная засуха и все животные, особенно слоны, страдали от жажды. Но вот пришел один слон и сказал: „В таком-то месте есть большой источник под названием Махүкни“.¹⁹

Слово Махүкни или Махөкни (Бенфей передает как mahokhani), которым назван источник в сирийской версии, соответствует санскритскому *candraśaras*, что значит Лунное озеро²⁰ и является переводом этого *candraśaras* на пехлеви. Оно распадается на две части: *māh*, что значит на пехлеви „луна“, и *kān* — „источник“. Если бы автор сирийской версии переводил с санскрита, он или перевел бы санскритское слово на сирийский, или перенес его в свой текст без перевода. Однако в тексте стоит не санскритское *candraśaras* и не сирийское *ajñ desahra*, а пехлевийское *māh(o)kān(i)*. Это говорит о том, что наш переводчик имел перед собой пехлевийский оригинал. Еще один пример. В той же главе „О совах и воронах“ фигурирует дерево под названием Дарктофар (сир. *ḏarḡḏar*), в первой части которого — *dar/a/kt* — без труда узнается пехлевийское *daraxht* — „дерево“. В одной из сказок действуетмышь по имени Зир (сир. *zīr*), в другой — заяц Пируз (сир. *piḥra*).

¹⁶ См.: Н. В. Пигулевская. 1) Сирийская алхимическая литература средневековья. Труды Инст. истории науки и техники АН СССР, серия 1, вып. 9, 1936, стр. 329—342; 2) Сирийская культура средних веков и ее историческое значение, стр. 28—38; 3) Сирийский врач Сергей Решанский. Научн. бюллетень ЛГУ, № 7, 1946, стр. 36—37.

¹⁷ Нельдеке, например, считает, что переводчик был скорее персом, знающим сирийский язык, чем сирийцем, сведущим в персидском. См.: Th. Nöldcke. Bibliographische Anzeigen, S. 754.

¹⁸ Kalilag und Damnag, SS. LXIX—LXXIV.

¹⁹ Там же, стр. 65.

²⁰ См.: Панчатантра (перевод с санскрита), стр. 104.

Первое имя может быть истолковано как пехлевийское *zar* — „золото“, второе — как пехлевийское *perōz*, новоперсидское *piruz* — „победоносный“.

Пехлевийские слова в сирийском тексте не ограничиваются приведенными здесь примерами. Все они являются свидетельством несомненной связи между сирийским и пехлевийским переводами.

Нам кажется, однако, что привлечение одного только языкового материала без учета самого содержания книги, как это имело место до сих пор, делает исследования односторонними, а выводы не всегда убедительными. Пехлевийскую лексику в нашем тексте можно отнести за счет пехлевийских заимствований в сирийском языке; пехлевийскую же окраску собственных имен можно объяснить, правда не без натяжки, тем, что наш переводчик (перс по происхождению), хорошо зная пехлеви, при передаче трудных по форме и чуждых ему по звучанию санскритских имен предпочел использовать персидские слова, понятные ему самому и, вероятно, его читателям.²¹

В данной работе для решения вопроса о происхождении древнесирийской версии „Калйлы и Димны“ сделана попытка обратиться к содержанию сборника и путем сравнения сирийского перевода с арабским и с текстом „Панчатантры“ отыскать закономерности, свидетельствующие в пользу или против непосредственной связи перевода Буда с санскритским оригиналом. Задача выявления таких закономерностей чрезвычайно осложняется тем, что сам оригинал, как мы уже упоминали, утрачен, и судить о нем можно по тексту „Панчатантры“, принимая ее за оригинал лишь условно.²²

Сравнение названных текстов позволило сделать следующие наблюдения. В „Панчатантре“ есть одна глава, называемая „Утрата приобретенного“, где действует животное „макара“ (*makara*). Это санскритское слово обозначает обычно какого-нибудь морского зверя — акулу, крокодила, дельфина и т. д. Иногда оно употребляется просто как обозначение страшного фантастического чудовища.²³

В арабской версии в роли этого животного вдруг появляется черепаха (арабск. *غيلم*). Само по себе это не вызвало бы удивления и могло быть объяснено неудачным переводом слова *makara* на пехлевийский язык или неверным отражением его пехлевийского эквивалента в арабском. Однако если обратиться к сирийскому тексту, окажется, что и там в роли действующего лица в соответствующем отрывке выступает именно черепаха (сир. *ܟܠܐ*), а не крокодил, не дельфин и не акула. Значит ли это, что сирийский переводчик, переводя „Калйлу и Димну“ с санскрита, допустил ту же самую ошибку, что и Барзүя,

²¹ В эпоху господства в Иране династии Сасанидов (III—VII вв. н. э.) среднеперсидский язык был официальным государственным языком, см.: И. М. Оранский. Введение в иранскую филологию, стр. 25, а также очерк А. Крымского о „Калйле и Димне“, „Вараааме и Иосафе“ и „Синдбадовой книге“, где он пишет: „Христиане-арамейцы, населявшие царство сасанидское и составлявшие значительную часть населения самой столицы, могли всю эту повествовательную индийско-пехлевийскую литературу свободно читать прямо по-пехлевийски...“ (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков, М., 1901, стр. XIII).

²² В ряде случаев мы берем за основу текст „Тантракхьянки“, древнейшей редакции „Панчатантры“. Как доказано трудами И. Гертеля, этот текст наиболее близок к оригиналу (J. Hertel. *Tantrakhyaika, die älteste Fassung des Pancatantra, aus dem Sanskrit übersetzt mit Einleitung und Anmerkungen.* Leipzig und Berlin, 1909).

²³ А. Я. Сыркин в своем переводе называет это животное дельфином, имея в виду, что в других версиях „Панчатантры“ употребляется вместо *makara* слово *śiṣṭāga* — разновидность дельфина, водящегося в Ганге. Иногда оставляет без перевода. См.: Панчатантра, стр. 97, 249, 349, 360.

заменяв страшного морского зверя безобидной маленькой черепахой? Такое совпадение кажется нам невероятным. Более естественно предположить, что неудачное значение для такого выбрал автор пехлевийской версии,²⁴ а сириец в своем переводе воспроизвел это значение, следовательно, в сирийскую версию черепаха могла попасть только одним путем — из пехлеви.

При дальнейшем сравнении арабского и сирийского текстов обнаруживаются такие совпадения, которые невозможно объяснить простой случайностью, когда один санскритский образ заменен другим и в то же время общим для сирийского и арабского переводов или отсутствующим в том и другом одновременно. Мы имеем в виду небольшую притчу о брахмане и ракшасе, включенную в главу „О воронах и совах“. Ракшаса — злой дух, который, по индийским верованиям, преследует по ночам людей и поедает их. Он может принять любой образ: то деревомоковницей прикинется,²⁵ то двуголовым четырехруким существом,²⁶ то страшным чудищем „с редкими острыми зубами, носом, вытянутым как тростник, неровно посаженными глазами, с множеством жил, выступающих на теле, с высохшими щеками и с телом и бородой красновато-коричневого цвета...“.²⁷ В названной притче ракшаса подстерегает брахмана, собираясь съесть его.

Обратившись к арабской версии, найдем в соответствующем месте не чудище-ракшасу, а демона в образе человека (شيطان في صورة انسان).²⁸ И в древнесирийской версии тоже действует демон, „который принял образ человека“ (ܟܠܝܢܐ ܕܢܫܐܢܐ ܕܥܡܐ ܕܠܗܘܐ ܕܢܫܐܢܐ).²⁹

Есть в „Панчатантре“ еще одна притча, в которой упоминается о ракшасе.³⁰

„Один брахман взял барана, чтобы принести жертву, и отправился в путь. На половине дороги ему повстречалось несколько жуликов. «Вот бы съесть сегодня этого барана!» — сказали они друг другу. Составив план, они стали выходить навстречу брахману — первый, второй и третий по очереди. Первый сказал брахману: «Видно, у этой собаки много хороших качеств, раз ты несешь ее на плечах. Наверное, она диких зверей убивать может!». Сказав эти слова, он пошел дальше. Брахман подумал: «Что он такое сказал, этот негодяй? Как мог я взять на плечи собаку!».³¹

²⁴ О том, что в оригинале было именно такого, а не другое слово, которое можно было бы перевести как черепаха, свидетельствует следующее. В той же сказке об обезьяне и ее коварном друге, сохранившейся в составе другого индийского сборника „Шукасапатаи“ (Семьдесят рассказов попугая), который имел, как видно, общие источники с нашим, в роли второго животного действует тоже такого (в переводе М. А. Ширяева на русский язык) — дельфин. См.: Шукасапатаи, стр. 104—105. Об этом же говорит и еще один интересный литературный факт. Немецкий ученый О. Франке, высказывая предположение о вероятности ранних связей между Индией и Восточной Африкой, ссылается на Бютнера, который в своем докладе об эпической и лирической поэзии суахили привел из одной суахильской рукописи басню об обезьяне и акуле, идентичную нашему повествованию об утрате приобретенного. В качестве коварного животного, предавшего обезьяну, здесь, как мы видим, действует акула, но не черепаха (R. O. Franke. Eine indische Fabel bei dem Suahelis. WZKM, Wien, 1893, SS. 215—216).

²⁵ См.: Панчатантра, стр. 174.

²⁶ Там же, стр. 293.

²⁷ Там же, стр. 225.

²⁸ كتاب كليلة ودمنة، ص 100

²⁹ Kalilag und Damnag, S. 71.

³⁰ Излагаем эту притчу по тексту „Тантракхьянки“, которая дает наиболее ранний ее вариант (J. Hertel. Tantrakhyaṅka, S. 118).

³¹ Собака считалась в Индии нечистым животным. Прикоснувшийся к ней очищается посредством ритуального омовения. Пищу, тронутую собакой, нельзя есть.

„Тут вышли другие два жулика и тоже обратились к брахману: «Брахман! Что-то непонятное ты делаешь. Священный шнур, гирлянда из роз, сосуд с водой, знак на лбу, а на плечах — собака. Это как-то не вяжется одно с другим. Наверное, она предназначена для охоты на зайцев, газелей и кабанов?». С этими словами они прошли мимо.

„Брахман положил барана на землю, чтобы проверить, и, ощупав уши, рога, хвост и другие части тела, подумал: «Вот глупцы! Как могли они принять этого барана за собаку?!». Он снова взвалил его на плечи и пошел дальше. Тогда те трое сказали ему: «Не приближайся к нам! Иди стороной. Ведь ты чист только судя по твоим знакам. Из-за прикосновения к собаке ты, без сомнения, станешь охотником». ³² С этими словами они ушли.

„Тут брахман подумал: «Что со мной случилось? Ведь за большинством — правота. Их большинство — значит, они правы. В жизни случаются ослепления. Быть может, это превратившийся в собаку раکشас? Но ведь он может снова стать раکشасой!». Подумав так, он бросил животное на землю и убежал, не оборачиваясь из страха быть съеденным раکشасой.

„А те съели барана“.

В арабской версии приведенная история изложена несколько иначе.

„Говорят, что один благочестивец купил жирного и откормленного козленка, чтобы принести его в жертву, и отправился в путь вместе с ним. Несколько мошенников увидели его и решили обмануть. Один из них вышел ему навстречу и сказал: «Эй, благочестивец! Что это у тебя за собака?». Потом вышел второй и заметил: «Судя по всему, ты собрался на охоту с этой собакой». Наконец, вышел третий и заявил: «Этот человек в одежде благочестивца — не благочестивец. Тот не стал бы водить собак!». Тогда благочестивец подумал: «Видно, этот продавец околдовал меня!». Он бросил козленка и оставил его, а мошенники подобрали и разделили между собой ³³.

В таком же изложении эта история попала и в сирийскую версию.

„Один отшельник купил козленка и хотел принести его в жертву. Когда он подходил к своему дому, несколько человек, сговорившись заранее, стали один за другим выходить ему навстречу. Один из них сказал: «Зачем тебе эта собака, которую ты держишь за ошейник?». Второй спросил: «На охоту что ли собрался ты с собакой?». «Не продашь ли свою собаку?» — поинтересовался третий. Последний заметил: «Всякий, к кому приближается собака, должен совершить омовение и очиститься».

„Услыхав эти слова, отшельник подумал: «Несомненно я держу собаку. Тот, кто продал ее, обманул меня и ослепил, так что я ничего не видел».

„Он отпустил козленка, а сам отправился домой, свершил омовение и очистился. А те, как только увидели, что отшельник оставил козленка, схватили его и съели“ ³⁴.

При сравнении трех приведенных вариантов можно убедиться, что арабский и сирийский более близки друг к другу, чем сирийский и индийский. В последнем повествование более пространно, тогда как в двух других — сжато и схематично. В санскритском тексте жулики, чтобы

так же как пищу после пьяных и больных, загрязненную насекомыми и т. д. См.: Законы Ману. Перевод С. Д. Эльмановича. М., 1960, стр. 96.

³² Охотники, низшая презренная каста, считались нечестными, приравнялись к ворам, лжецам, доносчикам и т. д. См.: Законы Ману, стр. 96—97.

³³ كتاب كلبنة و دمنة ص 101.

³⁴ Kalilag und Damnag, S. 69.

овладеть добычей брахмана, используют страх перед ракшасой — злым духом, способным к перевоплощению. В арабской и сирийской версиях упоминание о ракшасе, померещившемся перепуганному брахману, отсутствует. Отшельник объясняет случившееся тем, что продавец околдовал его и обманул, подсунув вместо козленка собаку.

Сравнение сирийского и арабского отрывков свидетельствует о том, что оба они переведены с одного оригинала, а так как арабский перевод сделан с пехлевийского, то, значит, и сирийский тоже. Образ ракшасы, привычный и понятный в индийской литературе, оказался, очевидно, Барзӯе чужим и далеким, он решил заменить его другим, а сирийский и арабский переводчики взяли у него этот новый образ.

Творческое начало характерно для всего перевода Барзӯи. Он не следовал рабски за оригиналом, а изменял и дополнял его, если это казалось ему необходимым. Некоторые исследователи приписывают перу Барзӯи даже целую главу, посвященную его жизнеописанию.

Эта глава о Барзӯе, по свидетельству ал-Бирунӣ (X—XI вв.),³⁵ была сочинена Ибн ал-Муқаффа⁶, когда он в VIII в. на основе пехлевийского текста составлял свою арабскую версию.

„У них (в Индии, — А. П.) много видов других наук и несчетное количество книг, — пишет ал-Бирунӣ, — однако я не осведомлен о них. Как бы мне хотелось перевести книгу «Панчатантра», известную у нас как книга «Калйла и Димна». Она была переведена с индийского на персидский, а с персидского на арабский язык лицами, относительно которых нельзя быть уверенными в том, что они не внесли в нее своих изменений, как например 'Абдаллах ибн ал-Муқаффа⁶, который добавил главу о Барзӯе с целью внести сомнения в души людей, неустойчивых в своих религиозных убеждениях, и склонить их на путь манихейства. А если таковые намерения усматривают в той части, которую он добавил, то (вероятно) он не отказался от них и в том, что перевел“.

Арабской считают эту главу и другие ученые древности, а также современные критики и историки арабской литературы.

За то, что глава „О враче Барзӯе“ была сочинена персами, а может быть, является даже автобиографией, высказался очень решительно Теодор Нёльдеке. Так, в одной из своих работ он пишет: „Мы не можем сомневаться в том, что этот отрывок арабского произведения (т. е. глава „О враче Барзӯе“, — А. П.) отражает сочиненное в основном самим Барзӯей введение в книгу, переведенную им с индийского языка на пехлеви“.³⁶ И. Ю. Крачковский считает, что „вера в фатум, или рок, могла быть свойственна обоим — и персу, постигшему мировоззрение Индии, и персу, принявшему ислам“,³⁷ хотя в конечном счете склоняется к персидскому происхождению отрывка.

Подробное изучение книги с точки зрения содержания позволило сделать следующие наблюдения.

Глава „О враче Барзӯе“ излагает его биографию, его воззрения на религию и медицину, его философские взгляды. Повествование ведется от первого лица, в рассказ Барзӯи включены пространные рассуждения о медицине, которые дают основание считать его автором человека, причастного к этой области знаний. Последнее обстоятельство особенно интересно в связи с тем, что высказывания о медицине, о лечении боль-

³⁵ Alberuni's India. An Account of the Religion, Philosophy, Literature, Chronology, Astronomy, Customs, Laws and Astrology of India about A. D. 1030, edited in the Arabic original by E. Sachau, London, p. 76.

³⁶ Th. Nöldcke. Burzoos Einleitung zu dem Buche Kalila wa Dimna. Strassburg, SS. 1—2.

³⁷ И. Ю. Крачковский, Избранные сочинения, т. II, стр. 437.

ных, которые мы находим в этой главе, перекликаются с упоминаниями о лекарствах, врачевании и рецептах, разбросанными по всему тексту книги. Приведем здесь некоторые из них.

„Знай, о царь, что не заслуживает похвалы разум того, кто не принимает от своих советчиков тяжелых для него советов и уподобляется тем самым больному, который оставляет прописанное ему врачами и обращается к тому, что отвечает его прихотям“.³⁸

„Тот, кто скрыл совет от владыки, болезнь от врачей, нужду от братьев, обманул самого себя“.³⁹

„Нет ничего более близкого человеку, чем его собственное тело, и если заболит у него что-нибудь, то он избавится от этой болезни только благодаря лекарству, которое ему дадут со стороны“.⁴⁰

„Ты возбудил дело, уладить которое может только умный и тонкий человек, подобно тому, как больного, сколько бы он ни собирал разных лекарств и снадобий, вылечить может лишь опытный врач“.⁴¹

„Благоразумный царь часто ненавидит человека и презирает его, но потом примиряется с ним, приближает к себе и поручает ему дела, подобно тому, как больной заставляет себя выпить противное, отвратительное лекарство в надежде получить пользу“.⁴²

Учитывая тот факт, что на страницах „Панчатантры“ не удается найти ни одного из приведенных выше поучений, вполне естественно приписать их самому Барзӯе, который при переводе индийской книги привлекал, вероятно, для большей убедительности и наглядности параллели из близкой ему области — медицины. Все это свидетельствует о том, что автором пехлевийской версии был врач Барзӯя.⁴³ Для нас, однако,

³⁸ كتاب كليلة و دمنة ص ٧٦ .

³⁹ Там же, ٧٤ ص

⁴⁰ Там же, ٦١ ص

⁴¹ Там же, ٩٤—٩٣ ص

⁴² Там же, ١٠٠ ص

⁴³ То, что эта глава восходит к пехлевийскому тексту, окончательно подтверждается следующим. В журнале „Bulletin of the School of Oriental and African Studies“ (vol. XI, part III, London, 1945) В. Хеннингом опубликовано несколько согдийских басен, извлеченных из манихейских рукописей, найденных в Центральной Азии (об этой публикации мне любезно сообщил В. А. Лившиц). Одна из них представляет притчу о сверлящих жемчуга из главы „О враче Барзӯе“, переведенную согдийцами с пехлеви. Вот как она приведена у Ибн ал-Мукаффа:

„У одного купца было много драгоценных камней, и он нанял человека, чтобы просверлить их, назначив ему сто динаров в уплату за этот день. Он привел его домой. Когда тот сел, вдруг видит — рядом лежит лютия.

— Не играешь ли ты на лютие? — спросил его хозяин.

— Даже более того, — ответил он.

— Так поиграй.

„Человек вял лютию — а он был большой мастер в этом искусстве — и стал извлекать красивые чарующие звуки, оставив шкатулку с камнями открытой. Так он продолжал играть до самого вечера. Когда наступил вечер, он сказал купцу:

— Распорядись, чтобы мне уплатили.

— Но ведь ты ничего не сделал, за что же тебе платить? — возразил тот.

— Я сделал то, что ты велел.

„И купец уплатил ему сто динаров, а камни остались непросверленными“.

كتاب كليلة و دمنة، ص ٣٧—٣٨

В отличие от Барзӯи согдийский рассказчик изложил историю в форме судебного процесса, но тем не менее идентичность обоих вариантов очевидна.

„Был спор, которого не могли разрешить. Поэтому пошли к судьбе. Хозяин сказал так:

— Мой господин, я нанял этого человека, чтобы просверлить мне жемчуг. Он не просверлил ни одной жемчужины, а требует платы.

„Ответчик в опровержение сказал следующее:

— Мой господин, когда этот человек увидел меня на базаре, он спросил меня: Эй, какую работу ты можешь делать? Я ответил: Все, что прикажешь, я умею делать

важно в данный момент другое, а именно то, что рассуждения, приписанные нами Барзӯе, имеют место также и в древнесирийской версии. Приведем их для сравнения в том же порядке.

„Друг, который не хочет прислушаться к словам пользы, сказанным ему из любви, постоянно портит свои дела, подобно больному, который отказывается от пищи, указанной ему врачом, а ест то, что ему нравится“⁴⁴.

„Тот, кто не открыл владыке своему тайны, или скрыл болезнь от врача, или пренебрег заповедью мудрых, вред снискал самому себе“⁴⁵.

„Для любого человека нет ничего более близкого, чем его собственное тело, и все же в случае болезни часть тела удаляют, а лекарство извне принимают внутрь“⁴⁶.

„Мудрецы говорят, что владыка должен снисходить к тому, кого он не любит, если он получает от него пользу, подобно больному, принимающему для выздоровления лекарство, пить которое ему трудно“⁴⁷.

Если бы Буд переводил с санскрита, рассуждения Барзӯи никак не могли быть отражены в его переводе.

Доказательством тому, что сирийский и арабский переводы сделаны с одного оригинала, может служить также следующее обстоятельство. Количество и последовательное расположение притч в той и другой версиях абсолютно одинаково и в то же время не совпадает с количеством и последовательностью притч ни в „Панчатантре“, ни в „Тантракхьяике“. Если бы сирийский перевод был сделан с санскрита, соответствие его „Тантракхьяике“ было бы несомненно более строгим и полным, чем арабской „Калйле и Димне“. А между тем в сирийском тексте нет ни одной притчи, которую нельзя было бы отыскать в арабском переводе, хотя в „Тантракхьяике“ таких несколько: „Голубой шакал“, „Осел в шкуре пантеры“, „Хитрый шакал“ и др. В I главе „Тантракхьяики“ притча о трех рыбах следует двенадцатой по счету после притчи о двух гусях и черепахе. В арабской версии порядок изменен: притча о трех рыбах рассказана значительно раньше и смыкается с историей о льве и зайце. В сирийском тексте порядок соответствует арабскому.

Из всего изложенного можно сделать следующие выводы.

Совпадения в сирийском и арабском переводах не только общего характера, но и в частности, деталях говорят за то, что переводчики имели один и тот же оригинал.

Оригиналом для них не мог быть древний санскритский сборник, так как отдельные отрывки, изложенные одинаково у Ибн ал-Муқаффа¹ и Буда, в то же время отличаются от изложения в „Панчатантре“ и в „Тантракхьяики“, ближайшей редакции этого сборника.

Оригиналом мог быть только пехлевийский перевод Барзӯи, так как известно, что арабский перевод Ибн ал-Муқаффа¹ был сделан с пехлеви, значит, и сирийский тоже, тем более что и язык, и содержание последнего обнаруживают отчетливые следы пехлевийской редакции.

все. Тогда он привел меня в свой дом и приказал играть на лютне. По его приказанию я играл до самого вечера.

„Судья вынес следующий приговор:

— Ты нанял этого человека работать, так почему же не приказал ему сверлить жемчуг, а вместо этого велел играть на лютне? Вознаграждение должно быть выплачено полностью. Если же тебе нужно сверлить жемчуг, дай ему еще сто динаров и он будет сверлить жемчуг завтра.

„Так хозяин вынужден был заплатить сто золотых динаров, получив жемчужины непросверленными и терзаясь стыдом и раскаянием“ (Sogdian Tales by W. B. Henning. BSOAS, pp. 465—468).

⁴⁴ Kalilag und Damnag, S. 16.

⁴⁵ Там же, стр. 14.

⁴⁶ Там же, стр. 6.

⁴⁷ Там же, стр. 32—33.

ORIGIN OF THE OLD- SYRIAC VERSION OF THE BOOK „KALILA
WA DIMNA“

This article deals with the oldest of existent versions of the book „Kalila and Dimna“, so-called old-Syriac version, and in particular with the problem of its origin.

Most authors consider this first Syriac translation of the book to have been made not directly from Sanscrit, but from Pehlevi. They refer to the fact that in the language of the Syriac text one can clearly see traces of Pehlevi version. Yet this reasoning seems to be insufficient and unconvincing as the presence of Pehlevi words in our text can be explained as the result of adoption of Pehlevi words in Syriac and character of the translator's work and conditions.

This study is an attempt of direct investigation of the book's content. Comparing the Syriac translation with the Arab one made from Pehlevi and with the Indian versions the author tried to find out the phenomena supporting or not supporting direct connection of the Syriac text with the Sanscrit original. An analysis shows that the Arab and Syriac texts are very close to one another and the same time equally differ from Indian versions. This supports the existent opinion that both translators had the same original, namely that of Pehlevi.

АРМЯНСКИЙ ПЕРЕВОД „ЖИТИЯ МАР-АВГЕНА“

(из источников ФАВСТА БУЗАНДА)*

Исторические связи, существовавшие в древности между Египтом, Эфиопией, Месопотамией и Арменией, до сих пор обстоятельно не изучены. Известно, что церкви, сформировавшиеся в этих странах, в догматических вопросах придерживались одной точки зрения и стояли на монофизитских позициях. Единая идеология не могла быть случайной. Несомненно, что истоки подобных связей следует искать в эпоху распространения христианского вероучения.

Мы попытаемся рассмотреть одну страницу этих взаимоотношений, связанную с египетскими деятелями, прибывшими в начале IV в. из Египта в Месопотамию, а оттуда — в Армению во главе с Мар-Авгеном.

Мар-Авген родился и жил в селении Клизма (близ нынешнего Суэца). Тяжелые условия, в которых находилась его семья, заставили Авгена работать с детства. Двадцать пять долгих лет он вместе с товарищами по несчастью нырял на дно моря и добывал жемчуг. В конце концов он бежал от этой тяжелой работы и присоединился к пустынноикам, которые вместе с Пахомием создали в Египте первую общину христиан-отшельников.

Благодаря способностям и активной деятельности Мар-Авген очень скоро становится одним из ведущих членов общины. Ему удается собрать вокруг себя, по данным источников, семьдесят последователей, они покидают Египет и через Палестину прибывают и обосновываются на горе Изала (Изла) близ Нисибина, где основывают монастырь.

Михаил, один из учеников Мар-Авгена, который путешествовал с ним и принимал участие в проповеднической деятельности, составил житие своего учителя тотчас же после смерти последнего „21 дня месяца نيسان 674 года по греческому календарю“¹ (21 апреля 363 г.).

В этом памятнике содержится многочисленные сведения об общинах монахов-пустынников, созданных Мар-Авгеном и его учениками, в том числе Иаковом Нисибийским и Даниилом, в странах Ближнего Востока. Они основали такие же общины и в южных районах Армении, и в Гру-

* От редактора. Статья об армянском переводе жития Мар-Авгена (Евгения) имеет значение для выяснения источников „Истории Армении“ Фавста Бузанда и для истории жития, которому посвящена не одна работа специалистов по сирийской литературе. Вопрос о подлинности этого жития ставил еще проф. А. П. Дьяконов (К истории сирийского сказания о св. мар Евгение. Христианский Восток, т. VI, вып. 2, Пгр., 1918, стр. 107—174). К этой проблеме в связи с „Книгой целомудрия“ Ишоденаха в настоящее время вернулся J. M. Fiey (Ichodenah de Basra. L'Orient syrien, v. XI, f. 4, 1966, pp. 443—450).

¹ Bedjan. Acta martyrum et sanctorum, t. III. Parisiis, 1892, p. 477.

зии, что засвидетельствовано армянскими и сирийскими первоисточниками.²

Мар-Авген и Иаков Нисибийский побывали в Армении, однако армянские источники сообщают лишь о Иакове, замалчивая деятельность его учителя.

В армянской литературе „Житие Мар-Авгена“ входит в состав „Жития Иакова Нисибийского“. В пергаментной рукописи XIII в., находящейся в Матенадаране им. Месропа Маштоца, нам удалось обнаружить армянский перевод жития Мар-Авгена, переписанный отдельно от жития Иакова Нисибийского. Этот перевод „Жития Мар-Авгена“ заголовком, предисловием и послесловием отличается от сирийского оригинала.

Сирийский оригинал начинается так: „Пишем мы благословенное житие владыки Мар-Авгена, великого отшельника. С семьюдесятью двумя своими последователями он пришел на гору Айзала персидского Нисибина. Господи, помоги мне! Аминь!“. Так в берлинском списке жития.³ А лондонский список жития начинается словами: „Пишем мы о прославленном святом владыке Авгене, который из Египта пришел в персидскую страну вместе со своими последователями. Написал его ученик Михаил. Его молитва да будет на нас! Амины!“.⁴ Армянский перевод имеет следующий заголовок: „(Житие) Иакова, патриарха Нисибийского, написанное Меликом-Анакем, (учеником) отшельника Маруге“.⁵ После него имеется предисловие, которое, как выяснилось, взято из „Жития Иакова Нисибийского“, составленного греческим автором V в. Феодоритом Кирским.⁶ Вот за этим текстом следует во фрагментарном виде „Житие Мар-Авгена“.⁷ Нехватает около двадцати страниц начала, где, как мы знаем из сирийского оригинала, говорится о донисибийской деятельности Мар-Авгена.

По-видимому, эта часть жития не связана с Арменией, поэтому и не заинтересовала армянского переводчика.

При сличении армянского перевода с сирийским оригиналом становится ясным, что переводчик по-своему изложил деятельность Иакова Нисибийского. Часто он приписывает дела Мар-Авгена его ученику, желая поднять авторитет Иакова Нисибийского.

Заслуживает внимания также то, что в армянском переводе вместо имени Мар-Авген написано Маруге. Несомненно это арменизированная форма указанного имени. „Мар“ по-сирийски означает „владыка“. Соединившись с Мар (владыка Авге, Мар-Авге), имя превратилось в Маруге, и предположение акад. Р. Ачаряна, что „Маруге“ происходит от сирийского Мерике (чистый),⁷ неубедительно. В подтверждение можно указать, что Авген не сирийское, а греческое имя Εὐγγενος.

Но что общего между Мар-Авгеном и Иаковом Нисибийским? Почему в армянском переводе жития Мар-Авгена Иаков Нисибийский становится главной фигурой? Дело в том, что Иаков Нисибийский с ведома своего учителя приезжает в Армению и действует в ее южных провинциях. Иаков Нисибийский был одним из первых проповедников, который распространял христианство в Армении, поэтому его имя пользовалось среди верующих особым уважением. Именно этот авторитет вызвал создание разнообразных преданий.

² История Армении Фавстоса Бузанда. Пер. М. Геворгян. Ереван, 1953, стр. 158—169.

³ *Bedjan. Acta...*, t. III, p. 376.

⁴ *Codex Londonensis*, N 12174.

⁵ Рукоп. № 1522, с. 216.

⁶ *Bedjan. Acta...*, t. IV, Parisii, 1894, p. 262.

⁷ Р. Ачарян. Словарь армянских личных имен. Ереван, 1946, стр. 268 (на арм. яз.).

В житии Мар-Авгена рассказывается о том, что Иаков Нисибийский прибывает в Армению с желанием обнаружить следы Ноева ковчега. При восхождении на гору Карду Иаков устал и заснул. Во сне ангел божий дает ему частицу дерева от Ноева ковчега и не велит идти дальше — такова божья воля. Иаков взял кусочек дерева и, спустившись с горы, построил у ее подножия монастырь, а затем возвратился на Родину и рассказал Мар-Авгену о случившемся. После этого Мар-Авген в сопровождении Иакова Нисибийского и других „братьев“ отправляется в южные районы Армении. Сначала они вступают в упомянутый монастырь, но, пробыв там некоторое время, продолжают свой путь и всюду проповедают, крестят, разрушают языческие храмы и на их месте основывают церкви и школы.

С легендой о поисках Иаковом Нисибийским следов Ноева ковчега мы встречаемся и в „Истории Армении“ Фавста Бузанда. Становится ясным, что здесь Фавст Бузанд использовал „Житие Мар-Авгена“.

Приводим соответствующие отрывки:

Фавст Бузанд, гл. X

Древнеармянский перевод

В те времена великий Мцбинский епископ оставил свой город для того, чтобы приехать и поселиться в армянских горах, на горе Сарарад, находящейся в пределах Айраратской страны, в гаваре Карду.

Он прибыл со страстным желанием сподобиться увидеть спасительный Ноев ковчег, который после потопа остановился на этой горе, о чем и молил бога, ибо все, что он просил, получал от господя. И вот на самом трудном месте возле вершины он почувствовал крайнюю усталость и заснул. И ангел божий явился и сказал ему: „Иаков, Иаков!“. И он сказал: „Тут я, господи!“. И ангел сказал: „Господь внял твоим мольбам и исполнил твою просьбу; то, что лежит у твоего изголовья, это кусок от древа ковчега, сам я принес его для тебя; оттуда это. Ты не должен больше стараться видеть его; другого не увидишь; господь так пожелал“.

С большой радостью встал он, вознес великое благодарение господу и увидел кусок доски, будто топором отрубленный и вынутый из некоей большой доски. Взяв пожалованный милостиво дар, сам он и его спутники пустились обратно и пошли своей дорогой.

В то время в мыслях блаженного святого Иакова возникло намерение пойти (туда), где находился ковчег, в горах Арарата. Непрестанно творил молитвы, просил у господя, чтобы показал ковчег, которым (было) совершено возрождение мира.

А святой Иаков немедленно отправился к горе. И когда достиг ее подножия, ангел господний вел его. И утомившись, помолился и уснул. И ангел господень, взяв дощечку, положил ее у изголовья святого. И сказал в видении: „Не должен ты видеть ковчег. Возьми эту дощечку в соответствии с твоим желанием“. И пробудился (Яков) ото сна“. И, взяв дощечку с великим благодарением, восхваляя господя. И, пустившись в путь, пошел в землю свою.

И пришедши к святому Маруге, в пещеру, где жил святой, поведал ему о горе, где был ковчег. И взяв дощечку в руки свои, целовал (ее) и благословлял милосердие божье.

В древнеармянском переводе „Жития Мар-Авгена“, а также в соответствующем месте „Истории Армении“ Фавст Бузанда гора, на которой остановился Ноев ковчег, названа Арарат (Сарарад), в то время как в сирийском оригинале жития гора названа Карду. Это противоречие объясняется влиянием древнеармянского текста Библии, переведенной с греческой версии Септуагинты, тогда как сирийский текст пользовался сирийской версией Пешитты. В последнем гора названа Карду, а в Септуагинте — Арарат, и понятно, что в сирийском тексте жития гора должна была называться Карду, а в его армянском переводе — Арарат. Конечно, под горой Арарат подразумевается не гора, находящаяся на границе Советской Армении с Турцией (она носит также название Масис), а гора, находящаяся в Карду.

„Житие Мар-Авгена“ было переведено, как мы полагаем, в V в. с сирийского оригинала, датируемого еще более ранним временем; следовательно, армянский перевод на полтысячелетия древнее, чем дошедшая до нас сирийская рукопись, содержащая текст жития. Это обстоятельство в некоторых случаях позволяет устранить отдельные неточности сирийского оригинала.

G. G. Melkonian

THE ARMENIAN TRANSLATION OF MAR AVGUIN'S LIFE

(AS A SOURCE OF FAUSTUS BUZAND)

The Syriac literature has preserved Mar Avguin's life, who lived at the beginning of the 4-th century. This „life“ has been translated into Armenian during the 5-th century but it had remained unknown philologists as well as historians. Fortunately a copy of this translation (missing at the beginning and at the end) was found by us during our research work among the Mashtots manuscripts of Matenadaran at Erevan.

The comparison of this copy with the work of the 5-th century historian Faustus Buzant brought us to the conclusion that the later, while composing his „History“, had referred this translation.

The value of this old Armenian translation lies not only in the fact that it is one of the oldest sources of the „History“ of F. Buzant. Being the translation of an older version it helps also to make corrections in the syrian one, referring to later period.

НОВАЯ АРАБСКАЯ РЕДАКЦИЯ ИСТОРИИ АРМЕНИИ АГАФАНГЕЛА

История Агафангела, один из ценнейших литературных памятников средневековой культуры Армении, история обращения армян в христианство, была переведена в раннем средневековье на языки почти всех христианских народов (греческий, арабский, эфиопский, грузинский, латинский и др.).

Первое достоверное упоминание о ней дает историк V в. Лазар Парпеци¹ (Парпский), называя это сочинение Книгой Григора (гирк Григориси), то же название дается ей в историческом сочинении VII в. — истории Себеоса.²

Позже данное сочинение, которое в последующее время утратило это наименование, приписывается римлянину, секретарю царя Армении Трдата III. Агафангелос, считавшееся именем самого автора, объяснялось греческим значением слова — „добрый вестник“.

История Агафангела состоит из Предисловия (араджабан), Истории (патмутуиун) и Учения (вардапетутиун).³

Филологическим изучением текста армянского Агафангела занималось много ученых.⁴ После издания греческого перевода сравнение греческого текста и армянского оригинала стало предметом обсуждения. А. фон Гудшмидт⁵ определил, что армянский Агафангел — подлинник, а греческий — его перевод. Время перевода — приблизительно начало VII в.

В общих чертах арменоведы, изучавшие текст Истории Агафангела, пришли к выводу, что она является сочинением V в., а ее автор — армянский священник. Предисловие и Учение не были в составе ее начальной редакции, а сама История, которая относится именно к V в., имела разные источники (армянские, греческие и другие), составленные во второй половине IV или же в первой половине V в.

¹ Ղազարայ Փարպեցւոյ պատմութիւն Հայոց (История Армении Лазара Парпеци). Տիֆլիս, 1904, էջ 1.

² Սեբեոսի եպիսկոպոսի պատմութիւն (История епископа Себеоса). Երևան, 1939, էջ 124.

³ Армянский текст с 1709 по 1930 г. имел восемь изданий.

⁴ См.: Բ. Սարգիսեան. Ագաթանգեղոս և իւր բազմադարեան գաղանփքն. Վենետիկ, 1890 (Б. Саркисян. Агафангел и его многовековая тайна); Յ. Տաշեան. Ագաթանգեղոս առ Գէորգայ ասորի եպիսկոպոսին (Я. Ташьян. Агафангел у Георга Сирийского епископа). Վիեննա, 1891.

⁵ A. von Gutschmid. Agathangelos. Zeit. der Deut. Morg. Gesel., Bd. XXXI, SS. 1—60.

Настоящим открытием было обнаружение арабской новой версии Агафангела Н. Я. Марром в Синайском монастыре св. Екатерины (Египет) в 1902 г. Издание текста и исследование Н. Марра выяснили, что она является самостоятельной версией Агафангела, хотя по содержанию в основном не отличается от дошедшей до нас версии. Н. Марр предполагал, что новый арабский текст — перевод с греческого, а греческий текст в свою очередь должен иметь армянский подлинник, не дошедший до нас.

По этому поводу Марр дал целую схему⁶ для объяснения происхождения двух версий: в V в. была составлена начальная редакция Агафангела, которая в греческом переводе была использована Георгом Сирийцем, а позже потеряна. Вторая версия Агафангела (не дошедшая до нас) была составлена в халкедонской среде в VI или VII в., вторичным переводом которой (через греческий) являлся найденный арабский текст. Наконец, в VIII в. армянской национальной церковью была составлена окончательная редакция, дошедшая до нас. Приблизительно такую же схему дал и Н. Адонц.⁷

Предположение Н. Марра о существовании греческого текста найденного арабского перевода подтвердил проф. Ж. Гаритт, когда он издал греческий текст находящейся в Эскуриале (Испания) рукописи XII в. Выяснилось, однако, что указанный арабский текст не являлся дословным переводом этого греческого списка. Греческий текст Эскуриала, названный Ж. Гариттом „Житие“, содержит еще новый материал (о жене Григория Просветителя — *Ἰουλίττα*),⁸ которого нет в других редакциях. Ж. Гаритт в своем обстоятельном исследовании оспаривает мнение Н. Марра о халкедонском происхождении этой версии „Жития“.

Наконец, после второй мировой войны был обнаружен арабский перевод дошедшей до нас Истории Агафангела из Синайского монастыря св. Екатерины. Микрофильм этой рукописи нам любезно предоставил проф. Ж. Гаритт для исследования и опубликования.

Рукопись *sin. ar.* 395,⁹ которая содержит арабский перевод Агафангела, датируется 6837 г. х., т. е. 1328/29 г. н. э. В списке находится жизнеописание ряда святых по порядку дней синаксария с 21 по 30 сентября. Как во всех синаксариях, здесь день 30 сентября¹⁰ принадлежит Григорию Просветителю Армении.

Нетрудно доказать, что арабский перевод Агафангела сделан с греческого. Имена армянских языческих божеств переданы в греческой традиции: Анахит — Артемида, Арамазд — Зевс (Диос), Тир — Аполлон и т. д.

Кроме того, все имена лиц и местностей переданы не только греческой формой, но еще сохраняют греческие падежные окончания родительного (единственного и множественного числа), винительного и даже звательного падежей. При передаче имени римского полководца Ликиана

⁶ Н. Марр. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием. СПб., 1905, стр. 182.

⁷ Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, стр. 341—342.

⁸ G. Garitte. Documents pour l'étude du livre d'Agathange. Citta del Vaticano, 1946 (далее — Garitte), p. 216.

⁹ Об описании рукописи см.: G. Garitte. Une version arabe de l'Agathange grec dans le *sin. ar.* 395. Muséon, 1950; M. D. Gibson. Catalogue of the Arabic Mss in the Convent of S. Catharine. London, 1894, p. 64.

¹⁰ Григорию Просветителю принадлежит также 26 сентября и 11 декабря, а 27 сентября — св. Рипсимэ и ее спутницам. См.: Le Calendrier d'Aboul-Barakat, texte arabe édité et traduit par E. Tisserant. Patrologia Orientalis, t. X, fasc. 3, pp. 255, 260; Synaxarium Alexandrinum, t. I, fasc. 1, éd. J. Forget, Beryti, 1905, pp. 30, 43, 49, 160.

(Ликианос) в одном случае, когда в греческом тексте оно встречается в именительном падеже, пишется ليكيانوس, а когда оно в родительном — لبيكيانوا.¹¹

Интересно отметить, что арабский перевод повторяет даже ошибки греческого Агафангела. О наследнике трона Армении Трдате Аршакуни в армянском оригинале говорится „малолетнее дитя“ (*մանկիկ մի քոք-րիկ*),¹² а в греческом оно переведено „дитя немалолетнее“ (*ὁ μικρότατος παῖς*),¹³ что повторяется в арабском переводе (*صبي غير صغير*).¹⁴

Таким образом, для обстоятельного изучения арабского Агафангела необходимо сравнить его в первую очередь с греческим текстом, а потом — с армянским оригиналом.

Греческий Агафангел долгое время был представлен лишь одной рукописью (Лаврентиевский список Флоренции), однако в течение времени появились греческие рукописи IX—XII вв.,¹⁵ хотя неполные, но представляющие большой интерес для изучения Агафангела. Особое значение имеет ватиканская рукопись IX в. (Ottob. gr. 373), содержащая параграфы 9—61¹⁶ греческого Агафангела. Она начинается именно там, где и армянский подлинник — после Предисловия. Интересен также Палимпсест X в. (Vat. gr. 1853), содержащий параграфы 10—147 (с пропусками).

Сравнение арабского Агафангела с греческими рукописями Агафангела и с армянским оригиналом выяснило следующее: арабский Агафангел переведен с такой греческой рукописи, которая была ближе к армянскому подлиннику, чем какой-либо из дошедших до нас греческих списков. Арабский Агафангел гораздо ближе к двум упомянутым ватиканским рукописям IX—X вв., чем к Лаврентиевскому списку, хотя от них тоже отличается.

Особый интерес представляют те случаи, когда арабский Агафангел отличается от греческого (от Лаврентиевского списка) и совпадает с армянским оригиналом:

1. Арабский Агафангел сохраняет некоторые заглавия самостоятельных отрывков армянского оригинала в том случае, когда в греческом они почти не сохранены.

2. Название армянской области Утик в Лаврентиевском списке потеряно, а арабский Агафангел сохранил его в форме Нути (نوٹی). Выражение „в области Утик“ в греческом (Лаврентиевском) передано ἐν αὐτῇ τῇ πατρίδι,¹⁷ но в двух ватиканских рукописях мы встречаем форму ἐν οὐτῇ,¹⁸ которая объясняет причину наличия лишнего нұна в арабском переводе.¹⁹

3. Первый из двух царских указов Трдата III сокращен (кроме начального заглавия) в греческом, а также в арабском Агафангеле, однако последний предупреждает, что царский указ сокращен,²⁰ а в греческом переводе этого нет.

¹¹ Арабская рукопись Синая: sin. ar. 395 (далее — Рук.), лл. 138б, 139а.

¹² Ագաթանգեղոսի Պատմութիւն Հայոց, աշխ. Ղ. Տէր. Միքայէլեան և Ստ. Կանայրեանց. Տփղիս, 1909 (далее — Ագաթանգեղոս), 36.

¹³ Agathangelus und die Akten Gregors von Armenien, neu hrsg. von P. de Lagarde, Göttingen, 1887 (далее — Agathangelus), 16.

¹⁴ Рук. 138а.

¹⁵ Garitte, pp. 272—273.

¹⁶ Параграфы указаны по изданию П. де Лагарда 1887 г.

¹⁷ Agathangelus, 14.

¹⁸ Garitte, pp. 372, 391.

¹⁹ Рук. 137а.

²⁰ Рук. 158б.

4. Библейское имя Иаил (*Յայլ*) армянского оригинала в греческом превращено в *Ἰαχῆλ*,²¹ однако арабский текст сохраняет форму *يايل*.

5. Из 16 армянских нахараров, которые собрались у царя Трдата III, в Лаврентиевском списке отсутствует „князь страны Софена“ (*Իշխանն ծոփաց աշխարհին*),²² но в арабском переводе он есть. В ватиканской рукописи (Vat. gr. 1853) также встречается его имя.²³

6. Имя армянского князя Артавазда, отправленного царем Трдатом в Каппадокию с поручением привезти двух сыновей Григория Просветителя, в греческом переводе пропущено. В арабском Агафангеле оно сохранено в форме *ارطواكساد*.²⁴

Таким образом, греческая рукопись, с которой был сделан перевод арабского Агафангела, отличалась близостью к армянскому оригиналу, и на этом основании можно решить некоторые вопросы, связанные с Историей Агафангела.

В арменоведении было приведено много фактов, чтобы доказать, что в начальной редакции Предисловия не было²⁵ и что текст армянского Агафангела начинался словами „при падении царства парфян“ (*ընդ նուազել ժամանակաց թագաւորութեանն Պարթևաց*); именно этими же словами начинается арабский Агафангел (*لما فرغت سنون مملكة الفرياليتين*), а отсутствие Предисловия в нем лишний раз подтверждает это мнение.

По этому поводу необходимо ответить на следующий вопрос: насколько соответствует дошедшая до нас История Агафангела начальной редакции Агафангела?

История Агафангела действительно является сочинением V в., но начальная редакция после V в. претерпела текстуальное и структурное изменения.

В тексте начальной редакции Агафангела до конца VI в. были вычеркнуты некоторые данные, о которых свидетельствует, например, Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский). Он утверждает, что сведения о жене Григория Просветителя Мариам, о Сильвестре, папе римском, и святой Нине, просветительнице Иберии, взяты у Агафангела. После того как История Агафангела была переведена на греческий, т. е. после VI в., больше никаких текстуальных изменений в нее не было внесено. Арабский перевод Агафангела фактически представляет ее начальную редакцию.

Вопреки незначительным изменениям текста История Агафангела сохранила свой первоначальный облик и языковые особенности²⁶ первой половины V в. — „классического“ грабара.²⁷

Следует особо подчеркнуть, что новая арабская редакция помогла выяснить в определенной степени вопрос о существовании заглавий самостоятельных отрывков Истории Агафангела. Еще в прошлом веке

²¹ Agathangelus, 77.

²² *Ագաթանգեղոս, 795.*

²³ Garitte, p. 387.

²⁴ Рук. 2116.

²⁵ Garitte, pp. 271—279.

²⁶ Классический грабар (первая половина V в.) отличается от грабара (древнеармянский) последующих веков и считается древнейшим этапом армянского литературного языка. См.: *Ն. Աղինյան. դասական հայերենը և զիննական Միթիարեան գրքերը* (Н. Акинян. Классический армянский язык и школа венских мхитаристов). *Վիեննա, 1932, էջ 45.*

²⁷ До нас дошло несколько десятков армянских рукописей Агафангела, среди которых исключительное значение имеет неполная рукопись палимпсест IX в. (приблизительно) армянской конгрегации мхитаристов в Вене. Палимпсест Агафангела издан Г. Галемжаряном в сборнике *Յուշարձան. Վիեննա, 1911.*

исследователи обращали внимание на то важное обстоятельство, что текст Агафангела неоднороден, отмечалось наличие трех самостоятельных сюжетов агиографического характера, которым предшествовали и следовали два исторических отрывка. Таким образом получилось в основном пять отрывков, или книг: Повествование Хосрова и Трдата, Мученичество Григория Просветителя, Мученичество св. Рипсимэ и ее спутниц, Приведение св. Григория и История обращения армян. Заглавия этих отрывков в армянских рукописях не внушали достаточного доверия исследователям, и во всех изданиях Агафангела они изъяли их из самого текста.

Наличие в арабском переводе заглавий (только первых трех отрывков²⁸) говорит в пользу достоверности заглавий в армянском оригинале. Подробное изучение более двадцати армянских рукописей Агафангела, находящихся в Матенадаране Еревана, подтвердило эту мысль. Хотя в венском палимпсесте IX в. не сохранились те места, где могли бы быть заглавия, но во многих рукописях начиная с XIII в. они существуют.²⁹ В некоторых рукописях (например, список № 1920, 1570 г. Матенадарана) на месте заглавий существуют большие миниатюры. Уместно отметить, что в рукописях греческого Агафангела сохранились заглавия двух первых отрывков: Повествование Хосрова и Трдата и Мученичество св. Рипсимэ и ее спутниц.³⁰

На основании подобных фактов, конечно, трудно утверждать, что заглавия арабского Агафангела являются переводом именно заглавий начальной редакции Агафангела, но во всяком случае нельзя отрицать факт существования этих заглавий именно в начальной редакции.

Язык арабского Агафангела носит характерные черты произведений арабских христианских писателей средневековья.³¹ Фонетические изменения (ظ > ح — ت > ث), правописание форм глаголов (يقرون — اجا) напоминают язык арабских христианских писателей IX—X вв.

Еще более интересны семантические изменения, формы которых во многом отходят от классического языка и показывают определенную близость к разговорному арабскому языку. Слово شطارة, которое в классическом языке имеет значение „ловкого“, в отрицательном смысле употребляется в значении „храброго“, как это принято в диалекте Египта. Слова قدام (перед),³² عربون (задаток, залог),³³ فلحان (польза, успех)³⁴ очень характерны для разговорного языка.

Грецизмы встречаются в большом количестве, притом встречаем не только известные заимствования, как بلاط برفير اركون, но и لحننا³⁵ (λεῖψανον — останки) и قبطون³⁶ (χοιτών — комната).

Хотя рукопись арабского Агафангела переписана в 1328/29 г., все-таки перевод сделан гораздо раньше. Для определения времени перевода мы можем опираться только на языковые данные нашей рукописи. Искажение собственных имен свидетельствует о том, что текст арабского Агафангела несколько раз переписывался. Например, имя Ἀββίος

²⁸ Существует еще один подзаголовок (Рук. 1386) о начале мученичества Григория (см. армянский текст — *Աղաթիւնի զնկիս*, 38).

²⁹ Рукопись Матенадарана № 1912 (1220 г.) и рукопись XVII в. № 6632.

³⁰ Agathangelus, 59; Garitte, p. 390.

³¹ G. Graf. Der Sprachgebrauch der ältesten christlich-arabischen Litteratur. Leipzig, 1905, SS. 1—5.

³² Рук. 149а.

³³ Рук. 181а.

³⁴ Рук. 1846.

³⁵ Рук. 204а.

³⁶ Рук. 170а.

(арм. Ալբիанոս), которое должно было переводиться *الفينوسى*, превратилось в *امينيوسى*³⁷ только через несколько этапов искажений.

Языковые особенности арабского Агафангела не позволяют нам отнести перевод к периоду ранее IX—X вв. Именно в это время „средне-арабский“ язык развивался и разница между литературным языком и арабским разговорным была сильно заметна. Перевод был сделан арабом, который в некоторых случаях даже не понимал значения греческих слов: например, *βιμωρον*³⁸ „сопредельный“ он принял за название местности (*امورون*).³⁹

Дошедшие до нас версии редакции Агафангела предположительно можно сгруппировать в такой временной последовательности:

Первая версия:

1. Армянский подлинник Агафангела — сочинение V в., до конца VI в. подвергся незначительным текстуальным изменениям, а позднее к нему были присоединены Предисловие и Учение.

2. Греческий перевод сделан с армянского оригинала в начале VII в., после чего к нему было присоединено греческое Предисловие о восстании Арташира Сасанида против Артабана Аршакида. В X в. Симеон Метафраст сократил текст греческого Агафангела.

3. Арабский перевод был сделан не раньше IX—X вв. с такой греческой рукописи, в которой не было греческого Предисловия. Этот текст является предметом нашего исследования.

Вторая версия, или Житие:

1. Армянский подлинник составлен в VI—VII вв. (приблизительно) и потерян.

2. Греческий перевод, дошедший до нас в рукописи Эскуриала 1107 г., издан Ж. Гариттом в 1946 г.

3. Арабский перевод (с изменениями), дошедший до нас в рукописи № 460 Синайского монастыря, и издан Н. Марром в 1905 г.

A. N. Ter-Ghevondian

LA NOUVELLE RÉDACTION ARABE DE L'HISTOIRE D'ARMÉNIE D'AGATHANGE

La rédaction arabe de l'Agathange (ms. sin. ar. 395) révélée par le Prof. G. Garitte est traduite d'un manuscrit grec qui fut, sans doute, plus proche au texte arménien qu'aucun des manuscrits connus de l'Agathange grec.

L'Agathange arabe présente aussi plus de points communs avec le palimpseste Vat. gr. 1853 du Xe siècle et le manuscrit du IXe siècle Ottob. gr. 373. qu'avec le Laurentianus, et paraît incontestablement plus fidèle à l'Agathange arménien du temps de la traduction en grec de ce dernier.

Le Prologue grec (Révolte d'Artašir contre Artaban) n'y figure pas. On y retrouve, en revanche, les titres des trois parties suivantes: Histoire de Chosroès et de Tiridate, Martyre de St. Grégoire et Martyre des saintes Rhipsimiennes, titres réputés, jusqu'à présent, non authentiques pour le texte de l'Agathange arménien.

Il faut croire que chacune des parties du texte arméniens fut originellement annoncée par un titre particulier.

³⁷ Рук. 2096.

³⁸ Agathangelus, 132.

³⁹ Рук. 200a.

СЕЛЬДЖУКСКАЯ ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

История Ближнего Востока XI—XII вв. тесно связана с огузскими племенами, которые под предводительством султанов из династии великих Сельджукидов отправлялись в завоевательные походы из Средней Азии на запад и способствовали созданию государства на территории от Средиземного моря до Китая и от Закавказья до Йемена. По имени руководителей эти тюркоязычные завоеватели стали известны как сельджуки, а их движение и эпоха — как сельджукская. Достигнутые успехи явились не только результатом политической неустойчивости и ряда негативных социально-экономических событий на Ближнем Востоке, но в немалой степени следствием достаточно высокого военного искусства сельджуков.

Войны стали неизбежным спутником государства сельджуков, которое родилось благодаря важной победе над Газневидами в 1040 г. у местечка Данданакан, близ Мерва. Впоследствии завоевателям неоднократно приходилось отстаивать захваченные территории и утверждать свое владычество в новых областях. Закавказье и Сирия, Аббасидский халифат и Византия, крестоносцы и Фатимидский Египет, Иран и другие страны не раз испытали на себе их военную мощь. Армия играла большую роль в жизни сельджукского государства; война и военная добыча были одним из краеугольных камней не только политической доктрины, но и экономической политики: „Структура сельджукской армии и общества требовала завоевательной деятельности, потому что расходы на содержание этой армии могли быть изысканы только на основе территориальных отчуждений, бесконечных по своей сути, которые невозможно было предоставить в государстве, чтобы не лишить себя жизни“.¹ Поэтому для эпохи великих Сельджукидов (1037—1157), в первую очередь для времени Тогрул-бека (1037—1063), Алп-Арслана (1063—1072) и Мелик-шаха (1072—1092), характерно единство войны и политики. Несомненно, что этот важный момент сыграл роль в реорганизации сельджукской военной системы, способствовал переходу от родоплеменного ополчения к армии нового типа. Изменение политических целей войны (завоевание, установление господства) вело к усложнению тактических и стратегических приемов; родоплеменное ополчение для этого оказалось непригодным. Вот почему сельджуки уделяли исключи-

¹ Cl. Cahen. La première pénétration turque en Asie Mineure. Byzantion, t. XVIII, 1948, p. 11.

тельное внимание армии, не меньшее, чем финансовым делам. Низами Гянджеви упоминает правителя, который

Понял, что казна и войско слиты,
Казна и войско — нет другой защиты.²

Равенди следующим образом характеризует причины, в силу которых сельджуки вели войны: „Первая — надежда владска, война на военную добычу; вторая — чувство возмездия, которое владеет войском в высшей степени; третья — чувство страха, овладевающее войском противника; четвертая — надежда на мир, смягчающая намерения (врагов) и уменьшающая их ненависть“.³ Вместе с тем „Нас поражает громадный размах войн, которые велись тогда (в XI—XII вв., — Р. Г.), и ничтожество достигнутых результатов“.⁴

Военная реформа. На начальном этапе завоеваний (первая половина XI в.) сельджукская армия оставалась по преимуществу родоплеменным ополчением. Оно комплектовалось по принципу „от каждого племени — воинская единица“; это имело свои преимущества и недостатки. Новые задачи широкой завоевательной политики, развернувшейся после 1040 г., требовали пересмотра военной системы; появилась необходимость в регулярной армии, построенной на иных началах, воины которой, в отличие от ополченцев, были бы готовы воевать вдали от дома. Уже в „Сиасет-намэ“ содержится совет и предупреждение: „Когда все войско одного рода, возникает от этого опасность, не бывает большого старания, происходят беспорядки. Надо, чтобы войско было составлено из разных племен“.⁵ Начало военной реорганизации было положено султаном Тогрул-беком, который провел ряд реформ.⁶ Теперь армия состояла из следующих частей.

1. Личное войско султана — ядро военной организации, наиболее надежная опора трона.

2. Муфриды — дворцовые гвардейцы — отборные воины, составлявшие личную охрану султана; гвардия играла немалую роль в государстве: не случайно все династии, одну за другой, губила одна и та же болезнь — преторианство.⁷

3. Отряды вассалов, членов сельджукской династии и родоплеменное ополчение — вспомогательное войско. В армии Алп-Арслана, при котором военная реорганизация продолжалась, имелись отряды его тюркских, арабских и курдских вассалов, а также воины закавказских правителей. При новой системе комплектования феодалы получали от сюзерена владения на правах условного военного держания (икта), за что были обязаны являться с отрядом установленной численности, снаряженным за свой счет.⁸

² Низами Гянджеви. Семь красавиц. Перевод Р. Ивнева. Баку, 1959, стр. 328.

³ Rahat-üs-Sudur ve Ayet-üs-Sürur. Yazan Muhammad er-Ravendi. Türkçeye çeviren A. Ateş. Ankara, 1957—1960, ss. 208—209.

⁴ И. Ю. Крачковский. Усама ибн Мункыз и его воспоминания. В кн.: Усама ибн Мункыз. Книга назидания. Перевод М. А. Салье. М., 1958, стр. 33—34.

⁵ Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-мулька. Перевод Б. Н. Заходера. М.—Л., 1949, стр. 107.

⁶ T. Talbot Rice. The Seljuks in Asia Minor. London, 1961, p. 34; Cl. Cahen. La première pénétration... p. 11.

⁷ Сиасет-намэ, стр. 99; А. Массэ. Ислам. Очерк истории. М., 1961, стр. 177.

⁸ Sadruddin Ebu'l-Hasan. Ahbar üd-Devlet is-Selçukiyye. Tercüme eden N. Lügal. Ankara, 1943, ss. 39, 51, 112; Irak ve Horasan Selçukluları tarihi. Al-Bondari tarafından ihtisar edilen 'Zubdat al-Nusra va Nuhbat al-Husra' adli kitabının tercümesi; Çeviren: K. Burslan. İstanbul, 1943, ss. 48, 82; V. Minor sky. Studies in Caucasian History. London, 1953, p. 23.

4. Наемное войско — у султана Мелик-шаха, при котором реорганизация в основном была завершена, служило 7 тыс. армянских воинов, экипированных в „тюркские одежды“.⁹

Воин новой армии получал в обмен за службу условное военное держание, бывшее правом на часть доходов с земли; когда в понятие „икта“ была включена земля, он стал обрабатывать ее сам со своей семьей, а феодал дробил такое условное держание между своими воинами.¹⁰ Так воин стал зависим от сюзерена; он порывал с родоплеменным ополчением и превращался в профессионального солдата, живущего за счет земледельца и военной добычи. Теперь вместо формулы „от каждого племени — войско“ действовал принцип „от каждого феодала — военный отряд“. Армия стала регулярной, но разноязычной и разноплеменной; и теперь ее сплачивала общая надплеменная военная организация. Отныне в боевом построении отряды занимали места не по племенам, а по принципу подразделений, получавших конкретные задания. Это помогло ввести в армию значительный элемент дисциплины, управлять ходом боя, действовать по единому плану в период военных кампаний; но военная система сельджуков оставалась „смешанной феодально-племенной организацией войска“.¹¹

При Мелик-шахе 45 тыс. всадников были внесены в реестры военного дивана (управления), наделены икта и составили войско султана. Там, где они были размещены, им предоставили также право на улуфэ (фураж для государевой конницы, находящейся на постое в мирное время) и на фак (чрезвычайные поборы на содержание воинов или чиновников, прибывших на постой).¹² Существовали дополнительные расходы, достигавшие порой огромных сумм: тот же Мелик-шах ежегодно тратил на армию из казны 600 тыс. динаров. Но в целом система военных икта снимала с государства непосильное бремя и, что не менее важно, обеспечивала безопасность трона: своевременная выплата жалованья в форме доходов с земли гарантировала от недовольства и солдатских бунтов. С другой стороны, обеспечение воинов примерно одинаковым содержанием явилось попыткой получить армию с унифицированным снаряжением.

В сельджукском государстве понятия административной области и военного округа совпадали. Наместник султана являлся одновременно начальником воинской единицы: он получал область на правах административного икта и обязан был как держатель-иктадар военной службой жалователю. Такое положение было чревато для центральной власти рядом негативных моментов; в частности, одной из причин падения эпигонов Мелик-шаха после 1092 г. явилось изменение соотношения двух элементов армии: войско султана сокращалось, основная тяжесть военных кампаний легла на наместников областей (своеобразных генерал-губернаторов). Соотношение изменялось, следовательно, в пользу эмиров и военачальников, что вело к усилению центробежных сил.¹³

Реформированная армия состояла из нескольких крупных военных единиц, которые порой имели на поле боя тактическую самостоятельность; это тюмени — десятки тысяч (термин, известный тюркоязычным еще в раннем средневековье¹⁴). Первичной боевой ячейкой в коннице

⁹ Irak ve Horasan Selçukluları, s. 70.

¹⁰ Sadruddin, s. 46; Irak ve Horasan Selçukluları, s. 59.

¹¹ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. Избр. соч., т. I, М., 1960, стр. 185.

¹² Rahat-üs-Sudur, s. 128; Sadruddin, s. 46.

¹³ A. K. S. Lambton. Contributions to the Study of Seljuk Institutions. Цит. по: R. C. Smail. Crusading Warfare. Cambridge, 1956.

¹⁴ И. В. Стеблева. Пoesия тюрков VI—VIII веков. М., 1965, стр. 94.

была полусотня во главе с элли-баши (полусотником) или накибом. Военачальники носили звание сю-баши (ранний тюркский термин) или заимствованный титул сипех-салар. Сю-баши обычно стоял во главе тюменя.¹⁵ Начальники всех рангов не были постоянными, их обычно назначали на время похода; командные посты занимали тюркоязычные, иногда — иноязычные.¹⁶ Тюмень или армия в целом имели боевое знамя — туг; у отрядов были иные отличительные знаки. Боевые знамена сельджуков, как и вообще у тюркоязычных племен средневековья, были красного цвета, они находились на попечении специальных воинов — знаменосцев.¹⁷

Полусотни, сотни, тысячи и тюмени реформированной армии обычно не были тактическими, а только организационными единицами; тем не менее их создание являлось значительным шагом вперед. Тактическую самостоятельность на поле боя, как правило, имело войско султана или его вассалов. Правда, даже эти контингенты не всегда были установленной численности. В то же время из истории сельджукских военных кампаний известно, что тактические задачи выполняли отряды численностью до 2 тыс. конников с приданной пехотой и военной техникой. Войсковая единица этого разряда являлась наиболее стабильной. Отправляясь на войну с халифом ар-Рашидом (1135—1136), иракский султан Масуд (1133—1152) ограничился пятитысячным отрядом; нападение на Мелитену совершил трехтысячный отряд.¹⁸ Продолжавшее существовать родоплеменное ополчение не имело столь четкой организационной структуры; его войсковые единицы варьировали в зависимости от величины племени.

В армии была важная должность аризов (войсковых инспекторов) — представителей военного дивана, обычно из близких ко двору сановников, так как аризы имели влияние как на войско, так и на военачальников. Инспектированием занимались сами султаны: Мелик-шах в 1080/81 г. устроил личный смотр, во время которого проверял экипировку воинов.¹⁹ Армия имела полевые госпитали, укомплектованные штатом лекарей и слуг, медицинским инструментарием и лекарствами, шатрами и вьючными животными для транспортировки раненых и больных.²⁰ Для связи со столицей существовала голубиная почта.²¹ При султанах был военный совет, состоявший из высших военных начальников и везира; он вырабатывал утверждаемые султаном план похода, пути движения, назначал

¹⁵ Сясет-намэ, стр. 99; Sadruddin, s. 39; Ibn Bibi. Anadolu Selçukî devleti tarihi. Ibn Bibinin Farsça muhtasar 'Selçukname' sinden Türkçeye çeviren M. N. Gencosman. Ankara, 1941, s. 103; Irak ve Horasan Selçukluları, ss. 91, 244; Selçukname. Anadolu Selçukluları devleti tarihi, Cilt III. Terçüme eden F. N. Uzluk. Ankara, 1952, ss. 16, 29.

¹⁶ Ibn Bibi, s. 103; Sadruddin, ss. 29, 31; Irak ve Horasan Selçukluları, s. 88.

¹⁷ Низами Гянджеви. Искендер-намэ, ч. I. Перевод К. Липскерова. Баку, 1953, стр. 145; Византийские историки, переведенные с греческого при СПб. духовной академии. Иоани Киннам, 1859, стр. 45; Ibn Bibi, ss. 58, 95; R. No ur. L'histoire du croissant. Revue de turcologie, t. 1/3, 1933, pp. 4, 47, 49.

¹⁸ Ал-Фахри Мухаммад ибн Табатаба. Правила для государей и рассказы о мусульманских династиях. Перевод Н. Холмогорова. Уч. зап. Казанск. унив. по отделению историко-филол. и политико-экон. наук, Приложения, вып. 1—2, 1863, стр. 350; Chronique de Michel le Syrien, t. IV. Ed. par J.-B. Chabot. Paris, 1910, p. 572; Barhebraei Gregorii. Chronicon Syriacum. Éd. P. Bedjan. Parisiis, 1890, pp. 225, 334.

¹⁹ Irak ve Horasan Selçukluları, ss. 62, 70, 96; Histoire des Seldjucides. Extrait du „Tarikhi Guzideh“ d'Hamd-allah Mustaufi. Trad. par M. Defrémery. Journal asiatique, t. XI, 1848, p. 442.

²⁰ Irak ve Horasan Selçukluları, ss. 129—130.

²¹ Ibn Bibi, s. 103.

командиров подразделений.²² Имелись особые поставщики армии государя; специальные отряды занимались фуражировкой.²³

В мирное время войска были рассредоточены. Армия султана и вассалов дислоцировалась по местам кормлений.²⁴ Во время подготовки к военным кампаниям рассылались султанские указы с приказанием явиться на пункт сбора. Обычно в течение 10—20 дней отряды собирались в общий военный лагерь, где формировались крупные подразделения, назначались начальники — от элли-баши до сю-баши; объединенной армией, как правило, командовал султан или его наиболее доверенное лицо (атабек).²⁵ Принцип единоначалия, столь характерный для сельджуков, был необходим, чтобы пресечь возможные столкновения между начальниками, а также для руководства походом и сражением. Вместе с тем принцип единоначалия являлся осуществлением на практике прав султана как сюзерена.

Рода войск. Основу армии составляла конница. Ал-Джахиз замечает: „Если бы ты изучил длительность жизни тюрка и сосчитал дни ее, то нашел бы, что он сидел на спине своего коня больше, чем на поверхности земли“.²⁶ Конница делилась на легкую и тяжелую. Легкая являлась наиболее многочисленной: восточные кочевники, в том числе сельджуки, „представляют нам образцы превосходной кавалерии, особенно легкой, способной к разнообразным военным операциям“.²⁷ Конница была высоко мобильной, обладала быстротой маневра, могла молниеносно переходить от бегства к нападению и наоборот. „Они всегда легкие на бегу“, — отмечают источники; сельджуки высоко ценили кавалерию, не случайно среди огузских племен бытовало крылатое выражение: „Пешему нет надежды“.²⁸ Доминирование конницы объясняет также, почему они предпочитали для сражений широкие открытые равнины. Полную силу лучники, составлявшие большинство в кавалерии, могли проявить лишь здесь, имея достаточный простор для того, чтобы в любой момент уклониться от боя, а затем вновь нападать, осыпая противника тучами стрел. „Плотность огня“ лучников была довольно высокой и сочеталась с большой меткостью; поэтому не случайно, резюмирует Г. Дельбрюк, что „корни этого рода войск следует искать в степных странах, где оружие лучников имело столь большие преимущества, что не боялись больших трудов и усилий для приобретения необходимой сноровки в пользовании им“.²⁹

²² Ibn Bibi, s. 76.

²³ Византийские историки. . . Анна Комнина, ч. I, 1859, стр. 174; Никифор Вриений, 1858, стр. 33, 62; Сиасет-наме, стр. 105; Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 226.

²⁴ Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 183; Rahat-üs-Sudur, s. 128.

²⁵ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 83; Selçukname, ss. 37, 47, 56, 76; Ibn Bibi, ss. 76, 94—95; Sadruddin, s. 112—113.

²⁶ А. М. Мандельштам. Характеристика тюрков IX в. в „Послании Фатху б. Хахану“ ал-Джахиза. Труды Инст. истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, т. I, 1956, стр. 231; Jahiz of Basra to al-Fath ibn Khaqan on the 'Exploits of the Turks and Army of the Khalifate in general'. By C. T. Walker. Journal of the Royal Asiatic Society, new series, 1915, p. 667.

²⁷ А. Пузыревский. История военного искусства в средние века, ч. I. СПб., 1884, стр. 143; R. C. Smail. Crusading Warfare, pp. 77, 79, 80; R. van Overstraten. Des principes de la guerre à travers les âges, t. I. Bruxelles, 1926, pp. 30—31.

²⁸ Книга моего деда Коркута. Перевод В. В. Бартольда. М.—Л., 1962, стр. 52; Византийские историки. . . Никита Хониат, т. I, 1860, стр. 44, 90; Иоанн Киннам, стр. 51.

²⁹ Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, т. III. М., 1938, стр. 161—162.

Легкая конница являлась основной ударной силой, она выполняла большинство задач: прорыв, атаки с флангов, тыла, обходный маневр, обманные движения; просачивание на стыках, рейды в глубину фронта, тыл и на территорию противника, преследование, завязывание боя; беспокойство противника на марше и отдыхе, на переправах, днем и ночью, практически в любое время года; большие и длительные марш-броски, разведка, заманивание в ловушку-засаду. Летучие отряды могли оставлять свой обоз на расстоянии до 30 фарсахов (около 180 км) от главных сил, что повышало их мобильность и маневренность.

Для легкой кавалерии были характерны небольшие и быстрые кони; во время атаки всадники действовали больше быстротой и неожиданностью, нежели правильностью маневра. Верховые животные были более приспособлены для одиночного боя, для боя в рассыпном строю, преследования, чем для ведения правильной атаки сомкнутым строем, что характерно для тяжелой кавалерии. Благодаря отличным коням всадники легко уходили от преследования, „они бежали и ускользали, как тень“.³⁰ Крестоносцы очень рано поняли опасность, грозившую им от этих стрелков, старались оградить себя от нее тем, что сами брали к себе на службу тюрок.³¹ Таким образом легкая кавалерия появилась у них после знакомства на Востоке с сельджуками, а затем получила распространение в Европе.

В походы шли с заводными конями,³² поэтому конница обладала способностью за короткое время покрывать большие расстояния и внезапно появляться там, где ее меньше всего ожидали. О быстроте передвижения можно судить по косвенному примеру. Когда эмиру Джавлы необходимо было срочно прибыть из Сирии в Хорасан для свидания с великим Сельджукидом Мухаммедом (1104—1118), он со своей свитой преодолел расстояние в 360 фарсахов за 17 дней (всего около 2150 км, т. е. ежедневно по 120—130 км).³³ Преодоление больших расстояний за сравнительно короткий срок возможно было лишь в том случае, если имелись заводные кони или устройство подстав (ям) на пути следования.

Тяжелая конница, возможно, была заимствована у Византии или у крестоносцев. Она страдала малоподвижностью и не получила у сельджуков большого распространения, так как имела ограниченную зону действия и не могла достаточно быстро исполнять маневр. Имеется упоминание также о боевых колесницах.³⁴ Трудно судить, насколько они были распространены у сельджуков и являлись ли отдельным родом войск со своими задачами, скорее всего они относились к коннице. Были и боевые слоны, которых сельджуки использовали в боевых порядках легкой конницы и при осаде крепостей.³⁵

У султанов и эмиров имелась личная дружина, которая состояла из 40 отборных воинов-джигитов, были также слуги-оруженосцы.³⁶

³⁰ Иоанн Киннам, стр. 48; Никита Хониат, стр. 18, 39.

³¹ Г. Дельбрюк. История военного искусства... стр. 120, 162, 168; R. C. Smail. Crusading Warfare, p. 64.

³² Сиясет-наме, стр. 69; Низами Гянджеви. 1) Искендер-наме, ч. I, стр. 57, 348, 434, 439; ч. II, стр. 164, 174, 219, 228; 2) Хосров и Ширин. Перевод К. Липскерова. Баку, 1947, стр. 63.

³³ Barhebraei, p. 274.

³⁴ Повествование вардапета Аристакаса Ластивертци, гл. XVI. Перевод К. Н. Юзбашяна (пользуясь случаем выразить благодарность К. Н. Юзбашяну за разрешение использовать рукопись перевода); Arisdagues de Kasdiverd. Histoire d'Arménie. Trad. par M. E. Prud'homme. Paris, 1864, pp. 90—91.

³⁵ Аристакас, гл. XVI; Arisdagues, pp. 90—91; Barhebraei, s. 233.

³⁶ Книга моего деда Коркута, стр. 51, 52, 64, 103; Ibn Bibi, s. 103.

Существовали отряды богатырей; эти отборные части обычно вступали в бой в случае крайней необходимости. Их можно сравнить с появившимися позднее гвардейскими подразделениями.³⁷

Наряду с конницей имелась пехота, которая обычно исполняла второстепенные задачи; в специфических условиях она выдвигалась на первый план. Хорошо известен один из исключительных случаев, когда турецкая пехота была специально использована в гористой местности — в знаменитом сражении при Мириокефале в 1176 г., где византийская армия неосмотрительно расположилась в горном дефиле и пехота иконийского султана Килидж-Арслана II (1156—1192), напав на неприятельский лагерь, блокировала его. Византийская конница, запертая на небольшом пространстве, не имела возможности маневра, а турецкая пехота тем временем с господствующих высот легко расправилась с противником. В этом сражении иконийская кавалерия исполняла вспомогательные функции: она контролировала выходы из долины и преследовала бегущих.³⁸

Конные части комплектовались преимущественно из кочевников; пехота в основном состояла из земледельцев. В первой половине XI в. в сельджукском войске известен хашар — пешее крестьянское ополчение.³⁹

Стратегия и тактика. Хотя армия подверглась реорганизации, иррегулярный характер военной системы остался. Это особенно чувствовалось в стратегии и тактике, следствием чего являлось постоянное желание избегать фронтальных атак. Вместе с тем турецкая тактика была „естественным выражением общего правила поведения: прежде чем безвозвратно вернуть себя в сражение, армия должна использовать любое возможное преимущество перед противником“.⁴⁰

Характерными чертами стратегии являлись распространение слухов о своей непобедимости, предварительная разведка, внезапность нападения, применение маневра, стремление к выигрышу в войне путем полного разгрома неприятеля. Поэтому важнейшим стратегическим принципом — главной формой ведения войны — являлось наступление, а одним из основных положений было непрерывное преследование противника вплоть до полного его уничтожения, т. е. стратегическое преследование, столь присущее реорганизованной армии; оно велось без ограничения во времени и территории. Tактическое преследование, бывшее частичным и недолгим (до наступления темноты, до определенного пункта), свойственно родоплеменному ополчению.

Для многолетних военных кампаний характерна предварительная подготовка стратегических опорных баз, являвшихся исходным пунктом крупных акций. В начале сельджукского завоевательного движения — с 1040 г. — такой базой стал Хорасан, что позволило завладеть Ираном и южными областями Азербайджана. Затем, с середины XI в., основной базой становится Азербайджан, откуда начинались вторжения в Закавказье и Византийскую империю. После 1064 г., когда был захвачен город Ани в Армении, он превращается в центр по подготовке решительных операций против Византии. Иракские султаны

³⁷ Низами Гянджеви. Искендер-намэ, ч. I, стр. 70—75, 373; Sadruddin, ss. 111, 113; Rahat-üs-Sudur, s. 211.

³⁸ Barhebraei, s. 352.

³⁹ Б. Н. Заходер. Хорасан и образование государства сельджуков. Вop. истории, 1945, № 5—6, стр. 141.

⁴⁰ R. C. Smail. Crusading Warfare, p. 83.

и их атабеки Ильдегизиды создали во второй половине XII в. в городе Нахчеване опорную базу для борьбы с Грузией.

Военные действия велись одновременно на нескольких направлениях; применялась также система радиальных рейдов с последующим возвращением на опорную базу. В частности, этот метод был применен сельджуками в Армении и Грузии во второй половине XI в. Уже у первого великого Сельджукида Тогрул-бека существовал план завоеваний; об этом свидетельствует распределение между принцами и эмирами территорий, которые еще предстояло завоевать.⁴¹ Военнопленных и местных жителей обращали в рабов. Часть их оставалась в хозяйстве завоевателей, а большинство предлагалось к продаже на невольничьих рынках Ближнего Востока.⁴²

Тактика была разнообразной и подчинялась стратегическому замыслу. Наиболее характерным являлось окружение и завлечение в ловушку-засаду — обычный для сельджуков метод ведения боя; поэтому они почти всегда в боевом построении за счет слабого центра имели сильные крылья-фланги. В битве при Манцикерте в 1071 г. Арп-Арслан разделил центр своей армии на четыре части и укрыл в засаде. Когда воины Романа IV Диогена (1068—1071) бросились в погоню за притворно бегущим отрядом, последний направился к пустующему центру своих боевых порядков, и затем ловушка захлопнулась. Части рассредоточенного центра вышли из засады и совместно с остальными разгромили противника. Тот же прием был успешно применен военачальниками эмира Нур-ад-дина Зенгида во второй половине XII в. — Ширкухом и Салах-ад-дином — при завоевании Египта: они позволили объединенным силам фатимидского халифа и крестоносцев прорвать заведомо слабый центр своих боевых порядков, а затем крылья сомкнулись. В результате двухтысячный турецкий отряд одолел противника, превосходившего его в пять раз. Грандиозной засадой-ловушкой явилось сражение при Мириокефале в 1176 г., когда византийская армия во главе с императором Мануилом Комниным (1143—1180) была завлечена в горное дефиле и заперта. Положение было настолько катастрофическим, что император предпочел сдаться на милость победителя — иконийского султана Килидж-Арслана II.⁴³

При многоступенчатой засаде войско делилось на три части, которые находились в укрытии, на определенном расстоянии одна от другой. Когда передовые отряды, завязав бой, отходили назад, то навели преследователей на первую засаду. Если она не выдерживала натиска, то отходила в направлении следующей; в случае поражения второй засады начинала действовать третья, которая обычно успешно заканчивала сражение.⁴⁴

Характерным тактическим приемом было стремление бить противника по частям. В битве при Манцикерте Алп-Арслану удалось навязать византийской армии свою тактику, и бой начался до подхода ос-

⁴¹ Sadruddin, s. 12; Irak ve Horasan Selçuklulari, ss. 5—6; D. Ross. Aldred lectures on nomadic movement in Asia. London, 1929, p. 29; Cl. Cahen. La première pénétration... pp. 10, 35.

⁴² А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 45, 50; Chronique de Michel le Syrien, pp. 572, 632, 648.

⁴³ Никита Хониат, стр. 230—242; Barhebraei, s. 333—334; Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 40; M. Hamidullah. The Map of the Battle of Malazgird. Islamic culture, vol. XIX/3, 1945, pp. 352—353.

⁴⁴ Анна Комнина, стр. 29—30; Никифор Вриенний, стр. 134—135.

новых неприятельских сил. Это помогло сельджукам и обеспечило успех на заключительном этапе.⁴⁵

Сельджуки широко пользовались тактикой партизанской войны; для небольших отрядов это являлось основным способом ведения военных действий, для крупных соединений — вступлением к бою. Если неприятель устраивал лагерь в неудобном (с оборонительной точки зрения) месте, то сельджуки не медлили с нападением. При этом они „не нападают все вместе, целым строем, фалангами, но отдельными отрядами, находящимися на некотором расстоянии один от другого. Каждый из таких отрядов должен был быстро нестись на неприятеля и бросать в него тучи стрел“.⁴⁶

С целью дезориентации противника совершались ночные ложные передвижения. Для середины XII в. засвидетельствован следующий маневр: перед началом сражения с халифом ал-Муктафи (1136—1160) воины пустили вперед стада, которые расстроили боевые порядки противника; следом в образовавшиеся бреши ринулись всадники, легко одолевшие дезорганизованного неприятеля. При необходимости конница спешно перебрасывала пехоту к месту боя, что часто решало судьбу встречи.⁴⁷

Для изматывания сил противника создавали „зону пустыни“. Так, Тогрул-бек приказал испортить все колодцы на пути движения газневидского султана Масуда I (1030—1041). Килидж-Арслан II, отступая перед византийской армией, распорядился „сжигать селения, а также все то, что могло пригодиться для пропитания людей и животных; заражать водоемы, источники и колодцы, бросая в них трупы людей, собак, ослов и всякую гниль и нечистоты“. Гарнизонам крепостей было приказано при отступлении все сжигать, а стены разрушать.⁴⁸

Сельджуки пользовались услугами посредников. Когда гражданская война между султанами Беркийяруком (1094—1104) и Мухаммедом зашла слишком далеко и стоила многих жертв, в 1102 г. третьи лица помогли братьям-соперникам прийти к полюбовному соглашению. Иракский султан Мухаммед (1153—1159) в 1157/58 г. осадил Багдад и одновременно направил к халифу ал-Муктафи посредников со своими условиями. Стороны не сумели найти общий язык, а неприступность багдадских стен заставила Сельджукида уйти ни с чем. В необычной для себя роли посредника выступил атабек Азербайджана Шамс-ад-дин Ильдегиз, который попытался примирить иракского султана Арслан-шаха (1160—1177) и грузинского царя Георгия III (1156—1184).⁴⁹

Боевое снаряжение было разнообразным: секиры, деревянные и железные палицы, сабли и палицы-шестоперы, прямые кинжалы и булавы, боевые топоры и дротики, пики и пращи, лук и стрелы, копья. Оружие феодалов было лучшего качества и нередко имело отличительные

⁴⁵ Аристаркэс, гл. XXV; Arisdagues, p. 143; Chronique de Michel le Syrien, p. 639.

⁴⁶ Иоанн Киннам, стр. 57; Анна Комнина, стр. 29; Chronique de Michel le Syrien, p. 715.

⁴⁷ Анна Комнина, стр. 288; В. Сахаров. История конницы. СПб., 1889, стр. 59; Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 216.

⁴⁸ Никита Хониат, стр. 229; Chronique de Michel le Syrien, стр. 631, 715; Rahat-is-Sudur, s. 99.

⁴⁹ История и восхваление венценосцев. Перевод К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954, стр. 26; Chronique de Michel le Syrien, pp. 638, 711, 725; Irak ve Horasan Selçuklulari, ss. 230, 237.

знаки и украшения. У иракского султана Тогрула II (1178—1194) была булава с набалдашником в форме бычьей головы.⁵⁰

В армии имелись метатели нефти; горшки с горючим составом забрасывали в осажденные города и крепости также при помощи баллист. Мастера огня, в частности, были использованы во время вторжения в Азербайджан и Абхазию в 1067/68 г.: в густых лесах они прожигали просеки для армии, уничтожали растительность вокруг осажденных крепостей с тем, чтобы конница получила возможность маневра.⁵¹ Нефть получали из бакинских источников; о ее добыче и вывозе из района Баку было известно на Ближнем Востоке задолго до сельджуков.⁵² Кроме того, города Закавказья, в первую очередь Баку, Гянджа, Тбилиси, Сурмари, поставляли сельджукам отличное оружие.⁵³

Из всех видов боевого снаряжения сельджуки отдавали предпочтение луку и стрелам, которые оставались основным оружием легкой конницы. Боевой колчан вмещал около 90 стрел с железными наконечниками, их изготовляли из тростника и березы. Имелись трехперые, двойные и двурогие стрелы, а также особые, пробивавшие щит и панцирь. Луки были осиновые и из рогов козла, на тетиве имелось специальное кольцо для ее оттягивания.⁵⁴ Арабский автор отмечает, что турки — очень меткие стрелки из лука, они точно попадают в цель на полном скаку, из любого положения, одинаково хорошо стреляют, „гоня своего коня во весь опор, назад и вперед, вправо и влево, вверх и вниз“. Сельджукские лучники славились в Передней Азии; у византийского императора Мануила Комнина имелись наемные отряды этих стрелков. Обычно они находились впереди боевых порядков и поражали воинов и коней противника. Отличными стрелками из лука зарекомендовали себя жители Нахчевана и Гянджи.⁵⁵

Защитное снаряжение дополняло вооружение воина и было разнообразным: кольчуги и щиты, двойные кольчуги и „одеяния с крепкими надплечниками“, шлемы с подвижным забралом и панцири, боевые пояса. У сельджуков имелись крупные отряды — по несколько тысяч всадников, — одетые в металлические доспехи, возможно, это тяжелая конница; знатный тюрк и его конь были защищены металлическим панцирем. В 1035 г. газневидский султан Масуд I преподнес сельджукским предводителям Тогрул-беку, Чагры-беку и Арслан-Пейгу по тюркскому обычаю золотые пояса. Воины использовали пояса, „наводившие страх на врага“, для ношения предметов вооружения и для защиты живота. Дворцовый гулям на второй год службы получал вместе с тюркским конем и уздой „простой ремень“.⁵⁶

⁵⁰ Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, стр. 101.

⁵¹ Sadruddin, s. 30.

⁵² Вторая записка Абу Дулафа. Перевод П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова. М., 1960, стр. 36; Hudud al-Alam. Transl. by V. Minorsky. London, 1937, p. 145; Moses Dasxuranci. The History of the Caucasian Albanians. Transl. by C. J. E. Dowsett, Oxford, 1960, p. 4.

⁵³ Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. Уч. зап. Инст. востоковедения АН СССР, т. IX, 1954, стр. 197—198, 202—203, 205, 208; С. Б. Ашурбейли. Очерк истории средневекового Баку. Баку, 1964, стр. 79.

⁵⁴ Книга моего деда Коркута, стр. 72, 87; Никита Хоннат, стр. 252; Низами Гянджеви. Искендер-наме, ч. I, стр. 389—390; Sadruddin, s. 29.

⁵⁵ Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение, стр. 208—210; Иоанн Киннам, стр. 83; А. М. Мандельштам. Характеристика тюрк... стр. 230; Jahiz of Basra, p. 666.

⁵⁶ Книга моего деда Коркута, стр. 30, 51, 69, 78, 86—87; Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, стр. 101; Низами Гянджеви. Семь красавиц, стр. 236; Сиасет-наме,

Боевая техника состояла из различных сооружений, приспособлений и механизмов. Баллисты, метавшие камни и горшки с горячей нефтью, были большие (манджаники) и малые (аррадэ); иногда источники упоминают метательные аппараты особенно крупных размеров. Манджаники были нескольких типов: арус обстреливал на четыре стороны, т. е. имел круговое вращение; див, кашкаджир, хуфтех (наклонный), раван (подвижной). Известен тюркский манджаник (сохранились его рисунок и описание), один из простейших типов метательного аппарата. При помощи ковша и системы конопляных канатов он метал камни на расстояние до 90 м. Манджаник был несложен в обращении и обслуживании, не требовал особых забот и обеспечения.⁵⁷

Аррадэ являлся легкой метательной машиной, отличной от собственно манджаника; был заимствован через арабов у византийцев, представлен несколькими типами: хуфтех (наклонный), раван (подвижной) — наиболее часто упоминаемый, с ним ассоциируется аррадэ гардан (вращающийся); имелся также аррадэ йакрун (неподвижный).⁵⁸

Из стенобитных машин известны были карак — род тарана и диваркан — разрушитель стен.⁵⁹

Сельджуки широко пользовались боевой техникой как в наступлении, так и при обороне. При осаде Манцикерта в 1064 г. Алп-Арслан применил манджаники; Мелик-шах в 1078/79 г. расположил баллисты против стен Самарканда. Иракский султан Мухаммед при осаде в 1156/57 г. Багдада установил метательные аппараты на суше и на крупных парусниках, курсировавших по Тигру.⁶⁰ Применяли осадные деревянные башни, обитые железом; на верхней площадке такого сооружения ставился навес из войлока, смоченного уксусом, для защиты воинов, которые пускали стрелы и метали горшки с нефтью. Если сельджуки сами оборонялись, они использовали эти башни против осаждавших.⁶¹

Были известны штурмовые и десантные суда, на которых совершали набеги на приморские области противника. Морской пират тюркский эмир Чаха на таких судах грабил черноморское побережье Византии; он же пытался в сговоре с печенегами осадить Константинополь с суши и с воды. Его суда были гребными; во время боевого построения их связывали железной цепью, чтобы не нарушать принятого порядка.⁶²

Военный лагерь. „Расположиться лагерем“ терминологически имело два значения: лагерем называли военную ставку, а также армейский бивак. В походах не только воины, но и их предводители жили в шатрах; султан и военачальники находились в центре лагеря. Завладев городом, сельджуки первое время проводили вне его стен, в своем

стр. 110; В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I, М., 1963, стр. 370; Irak ve Horasan Selçukluları, ss. 216, 236; Chronique de Michel le Syrien, pp. 592, 610, 619; Sadruddin, s. 81.

⁵⁷ Cl. Cahen. Un traité d'armurerie composé pour Saladin. Bull. d'études orientales, t. XII, 1947—1948, pp. 39—40.

⁵⁸ Низами Гянджеви. Искендер-наме, ч. I, стр. 253, 258; Cl. Cahen. Un traité d'armurerie. . . , 161; Rahat-üs-Sudur, s. 125.

⁵⁹ Cl. Cahen. Un traité d'armurerie. . . , p. 161.

⁶⁰ Irak ve Horasan Selçukluları, ss. 228, 232; Rahat-üs-Sudur, ss. 125, 256, 257.

⁶¹ Анна Комнина, стр. 292, 347, 411; Chronique de Michel le Syrien, p. 677; Sadruddin, ss. 27—28.

⁶² Анна Комнина, стр. 345, 347—348; Chronique de Michel le Syrien, pp. 630, 697; Sadruddin, s. 25; Irak ve Horasan Selçukluları, ss. 228—229, 232; Rahat-üs-Sudur, ss. 125, 256—257; Selçukname, s. 28; Ibn Bibi, ss. 44, 59, 66, 95.

военном лагере.⁶³ В городе узкие улицы затрудняли действия конницы, вне его можно было быстро произвести необходимый маневр.

Походный порядок. Движение армии на марше было регламентировано: во главе шел авангард, из состава которого вперед выдвигался караул (сторожевое охранение); он должен был вовремя предупредить главные силы о появлении противника, чтобы они успели развернуть боевые порядки. Караулы выставляли также на биваках. За авангардом двигались главные силы, при которых находились султан со свитой и приближенными, казна и канцелярия, а также обозы с амуницией и продовольствием, военная техника и госпитали; по бокам шло сторожевое охранение. Замыкал шестиверхний авангард, от которого выделяли тыловые дозоры. Если не было заводных коней, то всадникам случалось на походе идти пешими, чтобы дать отдых коням; если же требовалось срочно совершить марш, то вместе с всадниками на конях двигались и пехотинцы. Армия на марше шла компактной массой, «так как не было разрешения, чтобы кто-либо отставал».⁶⁴ Существовал специальный военный термин-команда „Гош!“, означавший выступление в поход.⁶⁵ В большие походы отправлялись „всем табором“, с семьями, имуществом и скотом.⁶⁶ Но в зоне военных действий обычно не было обозов, их оставляли в стороне, чтобы они не мешали маневру.

Боевой порядок был глубоко эшелонированным и обладал значительной ударной силой и устойчивостью. Он состоял из пяти основных элементов: авангард (макадама), во главе которого находился начальник и знамя, от авангарда высылался боевой дозор; правое крыло (меймена), левое крыло (мейсера) — фланги; аррьергард (сака) находился позади и являлся также резервом; центр (калб) — здесь находились султан и военачальники.⁶⁷ Пятичленное деление войска было, вероятно, заимствовано у арабов и являлось для сельджуков образцом; в зависимости от конкретных условий они избирали наиболее рациональное боевое построение. Вместе с тем следует отметить, что у восточных народов, в том числе у тюркоязычных племен, „Боевые порядки в высшей степени замечательны тем, что в основании всех их лежит идея резерва; это одно уже показывает, насколько тактическое искусство было выше у азиатских народов по сравнению с состоянием его у их европейских современников, среди которых крайнее развитие индивидуализма свело всю тактику к единоборству; дисциплина войск и управление ими в бою, постепенное ведение боя употреблением войск задних линий, а также резерва, служившего и для отражения разных случайностей, давали возможность полководцу восточных народов про-

⁶³ Иоанн Киннам, стр. 42—43, 57, 329; Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1, стр. 101; Sadruddin, ss. 9, 40, 42, 87; Ibn Bibi, s. 66; Irak ve Horasan Selçuklulari, ss. 35, 53—54; Chronique de Michel le Syrien, pp. 572, 605, 624.

⁶⁴ Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1, стр. 84—85; Низами Гянджеви. Искендер-наме, ч. I, стр. 63, 75, 152, 374, 384; Иоанн Киннам, стр. 65; А. Н. Кононов. Родословная туркмен, стр. 68; Sadruddin, s. 42; Irak ve Horasan Selçuklulari, ss. 39, 226.

⁶⁵ Р. А. Гусейнов. Тюркское „Гош!“ в сирийском источнике. Кр. сообщ. Института народов Азии АН СССР, № 86, 1965, стр. 31—34; Chronique de Michel le Syrien, pp. 567, 569—570.

⁶⁶ А. Н. Кононов. Родословная туркмен, стр. 43; Irak ve Horasan Selçuklulari, ss. 214—216, 266.

⁶⁷ Низами Гянджеви. Искендер-наме, ч. I, стр. 154, 370; Книга моего деда Коркута, стр. 58; История князей Орбелян. Извлечение из сочинений Стефана Сюнийского. Перевод Х. Иоаннесова. М., 1883, стр. 5; Rahat-üs-Sudur, s. 341; Sadruddin, ss. 9, 21, 28, 39, 42; Les prolegomenes d'Ibn Khaldoun. Trad. par M. De Slane. Paris, 1936, 2-ème partie, p. 78.

явить вполне свое искусство, свои таланты и направлять все силы к достижению общей цели".⁶⁸

Родоплеменное ополчение знало построения, которыми пользовалась также регулярная армия: колонна-клин — для атаки и на походе; рассыпной строй — для боя, преследования и отхода; расчленение по фронту на крылья — для боя; применялся и пятичленный боевой порядок.⁶⁹

Современник сельджуков свидетельствует, что реорганизованная армия имела два строя: сплошной и прерывистый (рассыпной). Сплошной строй мог быть в линию, дугой и треугольный; он приемлем в случае, если конница лишена возможности маневра, но части боевого пятичленного порядка сохраняются. Наилучшим является построение треугольником, причем уступом назад: два отряда впереди, один оттянут в глубину фронта. Прерывистый строй пригоден, когда конница находится на открытом пространстве и возможно поотрядное построение, без соблюдения пятичленного боевого порядка.⁷⁰

Для сражения рекомендуется избирать место, где части армии могут поддерживать визуальную и звуковую связь; вместе с тем предпочтительны ровные открытые пространства. Части армии стараются отличиться в ходе сражения. Полководец должен располагать сведениями об основном роде войск и вооружении неприятеля, тогда он правильно выберет место для сражения, придерживаясь следующих принципов.

1. Если ты конный, а враг — пеший, вступай в бой на открытом пространстве; свою конницу построь в форме вогнутой дуги, чтобы охватить пехоту противника кольцом; на своих флангах надо иметь пехотинцев.

2. Если ты пеший, а враг — конный, для встречи избери узкое и обрывистое место. Построение — в линию, за своей пехотой находится конница; пехотинцы должны препятствовать прорыву вражеской кавалерии, а свои конники выполняют вспомогательные задачи на флангах. Если коннице противника удалось навязать бой на открытом, невыгодном для пехоты месте, следует занять круговую оборону и стремиться не к сражению, а к заключению мира.

3. Если ты исключительно конный, а противник — только пеший, всадников следует группировать поотрядно, расположиться подальше от неприятеля и остерегаться ночного нападения на бивак. Во время атаки необходимо бесшумно нападать всеми отрядами одновременно с нескольких сторон.

4. Если у обеих сторон однородное войско, то боевой порядок напоминает дугу: одно крыло противостоит атаке, хитростям и тайному умыслу противника; другое крыло должно принести победу; центр пребывает в готовности помочь крыльям. Отборные воины спешат туда, где ощущается необходимость в подмоге.

5. Если у противника имеются боевые слоны, необходимо подготовить западни и устрашающие орудия; для обеспечения тыла надо вырыть волчьи ямы. Перед своими боевыми порядками нужно создать небольшие пахучие болотца, ибо слоны, почуяв запах свежей грязи, остановятся. Против них следует применять губительные стрелы, захватить или уничтожить погонщиков, отсекать от слонов воинов, ибо животные без этого escorts не идут вперед.⁷¹

⁶⁸ А. Пузыревский. История военного искусства, стр. 143; В. Сахаров. История конницы, стр. 60.

⁶⁹ А. А. Росляков. Очерки военного искусства туркмен, стр. 338—344.

⁷⁰ Rahat-üs-Sudur, ss. 209—210.

⁷¹ Анна Комнина, стр. 349; Rahat-üs-Sudur, ss. 210—211; Sadruddin, s. 128.

Разведка являлась одним из этапов подготовки к вторжению и сражению. После анализа добытых сведений на военном совете принимали решение о способе действий. Разведкой предписывалось заниматься всем: купцы и паломники, послы и посредники должны были служить सूзере-ну. Посол, отправленный с мирными предложениями, „должен быть пронырливым и уметь красиво говорить и любить (своего) государя, чтобы выявить хорошие и дурные стороны армии неприятеля, разузнать о доходах и расходах“. Накануне сражения при Манцикерте (1071 г.) Алп-Арслан отправил к Роману IV Диогену посла для переговоров; основной задачей его было разузнать состояние византийской армии и ее лагеря. В войске Иракского султаната имелись специальные лазутчики для разведки во вражеском стане. Осведомительные функции исполняли послы иракского султана Арслан-шаха, направленные к грузинскому царю Георгию III; им поручили добыть сведения военного характера, в частности выяснить дислокацию грузинской армии. Источник указывает, что посланец султана, явившийся в Грузию, был „человеком хитрым и коварным, знатоком своего дела“.⁷²

Сражение обычно начинали на заре и прекращали с заходом солнца. Ночь была союзницей набегов и грабежей. Даже окруженного противника предпочитали добивать с наступлением дня. Ночные бои являлись исключением и диктовались особыми обстоятельствами.⁷³

Бои начинали передовые отряды легкой конницы из авангарда или богатыри, вступавшие в традиционное единоборство. Слова источника — „без разрешения вторгаться в среду врагов в нашем народе — позор“ — подтверждают наличие воинской дисциплины. Руководство боем осуществлялось при помощи распоряжений, отдаваемых через гонцов, а также визуальной и звуковой связи (в последнем случае использовали медные трубы — турецкий най; большие и малые боевые барабаны, в которые били ремнями). В атаку шли с боевым кличем (уран), у сельджуков это „сивый волк“. Источник сообщает, что руководитель перед сражением „сошел со своего коня, чистой (водой) совершил омовение, приложил свое белое чело к земле, совершил намаз в два поклона, вспомнил Мухаммеда, чье имя славно“, затем издал боевой клич, пустил коня, понесся навстречу врагу; громко забили барабаны, ударили медные трубы. Всадники сражались не только верхом (при этом у коней подвязывали хвосты), но и в пешем строю; в последнем случае они коротко привязывали щиты к руке и орудовали саблями. Даже отступая, сельджуки с боем покидали поле битвы.⁷⁴

Сражение состояло из ряда этапов. Первый — преднамеренное бегство с целью расстроить ряды атакующих или навести на засаду-ловушку; второй — когда „бегство“ достигло своей цели, всадники внезапно поворачивали и контратаковали. Если же основной задачей являлось завлечение в ловушку, то на втором этапе происходило окружение преследователей. Выполнение столь сложного маневра, как мгновенный переход от бегства к нападению, свидетельствует о высокой боевой

⁷² История и восхваление венценосцев, стр. 25; Низами Гянджеви. Искендер-наме, ч. I, стр. 63; Ibn Bibi, s. 61; Rahat-üs-Sudur, s. 209; Irak ve Horasan Selçukluları, s. 39.

⁷³ Chronique de Michel le Syrien, pp. 646—648.

⁷⁴ Книга моего деда Коркута, стр. 30, 52, 57, 71, 107; А. М. Щербак. Огуз-наме. Мухаббат-наме. М., 1959, стр. 32; История и восхваление венценосцев, стр. 61; Анна Комнина, стр. 30; Никифор Вриенний, стр. 65; Низами Гянджеви. Искендер-наме, ч. I, стр. 55, 64, 70—75, 77, 88, 143, 154, 371, 373; ч. II, стр. 183, 198, 201, 268; Хосров и Ширин, стр. 95; Chronique de Michel le Syrien, p. 637; Ibn Bibi, s. 80; Sadruddin, s. 34; Irak ve Horasan Selçukluları, ss. 50, 149; Selçukname, s. 25.

выучке: его приходилось выполнять на всем скаку, не теряя своего построения и под непосредственным воздействием противника. Образцом развертывания сражения является бой 1163 г. около Нахчевана между атабеком Азербайджана Шамс-ад-дином Ильдегизом и грузинским царем Георгием III. Армия Иракского султаната, которой командовал Ильдегиз, была разделена на три части. Первая должна была начать бой; вторая находилась в резерве, подбадривая своим присутствием первую и деморализуя неприятеля; третья часть состояла из отборных воинов, здесь же находился руководитель сражения Шамс-ад-дин Ильдегиз. Грузинская армия придерживалась традиционной схемы: развернутый по фронту боевой порядок с делением на центр и крылья.

Бой завязался на заре; когда под напором противника первая часть армии Ильдегиза дрогнула, на помощь подошла вторая. Вскоре в сражение вступила третья часть во главе с атабеком, стараясь окружить грузинские силы. Но Георгий III при помощи ловкого маневра избежал окружения и отступил. К полудню все было кончено; Шамс-ад-дин Ильдегиз одержал победу, взял пленных и богатую добычу.⁷⁵ Это образец глубоко эшелонированного боевого порядка, при котором свежие силы последовательно вводились в бой, в то время как грузинская армия, развернутая по фронту, с небольшой глубиной эшелонирования, не располагала резервом. Таким образом, боевое построение сообразно поставленной задаче и конкретным условиям обеспечило атабеку Азербайджана успех. Впервые такая атака последовательными волнами засвидетельствована для сельджукской эпохи в 1037/38 г., когда в сражении с газневидским наместником Нишапура сельджуки поотрядно входили в бой.⁷⁶

О победе принято было извещать дружественных государей и багдадского халифа, делать подарки. Иконийский султан Килидж-Арслан II после разгрома византийской армии в 1176 г. „разослал всем эмирам, халифу Багдада и султану Ирака рабов и слуг, оружие, головы ромеев и их волосы на копыях, и они возили их по улицам на крупах своих коней и радовались“.⁷⁷ Не был чужд туркам рыцарский этикет: когда могущественный эмир Гази Данишмендид узнал о кончине графа Эдесского Жоселена (1131 г.), то велел передать свое соболезнование и о временном прекращении военных действий.⁷⁸

Осада городов и крепостей. Основной прием осады — разрушение стен и уничтожение живой силы. Помимо метательных и стенобитных машин, использовали насыпи, башни, с которых лучники, пращники и метатели нефти поджигали строения и уничтожали неприятеля. Если объект находился у воды, то осаду и штурм вели одновременно с суши и с воды: на крупных парусниках устанавливали баллисты; суда доставляли воинов прямо к стенам. Применяли осадные лестницы; конница шла на штурм в пешем строю; на крепостных стенах обычно действовали при помощи булав и легкого оружия. В знак захвата города или крепости на их стенах вывешивали свое боевое знамя.⁷⁹

Во время похода 1063 г. в Грузию султан Алп-Арслан приказал обложить одну из башен осажденной крепости дровами и поджечь; нестерпимый жар и удушливый дым согнали воинов с крепостных стен,

⁷⁵ Рашид-ад-дин, т. I, кн. 2, стр. 83; Sadruddin, ss. 112—114.

⁷⁶ Irak ve Horasan Selçukluları, s. 4.

⁷⁷ Chronique de Michel le Syrien, p. 716; Ibn Bibi, ss. 60, 65.

⁷⁸ Chronique de Michel le Syrien, p. 613.

⁷⁹ Анна Комнина стр. 411; Irak ve Horasan Selçukluları, ss. 228—229, 232; Sadruddin, ss. 24—25; Rahat-üs-Sudur, ss. 125, 256—257; Chronique de Michel le Syrien, pp. 630, 697; Ibn Bibi, ss. 44—45, 58—59, 63, 66—67, 75; Selçukname, ss. 28, 95.

на которые немедленно взобрались по штурмовым лестницам сельджуки. В 1136 г. эмир Мухаммед ибн Гази Данишмендид приказал преградить путь реке у города Мараша; под угрозой затопления осажденные сдались. Города и крепости принуждали к сдаче измором. В 1144 г. эмир Имад-ад-дин Зенги осадил Эдессу. Боевая техника не принесла успеха, тогда устроили подкопы под двумя башнями и стеной. Для того чтобы они не рухнули преждевременно, под стену и башни подвели деревянные стойки-опоры. Когда осажденные отклонили предложение о сдаче, опоры были подожжены и башни и часть стены обвалились под собственной тяжестью, открыв доступ в город.⁸⁰

Если осада затягивалась до зимы, сельджуки не прекращали военных операций, а готовились к новым условиям кампании. Когда Килидж-Арслан II осадил Мелитену, но до наступления холодов не сумел ее захватить, воины построили кирпичные дома, в которых перезимовали у стен города; для султана были сооружены большие дома из каменных надгробий, „заимствованных“ с соседнего христианского кладбища.⁸¹

Даже будучи осажденными, сельджуки вели активную оборону, предпринимая вылазки с тем, чтобы не допустить правильной осады и уничтожить технику неприятеля. Они обвешивали стены мешками с соломой, сыромятной кожей и „всякими покрывами“, ослабляя этим разрушительные действия метательных и стенобитных машин; строили деревянные башни. На стенах устанавливали манджаники и арраде, чтобы нейтрализовать и подавить машины осаждавших.⁸²

Преодоление водных преград. Сельджуки умели наводить на реках мосты, используя лодки и парусники; водные преграды преодолевали также вплавь, на судах, бурдюках, наполненных воздухом. Обычно всадник плыл за конем, держась за его хвост; отмечен случай, когда воин на щите, как в лодке, преодолел реку, рядом плыл его конь, обнаженная сабля заменяла руль. В 1067/68 г. Алп-Арслан вместе с армией вплавь преодолел Аракс; в 1071 г. он форсировал Евфрат на коне, как и остальные воины. Иконийский султан Сулейман-шах (1196—1204) вместе с армией вплавь переправился через Евфрат. Правивший в Гяндже Сельджукид Махмуд навел на Куре мост, по которому прошла его армия.⁸³

Военное мастерство. Сельджуки придавали большое значение боевой выучке воинов, которые должны были в совершенстве владеть личным оружием, конем, слушаться команды, знать свое место в сражении. Источники отмечают вместе с тем мастерство военачальников, в частности великих Сельджукидов Тогрул-бека, Алп-Арслана и Мелик-шаха, атабеков Азербайджана Шамс-ад-дина Ильдегиза и его сыновей Джахан-Пехлевана и Кызыл-Арслана, эмиров Гази Данишмендида, Имад-ад-дина Зенги.

В перерывах между военными кампаниями армия совершенствовалась свое мастерство; одним из основных методов являлась охота, занимавшая большое место в жизни тюркского общества. „Охота, — свидетельствует ал-Фахри, — серьезное занятие; объемлет много значительных выгод, высшая из которых — упражнение ратников в скачке, в нападениях, в набегах, в искусстве приучаться к верховой езде, метать дротики, бить саблей и булавой... Другая выгода охоты заключается в испытании

⁸⁰ Никита Хониат, стр. 27; Sadruddin, ss. 26—28; Chronique de Michel le Syrien, pp. 629, 630, 710; Chronique de Matthieu d'Edesse. Trad. par E. Dulorier. Paris, 1888, pp. 320—321; Barhebraei, ss. 305—308.

⁸¹ Chronique de Michel le Syrien, p. 717.

⁸² Анна Комнина, стр. 292, 347; Chronique de Michel le Syrien, p. 677.

⁸³ Никита Хониат, стр. 249; Sadruddin, ss. 25, 32, 96; Selçukname, s. 24; Irak ve Horasan Selçuklulari, ss. 44, 229; Chronique de Matthieu d'Edesse, p. 310.

коней“.⁸⁴ Охотничьи заповедники для военных игр находились в ряде стран Ближнего Востока, в Азербайджане, Армении и Грузии.⁸⁵ Помимо охоты, проводили состязания в стрельбе из лука, в искусстве владения саблей. Для стрельбы устанавливали столбы высотой в 40 кулачей (кулач — мера двух рук, вытянутых в длину; сажень маховая), на их вершине имелись изображения куриц. Всадник на полном скаку должен был поразить мишень; метких лучников щедро одаривали.⁸⁶

Таким образом, военная организация сельджуков являлась для своего времени достаточно боеспособной и выгодно отличалась от военных систем других государств. Это было важным фактором, который наряду с другими позволил сельджукским завоевателям установить свое господство и сохранить его в течение XI—XII вв. на Ближнем Востоке.

Rauf A. Husseyrov

L'ORGANISATION MILITAIRE DES TURKS-SELJOUKIDES

La conquête des turks-seljoukides avait soumis à leurs pouvoir les territoires de l'Orient de la Chine à la Syrie, de la Transcaucasie à l'Égypte. Leur suprématie était fondée sur une grande armée reçue forte et vigoureuse. Au cours du XI s. l'armée reçut une reorganisation sous le règne des sultans célèbres Toghrul-beg, Alp-Arslan et Melik-chah. La nouvelle organisation militaire, comme le témoignent les sources historiques, se rapportait à tous les éléments de l'armée et de son armement, comme à l'art militaire — la stratégie et la tactique.

⁸⁴ Ал-Фахри, стр. 61; Книга моего деда Коркута, стр. 17; А. Н. Кононов. Родословная туркмен, стр. 41, 42, 62—63; Низами Гянджеви. Искендер-наме, ч. I, стр. 280; Irak ve Horasan Selçuklulari, s. 102.

⁸⁵ Книга моего деда Коркута, стр. 18—19, 83—84; Histoire de la Géorgie depuis l'Antiquité jusqu'au XIX-é siècle, I partie. Trad. par M.-F. Brosset. St.-Pb., 1849, pp. 358—359.

⁸⁶ А. Н. Кононов. Родословная туркмен, стр. 50; Ibn Bibi, s. 104.

**КРАТКАЯ НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ХРОНИКА О ТУРКАХ
ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
В ЛЕНИНГРАДЕ**

Малые, или краткие, хроники, представляющие собой хронологические перечни, служат важным источником по истории Византии, Турции и стран Балканского полуострова первых веков после падения Византийской империи.¹

Несмотря на то что многие из этих хроник обращали на себя внимание ученых, изучение их только начинается. Главную трудность в этом направлении создает то обстоятельство, что большое число хроник не опубликовано и недостаточно выявлено в рукописях разных хранилищ. Издание каждого неизвестного прежде текста имеет значение при создании полного свода малых хроник.

Изучением кратких хроник занимается в последнее время молодой советский византинист З. Г. Самодурова.²

Греческая рукопись 744 Государственной публичной библиотеки в Ленинграде представляет собой сборник, написанный на бумаге со следующими филигранями.

1. Кардинальская шляпа, см.: С. М. Briquet. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques de papier des leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600, vv. I—IV, Paris, 1907, NN 3401, 3404, 3407—3408.

2. Якорь в кругу, см.: там же: №№ 478, 502, 508, 517—520 и т. д.

3. Корона, см.: там же, № 4932.

4. Голова быка, см.: там же, №№ 14776, 15017—15020.

Филиграни бумаги, письмо и указанная ниже запись на л. 2 позволяют датировать нашу рукопись первой половиной XVI в., до 1541 г.

Сборник написан четким поздним минускулом, переходящим в курсив, одним писцом, за исключением лл. 1 об. и 93—100 об., написанных разными почерками. Видимо, эти листы были добавлены к рукописи позднее или оставлены чистыми, а позднейшие читатели или владельцы ее заполнили эти листы своими записями.

Инициалы и заголовки в основной части сборника киноварные, а на лл. 1, 26, 41, 80 и 99 об. имеются небольшие заставки. На л. 2, на полях, помещена следующая киноварная запись: 'Ετους ζμθ' μτϋι

¹ К. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. 2. Aufl. München, 1897, SS. 395—402; G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Bd. 2. Aufl., Berlin, 1958, S. 172.

² З. Г. Самодурова. К вопросу о малых византийских хрониках (по рукописям Московских собраний). „Византийский временник“, т. XXI, 1962, стр. 127—147.

ιαννουάριφ ἐγεννήθη Ἰωάννης, ἡμέρα κυριακῆ εἰς τὴν κβ'. Ἔτους ζνβ' ἐγεννήθη ὁ Νικόλαος, μὴν αὐγούστφ εἰς τὴν πρώτην ἡμέραν ς (В год 1541 месеца января родился Иоанн в воскресенье 22. В год 1544 родился Николай, месеца августа в воскресенье 6)

Переплет картонный, начала XX в. В рукописи 100 листов, ее размер 15.8 × 10.8 см.

Рукопись поступила в Государственную публичную библиотеку в 1915 г. в собрании А. И. Пападопуло-Керамевса³ и хранится под шифром греч. 744.

Содержание сборника:

л. 1 — чистый.

л. 1 об. — Сивиллы Эритрейской акrostих о Христе: Ἐπίχοι Σιβύλλας τῆς Ἐρυθραίας περὶ τοῦ κυρίου ἡμῶν, ἔχοντες ἀκροστιχίδια τήνδε: Ἰησοῦς Χριστός, θεοῦ υἱός, σωτήρ, σταυρός. Текст см.: *Oracula Sibyllina. Rec. A. Rzach. Vindobonae, 1891, pp. 153—155.* Текст обрывается на строке 240 (ὠρούσα μύσος μέλλον καὶ πῆματα κόσμου), а строка 225 (ἐκκαύσει δὲ τὸ πῦρ γῆν, οὐρανόν, ἦδε θάλασσαν) отсутствует.

лл. 2—23 об. Словарь. Начало: Ἀρχὴ τοῦ α̅ στοιχείου. Ἀβέβηλον· καθάρων, κонец: ὦ· ὦτινι. Тέλος. Текст отождествить не удалось.

л. 24—24 об. О двенадцати высочайших горах и о климатах. Начало: Εἶναι δὲ καὶ ὄρη τῆς γῆς μεγάλα. Τὸ πρῶτον ὕψηλότερον ἐστίν, ἔνθα ἀνατέλει ὁ ἥλιος, κонец: Ταῦτα εἰσὶ τὰ ἑπτὰ κλήματα τῆς γῆς. Текст отождествить не удалось.

л. 24 об.—25 об. Заметки по физиогномике и космологии. Начало: Βασιλέως Δέοντος τοῦ Σοφοῦ. Μεγάλης κεφαλῆς πλήρης γνώσεως, κонец: καὶ ἡ πηθαμῆ δάκτυλα β'. Текст отождествить не удалось.

лл. 26—30. Словарь. Начало: Ἀρχὴ τοῦ ἄλφα στοιχείου. Ἄδε, τραγῶδε σε Ἀτρείδης, κонец: Χειροθήκας, τὰ χειρόρτια. Словарь этот не закончен, половина места оставлена чистой. Описание подобного текста см.: Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, т. V, ἐν Πετρούπολει, 1915, σελ. 286, N 792₂.

лл. 30—34 об. Словарь. Начало: Ἀρχὴ τοῦ ἄλφα στοιχείου. Ἀόριστον τὸ μὴ ἔχων καιρὸν ὀρισμένον, κонец: ὦφθη ἐφάνη τῇ ἡλικία. Текст отождествить не удалось.

л. 34 об.—41. Ἰωάννου Φιλοπόνου περὶ τῶν διαφορῶν δημασίων διαφορῶς τονομένων. Στοιχεῖον α̅. Текст отличается от текста, напечатанного в издании: Ioannis Philoponi collectio vocum quae pro diversa significatione accentum diversum accipiunt. Ex codice Regio Hauniensi 1965 ed. P. Egenolf. Vratislaviae, 1880.

л. 41—44 об. Словарь. Начало: Ἀρχὴ τοῦ ἄλφα στοιχείου. Ἀφεγγεῖς· μὴ ἔχοντας φέγγος ἢ φῶς, κонец: ὡς ἄημα, ὡς πνεῦμα. Ἄημα γὰρ τὸ πνεῦμα πᾶρα Διογενιανῶ. Описание подобного текста см.: Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, op. cit., σελ. 286, N 797₃ под названием Λεξικὸν ἀνεπίγραφον ἀσματικῶν κανόνων Ἰωάννου Δαμασκηνοῦ καὶ Κοσμᾶ; также: V. Puntoni. *Indice dei codici greci della Biblioteca Estense di Modena. Studi Italiani di filologia Classica, t. IV, 1896, p. 463, N 124₂* под названием Θεοδοσίου μοναχοῦ λεξικὸν τῶν ἱαμβικῶν κανόνων, ср.: J. A. Cramer. *Anecdota Graeca e codicibus manuscriptis Bibliothecarum Oxoniensium, v. II. Oxonii, 1835, pp. 473—475* под названием Λεξεῖς τῶν κανόνων, но в этом случае совпадение текста неполное.

лл. 44 об.—48. Словарь к сочинениям Псевдо-Дионисия Ареопагита. Λεξικὸν κατὰ στοιχεῖον τῶν ἐμφαιρο/μέν(ων) λέξεων ἐν τῇ βίβλφ τοῦ ἁγίου Διο/υσίου

³ См.: Краткий отчет Рукописного отдела за 1914—1938 гг. под редакцией Т. К. Ухмыловой и В. Г. Геймана, Л., 1940, стр. 239.

ἐπισκόπου Ἀθηνῶν. Текст см.: *Migne. Patrologia Graeca*, t. IV, col. 23_b—28_b с незначительными пропусками в рукописи.

лл. 48 об.—53. Словарь. Начало: Ἀρχὴ τοῦ ἁ στοιχείου. Αὐτόχθοσι τοῖς ἐν ἰδία γῆ ἢ τόπῳ κατοικοῦσιν, конец: ὤπται ἐθεάθη, ἐθεωρήθη, ὤμην ἐνόηζον. Описание подобного текста см.: *Codices Barberiniani Graeci*, t. I. *Codices 1—163. Rec. V. Sarocci. In Bibliotheca Vaticana*, 1958, p. 40, N 39, лл. 78—80 об. под названием Δέξης τῆς ὀκτατεύχου κατὰ στοιχείον.

лл. 53—55 об. Словарь медицинской книги, истолкования (названий) растений. Δέξεις ἱατρικῶ βιβλίου, ἐρμηνεῖαι βοτανῶν. Начало: Ἀκανθα Αἰγυπτία ἀγριόκαρδος, конец: Ἰσχνότης λεπτότης. Описание подобного текста см.: J. Hardt. *Catalogus codicum mancriptorum graecorum Bibliothecae Regiae Bavaricae*, t. V. *Monachii*, 1812, p. 252. См. также: Imm. Bekker. *Anecdota Graeca*, v. III. *Berolini*, 1821, p. 1096, примечание; M. Head Thomson. *Catalogue des manuscrits grecs de Paris contenant des traités anonymes de botanique. Revue des Études Grecques*, t. XLVI, 1933, p. 343, № XXXI (Grec. 2510); p. 345, № XXXVII (Coislin 335); № XXXIX (Coislin 346); p. 347, № XLIII (Suppl. Grec. 659). См. также: Margaret H. Thomson. *Textes grecs inédits relatifs aux plantes. Paris*, 1955, p. 176 (*Nouvelle Collection de textes et documents publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé*).⁴

л. 55 об. Киноварный заголовок какого-то комментария на текст пророка Иеремии XV₁₉. Только начало.

лл. 56—77. Словарь без заголовка на буквы ἄ и β. Начало: Ἀγμούς· τοὺς ὀρείους καὶ κρημνώεις, конец: βούπαλος· ὄνος. Текст отождествить не удалось.

лл. 77 об.—79 об. О священных одеждах. Начало: Τί δηλοῖ ἡ τοῦ ἱεράρχου ἐκ τοῦ θρόνου κατάβασις, καὶ τὰ ἱερά ἑνδύματα, конец: καὶ τοῦτο γὰρ ἐν τῷ στήθει, διὰ τὴν ἐκ καρδίας ὁμολογίαν.

лл. 80—92 об. Толкования на тексты из Евангелия. Отрывки. Указаны имена следующих толковников: τοῦ Μαξίμου, τοῦ Χρυσοστόμου, τοῦ Θεολόγου, Βασιλείου и несколько вопросов касательно крещения, приписанных св. Афанасию (τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου).

л. 92 об. Заметка о пяти чувствах, написанная киноварью: Αἰσθητήρια. Τὰ μέλη, δι' ὧν αἰσθανόμεθα. Εἰσι δὲ τοῦ ἀνθρώπου αἰσθήσεις ἑ; ὄρασις, ἀκοή, ὄσφρησις, γέβσις, ἀφῆ ἤγγον ἢ διὰ χειρῶν ψηλάφης.

л. 93. Заметки (частично вытертые), написанные каким-то владельцем этого сборника, XVI в.: Ἴσθι, πῶς ἐποίησεν ὁ θε(ο)ς τὴν ἀνταμοιβὴν εἰς τὸν Νικόλαον· ἀπεργο/μένον γὰρ εἰς Θετταλίαν, ληστὰι ἀπέκτειναν καὶ τὰ χρήματα αὐτοῦ πάντα ἔλαβον. Οὕτως οὖν παιδεύειν τὸ θεῖον τοὺς κακοὺς, καὶ τοιοῦτον θάνατον δεῖ διδόναι αὐτούς. „Знай, как бог воздал Николаю. Ибо, когда он отпавил в Фессалию, разбойники убили (его) и все имущество его захватили. И вот таким образом божество поступает с дурными, и такую смерть должно посылать им“. Ἐνεφύει μοι ἕτερον κακόν, χαλεπώτερον τοῦ Γεωργίου, ὅπερ μοι λύπην πλείστην παρέσχε· ποῖον δὲ τοῦτο; Ὁ τοῦ Νικολάου ἐκγονος, ὅς ἐγεννήθη καὶ ἀνετράφη κακῶς, ὡς ὁ διεστραμμένος παπποῦς αὐτοῦ· εἴτε καὶ αὐτὸς παθοῖ τὰ ὅμοια τούτῳ· δεῖ τὸν αἰσχρὰ πράττοντα, καὶ κακῶς ἀπολαμβάνειν. „Произошло со мной другое несчастье, худшее, чем с Георгием, что мне принесло много горя. Что же именно? Потомок Николая, который родился и был воспитан дурно, как и развращенный дед его, затем и сам претерпел подобное (происшедшему с его дедом). Должно (по отношению к) поступающему постыдно, дурным и воздавать“.

⁴ К сожалению, нам недоступен второй том издания: A. Delatte. *Anecdota Atheniensia et alia. Liège*, 1939.

лл. 93 об.—94 об. Оракул Льва Мудрого. Начало: *Εἰς Οὐγκρίαν ἀκούω σημαίνου, конец: Ταῦτα πάντα ἀθῦρματά εἰσι παι/δικά διὰ τοῦτο οὐκ ἔδεισε πιστεῦειν τὸν ἀνεγνωκότα, ὡς ὀρώμεν*: Текст см.: E. Legrand. *Les oracles de Léon le Sage*. Paris, 1875, pp. 31—43.

Текст нашей рукописи представляет по сравнению с текстом, опубликованным Леграном, редакцию сокращенную и близкую к тексту рукописи Национальной библиотеки в Париже № 426 (см.: E. Legrand, *op. cit.*, p. 18). См. также: H. Hunger. *Katalog der griechischen Handschriften der Oesterreichischen Nationalbibliothek. Supplementum Graecum*, Wien, 1957, SS. 105—106, N 172, ff. 25 об.—27 об. (= *Biblos-Schriften*, Bd. 15).

л. 95. Отрывок из книги Иисуса Сираха VIII₁₆ — до конца.

л. 95—95 об. О четырех реках райских, без заглавия. Начало: *ἽΟ ποταμός τοῦ θεοῦ ἐπληρώθη ὑδάτων. Τέσσαρες γάρ ἐκ τοῦ Παραδείσου ῥέουσι κατὰ τὴν θείαν φάσαι γραφὴν, конец: Μόνος ἐκεῖν. . ἐξελέγει ποταμός τοῦ θεοῦ, ἐφ' ὃν ἔξ ουρανοῦ εἰσχοῦσθῃ φωνή.*⁵

лл. 95 об.—96 об. О добрых днях: *Περὶ τῶν ἰβ' μηνῶν, τὰς ἀγαθὰς ἡμέρας*. Эти заметки написаны крайне неразборчиво.

лл. 97—98 и 99—99 об. *Αἱ βασιλείαι τῶν Τούρκων, οἱ ἐβασίλευσαν τῆς Κωνσταντινουπόλεως*. лл. 97—98 написаны одним писцом, а л. 99, 99 об. — другим. На л. 97 об. на левом поле имеются также хронологические заметки, касающиеся ветхозаветных событий; заметки почти не читаются. л. 98 об. *Περὶ ὀφθαλμοπόνου*. Рецепт для лечения глазных болезней, текст читается с трудом. Тут же пробы пера, небольшая заставка, рисованная пером, и неразборчивая помета внизу, повернутая на 180° по отношению к остальному тексту.

л. 100—100 об. Заметки о стихосложении, отрывочные и неразборчивые.

Взятый для публикации текст греческой рукописи 744, лл. 97, 97 об., 98, 99 и 99 об. представляет собой хронику событий, относящихся к периоду завоеваний турками Византии и Балканского полуострова.

Соответствующую последовательность повествования предопределяет заголовок, после которого идет уже непосредственное изложение: „Цари турок, которые правили Константинополем“. Время действия турок в Византии и на Балканах относится к 1450—1537 гг. (см. греческий текст и перевод), что, однако, не исключает в отдельных случаях указания более ранних дат.

Текст нашей рукописи может быть сопоставлен с текстами других рукописей, отражающих те же события. Для сравнения были использованы рукописи, изданные в книге: Σπ. Λάμπρος. *Βραχέα χρονικά*. Εκδ. ἐπιμελεία Κωνστ. Ἰ. Ἀμάντου, ἐν Ἀθήναις, 1932 (*Ἀκαδημία Ἀθηνῶν. Μνημεῖα τῆς Ἑλληνικῆς Ἱστορίας*, I), а именно:

Cod. 1248 Suppl. grec. Παρισίων, σελ. 84—86 ⁶	
Cod. 240 μονῆς Λειμῶνος (Ἐρολόγιον), σελ. 44—45	
Cod. Lincoln Gr. 10	σελ. 5—6
Cod. Ἀθηνῶν 701	σελ. 59—60
Cod. Πολλάνη 41	σελ. 75—76
Cod. 298 τῆς μονῆς τῶν Ἰβήρων	σελ. 10—11

Привлечение и сопоставление греч. 744 с хрониками, изданными С. Ламбросом, показывает, что наиболее близок к нашему тексту кодекс

⁵ Данный текст не совпадает с текстом *Ἐτέρα ἐνθύμησις περὶ τῶν τεσσάρων ποταμῶν* греческой рукописи 252 ГПБ, за которым в ней следует текст „Подорожных“ (см.: Н. В. Пигулевская. *Византия на путях в Индию*. М.—Л., 1951, стр. 408—410).

⁶ Ссылки на использованные рукописи даны по изданию Ламброса.

1248, имеющий лишь незначительные отклонения. В отдельных своих частях текст совпадает с рядом других рукописей. Так, л. 97, строки 1—7 (включительно) имеют ркп. 1248, 240, 10; строки 8—19—1248, 240, 10, 701; л. 97 об.—ркп. 1248, 240 и 10; л. 98—ркп. 1248, 240; лл. 99 и 99 об.—ркп. 1248, 41, 298. Все разночтения отмечены в аппарате.

Лист 97

1 Αἰ βασιλεῖαι τῶν Τουρκῶν, οἱ ἐβασίλευσαν τῆς Κωνσταντινουπόλεως || ἔτους ζωκά.
ἐπέρασαν οἱ Ἀγαρηνοὶ ἀπὸ τῆν Ἀνατολὴν εἰς τῆν Δύσιν. || Πρῶτ(ος) ὁ Ἀστουμάνογλης,
5 καὶ αὐθέντεψε χρόν(ους) εἰκοσι καὶ ἕνα. || Δεύτερος μετὰ τοῦτον ὁ Ὀρχάνης· χρόν(ους)
τεσσαράκοντα. || Ὁ καλῆ Χμικιάρης χρόν(ους) λ'. Σιλτρηϊμ Μπαγιαζίτ χρόν(ους)
ιδ'. || Μουσῆ Τζελεπῆς χρόν(ους) γ'. Μουράτ Μπεις χρόν(ους) λά. || Ἐνταῦθ(α) οἱ τῆς
πόλε(ως) ὁ Μεχμετ Μπεις, ὅς καὶ τῆν Κωνσταντι(νούπολιν) ἔπεισεν, γρον(ους)
λά. || Ἐν δὲ τῷ εἰνῷ ὀδοῦ ἔτει ἐπῆγεν εἰς τὸν Καραμάνον. || Ἐν δὲ τῷ εἰνθ'
10 ἐπῆγεν εἰς τὸ στενὸν τῆς πόλεως καὶ ἔκτισε τὸ νεόκαστρον. || Ἐν δὲ τῷ εἰξά ἐπῆρε
τῆν Κωνσταντινούπο(λιν) μαίω κθ'. || Ἐν δὲ τῷ εἰξβ' ἐπῆγε τὸν χειμῶν(α) εἰς τῆν
Αἶνον καὶ τὸ καλοκαίρι || εἰς τ(ὴν) Σεμέντροι(αν). Ἐν δὲ τῷ εἰξγ' ἐπῆγεν εἰς τὸ
Πελε || γράδι καὶ οὐκ ἐπῆρεν αὐτό. Ἐν δὲ τῷ εἰξδ' ἐπῆρε τὸν Μορέ(αν). || Ἐν δὲ τῷ
15 εἰξέ ἐπῆγεν εἰς τὸ Γιάτζη καὶ οὐκ ἐπῆρεν αὐτό. || Ἐν δὲ τῷ εἰξε' ἐπῆγε δεύτερ(ον)
εἰς τὸν Μοραί(αν) καὶ ἠφάνισ(εν) αὐτόν. || Ἐν δὲ τῷ εἰξζ' ἐπῆγε πάλ(ιν) εἰς τὸ Γιάτζη
καὶ οὐκ ἐπῆρεν αὐτό. || Ἐν δὲ τῷ εἰξη' ἐπῆρε τῆν Ἀμαστρον καὶ τὸ Σινωπί. || Ἐν
19 δὲ τῷ εἰξθ' ἐπῆγεν εἰς τὸν Ὀζοῦν Χασάνη καὶ ὅταν ἐ || στράφει ἐπῆρε τῆν
Τραπεζοῦντα ||

- 1 Ἱστορία τῶν κρατούντων τῆν Κωνσταντινούπολιν (10).
2—3 Εἰς ἔτη (240); ζωιά (1248, 240); ἐπέρασεν (240); οἱ Ἀγαρηνοὶ *отсут.* в ркп. 240; ἀπ' Ἀνατολῆς (1248); Ἀνατολὴν ὁ Ἀτουμάνουγλης (240); εἰς τῆν Δύσιν καὶ ἐξῆρεν χρόνους κά (240); αὐθέντεψε χρόνους κά (1248).
4 β' μετὰ τοῦτον ὁ Ὀρχάνης μ' (1248); Καὶ μετ' αὐτόν Ὀρχανης ἔτη μῆ (240).
5 γ' ὁ Καλῆχμικιάρης λ' (1248); Καλῆ Χαντιζιάρης λ' (240); δ' Σιλτρηϊμ ἔτη ιδ' (1248); Γιλτρηϊμ Παγιαζῆτης ιδ' (240).
2—5 В ркп. 10: Πρῶτον ὁ αὐθέντης ὅπου ἀπέρασεν εἰς τῆν Δύσιν ἦτον ὁ Ἀτουμάνουγλης καὶ αὐθέντεψε χρόνους κά, μετὰ δὲ τοῦτον αὐθέντεψεν ὁ Ἀρχάνης χρόνους μ'. Μετὰ τοῦτον ὁ καλῆ Ἀμουράτης χρόνους λ'. Μετὰ τοῦτον ὁ Ἰλιτζῆ Μπαγιαζίτης χρόνους ιδ'. Μετὰ τοῦτον ὁ Μουσήτζεπης χρόνους ἦ. Μετὰ τοῦτον ὁ κελεπῆς Μηρσουλειμάνης χρόνους γ'.
6 Μετὰ τοῦτον ὁ σουλτάν Ἀμουράτμπεης χρόνους λά (10); ἔ Μουσῆ τζελεπῆς γ' (1248); Μουσι κελεπῆς ἔτη ἦ, Σουλτάν τζελεπῆς ιδ' (240); ζ Μουράτμπεης λά (1248); Μουράτμπεῖς λά (240).
7 Μετὰ τοῦτον ὁ σουλτάν Μεμετμπεῖς χρόνους λά. Ἐν ἔτει εἰς μὴν Μαίω ἔγινεν ὁ σουλτάν Σελῆμης αὐθέντης ζῶντος τοῦ πατρὸς αὐτοῦ σουλτάν Μπαγιαζίτη (10); Ἐντεῦθεν (1248); ὁ Μεχμετμπεῖς (1248); К. παρέλαβεν ἔτη λέ (1248); в ркп. 240 строка 7 начинается со слов: Меχмеѣтпейс, ὅς ἐπῆρεν τῆν Πόλιν ἔτη λά Μπαγιαζῆτης ὁ υἱὸς αὐτοῦ λά. Ζῶντος αὐτοῦ ἐράττηεν τῆν βασιλείαν ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ Σελῆμης ἔτη ἦ. Καὶ μετὰ ἡμέρας κ', ὅπου ἐπῆρεν τῆν βασιλείαν, ἀπέθνηεν ὁ πατὴρ αὐτοῦ Ἰουίω ιε'. Ἐπῆρεν τῆν Βέρροϊαν ὁ σουλτάν Ἀγουμάτμπεῖς εἰς ἔτος ζωσέ (срв. строки 10—11 л. 98 в ркп. 744). Ἐπῆρεν τῆν Θεσσαλονικὴν ὁ Μουράτμπεῖς εἰξη'.
8 В ркп. 701 перед упоминанием взятия Карамана идет строка: Τὰ σεφέρια ὅπου ἔκαμεν ὁ σουλτάν Μεμετῆς; в ркп. 10: Τὰ σεφέρια ἀπερ ἔκαμεν ὁ σουλτάν Μεμετῆς; ἐν δὲ τῷ εἰνθ' ἐπῆγεν (1248); Ἐπῆγεν ὁ Μεχμετμπεῖς εἰς τῆν Καραμανίαν, εἰνθ' (240); Ἐτους εἰνθ' ἔκαμεν σεφέρι εἰς τῆν Καραμανίαν (701); Αὐθέντεψε χρόνους κ'. Ἐκαμεν σεφέρι εἰς τῆν Καραμανίαν ἐν ἔτει εἰνθ' (10).
9 Ἐπῆγεν. . . τὸ Ν. εἰς εἰνθ' (240); καὶ εἰς τὸ εἰνθού' (10); Ἐτους εἰνθ' (701); ὕπῆγεν (1248, 701); τῆς Πόλης (701); τὰ Νεόκαστρα (701).
10 Καὶ εἰς τοὺς εἰξά (10); Μαίου (10); εἰξά Μαίου κθ' ἐπῆρε τὸν К. (1248); Ἐπῆρεν τῆν Πόλιν εἰς εἰξά μὴν Μαίω κθ' (240). В ркп. 701 строка отсутствует.
11 Καὶ εἰς τοὺς εἰξβ' (10); Ἐτους εἰξβ' ὕπῆγεν (701); τῆν Ναιῖο (701); Ἐπῆρεν τὸ αὐτὸν ἔτος εἰς τῆν Α. τὸν χειμῶνα (240); Α. τὸ δε καλοκαίρι (10).
12 Εἰς τοὺς εἰξγ' ἐπῆγε (10); Σ. εἰξβ' (240); ὕπῆγεν (1248); Βελιγράδι (1248); Ἐπῆρεν εἰς τὸ Ἀμπελογράδι (240, 10); в ркп. 701 строка отсутствует.
13 οὐκ ἔλαβεν αὐτό (10); καὶ ἐπῆρεν τὸ εἰξγ' (240); καὶ εἰς τοὺς εἰξδ' ἐπῆρε (10); Ἐτους εἰξδ' ἐπῆρεν (701); Ἐπῆρεν τὸν Μορέαν εἰξδ' (240); Μ. καὶ τῆν Ἀθῆνα (10).
14 Ἐπῆρεν εἰς τὸ Γιαντζῆ (240); Εἰς τοὺς εἰξε' ἐπῆγε εἰς τὸ Ἀγ. . (10); καὶ δὲν τὸ ἐπῆρεν (240, 10); εἰξέ (240).

- 15 ρξς' ἐπήγει β (1248); 'Ἐπήγειν δευτερον (240); Καὶ εἰς τοὺς ρξς' ἐπήγειν (10); καὶ ἐχάλασεν τὸν ρξς' (240); καὶ τὸν ἀπάνισεν (10).
 16 Πάλιν ἐπήγειν εἰς τὸ Γιάντζη (240); Εἰς τοὺς ρξς' (10); Εἰς τὸ 'Αγ. . . (;) (10); καὶ δὲν τὸ ἐπήγειν εἰς ἔτος ρωξς' (240); οὐκ ἔλαβεν (10); Ркп. 701 строк 14—16 не имеет.
 16a В ркп. 10: Καὶ τὸ αὐτὸ ἔτος ἐπήγει τὴν Θεσσαλονικὴν ὁ σουλτάν 'Αμουράτζης.
 17 'Ἐτους ρξξή ἐπήγειν τὴν 'Αμάστρον (701); εἰς τοὺς ρξξή (10); 'Ἐπήγειν εἰς τὴν 'Αμαστριν (1248); 'Ἐπήγειν τὴν Α. καὶ τὸ Σινώπι ρξξή (240).
 18 'Ἐτους ρξξθ' (701); εἰς τοὺς ρξξθ' (10); ὑπήγειν εἰς τὸν Ζοῦν Χασάνι καὶ (701); 'Ἐπήγειν εἰς τὸν Ο. Χασάνην, καὶ (240); Οὐζουν Χ. (10); Χ. καὶ ἐπιστρέψας ἔλαβε (1248); καὶ отсуствует в ркп. 10.
 19 εἰς τὸ γόρισμα ἐπήγειν (701, 10); τὸν Τραπεζόντα (701); τὸν Τραπεζόνταν (10); ὅταν ἐγόρισεν ἐπήγειν τὴν Τ. ρξξθ' (240).

Лист 97 об.

- 1 'Ἐν δὲ τῷ ρξθ' ἐπήγειν εἰς τὴν Βλαχί(αν) εἰς τ(ὸν) 'Ράβουλα βοεβόδ(α). || Τὸν αὐτὸν χρόνον ἐπήγει τὴν Μιτυλήν(ην). 'Ἐν δὲ τῷ ρξθ' || ἐπήγειν εἰς τὴν Πόσθνα καὶ ἔλαβεν αὐτήν. 'Ἐν δὲ τῷ ρξθβ' || ἐπήγειν τὴν 'Αλβανιτσι(αν). 'Ἐν δὲ τῷ ρξθβ' ἐπήγειν εἰς τ(ὸν)
 5 Καραμάν(ην). || 'Ἐν δὲ τῷ ρξθή ἐπήγειν τὴν Εὐριπον. 'Ἐν δὲ τῷ ρξθβ' ἔτει || ἐπήγειν εἰς τὴν 'Οζοῦν Χασάνη. 'Ἐν δὲ τῷ ρ[ξ]πγ' ἐπήγειν τὸν Καφᾶν. || 'Ἐν δὲ τῷ ρξθβ' ἐπήγειν εἰς τὴν Μπογδανί(αν) καὶ ἐπήγειν τὰ κά || στρη ὅπου ἔκτισαν οἱ Οὐγκροί. 'Ἐν δὲ τῷ ρ[ξ]πς' ἐπήγειν || εἰς τὸν Σκουτ(ά)ρ(ι) καὶ δὲν τὸν ἐπήρ(εν). 'Ἰσπερον δὲ
 10 ἐπροσκήνησε(ν). || 'Ἐν δὲ τῷ ρξθβ' ἀπέθαν(εν) ὁ αὐτὸς μαίω εἰς τὰς γ'. || Τὸ αὐτὸ ἔτος ἔγινεν αὐθέντης ὁ υἱὸς αὐτοῦ Μπαγιαζίτης. || 'Ἐν δὲ τῷ ρξθβ' ἔτει ἐπήγειν εἰς τὴν Μπογδανί(αν) καὶ ἐπήγειν || τὰ Κελλία ἰουλλίω ἰδ'. Τὸ αὐτὸ ἔτος εἰς τὰς
 15 τέσσαρας τοῦ || αὐγούστου ἐπήγειν τὸ 'Ασπρόκαστρον. 'Ἐν τῷ ζ' εἰς τὰς ζ' || τοῦ αὐγούστου ἐπήγειν τὸν Ναύπακτον. Τὸ αὐτὸ ἔτος ἐπήγειν || καὶ τὴν Μεσών(ην) καὶ τ(ὴν) Κωρών(ην) ἐν μηνὶ αὐγούστῳ. 'Ἐν δὲ τῷ ριθ' || ἐν μηνὶ ἰουλλί(ω) ἦλθεν ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ Σελήμ
 18 καὶ ἐπολέ || μῆσε μ(ε)τ(ά) τοῦ π(ατ)ρ(ός) αὐτοῦ, καὶ ἔγιν(εν) αἱματοχυσία πολλ(ά) καὶ ταραχ(ή).

Лист 97 об.

- 1 Εἰς τοὺς ρξθ (10); εἰς τὴν Βοεβόδαν (1248); ἐπήγειν εἰς τὸν Λύγουλι βοηβόνα (10); 'Ἐπήγειν. . . εἰς τὸ Ράντουλα βοίβοδα εἰς ἔτος ρξθ (240).
 2 Καὶ τὸ αὐτὸ ἐπήγειν τὴν Μ. Εἰς τοὺς ρξθ' (10); καὶ εἰς ἔτος ρξθ' ἐπήγειν τὴν Μιτυλήνην Σεπτεβρίου ἰδ' (240); ρξθβ' (1248).
 3—4 ἐπήγειν εἰς τὴν Μπόζιαν καὶ ἐπήγειν τὴν. Εἰς τοὺς ρξθβ' (10); Πόσαν (1248); 'Ἐν δὲ τῷ ρξθβ' ἐπήγειν τὴν 'Αλβανιτσιαν отсуствует в ркп. 1248; καὶ εἰς τὸν αὐτὸν ἔτος ἐπήγειν τὴν Πόσθναν. 'Ἐπήγειν εἰς τὴν 'Αλβανιτσιαν ρξθβ'. 'Ἐπήγειν εἰς τὸν Καραμάνην ρξθβ' (240); ἐπήγειν εἰς τὴν 'Αρβανιτσιαν, εἰς τοὺς ρξθγ' ἐπήγειν εἰς τὴν Καραμανίαν (10).
 5 ἐν δὲ (дважды) и ἔτει отсуствуют в ркп. 1248; Καὶ εἰς τὸ ρξθή ἐπήγειν. . . εἰς ρξθβ' ἐπήγειν (240); Καὶ εἰς τοὺς ρξθς' ἐπήγειν τὴν Εὐριπον. 'Ιουλίω ἰε. Εἰς τοὺς ρξθβ' (10).
 6 εἰς τὸν 'Οζ. (1248, 240, 10); Χασάνην (240); ἐν δὲ отсуствует в ркп. 1248; 'Ἐπήγειν τὸν Κ. ρξπγ' (240); Εἰς τοὺς ρξπγ' (10); в ркп. 744 ошибка в дате: ρπγ' вм. ρξπγ'.
 7—8 Εἰς τοὺς ρξθβ' (10); ἐν δὲ (дважды) отсуствует в ркп. 1248; ὑπήγειν (1248); 'Ἐπήγειν εἰς τὴν Μ. (240); τὸν Μπούγδανον (10); ἐπήγειν. . . οἱ Οὐγγροί ρξθβ' (240); τὰ κάστρη а (1248, 240); τὰ κάστρα (10).
 9 εἰς τοὺς ρξπς' (10); ἐν δὲ отсуствует в ркп. 1248; 'Ἐπήγειν εἰς τὸ Σκουτᾶρι (240); τὸ Σκουτᾶρι (10); Σκόντραν (1248); δὲν τὸ (240, 10); ὕσ. ἐπροσκήνησεν ρξπγ' (240); ὕσ. ἐπροσκήνησεν (10); в ркп. 744 ошибка в дате: ρπς' вм. ρξπς'.
 10—11 ἐν δὲ отсуствует в ркп. 1248; ἀπέθανεν αὐτὸς τὰς γ' Μαίω (1248); ἐγένετο (1248); Εἰς τοὺς ρξπγ' Μαίω γ' ἀπέθανεν ὁ σουλτάν Μεεμέτς καὶ τὸ αὐτὸ ἔτος ἐβασίλευσεν ὁ σουλτάν Μπαγιαζίτης (10); 'Ἐστάθη αὐθέντης ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ Παγιαζίτης ρξθβ' οἶον (;) πρῶτον ἀπέθανεν ὁ πατήρ αὐτοῦ Μεχεμέτς, ὅπου ἐπήγειν τὴν Πόλιω, Μαίω γ', καὶ μετ' ἐκείνον ἐκάθισεν ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ Παγιαζίτης εἰς τὸ σακμίν ρξθβ' 'Ιουλίω ἰδ' (240).
 11a Τὰ σεφέриа ἄπερ ἔκαμεν ὁ αὐτὸς αὐθέντης (10).
 12 ἐν δὲ и ἔτει отсуствует в ркп. 1248; 'Ἐπήγειν εἰς τὴν Μ. καὶ ἐπήγειν (240); 'Ἐν ἔτει ρξθβ' 'Ιουλίω ἰδ' ἐπήγειν εἰς τὸν Μπούγδανον (10).
 13—14 τὰ Κ. ρξπβ' καὶ εἰς τὰς ρς' τοῦ αὐτοῦ ἐπήγειν τὸ 'Ασπρόκαστρο (240); 'Ιουλίω (1248); τὸ Κελλί. Α. εἰς τὰς β' τοῦ αὐτοῦ ἐπήγειν τὸ Α. Εἰς τοὺς ζς (10); Τῷ αὐτῷ ἔτει δ' Αὐγούστου (1248); Α. τῷ ζ. ἔτει τὴν ζ Αὐγούστου (1248).
 15 Α. 'Ἐπήγειν τὴν Ναύπακτον Αὐγούστῳ ἰε εἰς ἔτος ζς (240); 'Ἐπήγειν τὸν 'Ἐπακτον. Εἰς τοὺς ζη ἐπήγειν τὴν Μοσοκωρώνην καὶ τὸν 'Αναβαρίνον (10).

- 16 Τῷ αὐτῷ ἔτει τὴν Μ. καὶ Κορώνην ἐν μηνί Αὐγούστου. Τῷ ζιθ' ἐν μηνί (1248); 'Ἐπῆρην τὴν Μοδώνην καὶ τὴν Κορώνην ζη (240).
 17 καὶ εἰς τὰς ιθ' τοῦ 'Ιουλίου (240); 'Ιουλίου (1248); ὁ Σελήμης (240).
 18 μὲ τὸν πατέραν του. καὶ ἐσκοτώθη πολὺν φουσατόν καὶ ἐγένινεν μεγάλη παραγῆ εἰς ἔτος ζιθ' (240); κατὰ τοῦ πατρὸς (1248); ἐγένετο πολλή παραγῆ καὶ αἱματοχυσία (1248).

Лист 98

- 1 'Ἐν ἔτει ζκβ' μηνί ἀπριλλ(ίω) ἐπῆρε τ(ήν) αἰθεντί(αν) ὁ υἱὸς αὐτοῦ Σε || λήμ ζων(ος) τοῦ π(ατ)ρ(ὸ)ς αὐτοῦ. Καὶ εἰς κ' ἡμέρ(ας) ἀπέθαν(εν) ὁ π(ατ)ήρ αὐτοῦ. Αὐ || δέντευσε γοῦν χρόν(ους) λά. 'Ἐν ἔτει ζκβ' ἐπῆγγεν ὁ σουλτάν || Σελήμ εἰς τὸν
 5 Σοφῆν καὶ ἐδίωξεν αὐτὸν καὶ τὸν ἀνεψίον τ(οῦ) || τὸν σουλτάν Μουράτ. Τὸ αὐτὸ ἔτος ἐπῆγγεν εἰς τὸ Ταυρίζι || καὶ ἔχασε πολλὸν φουσατό. Καὶ εἰς τὸν β' χρόν(ον) ἐπῆρε τὸν Кеа || μαλ καὶ ἐσκοτώσε τὸν 'Αλατογλά. 'Ἐν τῷ ζκδ' ἔτει ἐπῆγγεν || εἰς τὸ Μησοῦρι καὶ ἐπῆρε τὸν τόπον καὶ ἔκοψε τὸν σουλτάνον. || 'Ἐκαμε γοῦν εἰς τὴν αἰθεντί(αν)
 10 χρόν(ους) ἧ καὶ ἀπέθανε. 'Ἐν τῷ ζωζέ || ἔτει μηνί μαίω εἰς τὰς ἧ ἐπῆρε τὴν
 12 Βερροί(αν) ὁ σουλτάν || 'Αχουμάτης. 'Ἐτει ἀπὸ κτίσεως κόσμου, εωλη' ἔκτισε(εν) || ὁ μέγας Κωνσταντίν(ος) τὴν πόλ(ιν).

Лист 98

- 1 Τῷ ζκβ' (1248); 'Απριλ(ίου) (1248); начало в ркп. 240: 'Ἐστάθη αἰθέντης ὁ Σελήμης (240); Σελήμ отцутсгвует в ркп. 1248.
 2—3 ζῶντος καὶ εἰς κ' ἡμέρας (1248); ὁ πατήρ ἀπέθανεν αἰθεντεύσας ἔτη λά (1248); ζ. π. αὐτοῦ 'Απριλι κγ', ζκ' καὶ μετὰ ἡμέρας ὀλίγας ἀπέθανεν ὁ πατέρας του. 'Ἐπῆγγεν ὁ Σελήμης (240); Τῷ ζκβ' (1248); в ркп. 744 неверно написано султана в м. султана.
 4 εἰς τὴν Σοφῆν (240).
 4 'Αμουράτ ζκβ'. Τὸν αὐτὸν χρόνον ἐπῆγγεν (240); Τῷ αὐτῷ ἔτει (1248); εἰς Ταβρίζιν (240).
 6—7 καὶ ἐσκοτώθη τὸ φουσατό του (240); πολλὸν στρατόν (1248); καὶ εἰς τὸν δευτερον χρόνον ἐπῆρην τὸ μὲ τὸ σπαθίν καὶ ἐσκοτώσεν τὸν 'Αλότογλα. 'Ἐπῆγγεν (240); β' χρόνον (1248); Кеамήλ (1248); Τῷ δὲ ζκδ' (1248).
 8 Μασήρα (1248); ἐπῆρην καὶ τὸν τόπον ὅλον καὶ ἔκοψε καὶ τὸν σουλτάνι ζκδ' (240); в ркп. 240 даде следуют строки: 'Απέθανεν ὁ Σελήμης καὶ ἐστάθη ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ Σουλεϊμάνης εἰς τὸ σακμίν ζκδ'. 'Ἐπῆρην ὁ Σουλεϊμάνης τὸ 'Αμπελογράδι ζλ. 'Ἐπῆρην τὴν 'Ρόδον, ζλά. 'Ἐπῆρην εἰς τοὺς Οὔγγρους, ζλέ.
 9 ἐκ τῆ αἰθεντία ἔτη ἧ (1248); Τῷ εωζέ (!) μηνί (1248).
 10 'Ἐπῆρην τὴν Βέρροιν ὁ σουλτάν 'Αχουμάτης εἰς ἔτος ζωζέ' — эта строка в ркп. 240 поставлена на сел. 44.
 11 'Αχ. τῷ ζωζή (1248).
 Ркп. 10 дает следующее чтение текста л. 98: 'Ἐν ἔτει ζκ ἐγένινεν ὁ σουλτάν Σελήμης αἰθέντης ζῶντος τοῦ πατρὸς αὐτοῦ σουλτάν Μπαγιαζίτη. Εἰς τοὺς ζκβ' ἐπολέμησεν ὁ σουλτάν Σελήμης τὸν Σοφί' καὶ ἐπῆρην ἀπὸ τὸν τόπον του. Τὸ αὐτὸ ἔτος μηνί Νοεμβρίω ἐπολέμησε μετὰ τοῦ 'Ανατοβλά καὶ ἐπῆρε τοῦ ἑνα κάστρο, τὸ Κιαμάχ. Εἰς τοὺς ζκδ' ἐπῆγγε εἰς τὸ Μισοῦρι καὶ ἐπῆρε το. 'Ἐν ἔτει ζκδ' ἀπέθανεν ὁ σουλτάν Σελήμης καὶ ἐγένινεν αἰθέντης ὁ σουλτάν Σουλεϊμάνης.

Лист 99

- 1 'Ἐτους αφιη' — οὐ μηνί ἰαννουαρ(ίω) στρατεύει κ(α)τ(ά) τῆς Μέμφης || εἰς Αἴγυπτον, ἦντινα καὶ δούλωσ(εν) ἐκράτησ(εν) ἔτος τὸ ἄνω || γεγραμμ(έν)ον, ἐξολόθρευσ(εν) τοὺς ὠμοτ(ά)τ(ους) μαμαλούκουσ || καὶ οὐ πολὺ τὸ ἐν μέσῳ θνήσκει καταλειπὼν τὴν
 5 αὐτοκράτο || ρί(αν) τῷ υἱῷ αὐτοῦ Σουλημάν. Διαδέχεται(ι) γοῦν οὐ || τος τῶν σκήπτρων ὁ Σουλεριάν. Αφκ' εὐδύς || στρατεύει κ(α)τ(ά) τῶν 'Ογκρῶν εἰς τὸ Μπελεγράδι ἐν μηνί || σεπτεβρίω. 'Ἄσπερ καὶ ἀλώθη ἔτους αφκ'. Τὸν ἐπιόντα || δὲ χρόν(ον) αφκβ' ἀπὸ Χ(ριστο)ῦ ἐποίησ(ε) στρατὸν χιλιάδ(ας) σ' || διὰ ζηρᾶς καὶ διὰ θαλάσσο(ς) τριῆρεις σὸ καὶ ἀπῆλθεν || εἰς τ(ὸν) 'Ρόδον τὸν ἰούλλ(ιον) μῆνα καὶ ἐπολέμει αὐτὴν ὡς || τὸν δεκεβρίον. Καὶ τῆ κέ-η τοῦ αὐτοῦ μηνὸς ἔπα || ραδούθ(η) ἢ αὐτῆ ἀθλία 'Ρόδος εἰς τὰς χεῖρας αὐτοῦ. 'Ἐδωκ(εν) || αὐτοῖς ἀδει(αν) καὶ ἐξέσει ὅστις ᾔθελεν ἐκ τῶν
 15 ρόδιτων. || Εἶτα ἐπῆρε τὴν Καλλιούπ(ο)λλ(ιν), ἔπειτα τὴν 'Ανδριανούπ(ο)λλ(ιν). || Εἶτα τὴν Θεσσαλονίκ(ην), εἶτα καὶ 'Αθῆναι ἐπαρὰδόθησαν. || 'Ἐτους εβξή ἦλθ(εν) εἰς τὸν
 18 Μιζιθράν καὶ παρα || δούθ(η) ὁ δεσπότης Δημητρί(ος).

Лист 99

- 1 Τῷ ἀφίῃ (1248); Ἔτει ἀπὸ Χριστοῦ ἀφίῃ (41); Ἔτους δὲ ἀφίῃ (298); Ἰανουαρίου (1248); Μέρμιος (1248).
- 2-3 δουλώσας (41, 298); ἦν καὶ ἐδοῦλωσεν, ἐξολοθρεύσας (1248); ἀναγεγραμμένον (298); ἐξολοθρεύσας (298, 41); μαμελοῦκος (1248); μαλαλοῦκος (41).
- 4 καὶ καταλιπὼν (298); κ. τὴν ἐξουσίαν (1248).
- 5-6 τοῦ υἱοῦ (41, 298); Σουλεημάνῃ (41, 298); Σουλεημάνῃ, ὅς καὶ διάδοχος γίνεται τῷ ἀφκ' καὶ στρατεῖε εὐθύς κατὰ (1248); διαδέχεται δε ὁ Σουλεημάνης τῶν ἀκήπτρων (41); οὗτος ὁ Σουλεημάνης τῶν σκ. (298); ἀφκ' μηνὶ Σεπτεμβρίῳ καὶ εὐθύς (41, 298).
- 7 Οὐγαρῶν (41, 298); Πελιγράδιον (41); Οὐγκρων τὸν Σεπτέμβριον εἰς τὸ Βελεγράδι καὶ παρέλαβε τῷ ἀφκ' (1248); Μπελιγράδιον (298); ὅπερ καὶ ἀλώθη (298, 41).
- 8-9 Ἔτους ἀπὸ Χριστοῦ ἀφκ' (41); ἀφκ' μηνὶ Αὐγούστῳ κ' τὸν ἐπίοντα χρόνον (298); Τὸ δ' ἐπίον ἔτος ἀφκβ' ἐποίησε (1248); ἐποίησεν ὁ σουλτάν Σουλεημάνης στρατὸν (41, 298).
- 10 καὶ θαλάσσης (1248); ἀπῆλθον (298).
- 11 τὴν Ῥοθον (1248, 298); ἀπὸ τὸν Ἰούλιον (41, 298); μῆναν (298); αὐτὴν ἕως (41); αὐτὴν ἄχρι Δεκεμβρίου (1248); αὐτὴν ἀπὸ τὸν Ἰούλιον μῆνα ἕως (298).
- 12 Δικέμβριον (41); Δεκέμβριον τῆ κε τοῦ αὐτοῦ Δεκεμβρίου μηνός (298); ἄ. Δικεμβρίου (41).
- 13-14 παρεδόθη αὐτῇ ἡ πόλις εἰς αὐτόν, ὅς ἐδοκεν ἄδειαν τοῦ μένειν ἡ ἀπιέναι τῷ θέλοντι (1248); ἔδωκεν δὲ ἄδειαν καὶ ἐξέβη ἐκ τούς Ῥοδίτας ὅστις ἤθελεν (41, 298).
- 15 Ἔτους ρωνδ' (41); ἔτει ρωνδ' δ' (298); ἀπὸ δὲ Χριστοῦ ἀτνδ' ἐπέρασαν οἱ Τοῦρκοι εἰς τὴν Δύσιν (41, 298); ἔτους ρωξ' ἐπῆραν τὴν Καλλιούπολιν (41); ἔτους ρωξ' ἐπῆρε τὴν Καλλιούπολιν, ἀπὸ δὲ Χριστοῦ ἀτξέ (298); ἔτους ρωζ' ἀπὸ δὲ Χριστοῦ (41, 298); ἀτξέ (41); ἀτξ' (298); ἐπῆρε τὴν Ἀνδριανούπολιν (41, 298); ἔλαβε τὴν Καλλιούπολιν εἶτα τὴν Ἀδριανούπολιν (1248).
- 16 εἶτα Θ. (1248); Ἔτους ρξξδ' ἀπὸ δὲ Χριστοῦ κδ Μαίῳ ἐπῆρε τὴν Θεσσαλονίκην (41); Ἔτους ρξξδ' Μαίῳ κδ ἐπῆραν τὴν Θ. (298); παρεδόθησαν (1248); Ἔτους ρξξδ' μηνὶ Ἰουνίῳ (41, 298); ἐπαρὰδόθη (41); ἐπαρεδόθη (298); εἰς χεῖρας τῶν Τουρκῶν ἡ πόλις τῶν Ἀθηνῶν (41, 298).
- 17 Τῷ ρξξή (1248); ρξξή ἀπὸ δὲ Χριστοῦ (41, 298); ἀνδ' ἦλθεν ὁ μέγας αὐθέντης (41); αὐξ' ἦλθεν ὁ αὐθέντης (298); Μυθηθρᾶν (!) (41); Μυζηθρᾶν (1248).
- 18 παρεδόθη (1248, 298); περεδόθη (41); κῦρ Δημήτριος (41, 298).
- 18a Ἔτους ρξθ (41); ρξ' (298); ἀπὸ δὲ Χριστοῦ αὐξβ' ἀλώθη (298, 41); ἡ Τραπεζοῦς (41); ἡ Τραπεζοῦνα (298).
- 18b Ἔτους ρξη' ἀπὸ δὲ Χριστοῦ αὐξέ ἐπαρέλαβεν ἡ αὐθεντία τῶν Βενετικῶν τὸ Ἀνάπλιον (41); Ἔτους ρωη' ἐπαρέλαβεν ἡ αὐθεντία τῶν Βενετικῶν τὸ Ἀνάπλι (298).

Лист 99 об.

- 1 Ἀπὸ Χ(ριστο)ῦ, ἀφλξ' ἐποίησε μάχ(ην) μετὰ τῶν Βενετικ(ων) || ὁ μέγ(ας) αὐθέντ(ης). Καὶ ἐγιν(εν) πάλ(ιν) ἀγάπ(η) καὶ συμφωνία. || Καὶ ἔδωκαν οἱ Βενετ(ι)κ(οι) τὸ Ναύπλ(ιον)
- 5 καὶ τὴν Μονεμβασί(αν). || Καὶ οὕτως ἐγένετο ἡ ἀγάπ(η). Καὶ τῷ αὐτῷ ἔτει ἡμέρ(α) || κ'-η ἐπαρέλαβ(εν) ὁ Κασιμπασί(αν) τὸ Ναύπλ(ιον) καὶ τὴν || Μονεμβασί(αν). Καὶ ὅσοι Ναυπλιοῖτ(αι) καὶ Μονεμ || βασιωτ(αι) ἀπῆλθον μ(ε)τ(ὰ) τῶν Βενετικων, οἱ || ἄλλοι δὲ ἔμειν(αν) ἐν τῇ πατρίδι αὐτῶν. Ἐλαβον || δὲ οἱ Βενετ(ι)κ(οι) καὶ τὰς σκευὰς
- 10 τῶν κάστρ(ων) καὶ τὰς κα || μπάν(ας) τῶν ἐκκλησιῶν, ὅτι οὕτως ἐ || συμφώνησαν, ὅταν ἐποίησαν τὴν ἀγάπ(ην).

Лист 99 об.

- 1 Ἐν δὲ τῷ ἀφλξ' (298, 41); Σεπτεμβρίῳ (298); Σεπτεμβρίῳ (41); Τῷ ἀφλξ' ἀπὸ Χριστοῦ ἐκίνησε μάχην (1248); Σ. ιδ' (41); Σ. ιδ' ἰνδ. ια' (298); μάχην ὁ μέγας αὐθέντης (41, 298).
- 2 Βενετικῶν καὶ ἐγινεν πάλιν ἀγάπη καὶ ἔδωκαν (1248); μετὰ τῶν καὶ ἐν τῷ ἀφμ' ἀπὸ Χριστοῦ ἐγένετο ἡ συμφωνία τῆς ἀγάπης (41); μετὰ τῶν Β. καὶ ἐν τῷ μ' ἔτει δηλονότι ἀπὸ Χριστοῦ ἐγένετο ἡ συμφωνία τῆς ἀγάπης (298).
- 3 ἔδωκεν (298); τὸ Ἀνάπλι (298); τὸ Ἀνάπλιον (41); οἱ Βενετοὶ τὸ Ναύπλιον (1248); Μονοβασίαν (41, 298).
- 4 Καὶ τῷ αὐτῷ ἔτει (1248); ἔτει τῷ ἀφμ' Νοεμβρίῳ κα' (41); ἔτει τῷ μ' μηνὶ Νοεμβρίῳ κά (298); ἡμέρα Κυριακῆ (1248, 41, 298).
- 5 παρέλαβεν ὁ Κασιμπασίας (1248); ἐπαρ. ἀπὸ τούς Βενετικούς (41, 298); τὸ Ἀνάπλιον (41); Ἀνάπλι (298); ὁ Κασιμπασίας (41); ὁ Κασιμπασός (298); Καὶ τῇ κδ τοῦ αὐτοῦ μηνός καὶ τῷ αὐτῷ ἔτει ἐπαρέλαβαν (41, 298).
- 6 Καὶ τὴν Μονεβασίαν (41); καὶ τὴν Μ. (1248); ἐπ. καὶ τῇ Μονεμβασίᾳ (298); ὅσοι ἤθελεν Ναυπλιοῖται (41, 298); Μονεβασιωτῶν (41); καὶ οἱ μὲν τῶν κατοικῶν συναπῆλθον τοῖς Βενετοῖς, παραλαβοῦσι καὶ τὰς καμπάνας τῶν ἐκκλησιῶν καὶ τὰ σκευῆ τῶν κάστρων κατὰ τὰς συνθήκας, οἱ δὲ ἔμεινον ἐν τῇ πατρίδι αὐτῶν (1248).
- 7-8 δὲ ἄλλοι δε (41); ἐν τῇ ἰδίᾳ πατρίδι (41, 298); ἔλαβαν (298).

Лист 97

(1) Правители турок, которые владели Константинополем.¹

В 1313 г. агаряне² перешли с Востока на Запад. Первый — Осман³ — и правил 21 год; второй после него Орхан⁴ — 40 лет; (5) Кази Хмикиар⁵ — 30 лет; Баязид Сылдырым⁶ — 14 лет; Муса Челеби⁷ — 3 года; Мурад-бей⁸ — 31 год. Здесь (правители) города: Мехмед-бей,⁹ который и Константинополь покорил, — 31 год. В 1450 г. он отправился в Караман;¹⁰ в 1451 г. отправился к проливу около Константинополя и построил (там) новую крепость; (10) в 1453 г. 29 мая он взял Константинополь; в 1454 г. отправился зимой в Энос,¹¹ а летом в Семендрию;¹² в 1455 г. в Белград¹³ и не взял его. В 1456 г. взял Морею;¹⁴ в 1457 г. отправился в Яйце¹⁵ и не взял его; в 1458 г. во второй раз отправился в Морею и разрушил ее; в 1459 г. вновь отправился в Яйце и не взял его; в 1460 г. взял Амастру¹⁶ и Синоп;¹⁷ в 1461 г. отправился к Узун-Хассану¹⁸ и, когда возвращался, взял Трапезунд.¹⁹

Лист 97 об.

(1) В 1462 г. отправился во Влахию²⁰ к воеводе Радулю;²¹ в это время овладел Митиленой;²² в 1463 г. отправился в Босну²³ и взял ее, в 1464 г. взял Албанию;²⁴ в 1465 г. отправился в Караман; (5) в 1470 г. взял Еврип;²⁵ в 1474 г. отправился в Богданию к Узун-Хассану; в 1475 г. взял Кафу;²⁶ в 1476 г. отправился в Богданию²⁷ и взял крепости, которые построили венгры; в 1478 г. отправился в Скутари²⁸ и не взял его. Позднее (город) подчинился (ему). (10) В 1481 г. 3 мая умер этот (Мехмед). В этот год стал правителем его сын Баязид.²⁹ В 1484 г. отправился в Богданию и взял Келли³⁰ 14 июля; в этот год 14 (15) августа взял Аспрокастрон;³¹ в 1492 г. 7 августа взял Навпакт;³² в этот год взял Метони³³ и Корони³⁴ в августе; в 1511 г. в июле пришел его сын Селим³⁵ и воевал против отца своего, и произошли большое кровопролитие и беспорядки.

Лист 98

(1) В апреле 1514 г. взял власть его сын Селим, в то время как отец его был (еще) жив, а через 20 дней отец его умер; правил 31 год. В 1514 г. отправился Султан Селим к Софи³⁶ и преследовал его и его племянника (5) султана Мурада.³⁷ В этот год отправился в Тебриз³⁸ и потерял большое войско. И во второй год взял Кемаля³⁹ и убил Алатогла.⁴⁰ В 1516 г. отправился в Мисирю⁴¹ и овладел местностью и убил султана. Прощарствовал 8 лет и умер. В 1387 г. (10) 8 мая взял Веррию⁴² султан Ахмет.⁴³ В год 330-й от сотворения мира построил великий Константин⁴⁴ город.

Лист 99

(1) В январе 1518 г. он (Селим) идет в поход против Мемфиса в Египте,⁴⁵ который и поработил; он пробыл год в вышеуказанном (месте), истребил очень жестоких мамлюков и незадолго до середины года умирает, оставляя империю (5) своему сыну Сулейману.⁴⁶ Итак, наследует этот скипетр Сулейман. Тотчас в 1520 г. отправляется в поход против венгров в Белград в сентябре, который (Белград) и

был взят в 1521 г. На следующий год — 1522 от Христа — собрал войско в 200 тысяч (10) на суше и 270 триер на море, отправился в июле на Родос⁴⁷ и сражался за него до декабря. И 20-го числа этого месяца этот несчастный Родос сдался в его руки. Дал им разрешение (Сулейман), и тот, кто пожелал из родосцев, ушел (15). Затем он взял Галлиполи,⁴⁸ после Адрианополь,⁴⁹ Фессалоники,⁵⁰ затем сдались Афины.⁵¹ В 1460 г. пришел в Мизитру⁵² и сдался (ему) деспот Димитрий.⁵³

Лист 99 об.

(1) В 1537 г. от Христа сразился с венецианцами великий самодержец (Сулейман), и вновь настали мир и согласие; и отдали венецианцы Навплию⁵⁴ и Монеувасию,⁵⁵ и, таким образом, наступило согласие; и в этот год, в день (5) 20-й, овладел Касим-паша⁵⁶ Навплией и Монеувасией, и одни навплиоты и монеувасийцы ушли вместе с венецианцами, другие же остались в своем отечестве; взяли венецианцы и имущество крепостей, и (10) колокола церквей, о чем договорились. Тогда заключили соглашение о мире.

Примечания

¹ Рукописи 240 и 41 заголовка не имеют. Заголовок ркп. 1248 совпадает с греч. 744; в ркп. 10 читаем: „История владевших Константинополем“ с подзаголовком: „Походы, которые совершал султан Мехмед“; ркп. 701 — „О турецких правителях, в какое время брали нижеперечисленные крепости“ и подзаголовок: „Походы, которые совершал султан Мехмед“; ркп. 298 — „Об агарянах, что и в какой год они взяли царствующую из городов и другие крепости“. ² Агаряне-турки. Имеются в виду турки-османы, получившие это наименование по имени султана Османа, основателя Османской (Оттоманской) империи. В других хрониках они названы измаитиянами (Cod. 190, 227), мусульманами (Cod. 938). ³ Осман — турецкий султан, годы правления 1281—1324 (или 1326). ⁴ Орхан — турецкий султан, 1324 (или 1326)—1359. ⁵ Казим Хмикиар — турецкий султан Мурад I, по прозвищу Худавендигяр, 1359—1389. ⁶ Баязид I — турецкий султан, по прозвищу Йылдырым, или Сылдырым („Молния“), 1389—1402. ⁷ Муса Челеби — турецкий султан, 1410—1413. ⁸ Мурад-бей — турецкий султан Мурад II, 1421—1451. ⁹ Мехмед-бей II — турецкий султан, 1451—1481. ¹⁰ Караман, или Карамания, — область в Малой Азии. ¹¹ Энос — ныне г. Энез в Турции. ¹² Семендрия — ныне г. Смедерево в Югославии. ¹³ Белград — столица Югославии. ¹⁴ Морея — средневековое наименование полуострова Пелопоннес. ¹⁵ Яйце — город в Боснии. ¹⁶ Амастрида, Амастрида — город на южном берегу Черного моря. ¹⁷ Синоп — гора в Турции. ¹⁸ Озун (Узун)-Хассан — турецкий султан из фамилии Ак-Коюнлу, 1453—1488. См.: G. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. II. 2 Aufl., Berlin, 1958, S. 228. ¹⁹ Трапезунд — город в Турции, ныне г. Трабзон. ²⁰ Влахия, или Валахия, — историческое наименование территории на юге Румынии. ²¹ Радуль III — валахский воевода. ²² Митилена — город и порт в Греции, на о. Лесбос. ²³ Πόδινα, — видимо, Босна — область в Турции. См.: В. А. Гордлевский, Избранные сочинения, т. III, М., 1962, стр. 233. ²⁴ Ἀλβανία — Албания, Албания. ²⁵ Еврип — пролив у берегов Греции. ²⁶ Кафа — город на юго-восточном берегу Крымского полуострова, ныне г. Феодосия. ²⁷ Богдания — Молдавия. ²⁸ Скутари — город в Греции. ²⁹ Баязид II — турецкий султан, 1481—1512. ³⁰ Кели — селение в Греции, у границ Югославии. ³¹ Аспрокастрон (Белая крепость), бывш. Аккерман, ныне Белгород Днестровский. ³² Навпакт — город в Греции, ныне Лепанто, возникший на развалинах древнего Навпакта. ³³ Метони — город в Греции. ³⁴ Корони — город в Греции. ³⁵ Селим I — турецкий султан, 1512—1520. ³⁶ Софи, или Суфи, — персидская династия Сефевидов, основателем которой был шах Исмаил, 1502—1524. По-видимому, именно о нем идет речь в данном контексте. ³⁷ Мурад — султан, племянник шаха Исмаила. ³⁸ Тебриз — город на севере Ирана. ³⁹ Кемаль-паша — военачальник. См.: J. Hammer. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. I. Pest, 1834—1836, S. 790. ⁴⁰ Ἀλάτουλα, или Ἀνατολίās — туркменский хан. См.: G. Moravcsik. Byzantinoturcica, Bd. II. 2 Aufl., Berlin, 1958, S. 69. ⁴¹ Мисирн (Μισρί, Μισρι) —

Каир. ⁴² Веррия — город в Греции. ⁴³ В указании имени и даты имеется какая-то неточность. 1387 г. относится к годам правления Мехмеда II. ⁴⁴ Константин Великий — римский император, 306—337. ⁴⁵ Мемфис — древний город в Египте, развалины которого находятся у селения Мит-Рахина, близ Каира. ⁴⁶ Сулейман I („Великолепный“, или „Законодатель“) — турецкий султан, 1520—1566. ⁴⁷ Родос — остров в Эгейском море. ⁴⁸ Каллиполи, или Галлиполи, — город в европейской Турции, ныне г. Гелиболу. ⁴⁹ Адрианополь — город на западе Турции, ныне г. Эдирне. ⁵⁰ Фессалоники, или Салоники, — город в Греции. ⁵¹ Афины — столица Греции. ⁵² Мизитра, или Мистрас, — город в Греции. ⁵³ Дмитрий Палеолог, младший брат двух последних Палеологов, деспот Морей. В 1460 г. после падения деспота Дмитрий остался при дворе турецкого султана. См.: G. Oströgersky. Geschichte der byzantinischen Staates. 2. Aufl., München, 1952, SS. 446, 450, 454. ⁵⁴ Навплия — город в Греции. ⁵⁵ Монемвасия — город в Греции. ⁵⁶ Касим-паша — губернатор г. Офен, столицы Венгрии. См.: А. Чемерзин. Турция, ее могущество и распадение, т. I. СПб., 1878, стр. 267; J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches, 2. Ausg. Bd. II, Pest, 1834, SS. 212—213.

Настоящая хроника передает историю завоевания турками-османами отдельных городов, крепостей и гаваней, находящихся на Балканском полуострове, в Пелопоннесе, на побережьях Черного моря, в Египте с 1450 по 1537 г.

Вслед за перечнем турецких султанов от Османа до Мехмеда II, помещенным в начале текста, следует краткое изложение отдельных событий; несколько более подробные сведения касаются, например, взятия городов Навплии и Монемвасии.

Данные нашей хроники подтверждаются другими источниками, в частности упомянутыми выше малыми хрониками, лишь в написании некоторых имен и географических названий встречаются отличия, отмеченные в примечаниях к тексту.

Сухой, лаконичный язык хроники обычен для этого вида произведений.

Хроника составлена православным греком, в ней не замечается какой-либо антитурецкой направленности, только в двух случаях проявляется отношение автора к изложенным фактам: на л. 99 завоеватели названы очень жестокими, а о. Родос — несчастным.

Итак, краткая хроника о турках из греческой рукописи 744 относится к числу тех источников, которые в сопоставлении с другими подобными хрониками дают ценные сведения по истории XIV—XVI вв. и весьма важны для истории греческой образованности того же времени.

E. Granstrem, V. Schandrowskaja

EINE UNEDIERTE KLEINE CHRONIK

Die veröfentlichende Chronik befindet sich in der griechischen Handschrift 744 des staatlichen Oeffentlichen Bibliothek von Saltykov-Scedrin im Leningrad. Diese Chronik gehört zu den so genannten kurzen vulgärgriechischen Chroniken aus der Türkenzeit. Diese Chronik enthält die Beschreibung der Eroberungen von Türken-Osmanen in dem Balkanischen Halbinsel, im Peloponnes, auf den Ufern des Schwarzen Meeres und im Aegypten aus dem Jahren 1450—1537. Im Anfang ist eine Liste der türkischen Fürsten vom Osman bis Mechmed II. gegeben.

Die Nachrichten unserer Chronik bestätigen von den anderen Quellen, besonders von den kurzen Chroniken. Die Chronik ist von einem orthodoxen Griechen geschrieben; dort fehlt eine ausgedrückte antitürkische Tendenz, nur in zwei Fällen zeigt der Verfasser sein Verhältniss zu den Eroberern.

Die kurze Chronik aus der griechischen Handschrift 744 ist eine der historischen Quellen, welche wichtige Nachrichten für die Geschichte der XIV—XVI Jahrhunderten geben. Sie sind auch wertvoll für die Geschichte der griechischen Bildung von dieser Zeit.

ДВЕ ИКОНЫ АРХАНГЕЛОВ ИЗ ВЕРХНЕЙ СВАНЕТИИ¹

В Верхней Сванетии, в церкви святых Кирика и Юлиты, хранится замечательная икона. до сих пор еще не исследованная. Ее размер 46.7×71.8 см, сохранность хорошая.

Поле иконы шириной 11 см покрыто серебряным окладом грузинской работы XII в. Серебро украшено растительным чеканным орнаментом, прерываемым круглыми клеймами. Клейма расположены в углах иконы и в середине верхней и нижней частей поля. В них представлены погрудные изображения Иисуса Христа, архангелов, апостолов Петра и Павла, святого Николая. В середине правой и левой сторон поля поставлены фигуры евангелиста Луки и апостола Андрея.

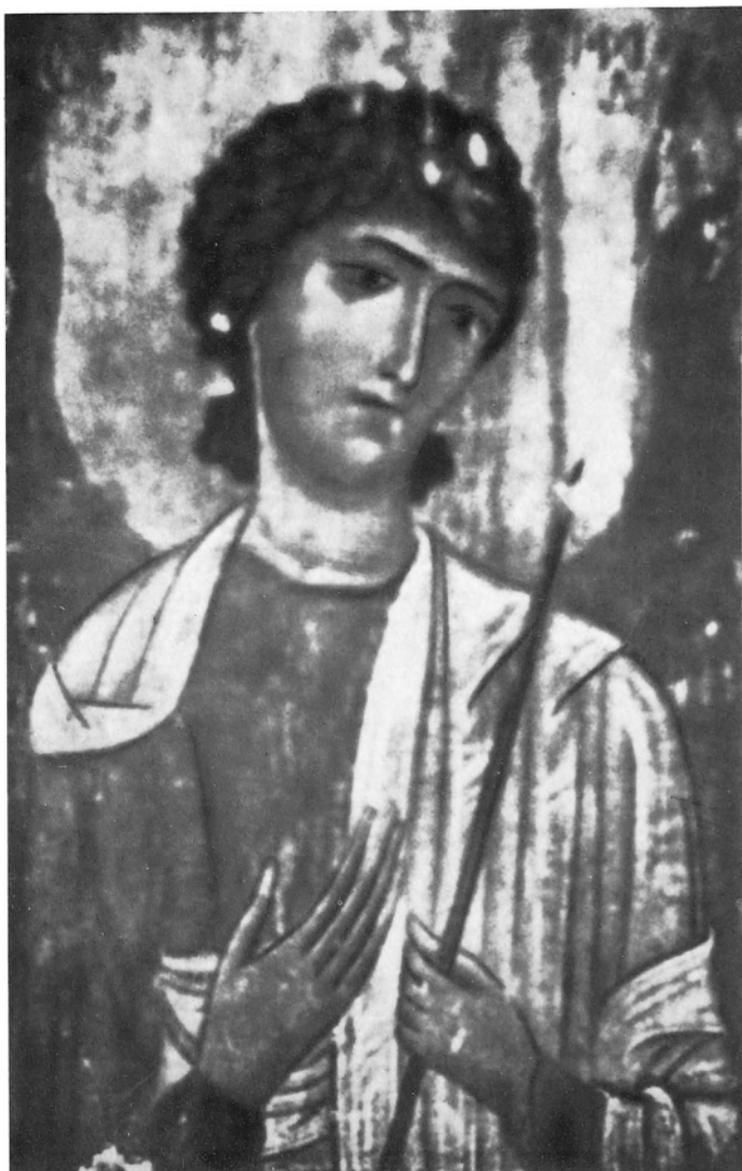
Икона написана темперой по очень тонкому слою левкаса. На ней изображен по пояс архангел Михаил. Слегка склонив голову к левому плечу, архангел держит в левой руке копьё, а правую руку приложил к груди.

Композиция иконы перегружена в нижней части и облегчена сверху за счет свободного пространства фона. Фигуре архангела будто тесно на иконе. Широкие поля как бы обрезают крылья и локоть правой руки. Мягкие линии крыльев подчеркивают легкий наклон головы и создают своего рода обрамление вокруг нее. Выходя из-за спины, они почти параллельны нимбу и, поднимаясь вверх, двумя крутыми полукругами исчезают за полями иконы. В правой части иконы, с той стороны, в которую направлен наклон головы и где проходит копьё, пространство фона шире, чем слева.

Линии фигуры мягко, но четко очерчивают узкие, слегка покатые плечи архангела Михаила, его тонкую, но не длинную шею, многочисленные складки гиматия, покрывающего левое плечо, левую руку до запястья и перекинутого через правое плечо. Художник уверенно нарисовал узкую кисть его руки с длинными пальцами. Среди изгибающихся линий крыльев, одежд, клава хитона и контура головы строгими и четкими элементами служат прямое копьё, расположенное от центра нижнего поля иконы к верхнему правому углу, и остро срезанный ворот хитона у шеи.

Вьющиеся волосы архангела Михаила, обрамляя голову круглой шапкой, спускаются вдоль шеи, соответствуя удлинённой форме лика. Нежные переходы теней подчеркивают округлый подбородок и мягкие

¹ Иконы были изучены автором в 1964 г., когда он принимал участие в экспедиции Института истории грузинского искусства АН ГрузССР под руководством Р. О. Шмерлинг.

Икона архангела Михаила.
Верхняя Сванетия, церковь св. Кирика и св. Юлиты.

губы небольшого рта. Длинный тонкий нос, слегка сдвинутые брови, узкий лоб придают лику строгую красоту. Основное значение в создании общего настроения имеют глаза. Они небольшие и нарисованы черным контуром, с мягко положенными тенями под нижними веками. Их выражение отличается тихой грустью. Они говорят о душевной красоте образа, его задумчивости и легкой печали. В архангеле Михаиле нет никаких следов сильных чувств. Он представлен на иконе не воинственным, но кротким и мягким: В его доброте много покоя и смирения.

Икона выполнена в теплых тонах. Светло-коричневый нимб, отделенный от фона того же цвета коричневым контуром, темно-коричневые волосы и крылья создают основной цветовой эффект. В общей гамме выдержан пергаменный цвет гиматия, его желтые линии складок. Розовые тени оживляют коричневый тон кожи. Из-под холодной лазури хитона просвечивает коричневая подцветка грунта. Общий теплый тон иконы придает особую звучность и благородство голубу хитона архангела. Голубую краску по традиции, со времен Юстиниана, применяли в Византии для одежд Богоматери и Иисуса Христа. Она символизирует в Египте солнечность и, возможно, оттуда пришла в Византию.² В иконе архангела Михаила ее роль сводится именно к тому, чтобы подчеркнуть солнечность и приподнятость образа. Красные клады, узкая лента на голове архангела, его рот, нависшие копыя вносят отдельные цветовые акценты в колорит иконы.

В церкви Архангела общины Латаль Верхней Сванетии хранится икона архангела Гавриила. Она происходит из той же деисусной композиции, что и икона архангела Михаила.³ На это указывают одинаковый размер произведений (46,7×71,8 см), идентичность композиций, сходство цветового решения. Икона архангела Гавриила сохранилась плохо. Ее доска дала несколько трещин. Поля, не покрытые серебряным окладом, имеют значительные выбоины. Правый верхний угол обломан. Верхний слой живописи частично смыт.

Икона входила в правую часть деисусной композиции, поэтому архангел Гавриил изображен склонившим голову вправо. В правой руке он держит копьё, левую прижал к груди. Линии крыльев, прическа, орнамент рукавов, состоящий из ромбов, сходны на обеих иконах. Теплый колорит иконы из церкви Архангела с небольшими красными пятнами, свободная манера письма, нежные плавные, тонкие контуры служат доказательством того, что ее выполнил тот же художник, который написал и икону архангела Михаила.

Этот неизвестный иконописец представил на иконах два разных характера. В отличие от лирической задумчивости архангела Михаила в архангеле Гаврииле поражает мужественная энергия. Иконописец подчеркнул различие душевного состояния архангелов. Оба образа как бы дополняют и тем самым обогащают друг друга. Духовной силе и твердости Гавриила противопоставлено смирение Михаила.

В создании характеристик архангелов иконописец, как, впрочем, многие византийские художники, отклонился от принятой иконографии. Согласно традиции, начиная с раянских мозаик VI в., Михаила представляли воином и защитником. Его культ происходит с эллинистического Востока. Архангел Гавриил являл собой прежде всего посланника, возвестившего

² E. Diez, O. Demus. Byzantine Mosaics in Greece. Harvard, 1931, p. 84.

³ Высеченные на архитраве изображения Деисуса оформились в виде икон, очевидно, сразу же по восстановлению иконопечатания (В. И. Лазарев. Новые памятники византийской живописи XIV века. Византийский временник, т. IV, 1951, стр. 128).

Захарию о рождении Иоанна Предтечи и позднее Марии о рождении Иисуса Христа. Он же принес Богоматери весть о приближении ее смерти.⁴

Черты лика архангела Гавриила на иконе из Верхней Сванетии четки и строги. Овал лика более округлый, чем таковой у архангела Михаила. Линия, рисующая брови и нос, более определена, чем в лике иконы из церкви Кирика. На щеках от носа к подбородку проходят складки, которых нет у архангела Михаила. Форма носа архангела Гавриила иная, чем у Михаила. Кончик несколько удлинен, острым загибающимся ресчерком показана ноздря. Иное выражение имеют глаза архангела Гавриила, строго глядящие в сторону от зрителя.

Подчеркнуто вытянутые пропорции фигур, их легкость, одухотворенность ликов, определенные плотные краски, большая роль линии, известная плоскостность изображений позволяют отнести обе иконы к произведениям византийского круга конца XI—XII в.⁵

Среди произведений константинопольского искусства XI—XII вв: обе иконы имеют значительное число аналогий.

К 1078—1081 гг. относится миниатюра из Слов Иоанна Златоуста в Парижской национальной библиотеке (Coislin 79, л. 2 verso). На ней изображен император Никифор Вотаниат между Иоанном Златоустом и архангелом Михаилом. Помимо сходства в деталях, обусловленных иконографией, архангел Михаил на миниатюре и архангелы на иконах из Верхней Сванетии отличаются стилистической близостью. Изображения объединяет не только характерный для средневизантийского периода восточный тип ликов, их благородство, роль линий, но и манера наложения красок ровными плоскостями. Колорит иконы и миниатюры основан на сходных принципах, состоящих в сочетании золотистых тонов с холодной лазурью, во введении отдельных акцентов красной краски. Рисунок лица архангела Михаила на миниатюре характеризуется той же завершенностью линий, как и лицо архангела Гавриила на иконе. Оба лица имеют одинаковый округлый овал с мягкой тенью, отделяющей подбородок от шеи. Сходна форма носа с резкой линией ноздри, отличающейся от прямо нарисованной ноздри на лице архангела Михаила иконы из Сванетии. На миниатюре в лице архангела Михаила нет суровости архангела Гавриила. Мягкостью своего выражения близки образы архангела Михаила на иконе и миниатюре. Во всех трех произведениях сходно очертание удлинённых сверху крыльев.

Миниатюра имеет ряд стилистических отличий от икон. Изображение архангела Михаила на миниатюре построено на характерном для придворной художественной школы контрасте скульптурно трактованного лица и плоской фигуры. Богатая орнаментальность одежд и крыльев уничтожает представление об объеме. На иконах такая декоративность только намечается в украшении рукавов одежд и некоторых частей крыльев. Изображение лика архангела Михаила на миниатюре отличается гораздо большим числом тонов краски, чем иконописные памятники из Верхней Сванетии. Розовые тени лика архангела Михаила рукописи

⁴ J. E. Wessely. *Iconographie. Gottes und Heiligen*. Leipzig, 1874, S. 159; F. Kraus. *Real-encyklopädie der christlichen Altertümer*, Bd. I. Freiburg, 1882, S. 418; L. Réau. *Iconographie de l'art chrétien. Iconographie de la Bible*, I, Paris, 1956, pp. 44, 52; C. C. Martindale. *The Saints. A Concise Biographical Dictionary*. London, 1958, p. 31.

⁵ E. Diez, O. Demus. *Byzantine Mosaics in Greece*, pp. 84, 96; В. Н. Лазарев. *История византийской живописи*, т. I, М., 1947, стр. 104, 105; D. Talbot Rice. *The Art of Byzantium*. London, 1959, p. 62; J. Beckwith. *The Art of Constantinople*. London, 1961, pp. 64—128.

Слов Иоанна Златоуста приобретают постепенно зеленые и голубые оттенки, выдавая руку опытного колориста императорского скриптория.

Одной из самых близких аналогий архангелу Михаилу иконы из Верхней Сванетии может служить голова ангела большого южного свода Дмитриевского собора во Владимире, выполненная около 1194 г.⁶ Над ее созданием работал константинопольский фрескист.⁷ Оба изображения отличаются мягкой одухотворенностью характеристик. Их объединяет сходство рисунка в еле уловимом наклоне головы к левому плечу, в покатоности плеч, в продолговатом овале лица с округлым подбородком. На обоих произведениях глаза имеют одинаковое выражение задумчивости и легкой печали. Несколькo отличается на фреске от иконы рисунок лика, в котором линии носа и бровей приобретают известную округлость.

Рисунок склоненных голов на иконах, задумчивые глаза, смотрящие куда-то мимо зрителя, тонкая, но не длинная шея каждого из архангелов, покатые плечи напоминают Ангела из композиции Евхаристии Михайловского монастыря в Киеве (1108 г.), над созданием которой работал константинопольский мозаичист.⁸

Те же мягкие тени, что на иконах из Верхней Сванетии, подчеркивают объем лика архангела Михаила в абсиде собора в Чефалу (1148 г.), в котором работали константинопольские художники.⁹ В отличие от икон линия, часто приобретающая в трактовке лика и особенно шеи орнаментальное значение, играет в мозаике собора Чефалу значительную роль. Наклон головы на мозаике сильнее, чем на иконах, отчего образ теряет многое в своей задумчивой прелестьи.

В меньшей степени, чем в приведенных примерах, можно подчеркнуть близость икон из Верхней Сванетии и фрески с изображением ангела в Сант-Анжело ин Формис на Капуе (середина XII в.), выполненной греком.¹⁰ Ангел на фреске, как и иконописные образы, отличается задумчивой прелестью и тихой печалью. В колористическом решении изображения преобладают, как и в иконах, коричневые тона. На фреске глаза неестественно увеличены и линия подчеркнута орнаментальна.

Автор обеих икон архангелов, хранящихся ныне в церквях Верхней Сванетии, по своему происхождению не был греком. Он не смог правильно написать *сасра* *попина* архангелов. Он допустил в начертании грубые ошибки. Очевидно, он перечертил имя Михаила с какого-то греческого образца, написав его как бы в зеркальном отражении. Кроме того, автор перепутал начертание греческих букв и вместо λ поместил Δ .

Неконстантинопольское происхождение икон выдают неточности в рисунке, маловероятные у столичных живописцев. На обоих произведениях сложная кисть руки, держащей копьё, гораздо меньше по размеру, чем приложенная к груди рука. Ромбы, образующие орнамент рукавов, отличаются по своей форме. На руке, приложенной к груди, они более вытянуты, чем на руке, держащей копьё.

В живописи икон из Сванетии нет того многообразия цветов и оттенков, которое было характерно для Византии XII в.¹¹ Здесь отсутствуют

⁶ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, М., 1948, табл. 193.

⁷ Там же, т. I, стр. 123; J. Beckwith. The Art of Constantinople, p. 122.

⁸ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 119; J. Beckwith. The Art of Constantinople, p. 119.

⁹ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 119; J. Beckwith. The Art of Constantinople, p. 119; O. Demus. The Mosaics of Norman Sicily. London, 1950, p. 356.

¹⁰ F. Bologna. Early Italian Painting. Leipzig, 1964, p. 28.

¹¹ E. Diez, O. Demus. Byzantine mosaics in Greece, p. 84.

излюбленные в Византии асимметричные сдвиги. Характеристики архангелов далеки от преувеличенного спиритуализма и потусторонней сосредоточенности, свойственных Византии.¹² Несмотря на большую роль линии в изображении фигур и особенно ликов, живописец, в отличие от византийского мастера XII в., подчеркивает с помощью светотени некоторый объем. Приведенные аналогии показывают связь обеих икон из Верхней Сванетии с памятниками, выполненными константинопольскими мастерами на периферии империи. Естественно, столица посылала в другие страны не лучших своих мастеров, но художников, имеющих в своем творчестве черты провинциального искусства империи.¹³

То, что иконы были выполнены в Грузии, можно заключить по ряду признаков. Для обеих икон характерна типичная для Грузии большая суровость и строгость стиля, нежели для византийских памятников XII в. Им присуща подчеркнутая любовь к теплым, охристым тонам, отличающая грузинскую живопись от византийской.¹⁴

Изображения архангелов на иконах продолжают ту традицию в грузинской живописи, которая была начата в X в. фресками Атени. Изображению архангелов в конхе алтарной абсиды храма в Атени присущи красота и выразительность ликов, стройность пропорций, мягкость моделировки, спокойствие. Все эти черты свойственны в той же степени иконам архангелов из Верхней Сванетии. Как в иконах Гавриила и Михаила из Сванетии, во фресках гораздо меньше аскетизма, чем в византийском искусстве. Будучи выполнены в X в., фрески Атени отличаются несвойственной иконам из Сванетии строгостью ликов и спокойной монументальностью поз. Невозможные архангелы Атени лишены той печали, которая наложила еле уловимый отпечаток на лики иконописных архангелов.

Фрески Атени повлияли в начале XII в. на мозаики Гелатского монастыря.¹⁵ Изображения архангелов в абсиде храма в Гелате близки к иконам, хранящимся в Верхней Сванетии. Типы лиц, их задумчивое выражение, легкие наклоны голов аналогичны на мозаиках и иконах. Как и иконописец, мозаичист изображает у архангелов слегка удлиненные пропорции, маленькие головы на коротких шеях, покатые плечи. Лица гелатских архангелов имеют большое сходство с лицом архангела Гавриила на иконе. В мозаиках та же, что и в иконе, округлость форм, резкий рисунок ноздри. В отличие от икон мозаичные изображения характеризуются подчеркнутой ролью линии и контура, некоторой сухостью трактовки, возможно, объясняемыми техникой их исполнения. Темпера живопись, наложенная кистью на грунт, всегда давала больше теплоты и живости, чем мозаика.

В иконах из Верхней Сванетии живописная передача одежд, задумчивая красота ликов, вытянутые пропорции фигур с небольшими склоненными головами напоминают миниатюры II Джрүчского евангелия Института рукописей АН ГрузССР Н 1667 (первая половина XII в.). Черты сходства с иконами особенно сильно заметны на миниатюре этой рукописи с изображением Деисуса (л. 6 verso).

Близость к грузинским памятникам первой половины XII в. позволяет отнести обе иконы скорее к этому периоду, чем ко второй поло-

¹² В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. Византийский временник, VI, 1953, стр. 190.

¹³ J. Beckwith. The Art of Constantinople, pp. 122—123.

¹⁴ D. Talbot Rice. Art of the Byzantine Era. London, 1963, pp. 154, 156.

¹⁵ Ш. Я. Амиранашвили. История грузинской монументальной живописи. Тбилиси, 1957, стр. 79.

вине XII в., когда в грузинской живописи господствует декоративность.¹⁶

Иконы архангелов, хранящиеся ныне в церквях Верхней Сванетии, выполнил, очевидно, грузинский художник, прошедший обучение в Константинополе. Связи Грузии с Византией всегда были сильны. Со второй половины X в. Иверскому монастырю принадлежала ведущая роль в распространении византийского влияния в Грузии. Из Манганской константинопольской академии проникал в Грузию неоплатонизм, оплотом которого стала Гелатская академия.¹⁷ Связи Грузии и Византии в XII в. усилились, так как в это время значительно возросла роль Константинополя среди национальных школ.¹⁸ В этот период в Грузии была широко распространена посылка в Константинополь местных мастеров для получения образования.¹⁹ На то, что автор икон архангелов из Верхней Сванетии прошел обучение в столице византийской империи, указывает целый ряд черт, сближающих его произведения с константинопольскими памятниками.

Обе иконы представляют собой первоклассные произведения грузинского искусства. Их живопись свидетельствует о том, что грузинские художники, учившиеся в Византии, всегда сохраняли связь со своей родиной. Как изучение памятников Сербии, Болгарии, Италии подтвердило существование рядом с Константинопольской школой многочисленных национальных школ,²⁰ так иконы архангелов из Верхней Сванетии еще раз доказывают существование в Грузии самостоятельного художественного центра. Даже то направление грузинской живописи, которое было тесно связано с Византией, всегда сохраняло национальные черты, придававшие его произведениям особенную силу и красоту.

V. Likhatcheva

TWO ICONS OF ARCHANGELS FROM THE UPPER SVANETIA

Two icons of archangels Gabriel and Michael, now in the churches of Svanetia, belong to the „Deisus“ composition. The style of both icons is characteristic of the late eleventh and twelfth centuries. The icons are closely related in style to such works of Constantinopolitan art of the XI—XII centuries, as the miniature of the manuscript of Bibliothèque Nationale, Paris, Coislin 79, fol. 2 verso, the angel of the large

¹⁶ Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства. Тбилиси, 1957, стр. 110.

¹⁷ Ш. Я. Амиранашвили. История грузинской монументальной живописи, стр. 110.

¹⁸ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 105; D. Talbot Rice. The Art of Byzantium, p. 62; J. Beckwith. The Art of Constantinople, p. 122.

¹⁹ Р. Шмерлинг. Образцы декоративного убранства грузинских рукописей. Тбилиси, 1940, стр. 28, 46, 47; Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства. М., 1950, стр. 194, 195, 202, 203; В. Н. Лазарев. Константинополь и национальные школы в свете новых открытий. Византийский временник, XVII, 1960, стр. 94.

²⁰ В. Н. Лазарев. Константинополь и национальные школы в свете новых открытий, стр. 93.

southern vault in the Vladimir cathedral of St. Demetrius, Our Lady of Vladimir, the angel in the composition „Communion of the Apostels“ of the St. Michael monastery at Kiev, the angel of the Cefalu cathedral (Italy).

On the other hand there are some mistakes in the scripts and drawing of icons, which as well as the absense of spiritualism and the specific treatment of the form give us right to assign these icons to provincial works of art.

Some harshness of style and the predominance of ochre in their palette create the impression that they are close to Georgian painting (For example: Ateni frescoes, Gelati mosaics, the miniatures of II Djruchi Gospel of the Institute of manuscripts, H 667). May be the icons were painted at the workshop of Gelata. No doubt their Georgian artist was interested in byzantine painting.

БИБЛИОТЕКА ЛАВРЫ СВ. АФАНАСИЯ НА АФОНЕ В X—XIII ВВ.¹

Изучая греческие рукописи Государственного Исторического музея в Москве (ГИМ), мы обнаружили группу пергаменных кодексов с интереснейшими пометами XIII в.

1. № 94, л. 1 об.: βιβλίον τῆς δευτέρας θέσεως λ'.
2. № 101, лл. 3 об., 5 об., 6: βιβλίον τῆς δευτέρας θέσεως ια'.
3. № 108, л. 4 об.: βιβλίον τῆς δευτέρας θέσεως ιγ'.
4. № 125, л. 2: βιβλίον τῆς ... θέσεως κ' (номер полки прочесть не удалось).
5. № 140, лл. I об., 3: βιβλίον τῆς τρίτης θέσεως α'.
6. № 142, л. 359: βιβλίον τῆς δευτέρας θέσεως (номер рукописи угад).
7. № 163, л. 1: βιβλίον τῆς δευτέρας θέσεως ε'.
8. № 169, лл. 1 об., 2, 4, 4 об., 487, 488: βιβλίον τῆς δευτέρας θέσεως κζ'.
9. № 202, л. 5: βιβλίον τῆς ἐβδόμης θέσεως... (номер книги разобрать не удалось).
10. № 379, лл. 2 об., 4: βιβλίον τῆς πρώτης θέσεως θ'.
11. № 384, лл. 1, 2: βιβλίον τῆς ιά θέσεως ια'.
12. № 387, л. 3: βιβλίον τῆς πρώτης θέσεως ιβ'.

Эти манускрипты, привезенные в 1655 г. Арсением Сухановым из Лавры св. Афанасия на Афоне, были неоднократно описаны в XIX в., однако ни один из вышедших в то время каталогов греческих рукописей Синодальной библиотеки² не выявил указанных помет, имеющих между тем важное значение для исследования греческой книжности эпохи средневековья.

¹ С чувством самой искренней признательности мы упоминаем здесь имена М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасьевой, создавших особо благоприятные условия для наших занятий в Историческом музее. Все сведения о рукописях Fonds Coislin, почерпнутые нами из каталогов Б. Монфокона и Р. Девреесса, были проверены по нашей просьбе хранителем греческих рукописей Парижской национальной библиотеки Ш. Астрюком. Приносим ему свою сердечную благодарность. Любезности М. Ришара (Институт истории текстов в Париже) мы обязаны данными о некоторых лаврских рукописях, хранящихся в Европе. С его же помощью нами был получен микрофильм работы о пометах в кодексах Лавры (из журн. Γρηγόριος ὁ Παλαμάς).

² Chr.-Fr. Matthaei, Accurata codicum graecorum mss. Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio, t. 1—2. Lipsiae, 1805; Архим. Савва. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1858; Архим. Владимир. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) Библиотеки, ч. I. Рукописи греческие. М., 1894. По последнему каталогу мы и указываем номера рукописей ГИМ.

Кодексы с такими же пометами находятся в Fonds Coislin Парижской национальной библиотеки.³

1. № 8, л. 2: βιβλίον τῆς ἐνάτης θέσεως ιδ'.
2. № 23, л. 1: βιβλίον τῆς δευτέρας θέσεως... (номер книги не читается⁴).
3. № 26, л. 1: βιβλίον τῆς τετάρτης θέσεως δ'.
4. № 27, л. 2: βιβλίον τῆς θ' θέσεως.
5. № 28, л. 268 об.: βιβλίον τῆς δευτέρας θέσεως.
6. № 44, л. 1: βιβλίον τῆς ια' θέσεως δέκατον.
7. № 57, л. 2: βιβλίον τῆς πρώτης θέσεως λδ'.
8. № 75, лл. 3 об., 4: ις' βιβλίον τῆς δευτέρας θέσεως.
9. № 113, л. 3: βιβλίον τῆς ἐνάτης δέκατον.
10. № 120, лл. 1 об., 4: βιβλίον τῆς τρίτης θέσεως λς'.
11. № 123, л. 1: βιβλίον τῆς ις' θέσεως α'.
12. № 127, лл. I, 1 об.: τῆς τρίτης θέσεως ιη'.
13. № 229,⁵ л. 1: βιβλίον τῆς τρίτης θέσεως κ'.
14. № 240, л. I об.: βιβλίον τῆς τρίτης θέσεως κ'.
15. № 241, л. 1 об.: βιβλίον τῆς τρίτης θέσεως ξ'.
16. № 242, л. 2: βιβλίον τῆς τρίτης θέσεως ν'.
17. № 251, л. 1: βιβλίον τῆς ἐνάτης θέσεως ιε'.
18. № 261, л. 303 об.: βιβλίον τῆς ζ' θέσεως.
19. № 310, л. 8: βιβλίον τῆς ἐνάτης θέσεως α'.
20. № 387, л. 1 об.: βιβλίων τῆς λάβρας τῆς δ' θέσεως.
21. № 394, л. 1: βιβλίον τῆς ἐβδόμης θέσεως ις'.

Парижские маускрипты были куплены в 1647 г. в Афонолаврском монастыре католическим священником Афанасием, странствовавшим на протяжении десяти лет (1643—1653 гг.) по Востоку в поисках рукописей для библиотеки французского канцлера П. Сегье.⁶

Приведенные пометы являются шифром, определяющим абсолютно точное место каждой книги на полках древнего книгохранилища и позволяющим — при условии выявления несущих на себе эту помету рукописей — восстановить византийскую библиотеку XIII в.

Какая же библиотека поставила свой шифр на этих маускриптах? Б. Монфокон, впервые опиравший коллекцию греческих рукописей П. Сегье, считал эти пометы шифром библиотеки Лавры св. Афанасия на Афоне.⁷ Рукописи Исторического музея подтверждают этот вывод. Приведем доказательство.

Среди кодексов ГИМ находятся два маускрипта (№№ 101 и 108), писанные в 990 и 993 гг. Иоанном Каллиграфом, сподвижником основателя Святогорской Лавры Афанасия Афонского.⁸ Эти рукописи бес-

³ Их описание см.: R. Devreesse. Bibliothèque Nationale. Département des manuscrits. Catalogues des manuscrits grecs, II. Le fonds Coislin, Paris, 1945.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ В конце XVIII в. эта рукопись попала в Петербург и в 1805 г. была подарена Библиотеке Московского университета, где и хранится в настоящее время (МГУ, греч. 1). См.: Э. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского. Византийский вестник, XVIII (1961), стр. 150—197.

⁶ H. Oumont. Missions archéologiques françaises en Orient aux XVIIe et XVIIIe siècles, vol. I. Paris, 1902, pp. 4—19.

⁷ B. de Montfaucon. Bibliotheca Coisliniana, olim Segueriana, sive manuscriptorum omnium Graecorum, quae in ea continentur, accurata descriptio, ubi operum singulorum notitia datur, aetas cuiusque manuscripti indicatur, vetustiorum specimina exhibentur, aliaque multa annotantur, quae ad Palaeographiam Graecam pertinent. Parisiis, 1715, p. 43.

⁸ J. Irigoien. Pour une étude des centres de copie byzantins. Scriptorium, XIII (1959), 2, p. 196.

спорно были одними из первых книг незадолго до этого возникшей Лаврской библиотеки. Одна из них, № 108, место которой определено шифром на второй полке, имеет на л. 4 об. помету XIII в.: βιβλίων τῶν κατηχομένων τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἄθῳ, т. е. спустя приблизительно два с половиной столетия после своего появления на свет книга все еще находилась в Лавре. Еще через 400 лет ее нашел все в том же монастыре Арсений Суханов. Таким образом, почти 700 лет своей жизни рукопись провела в Афонолаврской библиотеке. Совершенно ясно, что и шифр XIII в. должен принадлежать Лавре св. Афанасия. Не случайно все рукописи ГИМ и Парижской национальной библиотеки, имеющие такой же шифр, были вывезены в XVII в. именно из этой обители.

Мы датируем шифр Лаврской библиотеки XIII столетием. Каковы основания для такой датировки? Крупный, размашистый почерк библиотечаря, метившего книги Лавры, может быть отнесен к XIII—XIV вв.; более точные определения лишь с чисто палеографическими данными в руках едва ли здесь возможны. Однако две парижские рукописи — Coisl. gr. 8 и 57 — предоставляют в распоряжение исследователя довольно точное указание на время шифровки кодексов Лавры. Оба манускрипта имеют на верхнем поле второго листа лаврский шифр, а на нижнем поле того же листа сделанные той же рукой, т. е. рукой монастырского библиотечаря, записи: 1) Coisl. gr. 8: προσετέθη διὰ τοῦ μοναχοῦ κῆρ Μαχαρίου μὴνι φεβρ. ἰνδ. ε' ἔτει ςψκς (1218 г.); 2) Coisl. gr. 57: διὰ τοῦ μοναχοῦ κῆρ Μαχαρίου προσετέθη ἔτει ςψκς (1217/1218 г.). Сообщаемые в пометах сведения о времени вклада рукописей в монастырь монахом Макарием едва ли могли бы быть отмечены с такой же точностью, если бы делавший запись об этом факте библиотечарь Лавры св. Афанасия не был современником вкладчика.⁹ Таким образом, книгохранитель Афонолаврской обители, заботившийся о сохранности „книжной казны“, скрупулезно отмечавший все новые поступления, снабдил кодексы своей библиотеки шифром, закреплявшим за каждой рукописью ее постоянное место на полке, в начале XIII в. Из хранящихся сейчас в Париже рукописей его рукой помета-шифр проставлена на следующих манускриптах: Coisl. gr. 8, 23, 44, 57, 113, 120, 123, 127, 240.¹⁰

⁹ Б. Монфоко (Bibliotheca Coisliniana. . . , p. 252) считал упоминаемого в пометах рукописей Coisl. gr. 8 и 57 монаха Макария библиотечарем Лавры, шифровавшим книги монастырского собрания (. . . 1218 anno . . . quo tempore Macarius Monachus Laurae Bibliothecam in pluteos distribuit, et librum quemlibet numero suo notavit). Такой вывод был сделан в результате понимания пометы προσετέθη διὰ τοῦ μοναχοῦ κῆρ Μαχαρίου. . . не как вкладной записи, а как сообщения книгохранителя о проделанной им работе по систематизации библиотеки. Однако едва ли можно согласиться с таким толкованием; в другой рукописи Лавры — А 57 — на л. 9 имеется вк л а д н я запись, сделанная тем же библиотечарем в 1218 г. и содержащая ту же формулу дарения книги Лаврской библиотеке, что и два указанных выше кодекса: Ἡ προὔστα θεῖα βιβλος προσετέθη ἐν τοῖς τῶν κατηχομένων βιβλίοις διὰ τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν καὶ κατηχομένου τῆς καθ' ἡμᾶς ἁγίας Λαύρας τοῦ οἰοῦ πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἄθῳ ὅρει ψυχικῆς ἐνεκα σωτηρίας αὐτοῦ καὶ διῶν Κύριος ὁ θεὸς ἡμῶν τῷ τοιοῦτῳ κατηχομένῳ ἡμῶν τῷ μοναχῷ κυρίῳ Κοπριανῷ τὸν μισθὸν εἰς τὸ πολλαπλοῦν ἄρεσιν ἁμαρτιῶν, ψυχικῆν σωτηρίαν καὶ ζωῶν αἰώνιον, ἀμὴν· μὴνι ἰανουαρίῳ, ἰνδικ. ε' ἔτει ςψκς (1218 г.) (Λ. Σωφροδνιος. Ἀγιορειτικῶν κωδικῶν σημειώματα. Γρηγόριος ὁ Παλαμᾶς, τομ. Α [1917], σ. 57—58). Совершенно ясно, что библиотечарь сообщает в этой и подобной ей пометах не о своей деятельности по расстановке рукописей на полках, а регистрирует факты дарения Лавре рукописей, отмечая имя дарителя и дату вклада. Ошибка Б. Монфокона была повторена А. Омоном (H. Omon. Notice sur un très ancien manuscrit grec en onciales de Epitres de Saint Paul, conservé à la Bibliothèque Nationale. Paris, 1889, p. 5).

¹⁰ Остальные, указанные выше рукописи из Fonds Coisl. также шифрованы в XIII в., но уже, вероятно, преемниками нашего библиотечаря.

Подобный же шифр на рукописях ГИМ также является автографом лаврского библиотекаря начала XIII в.

Среди кодексов, получивших шифр в это время, имеются две рукописи, пометы которых позволяют представить размеры Лаврской библиотеки через 2½ столетия после ее основания. Это Coisl. gr. 241, занимавшая на третьей полке 60-е место, и Coisl. gr. 123, стоявшая первой на 16-й полке. Если на каждой полке библиотеки Великой Лавры могло уместиться 60 книг и количество полок не превышало 16,¹¹ то мы можем считать, что в начале XIII в. знаменитый афонский монастырь имел почти 1000 манускриптов (60 × 16 = 960).¹²

Здесь следует оговориться. Мы оперируем в данной работе пометами лишь трех десятков рукописей Лавры, причем нашему личному наблюдению доступны только рукописи, хранящиеся в собраниях Москвы. Поэтому все расчеты, выводы чрезвычайно гипотетичны. Но мы не имели намерения исследовать историю библиотеки Лавры в полном ее объеме: эта работа под силу лишь тому, кто имеет возможность изучить каждый кодекс нынешней Лаврской библиотеки, выявить и датировать пометы, особенно шифр начала XIII в.¹³ (на который до сих пор никто еще не обратил внимания как на прекрасный источник для реконструкции одной из крупнейших средневековых греческих библиотек), отождествить писцов и владельцев рукописей. Только в этом случае можно будет с полной уверенностью выделить первоначальное ядро Лаврской библиотеки, книги, написанные самим Афанасием Афонским и его сподвижниками и преемниками, рукописи, попавшие в первый святогорский монастырь со всех концов христианского мира вместе с их владельцами, заселявшими Афон по призыву основателя Лавры; только тогда можно будет определить круг вкладчиков, проследить постепенный рост Лаврского книгохранилища, наконец, восстановить библиотеку в том виде, в какой привел ее, снабдив каждую книгу шифром, библиотекарь начала XIII в. Количество лаврских рукописей, находящихся ныне в собраниях Европы, вне Афона, едва ли достигает 150, и это внушает надежду на то, что в самой обители до сих пор хранятся почти все те рукописи, которые метил шифром в XIII в. лаврский хранитель „книжной казны“. Исследователю, имеющему доступ к афонским рукописным сокровищам, без труда, по-видимому, удастся написать и дальнейшую историю библиотеки Лавры, умевшей на протяжении тысячелетия своего существования не только сохранять книжные богатства, но и значительно

¹¹ Сравнение с современным книгохранилищем Лавры, к сожалению, ничего не дает для восстановления облика древней библиотеки: нынешнее „книгохранилище устроено и приведено в порядок в 1565 году“ (Порфирий Успенский. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты в 1845 году, ч. I, Отд. первое. Киев, 1877, стр. 226).

¹² Первым, насколько нам известно, на возможность таких расчетов указал Хр. Патринелис (Χρ. Πατρινέλης. Βιβλιοθήκη και ἀρχεῖα τοῦ Ἀγίου Ὁρους. Ἀθήναι, 1963, σ. 4—5).

¹³ В специальной работе, публикующей пометы лаврских рукописей (Λ. Σωφρβνιος. Ἀγιογραφικῶν κωδίκων σημειώματα τῆς Λαύρας τοῦ Ἀγίου Ἀθανασίου. Γρηγόριος ὁ Παλαμῆς, том. Α' (1917), σ. 49—62, 145—160, 374—384, 413—432, 457—472, 561—568, 617—624, 755—766), ни одна из записей писцов или вкладчиков, не имеющих хронологического указания, не датирована издателем. Такое же положение повторилось и в каталоге рукописей библиотеки Лавры св. Афанасия: Κατάλογος τῶν κωδίκων τῆς Μεγίστης Λαύρας (τῆς ἐν Ἀγίῳ Ὁρει), συνταχθεῖς ὑπὸ Σπυρίδωνος μοναχοῦ Λαυριώτου, ἱατροῦ, ἐπιθεραπευθεῖς δὲ καὶ διασκευασθεῖς ὑπὸ Σωφρονίου Ἐβστρατιάδου, μητροπολίτου πρ. Λεοντοπόλεως. Cambridge, 1925. Что же касается шифра XIII в., то ни в первой, ни во второй работе мы не находим даже намека на его существование. Либо авторы не обратили на него никакого внимания, либо в Лавре в настоящее время не осталось ни одной рукописи с этим шифром. Последнее предположение, однако, нам кажется невероятным.

их увеличивать. Таковы перспективы. Наша же задача — обратить внимание специалистов на возможность исследования одного из самых неизученных вопросов греческой культуры — истории византийских библиотек.¹⁴

Итак, доступный нам материал говорит о том, что в начале XIII в. в библиотеке Лавры св. Афанасия насчитывалось около 1000 рукописных книг. Возможно, в действительности (как должны показать дальнейшие исследования в самой Лавре) их было еще больше. Если учесть, что со времени возникновения монастыря до момента шифровки кодексов прошло только два с половиной столетия, следует признать это количество рукописей огромным. Какими же путями шло комплектование Лаврской библиотеки?

Прежде всего благодаря книгописной деятельности самих лавриотов. Плодовитым переписчиком был уже сам основатель монастыря Афанасий Святогорец.¹⁵ Вместе с ним занимался книгописанием знаменитый Иоанн Каллиграф. В настоящее время известно семь кодексов, вышедших из-под его пера между 984 и 995 гг.; все они датированы, и пять из них подписаны самим писцом.¹⁶ Быть может, к числу лаврских скрипторов следует отнести и двух копиистов рукописей ГИМ №№ 125 и 126.¹⁷

Исследования русской и западноевропейской средневековой книжности показывают, что изучение истории монастырских библиотек неотделимо от изучения монастырских мастерских письма, „питавших“ библиотеки своих обитателей всей необходимой литературой; другими словами, если заходит речь о монастырской библиотеке, почти всегда должна идти речь о находящемся при ней скриптории.

Был ли скрипторий в Лавре св. Афанасия? Если был, то каковы его традиции, каковы приемы „издания“ книги? Когда он начал свою жизнь, когда прекратилось организованное книгописание в Лавре? На все эти вопросы ответа пока получить нельзя. Здесь сделан лишь первый шаг: Ж. Иригуэн начал исследование рукописей, писанных Иоанном Каллиграфом.¹⁸ Основные открытия принадлежат будущему. Изучение вопроса о лаврском скриптории будет облегчено тем, что шифр XIII в. поможет отделить основное, сложившееся в первые два с половиной века жизни монастыря собрание от более поздних поступлений.

Второй путь пополнения Лаврской библиотеки — вклады. Рукописи содержат многочисленные записи с указанием факта дарения книги. Мы не будем повторять здесь содержание этих записей.

Дальнейшее исследование лаврских манускриптов должно сосредоточиться не только на выявлении владельческих и вкладных помет. Видимо, немалое число рукописей, отмеченных шифром XIII в., не имеет вообще никаких записей. В этом случае установление истории книги становится необычайно трудным. Единственный выход — всестороннее изучение кодекса. Приведем пример.

В Библиотеке Московского университета хранится ныне рукопись X в. (МГУ, греч. 1: „Шестоднев“ Василия Великого и другие статьи),

¹⁴ Пока можно назвать лишь две общие работы, посвященные истории византийских библиотек: S. C. Padover. *Byzantine Libraries*. In: J. W. Thompson. *The Medieval Library*. Chicago, 1939; V. Burr. *Der byzantinische Kulturkreis*. In: F. Milkau. *Handbuch der Bibliothekswissenschaft*. 2. Aufl., 3. Bd., 2. Lieferung, Wiesbaden, 1953, SS. 146—187.

¹⁵ Жизнь преподобного Афанасия Афонского. По рукописи Московской Синодальной Библиотеки издал И. Помяловский, СПб., 1895, стр. 48.

¹⁶ J. Irigoien. *Pour une étude...*, pp. 196—200.

¹⁷ Архим. Владимир. *Систематическое описание...*, стр. 122—123.

¹⁸ J. Irigoien. *Pour une étude...*

принадлежавшая прежде собранию Куалена. Она не имеет помет, кроме шифра начала XIII в. Исследуя содержащуюся в этом манускрипте Хронику Петра Александрийского, З. Г. Самодурова установила, что рукопись написана в первой половине X в. в Реджо (Калабрия) писцами Николаем и Даниилом.¹⁹ Этот факт дал возможность построить следующую гипотезу. Рукопись, имеющая лаврский шифр, должна была попасть на Афон не позже начала XIII в. Когда могло это произойти? Вероятнее всего в конце X в., когда среди многочисленных монахов, заселявших Святую Гору по призыву Афанасия, появились и выходцы из Калабрии.²⁰ Должно быть, они привезли с собой и книги, обогатившие собрание Лавры. Одной из них является рукопись МГУ, греч. 1. Это лишь предположение, не лишенное, однако, на наш взгляд, вероятности и позволяющее пока очень осторожно, с помощью догадок, еще глубже проникнуть в начальную историю внешних связей Лавры.

Кроме указанных двух путей комплектования Лаврской библиотеки, книги, как это часто бывало в других монастырях, могли приобретаться покупкой. Нам, правда, не приходилось встречать в греческих рукописях ранних записей с регистрацией покупки кодекса (обычно такие записи писаны почерками XV—XVII вв.), но, думается, едва ли можно исключить этот способ пополнения монастырского собрания из практики Лаврской обители X—XIII столетий.

Каков же был порядок расстановки книг на полках согласно шифру начала XIII в. (см. таблицу)?²¹

Окончательные выводы пока невозможны: слишком незначительным количеством рукописей мы оперируем в данной работе. Однако порядок размещения рукописей II и III полок позволяет сделать следующее предположение. Определенная система расстановки книг в Лаврской библиотеке едва ли существовала. Скорее всего рукописи получали свое место на полке хранилища в порядке их поступления. Иногда, правда, библиотекари, желая, видимо, облегчить разыскание некоторых (быть может, пользовавшихся наибольшим спросом?) книг, соединяли их в одном месте: на II полке — творения Иоанна Златоуста, на III — Григория Богослова и его комментаторов. Но и это соединение, как показывает наша схема, проводилось непосредственно.²²

Источники для изучения византийских библиотек необычайно бедны. В отличие от исследователей западноевропейской и русской средневековой культуры²³ историки византийской письменности и книги располагают

¹⁹ Горячо благодарим З. Г. Самодурову за сведения о писцах университетского кодекса.

²⁰ Житие преподобного Афанасия Афонского, стр. 66—70.

²¹ Схема построена на основании приведенных в начале работы помет московских и парижских рукописей. Цифра в правом верхнем углу обозначает место кодекса на полке; вопросительный знак на месте номера полки или книги говорит о том, что эти номера прочесть не удалось.

²² Интересные наблюдения о порядке расстановки книг в древнерусских библиотеках содержатся в указанной нам Н. Н. Розовым статье Н. Н. Зарубина „Очерки по истории библиотечного дела в древней Руси. Применение форматного принципа к расстановке книг в древнерусских библиотеках и его возникновение“ (Сб. Российской Публичной Библиотеки, т. 2, вып. 1, 1924, стр. 190—229).

²³ G. Becker. *Catalogi bibliothecarum antiqui*. Bonnae, 1885; Th. Gottlieb. *Über Mittelalterliche Bibliotheken*. Leipzig, 1890; см. также указанные выше работы J. W. Thompson и F. Milkau; Н. Никольский. 1) Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. ОЛДП, СХIII, СПб., 1897 (с исчерпывающей библиографией); 2) Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. Памятники древней письменности и искусства, СХLVI, СПб., 1902; В. Перетц. Описи монастырских библиотек XVII в. и спорные вопросы истории

Handwritten text in a cursive script, likely a signature or name.

ΚΑΤΑ ΤΗΝ ΕΠΙΣΤΟΛΗΝ ΤΗΣ ΠΡΩΤΗΣ ΑΠΟΣΤΟΛΗΣ

† ΤΟΥ ΑΓΓΛΟΥ ΕΠΙΣΚΟΠΟΥ ΣΑΤΙΣΒΟΥ ΣΙΣΤΗΝ ΠΡΩΤΗ ΤΗΝ ΗΜΕΡΑΝ ΤΗΣ ΕΞΑΚΜΗΣ ΕΠΕΤΕΙΝΑΡΙΟΝ :

ΚΑΡΥΝ ΣΤΟΙΧΑΣΙ ΟΤΙ ΤΟΥ ΣΑΥΑΡΙΑΤΗΝ ΨΗΛΟΤΕ
ΑΠΟΣΤΑΥΡΗΤΟΣ ΣΦΗΝΗΤΟΣ ΤΟΙΣ ΟΡΕΣΑ ΟΥΡΑΤΣ
ΟΟΤΙΣ ΠΡΟΤΗ ΔΗΥΘΟΝ, ΑΥΤΗ ΔΗΙΟΤΕΡΟΑΥΤ
ΠΡΟΦΗΛΙΑ ΟΡΗΛΑΤΟΣ ΑΠΟΘΗΝΑΙ ΤΟΙΣ ΟΥ ΟΙΩΝ
ΥΑΡΙΑΙ ΨΟΣ ΤΟΙΣ ΤΡΑΥΔΑΙΣ ΟΥΑΥΤΕΙΣ ΟΥΛΑ
ΤΟΥ ΔΕ ΤΟΣ ΣΤΑΒΡΟΧΥΤΟΣ ΟΥ ΑΥΡΟΣ ΔΡΑΥ ΤΑ ΔΗΝΑΥΡ
ΑΥΑΔΕΚΟΝΙ ΦΗΤΗΝ ΟΥΤΕ ΠΡΟΤΕΡΑΙΩΝ ΑΠΟΘΗΝΑΥΡ
ΟΥΛΑ ΟΥ ΔΕ ΚΑΝ ΤΟΥΤΗΝ ΑΠΟΤΗΝ ΤΑΥΤΗΝ ΟΥΛΑ Ο
ΑΔΗΥ ΑΠΟΤΕ ΨΕΡΑΤΗΝ ΤΑ ΔΕ ΤΑΡ ΒΙΟΝΑΥ ΤΟΥΤΗΝ
ΦΕΡΗΤΟΣ ΑΥΛΟΣ ΑΥ ΟΥΤΟ ΔΕ ΤΟΥ ΜΕΤΡΗΤΟΣ ΑΥ ΟΥ
ΛΑΙΟΣ ΦΙΛΟΤΡΟΦΟΣ ΣΤΑΔΙΛΙΑ ΤΑΥ ΤΟ ΦΕΡΗΤΟΣ
ΑΠΟΣΤΑΥΡΟΣ ΤΗΣ ΟΥΡΑΙΩΝ ΤΟΥΤΗΝ ΑΥ
ΑΔΩΜΥΤΣ ΒΑΤΑΥ ΤΗΣ ΕΡΤΟΡΗΝΑΙ ΑΥΡΑΥ ΟΥ
ΚΑΡΥΝ ΣΤΑΔΙΑΙ ΗΔΙΛΑΤΟΥΡΗΡΟΥ ΦΕΡΟΥ ΤΟΥΤΗΝ
ΔΕ ΤΑ ΔΗΝΑΥ ΒΟΙΔΟΥ ΕΡ ΤΗΝ ΤΕΡΕΡ ΤΟ ΚΑΙ ΔΡ
ΜΕΡΟΣΗΝ ΕΚΟΤΗΛΑΙ ΤΗΣ ΑΥΤΗ ΑΔΑΥ ΚΟΣ ΤΟΙΟΥ
ΥΑΡ ΒΕΤΟΣΥΝ ΔΡ ΛΑΙΩΝ ΔΕ ΚΑΤΗΝ ΟΥ ΚΑΙ ΟΥ ΔΙ
ΜΕΡΑ ΣΒΟΥΙΔΕ ΑΦΛΗΝΑΙ ΟΥΤΗΝ ΑΠΟ ΣΒΟΥΡ ΤΣ
ΤΟΥ ΔΡΟΥ ΤΟΣ ΑΥ ΤΟΥ ΔΕ ΤΟΣ ΔΡ ΟΥ ΜΑΤΑ ΦΕΔΡ ΤΟΥ
ΔΡΗΝ ΔΟΥ ΒΡΑΥ ΦΗ ΟΥ ΔΕ ΒΑΥ ΜΑΝ ΟΥΤΗ ΤΟΥ
ΔΕ ΤΗ ΟΥΤΗ ΟΥ ΜΑΔΗΝ ΤΑΥ ΤΗ ΣΑΛΤΟΥ ΑΦΛΑ ΒΡΟΣ
ΥΑΔΗΤΗ ΒΙΔΡΟΣ ΟΥΑΥ ΤΗ Η ΔΡΟΣ ΑΔΡΟΤΕΡΑ ΤΑΥ

Small handwritten notes or corrections at the bottom of the page.

MTU, греч. 1. X в. А. 1.

На верхнем поле — шифр Лаврской Библиотеки начала XIII в.: βιβλίον τῆς
εργετης Θεωου γ.

Система расстановки книг Лаврской библиотеки

I полка		9 XI в. Жития святых		12 XI в. Жития святых				34 X в. Григорий Нисский		
II полка	5 X в. Иоанн Златоуст	11 X в. Иоанн Златоуст	13 X в. Иоанн Златоуст	16 XI в. Иоанн Златоуст		27 XI в. Иоанн Златоуст	30 X в. Послания Павла с тол- кованиями	? IX в. Григорий Богослов	? XI в. Четверо- евангелие	? XI в. Послания Павла с тол- кованиями
III полка	1 X в. Григорий Богослов	6 XI в. Григорий Богослов с коммента- риями		18 XII в. Патерик	20 X в. Василий Великий		36 X в. Творения св. отцов		50 X в. Григорий Богослов с коммента- риями	60 XI в. Григорий Богослов с коммента- риями
IV полка	4 XI в. Деяния апостолов		? XI в. Сборник философских сочинений							
VII полка				16 XI в. Лексикон		? XI в. Максим Исповедник		? XI в. Иоанн Дамаскин		
IX полка	1 X в. Хроника Амартола		10 X в. Пророки с толковани- ями	14 X в. Книги Царей с толкова- ниями	15 X в. Ветхий Завет с толкова- ниями		? X в. Послания Павла с тол- кованиями			
XI полка			10 X в. Псалтирь с толкова- ниями	11 XI в. Жития святых						
XVI полка	1 XI в. Сборник богословских сочинений									
? полка					20 X в. Василий Великий					

здесь лишь несколькими инвентарями имущества греческих монастырей (лучшим из них является инвентарь монастыря Иоанна Богослова на Патмосе), где книги описаны не с точки зрения их научного или культурного значения, а как предмет материальной ценности, как составная часть монастырских сокровищ.²⁴ Однако исчерпаны еще не все возможности, о чем достаточно убедительно, на наш взгляд, свидетельствует даже тот скудный материал рукописей Москвы (до сих пор совершенно неизвестный) и Парижа, который мы привлекли для анализа. Обратить внимание специалистов на помету-шифр первого афонского монастыря и побудить их к исследованию лаврских манускриптов — такова единственная цель настоящей работы.

B. L. Fonkitch

LA BIBLIOTHÈQUE DE LA GRANDE LAVRA DU MONT ATHOS AUX X—XIII SIÈCLES

L'auteur souligne une grande importance du chiffre du début du XIIIe siècle des manuscrits de la Grande Lavra pour la reconstitution de la bibliothèque du premier monastère du Mont Athos. Les problèmes d'acquisition des livres (le scriptorium, les donations, les achats etc.); le dépôt des livres. L'article porte un caractère préliminaire et pousse les chercheurs à l'étude approfondie des manuscrits de Lavra.

древнерусской литературы. *Slavia*, роѣ. III, сеѣ. 2—3, 1924, стр. 336—351; Н. Н. Розов. 1) Из истории Кирилло-Белозерской библиотеки. Труды ГПБ, т. IX (12), Л., 1961, стр. 177—188; 2) Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. ТОДРА, XVIII, 1962, стр. 294—304.

²⁴ К. Ν. Σάθας. Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη, том. Α, ἐν Βενετία, 1872, σ. 49—51; Ch. Diehl. Le trésor et la bibliothèque de Patmos au commencement du 13e siècle (d'après des documents inédits). *BZ*, I (1892), pp. 488—525; K. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Literatur. 2. Aufl., München, 1897, SS. 508—510; R. Devresse. Introduction à l'étude des manuscrits grecs. Paris, 1954, pp. 93—98; L. Petit. Le monastère de Notre Dame de Pitié. ИРАИК, VI, 1 (1900), стр. 20—24, 114—153; Ив. Дуйчев. Един средновековен библиотечен каталог. Известия на Централната Библиотека при Българската Академия на Науките, кн. I, София, 1959, стр. 97—102; С. Г. Каушишвили. Сведения византийских писателей о Грузии, т. V. Тбилиси, 1963, стр. 240—242.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ГРУППИРОВКЕ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ ПОЛНОГО АПРАКОСА XII—XIV вв.

Для изучения истории народно-разговорных и литературных языков многих народов Европы, некоторых народов Кавказа и Ближнего Востока в качестве одного из основных источников служат древние рукописи, содержащие христианские богослужебные тексты. Общеизвестна, например, в этом отношении роль Библии Вульфила для германских языков, значение переводов Месропа Маштоца для армянского языка, переводов Кирилла и Мефодия, а также последующих восточноболгарских и древнерусских переводов для истории славянских языков.

Благодаря долговечности пергамена, на котором писались эти книги, и вследствие высокой стоимости их¹ до настоящего времени дошло большое число рукописей, содержащих богослужебные тексты и в то же время хранящих многочисленные свидетельства о языковых особенностях конкретных языков и диалектов в разные исторические периоды их развития. Например, в книгохранилищах СССР и Болгарии находится свыше 500 пергаменных книг и фрагментов X—XVI вв. (преимущественно XI—XIV вв.), содержащих различные типы евангелия (см. ниже). По отношению к сохранившимся рукописям того же времени, но имеющим „светское“ содержание, богослужебные рукописи составляют подавляющее большинство,² поэтому значение их как лингвистического источника для древнейшего периода письменности трудно переоценить.

Дошедшие в большом количестве списков богослужебные рукописи каждого отдельного языка или семьи языков нуждаются в классификации и группировке, поскольку ближайшие родственные списки, как правило, содержат особенности одного диалекта, а отдаленные родственные — отдаленных диалектов (на славянском материале — даже разных языков). Поэтому, например, при восстановлении черт языка более древних эпох и разных славянских территорий, на которых совершались переводы или проводились древнейшие редакторские правки, более или менее охватывающие весь текст той или иной богослужебной книги, целесообразно привлекать из обширного рукописного наследия преимущественно представителей отдаленно родственных групп рукописей. Наоборот, ближайшие родственные рукописи целесообразно отбирать

¹ См.: А. П. Каждан, Г. П. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, стр. 132.

² См.: Н. В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель. [Изд. ОЛДП], Памятники древней письменности, № 123, 1897.

из сотен рукописей традиционного содержания³ при изучении относительно поздних диалектных процессов в языке, поскольку то общее, что имеется в этих рукописях, может характеризовать особенности территориального диалекта самих писцов изучаемых близкородственных рукописей.⁴

Таким образом текстологическое исследование, предваряющее лингвистический (также искусствоведческий и пр.) анализ материала конкретной рукописи, может помочь выявить особые данные для характеристики языковых явлений в разных аспектах.

Славянские рукописи евангелия являются вторичными по отношению к византийским, все же некоторые выводы о принципах группировки славянских рукописей могут оказаться небесполезными и для возможных попыток группировки византийских, а может быть, также латинских и других рукописей того же содержания.

Славянский материал заинтересовал византологов еще в конце XVIII в. Как писал И. Е. Евсеев, издатели „греческого текста ветхого завета (1798—1827) Холмз и Парсонз пытались через профессора Маттеи ознакомиться в московской Патриаршей библиотеке, наряду с греческими рукописями, и с славянским текстом... но... Маттеи славянского языка не знал, и любознательным английским ученым пришлось ограничиться привлечением в свой ученый аппарат только печатного текста московского издания 1759 г. и Острожской библии 1581 г. Перевод и приспособление этого текста к целям издания поручены были издателями двум лицам... знавшим славянский язык... Работа над славянским текстом для этих соотрудников была, видимо, недостаточно привычна: в обратном их переводе с славянского языка на греческий встречаются иногда немалые курьезы, вроде истолкования славянских выражений — добрыя дѣтели — греческим выражением τὰ ἀγαθὰ καὶ δία вместо надлежащего τὰς ἀρετὰς“.⁵

В конце XIX в. славянский материал натолкнул П. Комнина на открытие среди греческих рукописей таких, распорядок текста в которых совпадал с распорядком чтений сербского Мирославова евангелия (ок. 1200 г.) и отличался от распорядка чтений Юрьевского евангелия 1118—1128 г. (ГИМ, собр. Синодальное, № 1003) и других многочисленных славянских рукописей.⁶ П. Комнин писал в связи с этим

³ См.: Л. П. Жуковская. Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник (их значение и методика исследования). Сб. „Исследования по лингвистическому источниковедению“, М., 1963, стр. 20—35.

⁴ При этом, однако, необходимо учитывать, не восходят ли общие черты к древнему общему оригиналу (это выявляется сопоставлением с одним или несколькими отдаленно родственными списками) и не отражает ли общие процессы параллельного развития (это корректируется уже известными данными истории языка и материалом других памятников).

⁵ И. Е. Евсеев. Рукописное предание славянской Библии. СПб., 1911, стр. 3.

⁶ Произошло это следующим образом. Подготавливавший издание Мирославова евангелия сербский ученый Л. Стоянович отметил отличие распорядка чтений этой рукописи от описанного Амфилохием Юрьевского евангелия (Амфилохий. Описание Юрьевского евангелия, 1118—1128 гг. Воскресенской Ново-Иерусалимской библиотеки. С приложением отиснутых резных на пальме букв и заставиц и словаря из него, сличенного с евангелиями XI, XII вв. и 1270 г. М., 1877, стр. 9—29) и от распорядка чтений греческой рукописи XI в. из московской Синодальной библиотеки (по материалам того же издания Амфилохия). Л. Стоянович обратился к русским ученым с просьбой просмотреть славянские тексты петербургских и московских книгохранилищ. А. А. Шахматов, В. Н. Щепкин и Ф. И. Покровский просмотрели 50 рукописей и ни в одной не нашли распорядка чтений, сходного с распорядком Мирославова евангелия. Ф. И. Покровский просил Пантелеймона Комнина проверить эти данные по материалам греческих рукописей, что последний и осуществил. Под-

А. А. Шахматову: „Положительно подобный порядок, как можно судить по упомянутой мною заметке, посланной мне г. Покровским, каков он есть в Мирославском евангелии, я встретил из всех обследованных мною списков и печатных изданий чтений (и их порядочно) только в двух списках, именно в евангелии-апракосе, хранящемся в Библиотеке СП. Духовной академии 985 года и в четвероевангелии импер. Публич. библиотеки XII в. 101».⁷ Несмотря на то что П. Комнин дал только указания общего характера, без перечня самих чтений, все же факт существования среди византийских рукописей таких, в которых представлен особый порядок чтений, должен был бы привлечь внимание византологов и других специалистов. По нашим, возможно неполным, данным, материалы П. Комнина не отразились на классификации рукописей последующими учеными.

Византийские рукописи евангелия долгое время классифицировались по наличию тех или иных особенностей текста и языка, общих для одних групп рукописей и различных для других. Некоторым шагом вперед явилась классификация Г. Содена, в которой он провел хронологический и в самых грубых чертах типологический принципы. Так, Соден разделяет весь рукописный фонд лишь на *διαθήκη*-рукописи, в которых содержится и евангелие, и апостол; *εὐαγγέλιον*-рукописи, в которых содержится только евангелие, и *ἀπόστολος*-рукописи, в которых содержится только апостол.⁸ Распорядок чтений Соденом не учитывается.

Между тем византийские рукописи, как и славянские, дают материал для более подробной классификации, во всяком случае для следующих шагов: 1) разделения рукописей на четыре, расположенные в порядке следования четырех евангелистов, и на апракосы,⁹ в которых текст расположен в порядке следования дней церковного года (первая часть апракоса) и астрономического года (вторая часть апракоса — шестьдесят слов); 2) разделения рукописей апракосов на полные и краткие. Так, можно отметить описанные по составу еще в прошлом веке, с одной стороны, рукопись X—XI в. из бывшего собрания проф. Троицкого (ГПБ, собр. Духовной академии, № Б 1/7), представляющую собой краткий апракос, в котором от пятидесятницы до поста отсутствуют чтения на дни с понедельника по пятницу включительно,¹⁰ с другой стороны, рукопись XI в. из бывшей библиотеки Таврической духовной семинарии — полный апракос,¹¹ в котором в указанном цикле чтений имеются соответствующие тексты на все дни церковного года. В Центральном церковном историко-археологическом музее в Софии хранятся краткий апракос XI—XII в. (№ 299) и полный апракос X в.

робнее см.: [Л. Стояновић]. [изд.]. Мирославѣво јеванђеље. [Белград, 1897], стр. 215.

⁷ Там же.

⁸ H. Soden. Die Schriften des Neuen Testaments in ihrer ältesten erreichbare Textgestalt hergestellt auf Grund ihrer Textgeschichte, Bd. I. Berlin, 1902, SS. 37—38.

⁹ Критику термина *апракос* дал в свое время Н. Глубоковский (Греческий рукописный евангелистарий из собрания проф. И. Е. Троицкого. СПб., 1897, стр. 30, прим.). Несмотря на это, мы широко им пользуемся, так как независимо от значения слова в греческом языке оно широко употреблялось в древних славянских рукописях для обозначения всех лекционариев из Нового завета. Для обозначения же четвероевангелия, расположенного в последовательности четырех евангелистов и даже апостола (!), славянские писцы в древности и в средневековье употребляли слова *тетра*, *тетро*.

¹⁰ Н. Глубоковский. Греческий рукописный евангелистарий из собрания проф. И. Е. Троицкого.

¹¹ А. Иванов. Греческое рукописное евангелие, находящееся в библиотеке Таврической духовной семинарии. Зап. имп. Русского археол. общества, т. I, Новая серия, СПб., 1886, стр. 97—164.

(№ 807); в библиотеке Кирилл и Мефодий (София) имеется полный апракос XIII в. (№ Г-1).

Определение греческих апракосов как кратких или полных не было проведено даже в описании рукописей московской Синодальной библиотеки (ГИМ, собр. Синодальное греческое), осуществленном в свое время Владимиром.¹² Между тем в этом богатейшем собрании греческих рукописей мы находим краткие апракосы VIII в. (№ 42 — по Владимиру 11, № 226 — по Владимиру 10), XI в. (Музейское собрание, № 3645) и XII в. (Музейское собрание, № 3647).

На славянской почве материал славянского евангелия также был подвергнут классификации только на основании сходств и различий в переводе одних и тех же сопоставляемых отрывков текстов. Эта работа была проделана Г. А. Воскресенским.¹³ Однако он не учел того обстоятельства, что вторая редакция его классификации в основных чертах совпадает с классификацией типологической, являясь редакцией полных апракосов.¹⁴ Вообще в отношении метода исследования работы Г. А. Воскресенского не представили нового шага по сравнению с аналогичными европейскими. Это отмечал в своей обширной рецензии и М. Н. Сперанский: „Автор, познакомившись с приемами критики и изучения греческих и вообще иноязычных текстов, приложил их к своему труду по славянским текстам, насколько, разумеется, позволяла разница в материале и его характере... таковы, напр., его рассуждения об образовании вариантов, о приемах их оценки... Конечно, иначе и быть не могло: метод в том и другом случае в общих чертах должен был оказаться одним и тем же в силу сходства как и в характере самого материала, так и в целях труда“.¹⁵

Наши многолетние наблюдения, представляющие лишь незначительный шаг в чрезвычайно трудоемкой, но важной области изучения текстов древних славянских рукописей, позволяют на основании выявленных различий в композиции и содержании и чтений сделать некоторые предварительные заключения о группировке рукописей славянского полного апракоса. Предлагаемые данные относятся лишь к одной части полного апракоса — чтениям от пятидесятницы до нового лета. Группировка основана на тех различиях, которые удалось выявить, с одной стороны, в составе и порядке дополнительных чтений, и, с другой стороны, на основании исчисления порядка дней недели (т. е. начинаются ли чтения, относящиеся к неделе с одним и тем же порядковым номером, с понедельника, субботы или воскресенья). Последний фактор к греческим рукописям, по видимому, отношения не имеет, поскольку в византийской практике семидневная неделя не существовала.¹⁶

¹² Владимир. Систематическое описание рукописей московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, часть первая. Рукописи греческие. М., 1894.

¹³ Г. Воскресенский. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода евангелия от Марка по сто двенадцати рукописям евангелия XI—XVI вв. [Сергиев Посад, 1895].

¹⁴ См.: А. П. Жуковская. О переводах евангелия на славянский язык и о „древнерусской редакции“ славянского евангелия. Сб. „Славянское языкознание“, Изд. АН СССР, М., 1959, стр. 86—97.

¹⁵ См.: Отчет о тридцать девятом присуждении наград графа Уварова. Рецензия М. Сперанского на труды Г. А. Воскресенского. Зап. инп. Академии наук по историко-филологическому отделению, т. III, № 5, СПб., 1899, стр. 67.

¹⁶ Н. Глубоковский отмечал, что счет дней недели в описываемой им рукописи „следует исконной греческой практике, где воскресенье — *χρηστάη* — строго отличается от будничной недели — *ἑβδομας* — в шесть дней и в последнюю не включается“ (Греческий рукописный евангелистари из собрания проф. И. Е. Троицкого, стр. 30—31).

Группировка славянских рукописей полного апракоса XII—XIV вв.

Содержание и распорядок чтений	Семьи мстиславовского типа рукописей				
	имеются чтения на субботу и воскресенье 17-й недели				
	имеются дополнительные чтения и на дни с понедельника по пятницу				
Мирославский тип полного апракоса	Дополнительные чтения на дни с понедельника по пятницу отсутствуют	Добавлены после воскресенья 16-й недели			особый набор чтений вставлен после воскресенья 4-й недели, далее произведены напередника на передника
		полностью повторяют чтения:			
Последовательность дней недели	Цикл чтений оканчивается воскресеньем 16-й недели	15-й недели нового лета	16-й недели нового лета	17-й недели нового лета	чтение среды — Мт. XXIV 29—35, остальные повторяют чтения 17-й недели нового лета
		Семья I.	Семья VII.	Семья X.	
Неделя начинается с субботы.	Семья II.	Семья IV.	Семья V.	Семья VI.	Семья XVI.
Неделя начинается с понедельника.	Семья III.	Семья VIII.	Семья IX.	Семья XII.	Семья XVII.
Неделя начинается с воскресенья.	Семья VI.	Семья X.	Семья XI.	Семья XIV.	Семья XVIII.
	Семья IX.	Семья XII.	Семья XV.	Семья XVIII.	Семья XIX.
	Семья XII.	Семья XV.	Семья XVIII.	Семья XIX.	Семья XX.

Основные данные, полученные на материале более ста рукописей, представлены в таблице. Здесь прежде всего противопоставляются мирославовский тип полного апракоса и мстиславовский тип. Специфика первого была отмечена еще Л. Стояновичем (см. выше). Среди более чем 500 просмотренных древних рукописей евангелия в книгохранилищах СССР и Болгарии мы нашли лишь одну рукопись, имеющую тот же порядок чтений и исчисление дней недели. Это рукопись ГБА, ф. 87 (собр. Григоровича), № 1691. Рукопись эта среднеболгарская, XIV в. Все остальные изучавшиеся нами полные апракосы относятся по последовательности основных чтений к мстиславовскому типу.

Среди мстиславовского типа выделяется класс рукописей, который по древнейшему представителю его — Миялятину евангелию конца XII в. (рукопись ГПБ, Фп 17) — мы называем миялятинским. Для миялятинского класса характерно перемещение чтений на понедельник и последующие дни до пятницы включительно в положение после субботы и воскресенья, им предшествующих. Перестановка эта произошла в результате включения особых дополнительных чтений после воскресенья 4-й недели по пятидесятнице. Эту особенность можно наглядно пояснить, если обозначить чтения на дни недели, следующие непосредственно друг за другом в рукописях мстиславовского типа, буквами русского алфавита, причем использовать прописные для обозначения, субботних и воскресных чтений, строчные — для чтений на понедельник, вторник, среду, четверг и пятницу, а буквами греческого алфавита обозна-

чить пять чтений на дни с понедельника по пятницу в дополнительной неделе, следующей после воскресенья 4-й недели по пятидесятнице в Миялином и других рукописях того же класса. При таком обозначении последовательность чтений до включения дополнительных чтений выражается так:

а б в г д Е Ж з и й к л М Н о п р с т У Ф и т. д.

После включения чтений дополнительной недели эта последовательность нарушается и принимает вид:

а б в г д Е Ж аβγδε М Н з и й к л У Ф о п р с т...

Нашедшие отражение в таблице I—XVIII семьи рукописей мстиславовского типа полного апракоса имеют таких представителей среди многочисленных рукописей XII—XIV вв. и характеризуются следующими особенностями в чтениях от пятидесятницы до нового лета (т. е. до 1 сентября).

Семью I представляет рукопись XIII в., Волоколамское евангелие № 1 (ГБЛ, ф. 113, № 1). Других рукописей полного апракоса, в которых в цикле от пятидесятницы до нового лета дополнительных чтений нет и при этом неделя начинается с субботы и кончается в пятницу, в книгохранилищах СССР и Болгарии нами не выявлено.

Одним из основных представителей семьи II является Холмское евангелие XIII в. (ГБЛ, ф. 256, № 106). К этой семье принадлежит еще несколько рукописей более поздних. Сюда же можно было бы отнести рукопись 1118—1128 гг. — Юрьевское евангелие (ГИМ, собр. Синодальное, № 1103). Однако оно имеет совершенно специфические особенности, которые позволяют предполагать, что эта рукопись появилась на славянской почве непосредственно от тетра.¹⁷ Поэтому Юрьевское евангелие остается вне принадлежности к той или иной семье мстиславовского типа полного апракоса. Семье II тоже свойственно отсутствие дополнительных чтений, но неделя в рукописях семьи II исчисляется начиная с понедельника и кончая воскресеньем.

Семья III гипотетическая. Представителей ее пока не обнаружено. Если же будут выявлены полные апракосы, в которых после воскресенья 16-й недели сразу же следуют чтения нового лета и при этом неделя начинается в воскресенье и кончается в субботу, то такие рукописи должны быть отнесены к семье III.

В семью IV входит, может быть, древнейший из дошедших до нас славянский полный апракос — Мстиславово евангелие 1117 г. (ГИМ, собр. Синодальное, № 1203). В нем и в десятке более поздних рукописей, принадлежащих к этой семье, непосредственно после воскресенья 16-й недели следуют чтения на субботу и воскресенье 17-й недели, а чтения на дни с понедельника по пятницу в этой неделе вообще отсутствуют. Для недель, в которых содержатся чтения на все дни, дни одной и той же недели, имеющей единый порядковый номер, исчисляются с субботы по пятницу.

Семью V, включающую около десятка рукописей XII—XIV вв., возглавляет Добролюво евангелие 1164 г. (ГБЛ, ф. 256, № 103). По составу чтений она подобна предыдущей, но дни недели исчисляются в ней начиная с понедельника и кончая воскресеньем.

¹⁷ Л. П. Жуковская. Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников. Сб. „Исследования источников по истории русского языка и письменности“, изд. „Наука“, М., 1966, стр. 44—76.

Семья VI представлена только Сийским евангелием 1339 г. (БАН, собр. Археограф. комиссии, № 189). Как и двум предыдущим семьям, семье VI свойственно отсутствие чтений на дни с понедельника по пятницу, расположенные после чтения на воскресенье 16-й недели. Дни недели здесь исчисляются начиная с воскресенья и кончая субботой.

В семью VII входят Симоновское евангелие 1270 г. (ГБЛ, ф. 256, № 105) и несколько других. В этой небольшой семье после воскресенья 16-й недели на дни с понедельника по пятницу пишутся чтения, дублирующие чтения тех же дней 15-й недели нового лета. Дни недели в этой семье, как и в семьях I и IV, исчисляются с субботы.

Самой многочисленной является семья VIII: в нее входит около 40 рукописей, датированных рубежом XII—XIII вв. и более поздних, в их числе Галицкое евангелие 1266—1301 гг. (ГПБ, Фп164) и Вуканово евангелие 1201—1208 гг. (ГПБ, Фп182). По содержанию чтений эта семья подобна предыдущей, но дни недели исчисляются в ней начиная с понедельника и кончая воскресеньем.

В семью IX входит менее десятка рукописей, тем не менее она является самой многочисленной из тех, в которых неделя исчисляется с понедельника (т. е. VI и XII), вследствие чего каждая суббота и непосредственно следующее за ней воскресенье принадлежат к разным по своему порядковому номеру неделям. Семью эту возглавляет Полоцкое евангелие XIII—XIV в. (ГПБ, Погод., 12). Дополнительные чтения в рукописях этой семьи, как и в семьях VII и VIII, заимствованы из соответствующих чтений 15-й недели нового лета.

В семью X входит несколько полных апракосов во главе с рукописью ГПБ, Фп19, датируемой XIII—XIV в. Чтения на дни с понедельника по пятницу, следующие после воскресенья 16-й недели, заимствованы в этих рукописях из чтений на соответствующие дни 16-й недели нового лета. Каждая неделя исчисляется в них начиная с субботы.

Более 10 рукописей составляют семью XI, состав дополнительных чтений в которой подобен составу таковых X семьи, но неделя исчисляется в ней с понедельника. Одним из представителей этой семьи можно назвать рукопись ГПБ, Гилф. I, написанную в 1284 г.

Семья XII невелика, в нее входят 2 рукописи XIII—XIV в. (одна из них — ГПБ, Фп166) и одна XIV в. Как и в двух предыдущих семьях, дополнительные чтения в них совпадают с чтениями на те же дни 16-й недели нового лета. Неделя в них начинается с понедельника.

Семья XIII представлена лишь рукописью МГУ (I Ag 80), XIV в. Однако в ней чтения на дни с понедельника по пятницу, следующие после воскресенья 16-й недели, не написаны полностью, а лишь указаны в отсылках к чтениям 17-й недели нового лета. Дни недели исчисляются в этой рукописи с субботы.

Несколько рукописей составляет семью XIV. Возглавляет ее рукопись XIII—XIV в., принадлежащая ГПБ (Фп110). Неделя здесь исчисляется с понедельника. Дополнительные чтения совпадают с чтениями на те же дни 17-й недели нового лета.

Семья XV является гипотетической, так как представители ее в книгохранилищах пока нами не обнаружены. Рукописи этой семьи должны были бы иметь дополнительные чтения на дни с понедельника по пятницу из соответствующих чтений 17-й недели нового лета

(в том числе непременно и на среду); дни недели должны исчисляться с воскресенья.

В семью XVI входят две рукописи XIV в., среди них одна из ГБЛ (ф. 178, № 4432). В этой семье чтения дополнительной недели повторяют чтения на понедельник, вторник, четверг и пятницу 17-й недели нового лета. Но чтения среды в этой семье рукописей — особые: Мт. XXIV 29—35. Дни недели исчисляются начиная с субботы и кончая пятницей.

Семья XVII включает рукописи, написанные, по-видимому, в Ростово-Суздальской земле. Возглавляет ее Переяславское евангелие 1354 г. Эта семья сходна с предыдущей по составу чтений, но неделя исчисляется здесь с понедельника.

Семья XVIII, как и семьи III и XV, пока является гипотетической. В нее должны были бы входить рукописи, в которых при исчислении дней недели с воскресенья дополнительные чтения по содержанию должны были бы совпадать с рукописями XVI и XVII семей.

Семьи XIX и XX внутри мстиславовского типа составляют особый класс рукописей — милятинский. Рукописям милятинского класса присущ совершенно особый (в общих чертах описанный выше) путь получения дополнительных чтений. Число рукописей милятинского класса невелико: с уверенностью можно говорить лишь о четырех.

Другая группировка рукописей намечается на материале чтений нового лета (до поста); третья — в чтениях поста. Еще более специфичны чтения месяцеслова, т. е. расположенные по дням астрономического года.

Окончательная классификация славянских рукописей полного апракоса может быть получена при совмещении частных классификаций. Но мы полагаем, что отмеченные в настоящей статье различия в одном из циклов чтений древнего славянского полного апракоса и пути выявления подобного рода различий сами по себе заслуживают внимания историков древней письменности и представителей других наук, черпающих материал для своих исследований из древних памятников традиционного содержания.

Насколько нам известно, рукописный материал славянских богослужебных книг до сих пор не принимается во внимание в исследованиях соответствующих византийских текстов. Настоящая статья имеет целью не только привлечь внимание к материалу славянских рукописей XI—XIV вв., но и дать информацию об изучении этого славянского материала в источниковедческом плане, поскольку можно предполагать, что разнообразие типов и групп славянских рукописей евангелия в каких-то случаях имеет соответствия в византийских и других рукописях.¹⁸ Тем самым работа может быть полезной для подобного рода изысканий, осуществляемых историками других языков и филологами разных профилей.

¹⁸ Например, состав чтений описанных IV—VI семей рукописей славянского полного апракоса соответствует составу чтений греческого полного апракоса XI в., описанного А. Ивановым (см. прим. 11).

EINIGE ANGABEN ÜBER DIE KLASSIFIZIERUNG
DER SLAVISCHEN VOLLAPRAKOSHANDSCHRIFTEN
DES XII—XIV JH-S

Die slavischen Vollaprakoshandschriften sind ihren inhaltlichen Eigenheiten nach in zwei Typen einzuteilen. Zu dem ersten (Mstislavischen) Typ gehören 150, zu dem zweiten (Miroslavischen)—zwei Handschriften von den über 500 untersuchten Evangelienhandschriften. Diese Einteilung hat ihre Analogie in den griechischen Handschriften des VIII und X Jh-s. Unter den Mstislavischen Handschriften sind wiederum verschiedene inhaltliche Abarten vorhanden. Die Klassifizierung der slavischen Evangelienhandschriften trägt zur Lösung mancher Probleme aus dem Gebiete der Geschichte der slavischen Sprachen bei. Von grossem Interesse sind u. a. die Frage nach der Herkunft der festgestellten Unterschiede zwischen den verschiedenen Handschriftentypen und das Problem der Selbständigkeit der Besonderheiten der slavischen Handschriften im Vergleich zu den griechischen und anderen Evangelienhandschriften.

ПРОФЕССОР Э. ЛЕВИ-ПРОВАНСАЛЬ

(1894—1956)

23 марта 1966 г. минуло десять лет со дня смерти выдающегося французского арабиста Эвариста Леви-Провансаля.

Э. Леви-Провансаль родился 4 I 1894 в г. Алжире. Образование он получил сначала в лицее г. Константины, занимаясь классической археологией, филологией и историей, затем в университете Алжира, где его учителями были арабист Р. Бассэ и специалист по античности Ж. Каркопино. Воздействие последнего сказалось на ранних работах Леви-Провансаля, посвященных латинской эпиграфике (1913 г.).

По окончании университета Леви-Провансаль получил право преподавать арабский язык и литературу, но начавшаяся вскоре первая мировая война и военная служба прервали его занятия арабистикой. После тяжелого ранения при Дарданеллах в 1915 г. его эвакуировали в Египет для излечения.

Пребывание в Марокко, в долине Уарга, куда его посылают по службе в 1917 г., живое общение со страной, знакомство с ее культурой пробуждают в нем арабистические интересы и дают материал для исследований, появляются его первые статьи по этнографии Марокко: *Mûlâi Bûchta-l-Khammâr, saint marocain du XVIe siècle* (1917), *Une liste de surnoms populaires des tribus Djebalah* (1917), *Pratiques agricoles et fêtes saisonnières des tribus Djebalah de la vallée moyenne de l'Ouargha* (1918) и др.

В 1919 г., перейдя на гражданскую службу, Леви-Провансаль несколько месяцев преподавал в лицее г. Танжера. В том же году его назначили профессором арабского классического языка в высшей школе Рабата — *École supérieure de langue arabe et de dialectes berbères* (позже переименованной в *Institut des Hautes Études Marocaines*). Отныне его работа протекала среди таких ученых, как А. Бассе, Ж. Колен, А. Террасс, Р. Рикар. Продолжавшееся общение с малоизученной марокканской арабской средой, заповедником старых традиций и сокровищницей ценнейших рукописей, значительно расширило его научные интересы. При своей необычайной эрудиции и трудоспособности он создает работы по археологии, библиографии, описанию рукописей, историографии. Так, в 1921 г. выходит в свет его большая работа „*Les manuscrits arabes de Rabat*“. В 1922 г. он публикует монографию по историографии Марокко XVI—XX вв. — „*Les historiens des Chorfa. Essai sur la littérature historique et biographique au Maroc du XVIe au XXe siècle*“ — и защищает ее как докторскую диссертацию. Из работ, опубликованных в следующие годы, можно назвать „*Chella: une nécropole mérinide*“ (в сотруд-

ничестве с А. Бассе, 1923), „La recension maghribine du «*Ṣaḥīḥ*» d'al-Buḥārī“ (1923), „Sur un prétendu manuscrit de Tite-Live à Fès“ (1925).

В 1926 г. Леви-Провансаль становится директором Institut des Hautes Études Marocaines и журнала Hespéris, к нему переходит также руководство французским изданием Энциклопедии ислама. В 1927 г. его назначают титулярным профессором Истории арабов в алжирском университете, а с 1930 г. он периодически читает лекции в Сорбонне.

С конца 20-х годов он почти полностью посвящает себя изучению средневековой истории [Ibn Tūmart et 'Abd al-Mu'min, „le faḳīh du Sūs“ et le „flambeau des Almohades“ (Mémorial H. Basset, 1928)].

В 1930 г. Леви-Провансаль обратился к новой для него теме — мусульманской Испании. Большая начитанность, отличное знание источников, накопленные к тому времени наблюдения позволили ему быстро перейти в этой области от мелких заметок к крупным работам. В 1931 г. он издал корпус арабских надписей, сохранившихся на Пиренейском полуострове за период IX—XV вв. (Inscriptions arabes d'Espagne).

Леви-Провансаль одним из первых обратился к разработке социально-экономических проблем мусульманской Испании. В 1931 г. он опубликовал (совместно с Ж. Коленом) „Un manuel hispanique de «ḥisba». Traité d. . . al-Ṣaḳāṭi de Malaga“, „La vie économique de l'Espagne musulmane“. Его замечательная монография „L'Espagne musulmane au Xe siècle: Institutions et vie sociale“ появилась в 1932 г. Это глубокий и тщательный показ экономической жизни государства, его сложной административной системы, значения и места в ней различных социальных слоев.

Годы, проведенные Леви-Провансалем в Марокко, были плодотворны еще и в другом отношении. Там он открыл много уникальных рукописей по ранней истории Северной Африки и Испании, которые затем ввел в научный обиход [Six fragments inédits d' une chronique du début des Almohades (Mélanges R. Basset, Paris, 1925, II)]. Этим было положено начало целой серии открытий других уникальных источников, касающихся Альмохадов, которые выпали на долю Леви-Провансаля. Описывая арабские рукописи Эскуриала (Les manuscrits arabes de l'Escorial. Tome troisième — théologie, géographie, histoire. Paris, 1928), он обнаружил там же несколько совершенно не известных до той поры документов по истории возникновения движения Альмохадов (Documents inédits d'histoire almohade, Paris, 1928). Ученому суждено было еще обнаружить собрание официальных писем первых альмохадских эмиров (Trente-sept lettres officielles almohades. Rabat, 1941; Un recueil de lettres officielles almohades. Paris, 1942).

Из других его наиболее важных находок в Фесе необходимо упомянуть неизвестный ранее третий том хроники Ибн 'Изārī „Ал-Баййāн ал-муғриб“ об эпохе феодальной раздробленности в Испании (Мудук ат-тава'иф) и о династии Альморавидов (Le Kitāb al-Bayān al-muḡrib d'Ibn 'Idārī al-Marrākūši, 1930), неизвестную рукопись „Мемуаров“ последнего правителя династии Зиридов в Гранаде — 'Абдаллāха (Les „Mémoires“ de 'Abd Allāh, dernier roi zīride de Grenade, Madrid, 1936—1940, I—II), часть хроники Ибн Ḥаййāна „Kitāb ал-муқтабис“ о правлении омейядских эмиров Андалусии, которую он широко использовал в своих трудах.

В 1935 г. Леви-Провансаль переезжает из Рабата в Алжир, чтобы возглавить кафедру в университете, сочетая преподавательскую деятельность с исследовательской.

Его труд „Histoire de l'Espagne musulmane“ вышел в 1944 г., а второе издание в трех томах — в Париже в 1950—1953 гг.

Осенью 1944 г. Леви-Провансаль переезжает в Париж. Его деятельность вновь обретает широкий размах, он вскоре становится во главе ряда востоковедных центров. В апреле 1945 г. он возглавил кафедру, специально созданную для него, Institut d'Études de l'Orient Contemporain, а с 1950 г. — Institut des Études Islamiques de la Sorbonne. Вне Франции Леви-Провансаль был еще директором научного центра в Тунисе, где руководил работой молодых арабских ученых. В сотрудничестве с проф. Ш. Пелля и А. Массе он подготавливает второе французское издание Энциклопедии ислама. В связи с издательскими делами он совершает, как и раньше, частые поездки за границу, в том числе в арабские страны, много выступает с лекциями об арабской Испании, участвует в международных конгрессах востоковедов. Из других его крупных научно-организаторских предприятий следует отметить основание им в 1954 г. журнала Arabica.

При всей чрезмерной занятости в последние годы жизни Леви-Провансаль находил время создавать новые ценные исследования по самой широкой и разнообразной тематике — эпиграфике, истории, географии, литературе, экономике. Из опубликованных им в послевоенное время текстов отметим новое издание „Le «Kitāb al-Bayān al-Mughrib» d'Ibn 'Idhāri“, t. I—II, 1948—1951, которое пришло на смену изданию Дози, один из немногих сохранившихся андалузских судебных биографических сборников „Histoire des Juges d'Andalusie intitulée Kitāb al-Markaba al-'ulyā“ d'al-Nubāhī, 1948, и генеалогический трактат Ибн Хазма — „Ḥamharat ansāb al-'Arab“ d'Ibn Ḥazm al-Andalusī, 1948.

Леви-Провансаль оставил большое творческое наследие (около трехсот работ). Со все возрастающим мастерством он расширял пределы своих многотемных изысканий, начав с Марокко, перейдя к Испании и охватив весь мусульманский Запад. Долголетняя работа в Северной Африке, изучение многочисленных арабских источников, особенно вновь открытых, привели его, равно как и группу сотрудничавших с ним ученых, к выводу, что в культурном отношении история мусульманской Испании и берберских областей Северной Африки составляет вплоть до XIII в. единое целое, единый мусульманский Запад, где Испания в X—XI вв. играет преобладающую роль.

Титаническая деятельность этого ученого очень удачно и справедливо названа „бальзаковской“. Его работы сохраняют свою научную значимость по сей день и являются настольными для каждого арабиста, занимающегося Испанией и Магрибом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

Leroy Jules. *Les manuscrits syriaques à peintures conservés dans les bibliothèques d'Europe et d'Orient.* Contribution à l'étude de l'iconographie des églises de langue syriaque. Institut français de Beyrouth, t. LXXVII, Paris, 1964, in f°, pp. 1—495, Album 1—159.

Книга проф. Леруа — результат терпеливого, усидчивого труда многих лет, путешествий и розысков в Европе и на Востоке, труда, который мог быть выполнен и доведен до конца лишь энтузиастом, увлеченным своим исследованием. Много времени и упорства нужно было автору, чтобы изучить иллюминированные сирийские рукописи библиотек Европы — Франции, Италии, Англии, о собраниях которых все же имелись сведения. Его розыски в странах Востока происходили в условиях труднопереносимого климата, жары, дождей, высоких гор, утомительных путешествий.

Рукописи, о которых пишет Ж. Леруа, были им найдены в забытых библиотеках епископств, в безвестных монастырях, о которых он рассказал в другой своей книге „Moines et monastères du Prêche-Orient“.

Характеризуя общее состояние и развитие культуры сирийцев (гл. 1), автор отмечает значение и вклад областей северного Междуречья наряду с собственно Сирией (Антиохия). Стремление к миссии и пропаганде породило у сирийцев, живших в Иране, многочисленные школы, соответственную христианскую литературу, все, что отличало их от персов-язычников (гл. 2). Затем автор обращается к памятникам искусства Сирии из металла и скульптуре (гл. 3). Большое внимание уделено сирийским чашам, Антиохийской в частности, Строгановскому блюду и другим, дается их подробный историко-искусствоведческий анализ. Но им справедливо отмечено, что, несмотря на многочисленные исследования, общего мнения о времени и месте происхождения этих предметов искусства, сирийских во всяком случае, судя по их надписям, не сложилось. Скульптура языческого периода связана с примитивными архаичными христианскими изображениями. Автором отмечены особенности мозаик и фресок Сирии и Месопотамии, среди которых выделены известные Эдесские надгробия и соответственные памятники из Дуры-Еуропося (гл. 4).

Переходя ко 2-й части своего труда, посвященной собственно иллюстрациям рукописей, автор отмечает распространение миниатюры на основании письменных свидетельств в очень раннее время, в частности манихейских (гл. 5). Иллюстрации сирийских рукописей Ж. Леруа разделил на „неодушевленные“, т. е. орнаменты, растительные рисунки, и „одушевленные“ миниатюры. Орнаментальные иллюстрации связаны с рассмотренными выше украшениями чаш с фресками и мозаиками, автор дает им подробное описание (ч. II, гл. 1). Среди этих ранних

кодексов особое место занимают украшения и изображения, связанные с Евсевиевыми канонами, указателями Евангельских чтений, которые вписывались в рамку, в своды колоннады, в пропилеи, как в знаменитой армянской рукописи. Особенно существенной и интересной является часть работы, посвященная описанию рукописей с миниатюрами. Подробный художественный анализ, который автор дает миниатюрам сирийских рукописей, он проводит в тесной связи с другими памятниками христианского искусства, в частности византийскими миниатюрами и иконописью. Особое внимание уделено замечательной рукописи, датированной 586 г. н. э. (897 г. Селевкидов), четвероевангелию каллиграфа Равулы из монастыря мар Иоанна области Бет Загба, находившейся, по мнению одних, в верхней Месопотамии, по мнению других, в северной Сирии (р. 156). Миниатюры этого роскошного кодекса, хранящегося во Флоренции (Лаврент. библиотека, 586), были неоднократно предметом изучения. Автор нашел новые определения и сопоставления, указал на его значение и место среди других памятников. Традиции этих изображений, по его мнению, развились из древних образцов, а их новые формы определили развитие миниатюр и канон изображений на века. И дальше Ж. Леруа анализирует другие рукописи, выявляя их характерные черты, он группирует их и ставит в зависимость от общего развития.

Проф. Леруа видит в сирийской миниатюре провинциальное византийское искусство, но, может быть, лучше говорить о своей собственной, местной, ближневосточной традиции. Автор прав, утверждая, что в первый период развития иллюстрации сирийских рукописей имеют больше общего с греческими, тогда как после IX в. в них есть элементы, сближающие их с арабской мусульманской традицией. Расцвет книжного рукописного искусства сирийцев в XII—XIII вв. Леруа связывает с тем оживлением, которое наблюдается в жизни сирийских монастырей, сумевших укрыться за своими высокими стенами, а затем и примириться с завоевателями.

Труд Ж. Леруа основополагающий, он разрешает ряд проблем и ставит новые задачи, без изучения этой книги нельзя обойтись специалисту по истории искусства Византии и Ближнего Востока. Автор сумел преодолеть труднейшую проблему множественности детально изучаемых им объектов, сделать выводы из разнообразного материала, указать моменты взаимного влияния Византии, Италии, Ближнего Востока в этой особой отрасли искусства средневековья. Удивительны не только глубокая наблюдательность автора и проникновение в самые мотивы творчества этих безвестных художников, но и его редкостная эрудиция.

В изучении сирийской миниатюры и истории рукописной книги Ближнего Востока труд проф. Леруа является важным этапом.

Н. П.

Er. Halkin. *Euphemie de Chalcedoine. Légendes byzantines.* Bruxelles, 1965.

Среди византийских сказаний легенды о Евфимии из Халкедона — одни из самых широко распространенных. Ее мученичество относится к 7-му году консулата Диоклетиана и 5-му году Максимилиана, т. е. к 303 г. н. э. Собор 451 г. происходил в Халкедоне, в базилике, посвя-

щенной ее имени (pp. IX—XI), что послужило в значительной мере распространению ее культа. Известный болландист проф. Ф. Халкэн собрал все виды агиологического материала, посвященного Евфимии, под общим названием „византийские легенды“, расположив их в хронологическом порядке их возникновения (р. XV). Прежде всего автор дает описание изображения мученичества Евфимии, сделанное Астером Амазийским до 410 г. — года его смерти (pp. 1—8).

Второй раздел включает древнейшую версию мученичества, изданную по трем рукописям — Афинской, Ватиканской и Иерусалимской. Два листа из последней рукописи находятся в Ленинграде (Публичная библиотека, греч. 376) (pp. 9—33). Следующие тексты дают краткую версию (pp. 35—49) и две версии „вувлгаты“ обычного текста жития Евфимии в ее дометафрастовской форме (pp. 53—79). В пятом разделе дана история реликвий Евфимии, написанная Константином, епископом Тирским, между 796—806 гг. (pp. 81—106). Далее следует панегирик, составленный Феодором Бестосом до 815 г. (pp. 107—139). Седьмой раздел воспроизводит версию Метафраста (pp. 141—161), восьмой — краткую запись из Менологии (pp. 163—168), девятый — сочинение Макария Макреса о чудесах Евфимии (pp. 169—183).

В приложении дано дометафрастовское прославление Евфимии, сохранившееся в древней унциальной рукописи, являющейся нижним слоем палимпсеста (Vat gr. 1876), прочитанным и публикуемым П. Канар (P. Canart).

Издание выполнено превосходно и по форме, и по существу. Вводные статьи ко всему агиографическому своду и к каждой отдельной его части представляют большой интерес, так как содержат исчерпывающие сведения о времени, происхождении, характере публикуемых текстов. Автор является выдающимся исследователем, глубоко осведомленным как в агиологии, так и во всем объеме такой сложной дисциплины, как византийская литература.

Н. П.

Joseph Nasrallah. *Catalogue des manuscrits du Liban.*

vol. I: Bibliothèque des missionnaires du Saint Paul (Harissa), Bibliothèque du Séminaire de l'Annonciation ('Ain-Traz). Imprimerie St. Paul (Harissa), Liban, 1958, 241 p.

vol. II: Bibliothèque des missionnaires libanais de Dair al-Kreim, Bibliothèque de Dair Mar 'Abda Harharaya, Bibliothèque des moines libanais de Dair al-Banat. Imprimerie Saint-Paul, Harissa, 1963, 292 p.

vol. III: Beyrouth, 1961, VIII, 343 p.

В „Общем введении“ к каталогу (т. I, стр. 9—13) Жозеф Насраллах отмечает роль ливанских монастырей как очагов духовной культуры, где веками бережно хранились, изучались и умножались рукописные богатства. Здесь была представлена литературная продукция многих христианских и мусульманских сект на различных языках (греческом, сирийском, арабском, армянском), одним словом, рукописи отражали в той или иной мере сложную картину исторических судеб страны и ее народа. Автор показывает далее, какими путями оскудевали и разорялись монастырские библиотеки Ливана. Большинство самых древних и ценных рукописей перекочевали в Ватикан и столицы европейских держав. Масовая утечка рукописей была немного приостановлена указом синода

горного Ливана 1736 г. об охране и копировании рукописей, однако и события XVIII—XIX вв. неблагоприятно отразились на монастырских библиотеках: некоторые были разграблены, другие пострадали от пожаров. В XIX и XX вв. американский протестантский и французский иезуитский университеты в Бейруте образовали свои значительные рукописные фонды (имеющие печатные каталоги) также в основном за счет монастырских библиотек. Основанная позднее Ливанская национальная библиотека смогла собрать лишь небольшое число рукописей.

По поручению Французского института в Дамаске Ж. Насраллах предпринял обследование монастырских библиотек Ливана в 1943—1949 гг., однако обработать собранный материал и опубликовать каталог ему удалось лишь в 1958—1963 гг. Общую картину хранения и каталогизации рукописей в Ливане автор обрисовал в начале I тома (стр. 14—35), где он привел ценный перечень библиотек и хранилищ либо со ссылкой на литературу (если фонды были описаны), либо с краткой характеристикой их фондов (если они не каталогизированы).

Таким образом рецензируемый каталог отражает только скудные остатки рукописных богатств монастырей, некоторых учреждений и частных коллекций. Все же следует признать, что описанные в каталоге рукописные материалы представляют значительную ценность в основном для истории христианско-арабской литературы XVII—XX вв., переводной и оригинальной, а автор своим трудом вносит солидный вклад в изучение культурной истории Ливана. Специалисты будут ему признательны за важное справочное пособие.

Структура каталога такова: описания даются по библиотекам, внутри библиотек — по предметно-тематическим рубрикам, внутри последних — по хронологическому принципу. За небольшими исключениями, описаниям фондов каждой библиотеки предпослана историческая справка. Что касается количественной стороны, то т. I содержит 344 описания (209 и 135), т. II — 494 (209, 85 и 200), т. III — 479 описаний рукописей и более 1000 архивных документов. В т. III описаны фонды библиотек архиепископств в Баалбеке (63 ед.), Бейруте (архивные документы), Тире (77), Сидоне (22), монастыря св. Илии Шувайя (36), шувейрского монастыря (216), училища Трех Святителей в Бейруте (31), частных собраний Е. Карамы (7), Д. А'т'тара (13) и Н. Карамы (14).

Следуя общим принципам научного описания рукописей, Ж. Насраллах проводит по всей работе примерно такую схему: порядковый номер по описываемому фонду (в т. III вводится сплошная нумерация); внешние данные (бумага, переплет, размер листа, количество страниц и строк на странице, цвет чернил в тексте и заглавиях); название сочинения в арабской графике, часто дополняемое либо транслитерацией, либо французским переводом; краткое определение сочинения (для анонимных сочинений заменяет название); автор; характеристика сочинения и списка; переписчик; время и место переписки; колофон. Автор не стремится в описаниях к скрупулезному единообразию. В зависимости от особенностей списка он сокращает, расширяет или вовсе опускает те или иные пункты, иногда приводит значительные выдержки из текста, имена передает то в арабской, то во французской форме и т. п. Каждый отдельный том получает порядковый номер независимо от того, сколько он содержит сочинений, фрагментов или документов.

Библиографические ссылки даны в подстрочных примечаниях. Предшествующая литература использована и отмечена с достаточной полнотой; помимо регулярных отсылок к основополагающим трудам по истории арабской литературы, Г. Графа — по христианской и К. Брокельмана — по мусульманской, а также к каталогам и монографиям, особенно ценны

указания на статьи в ливанских периодических изданиях и работы Французского института в Дамаске.

Каталог снабжен указателями трех видов: авторов и переводчиков, названий сочинений, имен переписчиков. Бесспорно, что они облегчают пользование каталогом, указатель сочинений отчасти компенсирует малочисленность перекрестных ссылок при самих описаниях. Указатели в тт. I—II разбиты по библиотекам, а в т. III даны общие указатели.

Описание фондов двух библиотек в т. I производит впечатление исчерпывающего; т. II, как и т. I, включает произведения не только христианских авторов различных исповеданий, но и мусульманских. В т. III Ж. Насраллаха ограничивается исключительно православными (мелькитскими) сочинениями, оставляя в стороне остальные части описываемых им фондов. Он рассматривает каталог как подготовительный этап к написанию труда по истории мелькитской литературы с IX по XIX в. Хотелось бы надеяться, что автор полностью завершит работу по описанию представляющих выдающийся интерес рукописных фондов Ливана.

Каталоги проф. Ж. Насраллаха следует приветствовать как описание редких и очень ценных коллекций Ливана. Из числа описанных в каталоге рукописей следует выделить группу ранних переводов на арабский язык с греческого и сирийского, которые могут иметь значение для изданий этих текстов. Интересны эти арабские переводы и с точки зрения появления новых отвлеченных понятий, утончения мысли и языка арабов. Рукописи и труды позднего времени XVII—XIX вв. существенны как подготовившие оживление, новый этап в литературе арабов, сыгравшей столь важную роль в самоопределении, в новой политической организации арабских государств.

И. Михайлова, А. Халидов.

Travaux et mémoires, I. Directeur Paul Lemerle, professeur à la Sorbonne. Paris, 1965. Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantines.

Том трудов, опубликованный под редакцией неумолимого профессора Лемерля, одно из многих возглавляемых им изданий по византиноведению. П. Лемерль объединяет вокруг себя не только специалистов по истории Византии во Франции, но и является главой международной ассоциации, объединяющей византинистов всех стран, направляющих в эту организацию представителей своих национальных комитетов. Том, предложенный нашими французскими коллегами, содержит интересные и разнообразные исследования, которые привлекают внимание специалистов.

Первой в сборнике помещена работа г-жи Арвелер, ее перу уже принадлежит солидная книга „Византия и море“, здесь же она выступает с исследованием „История и география области Смирны между двумя турецкими оккупациями (1081—1317), главным образом в XIII в.“. Отмечая особое положение области Смирны, ее роль в тысячелетней истории Византии, автор утверждает, что именно область Смирны и Нимфейона была действительным центром, а не Никея, давшая имя новой империи. После хронологического изложения событий автор дает очерк исторической географии византийской Малой Азии (стр. 11—16) и этнического состава области Смирны (стр. 16—28), в которой наряду с греками, с пришедшими крестоносными западными завоевателями были

тюрки и команы. Интересен раздел „Города и сельские поселения“, благодаря привлечению документов он дает живую картину жизни и управления. Автор рассматривает административную деятельность церкви и ее центров (стр. 75—121). Гражданскому и военному управлению области посвящена следующая глава (стр. 123—165), дана прозопография, экскурс о семьях (стр. 167—178), поселившихся в Смирне в XIII в. Приложены карта и индексы, облегчающие использование этого труда.

Тщательное исследование Е. Арвелер, разнообразие привлеченных ею источников могут служить образцом для детального изучения жизни Византии.

Широко известный своими превосходными источниковедческими трудами профессор Дуйчев в этом томе дает „Византийскую хронику 811 г.“, содержащую историю императора Никифора, его похода в Болгарию при Круме и гибель. Издание, выполненное с привлечением новых списков, имеет параллельный французский перевод (стр. 210—216). Комментарий и сравнительный анализ данных других источников, греческих и болгарских, воссоздают живую картину событий этого решающего и для Византии, и для Болгарии года.

Статья профессора Лемерля озаглавлена „Фома Славянин“, тема, неоднократно дебатировавшаяся в византиноведческой литературе, в частности советской. Исследование охватывает все источники и анализирует отдельные версии. Автор приходит к выводу, что было бы заблуждением восстанавливать историю этих событий, опираясь на сообщения то одного, то другого источника. По его мнению, существуют две версии, из которых следует избрать ту, которую он называет „микроазиатской“, как наименее разукрашенную легендами. Далее выделены те факты, которые автор считает несомненными (стр. 284—291). В заключение Лемерль кратко формулирует свои положения: в известной мере он допускает, что восстание Фомы связано с общим брожением в империи периода иконоборчества. „Император справедливый, энергичный, хороший администратор“, Лев V удачно восстановил престиж империи у болгар. Он был убит малоизвестным офицером, полагавшим, что он сможет захватить престол, но против него выступил Фома. Далее развивается конфликт между Фомой и имп. Михаилом, который автор рассматривает как часть столкновений между провинцией и столицей, которые были, однако, не настолько существенны, чтобы продолжаться после поражения Фомы: Михаил был императором в Константинополе, а это решало все. После этих событий для Византии остались три опасности: возбуждение Малой Азии, слабость флота и нападения болгар (стр. 297).

Ж. Гуйар (J. Guillard) назвал свою статью „Ересь в Византийской империи до XII в.“ (стр. 299—322), где дан беглый обзор ересей. Автор указывает на необходимость изучения анафематствований и других частью неизданных документов, а также на необходимость изучать ереси в тесной связи с общей религиозной жизнью империи, ее эволюцией. Справедливо обращено его внимание на распространение неомессалианства и исихазма в монастырях, на проникновение богомилства в низшие слои клира, монашества, в простонародье. К павликианству обратились солдаты войск, расположенных в Малой Азии. Правильно отмечено, что павликианство и богомилство сближала общая для них оппозиция светской власти, привлекавшая к ним социальные группировки недовольных.

„Привилегии церкви эпохи Комнинов: неизданный рескрипт Мануила I Комнина“ названа статья Н. Звороноса, который после подробного анализа документов пришел к выводу, что действия имп. Мануила нельзя рассматривать как политику, направленную на поддержку армии и пронариров за счет церкви. Это была попытка навести порядок в крайне

расстроены финансы государства, причем в первый период царствования Мануила менее всего пострадала церковь, что вызвало конфликты между различными социальными группами, которые император тщетно пытался примирить. В последний период с 1158 г., особенно в годы 1166—1176, подстрекаемый своей политикой на Западе и требованиями враждовавших группировок, Мануил делает более энергичные попытки их подчинить. Нам представляется, что автор недостаточно учитывает социальный момент, борьбу за главную производительную силу — землю и за крестьянина — между группами господствующего класса, тогда как он сам признает, что имел место ничем не прикрытый захват государственных и частных земель вопреки законности. Но верно положение автора, что эти явления объясняют реакцию Андроника и его трагическую гибель (стр. 382—383).

Статья Астриюка (Charles Astruk) посвящена разбору и анализу рукописной традиции светских сочинений Феодора II Ласкариса (стр. 395—404), представляющих интерес для их издания.

Якоби (D. Jacoby) рассмотрел состояние фискальной системы Пелопоннеса в XIV—XV в., так называемый „зоватикум“, и пришел к выводу, что после захвата византийских территорий Венецией фискальная система в основном была сохранена и крестьянство не испытало значительных изменений (стр. 405), но эта система была отчасти приспособлена к особенностям государственного устройства Венеции. Установленный режим допускал, чтобы фискальные обязательства временно, иногда постоянно становились достоянием частных лиц — „privatisation“, поэтому барщина, поставка соломы и сена лежали только на государственных крепостных, вилланах, тогда как остальное крестьянство было от этого избавлено (стр. 420).

Верпо (J. Verreaux) остановился на рассмотрении иерархической лестницы должностей Палеологов (стр. 421—437). Г-жа Балдицеану (Baldiceanu-Steinherr) рассмотрела значение турецких хроник для истории взятия Адрианополя турками.

Даже краткое ознакомление с богатым содержанием этого сборника может представить интерес для специалистов. Нельзя не отметить общую характерную черту сборника — превосходное знание источников, положенных в основу каждой статьи, привлечение рукописных фондов авторами и тщательно подобранной библиографии. Будем надеяться, что за I томом последуют другие, такие же интересные и значительные.

Н. П.

ХІІІ ВИЗАНТИЙСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС В ОКСФОРДЕ 5—10 СЕНТЯБРЯ 1966 г.

Изучение истории и культуры Византии заняло настолько выдающееся положение среди других отраслей исторических наук, что Международный комитет византинистов, в который входят члены национальных комитетов византинистов разных стран, стал организовывать свои конгрессы каждые 5 лет.

ХІІІ Международный конгресс византинистов происходил в старейшем университете Англии, в Оксфорде. Основной темой конгресса, которой были посвящены пленарные заседания, была история ХІ в. Византии. На секционных заседаниях были заслушаны доклады, посвященные другим разнохарактерным темам. На пленарных заседаниях

среди других сообщений были заслушаны доклад об „Отношениях Древней Руси и Византии в XI в.“, представленный гг. Литавриным, Кажданом и Удальцовой, и доклад А. Банк „Прикладное искусство Византии в XI в.“.

На первом пленарном заседании выступил с докладом на немецком языке академик Венгерской академии наук Д. Моравчик, в котором он очень интересно развивал вопрос о миссии греков среди тюркских народов, чему в другой связи придавал большое значение и проф. Кондураки. Содокладчик проф. Людольф Мюллер (Тюбинген) вернулся к вопросу о крещении Руси без учета работ наших отечественных ученых и не дал ничего нового. Взяв слово на немецком языке по докладу проф. Моравчика, я отметила, что византийская миссия не была только греческой, в ней принимали участие другие народы, в частности сирийцы, и привела примеры их деятельности среди эфталитов в областях Средней Азии.

Пленарное заседание 8 сентября проходило на французском языке и было посвящено вопросам агиографии, его открыл известный ученый болландист Халкэн, который выдвинул тезу о доминирующей роли греческой агиографии, создавшей этот вид литературы, давшей ее мировые образцы. Содокладчики г-жа Фоллиери и проф. И. Дуйчев остановились на зависимости западной агиографии от греческой и славянской — от византийской. Со своей стороны я выступила и отметила, что византийская агиология включает, как и ее литература, произведения на разных языках. Я остановилась на значении сирийской агиографической литературы, которую так высоко ценил такой замечательный исследователь, как Поль Пеетерс, напомнила о житиях чисто сирийского происхождения, как „Учение апостола Аддая“ или „Хождение апостола Фомы в Индию“ и ряд других, известных по древним сирийским рукописям V, VI вв., которые мы тщательно бережем в наших библиотеках. В Византии агиография, как и вся литература, развивалась на языках разных народов, входивших в состав империи и оказывавших взаимное влияние.

7 сентября на секции „Литература и математика“ я прочитала свой доклад на английском языке — „Хронограф Феофана и сирийские хроники“, который получил положительную оценку г-жи Фоллиери на заседании, а также в последующих беседах как представляющий новое и интересное в изучении исторической литературы Византии.

8 сентября на заседании секции „Законодательство и палеография“ я несла обязанности председателя совместно с профессором Броунингом (Лондон) и делала резюме докладов. По докладу профессора Политиса (Афины) я выступила, дав высокую оценку его трудной и инициативной работе по разысканию древних рукописей и документов в малых городах и селениях Греции, в которых он обнаружил много новых и ценных материалов. Профессор Политис представил фотографии автографов и документов, среди которых особый интерес представляют два пергаменных листка из знаменитого *Codex purpureus graecus*. Два листа из этого кодекса до того, как он поступил в Государственную публичную библиотеку в Ленинграде, были известны в Ватиканской библиотеке и один лист в Британском музее, проф. Политису удалось найти еще два листа этого замечательного кодекса, сомнения в этом не могло быть. Высказанное мнение доставило автору доклада большое удовольствие.

Вместе с другими членами Национального комитета византистов Советского Союза мы принимали участие в заседаниях Международного комитета византистов, который составляют представители всех на-

диональных комитетов отдельных стран. Международный комитет возглавляет член Французской академии надписей профессор Лемерль, секретарями комитета являются профессор Закитинос и г-жа Гликатци-Арвелер. Ежегодные бюллетени информируют об общих организационных вопросах комитета, о составе его участников и т. п. Ближайший конгресс византинистов будет иметь место в Бухаресте (Румыния) в 1971 г. по предложению профессора Кондураки. В 1970 г. в Москве на конгрессе историков предполагается большая секция по истории Византии и по истории византийского искусства. В 1968 г. предполагается созвать в Афинах совещание Международного комитета для подготовительной работы. Следует отметить, что большое значение имели частные, личные встречи, живой обмен мнениями, дружественные беседы. Наши коллеги всех национальностей встречали нас хорошо, и было достигнуто взаимное понимание как в области научно-исследовательской работы, так и просто человеческой. Я бы позволила себе сказать, что наша делегация, ее члены, имели успех научный, политический и личный, способствуя таким путем тому, что является важнейшей задачей конгрессов вообще и задачей советских ученых.

Н. Пигулевская.

F. Altheim und R. Stiehl. *Die Araber in der alten Welt, II Bd.* Berlin, 1965.

Второй том «Арабов в древнем мире» открывается введением, в котором авторы особое внимание уделяют тому, что высокий уровень науки у арабов в средние века опирался в сущности на очень узкий круг. Они ставят поэтому своей задачей показать, как разнообразны и глубоки были культурные связи арабов.

1-я глава посвящена вопросу о книгохранилище Серапейона, а 2-я — Александрийской библиотеке и найденному новому фрагменту Демокрита. В следующих главах (3, 4, 5) внимание уделено попыткам Рима ознакомиться и проникнуть на восток. «Начало Мандеев» (гл. 6) написана Р. Манухом. История этой замечательной секты, веками сохранявшей свои архаичные традиции седой старины, позволяет раскрыть основы древней культуры. В 7-й главе — Хатра и Ниса — выявлены арабская и армейская основы сохранившихся в них древних надписей.

Главы 8, 9, 10 — экскурсы по истории Ближнего и Среднего Востока III—IV вв. н. э., ирано-армейские связи, провинции Ирана, возвышение Пальмиры и возникновение государства Аксума, которому было суждено сыграть важную роль в истории Южной Аравии.

В общей картине жизни Ближнего Востока рассматривается вопрос о торговле шелком, в которой, по мнению авторов, была значительная роль Мероэ, с падением этого государства прекратилась и эта торговля (11 г.). Это не совсем правильно ввиду того, что инициатива перешла в руки других государств. Торговля никогда не прекращалась, а лишь замирала ввиду затруднений в передвижениях и возобновлялась.

Гл. 12 «Арабы у границы восточноримской и персидской границ в IV в.» пересматривает посвященные этому веку главы нашего исследования «Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв.». С попыткой прочитать иначе надпись Марулькайса, догадки, которые делают авторы

о его положении между Византией и Ираном, произвольны, с ними согласиться нельзя, как и с дополнительными соображениями по поводу царицы Мавии, сведения о которой были даны нами исчерпывающим образом. В арабском переводе Бытия, 1—3 авторы видят древнейший христианско-арабский текст (гл. 13), со своей стороны добавим, что христианско-арабские надгробия много древнее, как и сохранившиеся фрагменты арабских переводов с сирийского Нового завета.

14-я глава связана с 12-й, так как она продолжает трактовать положение арабов в Иране при Шапуре II. Следующая глава (15) возвращается к проблемам филологическим, она посвящена «Началу арабского письменного языка» и пытается наметить появление отдельных арабских слов в ближневосточных надписях.

В разделе приложений помещена статья И. Вольского «Аршак II и генералогия первых Артакидов» (прил. 1), в основу которой положен текст Трога Помпея. И. Рехорк (прил. 2) рассматривает «стихотворные восхваления» времен Августа, появившиеся в изобилии в латинской литературе.

Приложение 3 является рецензией на работы последнего времени, посвященные вопросу о гуннах и тюрках, их этническим и языковым особенностям. И. Рехорк (прил. 4) возвращается к вопросу о времени создания греческого акафиста. Е. Лозован дал очерк «От Балтийского моря к Черному» (прил. 5), в сущности о великом пути из варяг в греки, причем он привел новые и интересные материалы об этнической принадлежности принимавших участие в передвижении, путешествии, торговле вдоль этого пути, а также о положении и значении его для русских княжеств.

Положительная рецензия Р. Кнаповского на «Историю римского народа» Хейхельхейма и Иео (F. M. Heiöhelheim und C. Yeo. A History of the Roman People. Prantice — Hall, 1962) составляет 6-е приложение. Приложение 7-е содержит исправления и дополнения проф. Альтхейма к чтению писем Аршама, предложенных проф. Харматта (Венгрия).

Рецензируемый том является сборником статей по вопросам истории и филологии Востока на склоне античности. Как и всегда, в статьях проф. Альтхейма и проф. Штиль много новых интересных мыслей, соображений, с которыми, может быть, не всегда можно согласиться, но которые вызывают ответ. Но эти статьи не составляют глав единой, задуманной темы. Некоторые статьи связаны лишь слабо с вопросом об арабах, а иные и совсем не связаны, но каждая не лишена интереса для общей истории и истории культуры.

Н. П.

Pseudo-Kodinos. *Traite des offices.* Introduction, texte et traduction par Jean Verpeaux.

Новая серия изданий французских византинистов «Византийский мир» (Le monde Byzantin) под редакцией проф. П. Лемерля открывается публикацией «Трактата о службах», приписываемого псевдо Кодину. Текст, французский перевод и обстоятельное введение подготовлены безвременно умершим доктором филологии Жаном Верпо. Названный трактат неоднократно издавался, переводился и был предметом исследований. Новое издание основано на тщательном исследовании всех сохранив-

шихся рукописей трактата, число которых достигает 60, дает его критический текст и новый французский перевод, вслед за переводом проф. Гюяна.¹ Верпо устанавливает первоначальный состав памятника, который касался лишь дворцовой жизни, церковные данные являются позднейшим дополнением. По содержанию этот анонимный трактат соответствует сочинению Константина Порфирогенита «О церемониях византийского двора». Автор анонимного трактата принадлежал к числу придворных или лиц, занимавших имперские административные должности. Время составления определяется данными об утверждении себастократоров Иоанна и Мануила Азан в 1347 г. и 1368 г., годом канонизации Григория Паламы, о чем во 2-е воскресенье Православия в Трактате не упоминается (р. 29). Анализируя параллельно главу 41-ю первой книги Истории Кантакузина и Трактат, издатель приходит к выводу, что ими были использованы независимо друг от друга одни и те же источники, им хорошо известны события времени первых Палеологов. Наряду с официальными документами в Трактате использованы непосредственные личные впечатления, некоторые устные традиции (р. 36—37), его основной темой и целью была запись церемониала, который дается им с протокольной точностью (р. 38—39).

С большой тщательностью автор устанавливает типы рукописей двух классов, в зависимости от их состава, он дает таблицу последовательной переписки рукописей, их типы и образцы. Приложен терминологический указатель. Это прекрасное издание несомненно заслуживает комментария, который лучше всего мог бы дать сам издатель. Хотелось бы отметить особый интерес отдельных глав трактата. Порядок званий и обязанности носящих их (III) имеют значение для их определения, это табель о рангах (I). Для археологических исследований неопределимое значение имеет описание отличий одежды (II). Обычай и порядок участия императора в дни праздников представляют интерес в различных аспектах (IV, V). Что касается службы великого domestика в армии, то многие подробности здесь весьма поучительны, например большое значение имеет распределение военной добычи (*τὸ κοῦρσοζ*), в которой доля императора составляла одну пятую (*δίδεται ἡ πενταμοῖριά λόγῳ τοῦ Βασιλέως* — р. 251).

Церемония венчания императора, поставления или выдвижение (*πρόβλησις*) деспота, себастократора или цезаря описаны подробно. Имеются и материалы для представления о том положении, которое занимала «царская невеста» (XII), или как носил траур император (XI). Новое издание несомненно вызовет и новые исследования многих тем, которые затронуты этим интересным памятником.

Н. П.

¹ Byzantion, XVIII (1948); Byzantinoslavica, XIII (1952/3); XV (1954); XVI (1955).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Р. А. Грибов. Tebibtum в текстах из Мари	3
О. Д. Берлев. Египетский военный флот в эпоху Среднего царства	6
М. Н. Боголюбов. Почетный титул ахеменидского военачальника в Верхнем Египте	21
И. С. Кацнельсон. Сельское хозяйство Напаты и Мероэ	26
М. А. Дандамаев. Храмовые земледельцы в поздней Вавилонии	41
А. Г. Лундин. К возникновению государственной организации в южной Аравии	50
А. И. Колесников. Две редакции письма Мухаммеда сасанидскому шаху Хосрову II Парвизу	74
В. Н. Залесская. Византийский votивный памятник в собрании Эрмитажа и его прототипы	84
Н. Пигулевская. История Нисибийской академии	90
А. В. Пайкова. О происхождении древнесирийской версии сборника „Калла и Димна“	110
Г. Г. Мелконян. Армянский перевод „Жития Мар-Авгена“ (из источников Фавста Бузанда)	121
А. Н. Тер-Гевондян. Новая арабская редакция Истории Армении Агафангела	125
Р. А. Гусейнов. Сельджукская военная организация	131
Е. Э. Гранстрем и В. С. Шандровская. Краткая неопубликованная хроника о турках из собрания Государственной публичной библиотеки в Ленинграде	148
В. Лихачева. Две иконы архангелов из Верхней Сванетии	160
Б. Л. Фонкич. Библиотека Лавры св. Афанасия на Афоне в X—XIII вв.	167
Л. П. Жуковская. Некоторые данные о группировке славянских рукописей полного апракоса XII—XIV вв.	176
К. А. Бойко. Профессор Э. Леви-Провансаль (1894—1956)	185
Библиографические заметки и сообщения	188

CONTENTS

	Page
R. A. Gribov. Tēbibtum in the texts of Mari	3
O. D. Berlev. Egyptian navy in the Middle Kingdom	6
M. N. Bogolyubov. Honorary title of the Achaemenian commander in Upper Egypt	21
I. S. Katznelson. Agriculture of Napata and Meroe	26
M. A. Dandamayev. Temple cultivators in the late Babylonia	41
A. G. Lundin. Rise of the state organization in the South Arabia	50
A. I. Kolesnikov. Two versions of Muhammad's message to Sassanian king Xosrow II	74
V. N. Zaleskaya. A Byzantian ex-voto in the Hermitage collection and its prototypes	84
N. Pigulevskaya. History of the Nisibis Academy	90
A. V. Paykova. Origin of the Old-Syriac version of the book „Kalila wa Dimna“	110
G. G. Melkonian. The Armenian version of the „Life of Mar-Avgen“	121
A. N. Ter-Gevondyan. New Arabic version of Agathangel's „History of Armenia“	125
R. A. Guseynov. Seldjuk military organization	131
E. E. Granstrom, V. S. Shandrovskaya. An unpublished abridged Chronicle concerning the Turcs in the Collection of the State Public Library in Leningrad	148
V. Likhatcheva. Two icons of archangels from the Upper Svanetia	160
B. L. Fonkitch. Library of the St. Athanasius monastery in Athos in the X—XIII centuries	167
L. P. Zhukovskaya. Some data concerning grouping of the Slavonic manuscripts of XII—XIV centuries	176
K. A. Boyko. Professor E. Levy-Provençal	185
Bibliographical notes and communications	188

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК. ВЫП. 17 (80)

Утверждено к печати Российским палестинским обществом Академии наук СССР

Редактор издательства Р. К. Пазле Технический редактор А. В. Смирнова
Корректоры Е. В. Вивчар, Э. В. Коваленко и Н. П. Яковлева

Сдано в набор 13/IV 1967 г. Подписано к печати 27/X 1967 г. РИСО АН СССР № 184—110В. Формат бумаги 70 × 108^{1/16}. Бум. л. 6^{2/16}. Печ. л. 12^{1/2} + 1 вкл. (1^{1/2} печ. л.) = 17.67 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 17.53. Изд. № 3349. Тип. зак. № 180. М-22969. Тираж 1500. Бумага типографская № 1.
Цена 1 р. 11 к.

ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
72	7 сверху	I тысячелетия н. э.	I тысячелетия до н. э.
72	9 "	с III в. до н. э.	с III в. н. э.

Палестинский сборник, вып. 17 (80)

